Сибирское отделение Российской академии наук

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Взгляд молодых учёных

Сборник научных трудов

Новосибирск, 2022

Министерство науки и высшего образования РФ
Гуманитарный институт
Новосибирского государственного университета
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Автономная некоммерческая организация поддержки и развития
гуманитарных исследований «Свободные науки»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Сборник научных трудов

Новосибирск
2022

УДК 930:001.8
ББК 63.3(2)+63.3(0):63.1
А 437
doi:10.31518/978-5-4437-1407-3

Сборник утверждён к печати
Учёным советом Института истории СО РАН

Редколлегия
канд. ист. наук Д.О. Никулин (отв. редактор),
канд. ист. наук С.В. Шарапов (отв. секретарь), А.А. Калашников, А.В. Кучук,
канд. ист. наук Н.А. Потапова, канд. ист. наук М.А. Резникова,
канд. ист. наук В.А. Слугина, канд. ист. наук Д.А. Сосницкий,
канд. ист. наук Д.Ю. Хоменко

Рецензенты
д-р ист. наук К.Д. Бугров,
канд. ист. наук Д.Л. Шереметьева

А 437 **Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных:** сборник научных трудов / редкол.: Д.О. Никулин (отв. ред.), С.В. Шарапов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2022. – 394 с. – URL: http://www.doi.org/10.31518/978-5-4437-1407-3

ISBN 978-5-4437-1407-3

Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной. Статьи сгруппированы в пять тематических блоков: источниковедение и историография; проблемы взаимоотношений общества и власти в мировой истории; история культуры; история международных отношений и военного дела; социально-экономические процессы в мировой истории. Сборник издан по результатам Всероссийской молодёжной научной школы-конференции с международным участием, состоявшейся в Новосибирске 8–11 сентября 2022 г. Авторы статей – студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники из России и зарубежья в возрасте до 35 лет включительно. Издание рассчитано как на профессиональных исследователей, так и на всех интересующихся историей.

УДК 930:001.8
ББК 63.3(2)+63.3(0):63.1

© Институт истории СО РАН, 2022
© Новосибирский государственный университет, 2022
© АНО «Свободные науки», 2022

ISBN 978-5-4437-1407-3

Содержание

От редколлегии ……7–8

Источниковедение и историография

Т.К. Холматов
Рецензия как вид историографических источников ……10–17

М.М. Дробышева
О специфике древнерусских поминальных граффити ……18–26

А.С. Цветкова
Причины появления термина «Стальной двор»:
анализ зарубежной историографии ……27–33

Д.Ю. Балаганова
Д.Ю. Балаганова«Цветник аввы Дорофея» (1787 год):
опыт реконструкции истории появления книги
в старообрядческой библиотеке ……34–38

Д.С. Герасимов
Христианизация Кореи в отечественной историографии:
миссионерство или прозелитизм? ……39–47

А.Н. Яковлев
Жизнь населения юга Дальнего Востока в годы Первой мировой войны
в работах дальневосточных историков ……48–55

Д.Н. Канева
История ижемской районной газеты: основные этапы развития ……56–63

Там Хок Чиу
Внешняя политика СССР накануне
Второй мировой войны глазами китайских историков:
краткая историография проблемы ……64–72

К.С. Ланкова
Источниковые возможности газеты «Ханкайский ударник»
для изучения повседневной жизни местных жителей
в годы Хрущевской оттепели (1953–1964) ……73–83

А.Р. Жамалутдинов
Трансформация исторического сознания
в период перестройки в СССР (1987–1991 год) ……84–92

Д.Д. Копанева, А.Н. Копанев
Видеоигры как исторический источник: к постановке вопроса ……93–100

Проблемы взаимоотношений общества и власти

А.А. Ефимов
История рассмотрения петиций
о затоплении территорий Егерской слободы Петергофа:
взаимодействие жителей с властями и предпринимателями ……102–112

А.В. Филимонов
Диалог власти и общества в начале XX века:
взаимоотношения Главного управления Алтайского округа
и Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела
Императорского Русского географического общества ……113–124

П.О. Саввинов
Представления о транспортной инфраструктуре в коммуникативном
пространстве мировых судей Якутии (конец XIX – начало XX века) …125–134

Ф.М. Крученов
Отношение российского «образованного общества»
к революционному терроризму в начале XX века ……135–151

Д.О. Никулин
Меры Бердского волостного правления по выдаче пособия
и иной помощи семьям военнообязанных в 1914–1916 годах ……152–162

И.А. Концевой
«А не пора ли нам прогнать их…?»: конфликты большевиков
и левых эсеров в Крестьянской секции ВЦИК
(первая половина 1918 года) ……163–172

Т.М. Петрова
Оценки деятельности Н.С. Хрущева в советских
«письмах во власть» (конец 1950-х – начало 1960-х годов) ……173–180

Е.С. Чекункова
Этнический фактор в современном японском
политическом процессе ……181–190

История культуры

Д.С. Шабанова
Коллекция няньхуа Л.И. Шренка:
история формирования и бытования ……192–200

К.А. Беспалова
Франко-русские/франко-советские культурные контакты
в области кино в 1895–1935 годах ……201–209

А.С. Шестопалова
Празднование 200-летия Полтавской битвы:
опыт Императорского Русского военно-исторического общества ……210–219

Д.А. Сосницкий
«Самый человечный человек» и «чистый восточный диктатор»:
В.И. Ленин и И.В. Сталин в современной российской прессе ……220–230

История международных отношений и военного дела

Т.Е. Белоруссова
Предпосылки политических союзов между латинянами
и греками Пелопоннеса на рубеже XIII–XIV веков ……232–240

Б.Х. Кушхов
Политика русского царства по отношению к ойратам
в первой половине XVII века: «divide et impera»? ……241–248

Д.О. Манин
Столкновение русской и французской дипломатии в Речи Посполитой
в 1650–1660-х годов: особенности, перспективы, результаты ……249–258

Д.А. Письмак
Судопроизводство по делам об имущественны
и должностных преступлениях в частях
Сибирского корпуса во второй половине XVIII века ……259–267

А.А. Мордзилович
Баварский корпус гражданской самообороны как защита от большевизма:
взгляд нунция Эудженио Пачелли ……268–276

С.А. Давыдов
Влияние закона «О национальной защите» на внутреннюю политику
Турецкой Республики в период Второй мировой войны ……277–286

Е.С. Зиновьев
Развитие концепции послевоенного мира
в документах Антигитлеровской коалиции ……287–296

И.С. Хлудов
Интернационализация Алжирской войны (1954–1962 годы) ……297–306

К.К. Пилипилиади
Влияние стран-членов НАТО и негосударственных акторов
на политику расширения Альянса в постбиполярный период ……307–317

А.В. Котик
Фактор многосторонности (многовекторности)
во внешней политике Республики Казахстан в 2014–2022 годах ……318–326

Проблемы социально-экономического развития

Ю.А. Зноско
Исследовательский потенциал и практическая значимость изучения
динамики церковно-административного деления
Западной Сибири конца XIX – начала XX века ……328–338

А.А. Калашников
«Правильного и точного годового отчета немыслимо дать…»:
годовые отчеты лесничеств как источник оценки доходности
земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1918 годах …339–349

С.В. Костерин
Система эмигрантских организаций помощи голодающим
в начале 1920-х годов ……350–366

О.В. Ильиных
Коммерческая реклама в газете «Советская Сибирь»
в условиях нэпа (1921–1925 годы) ……367–376

С.В. Шарапов
Заготовки зерновой и животноводческой продукции
в колхозах Новосибирской области
в годы Великой Отечественной войны ……377–387

Сведения об авторах ……388–393

От редколлегии

8–11 сентября 2022 г. в Новосибирском Академгородке состоялась очередная Всероссийская молодёжная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных». Организаторами школы-конференции выступили Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет и АНО «Свободные науки». Молодежная конференция проводится Институтом истории с 2003 г., а под своим нынешним названием – с 2011 г.

В мероприятии традиционно принимают участие молодые ученые из крупнейших научных центров России. В этом году Оргкомитет получил 82 заявки от студентов, аспирантов и соискателей, кандидатов наук и молодых учёных без степени в возрасте до 35 лет. По результатам научного отбора в программу было включено 62 доклада молодых историков из Барнаула, Великого Новгорода, Владивостока, Екатеринбурга, Иркутска, Магнитогорска, Москвы, Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Твери, Томска, а также из Цзинаня.

Ключевой частью работы школы-конференции были секционные заседания по пяти тематическим направлениям: «Источниковедение и историография», «Общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений», «Социально-экономические процессы в мировой истории», «История культуры», «История международных отношений и военного дела». В настоящем сборнике опубликовано 38 статей, подготовленных на основе докладов, представленных на конференции. Статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории и репрезентуют исследования, выполненные на стыке истории и других дисциплин – социологии, политологии, экономики, культурологии.

В рамках конференции наряду с секционными заседаниями была проведена научная школа «Исторический источник: проблемы выявления и интерпретации», представлявшая собой серию лекций, посвящённых проблемам источниковедения на современном этапе развития. В качестве приглашённых экспертов выступили заведующий

лабораторией истории древнего мира и средних веков, доцент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета д-р исторических наук В.Л. Портных, старший научный сотрудник Института истории СО РАН канд. ист. наук Д.А. Ананьев, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий сектором информационно-библиографического обслуживания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки д-р исторических наук М.А. Шибаев, профессор, заведующий кафедрой «Лингвистика» Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова д-р филол. наук В.А. Баранов, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» д-р ист. наук И.Н. Данилевский.

Научная школа-конференция завершилась общей дискуссией в ходе заседания тематического круглого стола «Исторический источник: проблемы выявления и интерпретации». Продолжая обсуждение, начавшееся как итог научной школы, молодые учёные обсудили метод нетекстового изучения исторических источников, степень влияния информационных технологий на источниковедение, а также поделились личным опытом применения методов источниковедения в научных исследованиях. Обсуждение помогло закрепить знания, полученные ранее, предоставило участникам возможность коллективной работы в ходе подготовки выступления членов секций на заседании круглого стола, а также позволило проследить связь между теорией и практикой источниковедения.

Состоявшийся научный форум получил высокие оценки участников и поспособствовал взаимодействию молодых ученых различных научных центров России. Оргкомитет школы-конференции выражает благодарность Программному комитету, всем соорганизаторам, лекторам научной школы, докладчикам и гостям.

Источниковедение и историография

Т.К. Холматов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Рецензия как вид историографических источников

Детализация видовой специфики историографических источников является одним из способов расширения эвристического потенциала источниковедения историографии. В статье проанализирован один из малоизученных видов историографических источников – рецензия. Выделены не только видовые особенности рецензии, но также перспективы применения этого вида историографических источников в исследованиях по истории исторической науки. Эвристические возможности рецензии проанализированы в рамках историографических дискуссий, исследования различных структур научного труда. Исходя из видовых особенностей, сделан вывод о перспективах привлечения рецензий для изучения не только прочно устоявшихся тем по истории исторической науки, но также этико-эпистемологических векторов исследователей.

Ключевые слова: рецензия, источниковедение историографии, историографический источник, историография, периодика, этика, эпистемология.

Финансовая поддержка: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В контексте истории исторической науки *источниковедение историографии (здесь и далее курсив – авт.)* вызывает все больший интерес на фоне рефлексии исследователей над строгими теоретико-методологическими основаниями историографического анализа, факторами, влияющими на создание интеллектуальных продуктов историков, а также функционированием трудов ученых в исторической культуре[1]. Привлечение источниковедения историографии как теоретико-

[1] Подробнее о понятии «историческая культура»: *Репина Л.П.* Введение. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы начала Нового времени. М., 2006. С. 5–18.

методологического ядра исследования, например, для анализа различных структур конкретного интеллектуального продукта[2] или реконструкции интеллектуальной биографии ученого[3], напрямую зависит от видовой специфики привлеченного *историографического источника*[4]. Поэтому одно из направлений расширения эвристического потенциала источниковедения историографии – уточнение видовых особенностей историографического источника.

В историографии уделено внимание вопросам видовой характеристики историографических источников[5]. Однако *рецензия* как вид историографических источников научной истории редко рассматривается в исследовательской литературе[6], что, по всей видимости, связано именно с видовой спецификой. На фоне других историографических источников научной истории рецензия выделяется тем, что ее цель связана не с формированием нового научного знания, а с *фиксацией* или *оценкой* итогов уже имеющегося исследования. Тем не менее,

---

[2] *Вальц М.П.* Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дис. … канд. ист. наук. М., 2015. 265 с.

[3] *Некрасова Н.В.* Творческое наследие Тверского историописателя В.И. Колосова (1854–1919): эвристика и классификация // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 4 (56). С. 93–103; *Холматов Т.К.* Эвристические возможности источниковедения историографии в реконструкции интеллектуальной биографии С.Б. Веселовского (1876–1952 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Междунар. молодеж. науч. шк.-конф. Новосибирск, 12–14 октября 2020 года. Новосибирск, 2020. С. 122–128.

[4] Подробнее о классификации историографических источников: *Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2016. С. 227–235.

[5] *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия – историк: к юбилею Л.П. Репиной. М., 2017. С. 337–354; *Румянцева М.Ф.* Монография как вид историографических источников // Актуальные проблемы источниковедения: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. Витебск, 2017. С. 56–59; Источниковедение: учеб. пособие. М., 2019. С. 525–559.

[6] Источниковедение… С. 535–537; *Монзуль В.Ю.* Перспективы применения рецензий в качестве историографического источника (на примере изучения истории Древнего Рима) // Актуальные проблемы источниковедения: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 года. Витебск, 2021. С. 135–137.

именно целеполагание рецензии позволяет расширить круг вопросов в историографических работах. В трудах по истории исторической науки этот историографический источник заслуживает внимания не только с точки зрения восприятия конкретного интеллектуального продукта или темы направления в историографии. Рецензия также позволяет расширить представления исследователей о критериях научной экспертизы, о том, каковы были требования к исследовательской деятельности ученого, а также публикации как результату научного исследования.

В данной статье речь пойдет о тех рецензиях, которые имеют не узкую утилитарную направленность (например, рецензии/отзывы в контексте квалификационных (учебных или научных) работ или внутреннего рецензирования в научном журнале для решения о публикации той или иной работы), а рассчитаны на более широкий круг читателей, научную коммуникацию и, как правило, публикуются на страницах научной периодики. Существует немало работ, близких по видовым характеристикам к рецензии (например, отзыв, библиографическая заметка, библиографический обзор и т.д.), что создает трудности для точного определения видовой принадлежности историографического источника (выделю также и проблему поиска рецензий). Как в случае с другими историографическими источниками, могут быть привлечены в качестве вспомогательного материала библиографические ресурсы[7]: по дореволюционной эпохе, например, представляют интерес систематические каталоги, составленные библиографом В.И. Межовым (1830–1894), в которых также содержатся указания критических статей, рецензий и библиографических заметок[8], по советской и постсовет-

[7] О роли рецензий в библиографии см. работы К.Н. Дерунова (1866–1929): *Дерунов К.Н.* Библиография русских рецензий (1850–1924): (вместо доклада – к съездам библиотекарей и библиографов). Орел, 1924; *Дерунов К.Н.* Избранное: труды по библиотековедению и библиографии. М., 1972. С. 210–225.

[8] Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова… с 1825 вплоть до 1869 года… / сост. В.И. Межов. СПб., 1869. С. 291–377. В последующие годы (с конца 1860-х) также были опубликованы прибавления к этому каталогу: Систематический каталог русских книг за 1875 и 1876 годы продающихся в книжном магазине…Якова Алексеевича Исакова… / сост. В.И. Межов. СПб., 1877. С. 135–158.

ской – указатель «Летописи рецензий», существовавший в 1935–2015 гг.[9]

С точки зрения источниковедения историографии как метода исследования представляют интерес задействованные в рецензии источники и научная литература (при наличии). Кроме того, изучение рецензии как историографического источника также позволяет проанализировать историографическую дискуссию, степень актуальности рецензируемой работы в рамках определенной научной тематики, соотнести ее научное значение с конкретным академическим направлением или дисциплиной. Приведем в качестве примера рецензию В.Б. Кобрина (1930–1990) в «Вопросах истории» за 1960 г. на книгу И.И. Смирнова (1909–1965) «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века»[10]. В рецензии приведен анализ отдельных дискуссионных вопросов в книге И.И. Смирнова через предшествующую историографию. Так, точка зрения о датировке создания Русского централизованного государства в конце XV – начале XVII в. рассмотрена через противопоставление другой, согласно В.Б. Кобрину, более аргументированной версии из второй части (XIV–XV вв.) «Очерков истории СССР. Периода феодализма. IX–XV вв.» (1953), согласно которой этот процесс был более ранним (во второй половине XV – начале XVI в.), а далее было лишь укрепление централизованного государства: «Последняя точка зрения представляется нам более обоснованной: во всех выступлениях феодальной реакции в XVI в. речь шла не о ликвидации единства государства, не о политическом обособлении тех или иных его территорий <…>, а лишь об ограничении центральной власти. В этой связи трудно согласиться с выводом автора о том, что в период боярского правления “осуществлялось разрушение централизованного аппарата власти в направлении восстановления феодальной раздробленности удельных

[9] Подробнее о «Летописи рецензий», а также «Рецензиях из российских изданий» (продолжение «Летописи…», вып. с 2015 года): *Матвей В.С.* Отбор критических материалов для росписи в указателе «Рецензии из российских изданий» // Библиография и книговедение. 2017. № 3(410). С. 58–69.

[10] *Кобрин В.Б.* Рец. на кн.: Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М., 1958 // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 151–158.

времен”»[11]. В схожем ключе противопоставлены оценки И.И. Смирнова о последствиях падения Шуйских и прихода Бельских с точкой зрения Н.Е. Носова (1924–1985), перевороте 1542 г. – С.М. Каштанова (род. 1932), отдельных статей Судебника 1550 года – Б.А. Романова (1889–1957) и А.Г. Поляка, вопросах земельного законодательства – С.Б. Веселовского (1876–1952)[12]. Критические оценки В.Б. Кобрина были приведены через встраивание выделенного круга вопросов в историографический контекст, что позволило глубже проанализировать интерпретационные схемы в книге И.И. Смирнова, выявить в них наиболее уязвимые места.

От других историографических источников, в которых также содержится элемент фиксации/оценки предыдущего научного опыта, рецензия отличается целостным анализом: рецензент стремится с разных сторон рассмотреть, как правило, *весь интеллектуальный продукт*, а не только конкретный аспект/раздел работы. Например, во вводных частях монографии или диссертации анализ историографии тесно связан с особенностями объекта и/или предмета исследования, иные вопросы, поднятые в трудах предшественников, часто не рассматриваются. Рецензия позволяет проанализировать различные структуры труда: теоретическую, методологическую, источниковую, языковую и т.д. В совокупности деконструкция данных структур способствует более глубокому пониманию самой практики историописания, того, как должен был выглядеть результат научного исследования.

На содержание рецензии могут влиять не только профессиональные принципы и компетенции автора, но также институциональные факторы. Для анализа рецензии как историографического источника необходимо учитывать особенности издания, в котором она была опубликована, т.к. рецензии рассматриваются как составной элемент журнальной политики. Редакция формирует политику рецензирования в зависимости от того образа науки, который стремится транслировать на страницах журнала. Например, в справке к отчету о работе журнала «Вопросы истории» за 1966 г. рецензии рассматривались через

[11] *Кобрин В.Б.* Рец. на кн.: Смирнов И.И. … С. 153.
[12] Там же. С. 153–154, 157–158.

полемику с зарубежными исследователями как элемент борьбы с «буржуазной идеологией» и «концепциями буржуазной историографии»[13]. Для раскрытия эвристического потенциала рецензии также необходимо учитывать ее функцию (аналитическая, коммуникативная, информационная, идеологическая и т.д.), что сказывается и на специфике содержания.

Эвристически продуктивным представляется изучение *этических* и *эпистемологических* ориентиров научной корпорации[14] через рецензии. Историческое исследование как результат творческой интеллектуальной деятельности требует от автора набора качеств, норм и ценностей, как *общих*, которые должны быть присущи всем ученым вне зависимости от их дисциплинарной принадлежности, так и *специфических*, которые свойственны представителям конкретной научной сферы. В отличие от специфичных норм и ценностей, общие порой четко фиксируются в кодексах научно-образовательных учреждений, декларациях международных научных сообществ/организаций и т.д. Специфичные нормы и ценности, а также навыки и добродетели историков[15] можно проанализировать, прежде всего, через их научные труды. Однако преимущество рецензии в том, что этот историографический источник обладает *интерсубъективной* характеристикой, т. к. фиксирует критерии оценивания научного труда как результата интеллектуальной деятельности исследователя, которые приняты в определенном научном направлении/дисциплине. Рецензент, выступая как эксперт определенной научной области, стремится не только выразить собственную точку зрения, но и в процессе анализа продукта интеллектуальной деятельности исследователя/группы исследователей отразить те нормы и ценности исследовательской деятельности, которые преобладают в конкретной научной среде.

---

[13] Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 457. Оп. 1. Д. 527. Л. 24–26.

[14] Подробнее о соотношении этики и эпистемологии в научной практике: *Плешков А.А., Сурман Я.Я.* За границами Объективности: исследовательские практики, эпистемические добродетели и личность ученого // Новое литературное обозрение. 2021. № 1. С. 375–389.

[15] О проблеме навыков и добродетелей историков в научной деятельности: *Paul H.* What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires // History and Theory. 2014. № 53. P. 348–371.

Личные качества ученых, добродетели, этические принципы обладают устойчивой характеристикой и неразрывно связаны с повседневной исследовательской деятельностью. Необходимость их изучения связана с тем, что они *реализуются через исследовательские практики, различные формы научного взаимодействия*[16]. В качестве иллюстрации анализа ценностных установок ученого приведем рецензии в журналах «Новый мир» и «Вопросы истории» краеведа и историка В.Н. Бочкова (1937–1991) на изданные посмертно труды С.Б. Веселовского[17]. В процессе анализа «Исследований по истории класса служилых землевладельцев» В.Н. Бочков значительное внимание уделил чертам характера С.Б. Веселовского, а также императивам, которые отразились в научной практике и, в частности, на страницах рецензируемой книги. Рецензент выделил *стойкость* ученого, которая выразилась в противостоянии устоявшимся тенденциям в советской исторической науке. С точки зрения В.Н. Бочкова, С.Б. Веселовский шел «против течения», разрабатывая генеалогические исследования, выступал против стремления «писать “историю человеческого общества без живых людей”»[18] или «ортодоксальных, односторонних оценок тех или иных явлений и институций средневековой Руси»[19]. В рецензии также выделены императивы *акрибии* (по терминологии рецензента) и *нелицеприятности/беспристрастности*[20]. Стремление к *предельной точности* в исследовательской деятельности С.Б. Веселовского подчеркивалась и в рецензии на «Ономастикон»[21]. Рецензент также указал на *настойчивость/упорство* ученого в исследовательской работе: «С.Б. Веселовский никогда не уклонялся от

[16] *Pleshkov A.A., Surman J.J.* Book reviews in the history of knowledge // Studia Historiae Scientiarum. 2021. Vol. 20. Pp. 629–650.

[17] *Бочков В.Н.* Личность в истории и личность историка [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.] // Новый мир. 1970. № 7. С. 271–274: *Бочков В.Н.* Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. 382 с. // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 158–161.

[18] *Бочков В.Н.* Личность в истории и личность историка… С. 271.

[19] Там же. С. 272.

[20] Там же. С. 273–274.

[21] *Бочков В.Н.* Рец. на кн.: Веселовский С.Б. … С. 160. Следует отметить, что те неточности, которые рецензент обнаружил в издании, были связаны с незавершенностью исследования С.Б. Веселовского, особенностью посмертного издания.

выражения своей точки зрения на проблемы, являвшиеся еще предметом дискуссии. Он, видимо, разделял мнение Д.И. Менделеева, советовавшего лучше держаться спорной гипотезы, которая в будущем окажется неверной, чем вообще никакой. Широко пользуясь данными топонимики, ученый в “Ономастиконе” выводил фамилии феодалов от названий принадлежавших им селений»[22]. В конечном счете на страницах рецензий образ С.Б. Веселовского как ученого был сформирован исходя из тех императивов и личных качеств, которые, согласно В.Н. Бочкову, направлены на поиск истины. Рецензии, как видно из вышеприведенного примера, могут также выступать как механизм восприятия научного наследия и личности ученого.

Таким образом, преимущество рецензий по сравнению с другими историографическими источниками заключается в бо́льшей открытости для критических рассуждений, рефлексии над научными трудами, что позволяет раскрыть вопросы этико-эпистемологических оснований исследовательской деятельности. Вместе с тем привлечение рецензий позволяет глубже раскрыть и прочно устоявшиеся вопросы истории исторической науки, связанные с анализом исторических концепций, историографических дискуссий, актуализации тем или научных направлений, а также более глубоким пониманием особенностей практики историописания.

[22] *Бочков В.Н.* Рец. на кн.: Веселовский С.Б. … С. 160.

М.М. Дробышева

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)

О специфике древнерусских поминальных граффити

Поминальные граффити представлены в комплексе настенных надписей практически любого древнерусского храма. Особенно привлекают внимание исследователей те из них, которые содержат дополнительную информацию о смерти известного по другим источникам исторического лица. В настоящей статье проводится обзор некоторых устоявшихся мнений об этом источнике, комментируется недавно высказанная точка зрения об их связи с «поминальной революцией XII–XIII вв.» и распределении таких граффити в храмовом пространстве. Подробно разбираются древнейшие примеры надписей, сообщающих о смертях тех или иных лиц, и высказывается мнение, что они обладают скорее историописной, нежели поминальной прагматикой. Показано, что широкое распространение собственно поминальных граффити характерно уже для рубежа XI–XII вв.

Ключевые слова: граффити, настенные надписи, Древняя Русь, эпиграфика, эсхатология.

Финансовая поддержка: Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

В храмовой эпиграфике средневековой Руси надписи-граффити с формулой «месяца … в … день преставился раб Божий (имярек)» составляют вторую по частоте встречаемости содержательную категорию текстов, уступая в этом отношении только молитвенным надписям вида «Господи, помози рабу своему (имярек)». В то время как рамки многих других категорий граффити достаточно размыты, и

их содержательно можно отнести сразу к нескольким типам, поминальные надписи – закрытая группа, практически никогда не испытывающая влияние других видов граффити, жестко следуя устоявшемуся шаблону. Вариативность поминальной формулы в основном заключается в указании хронологических элементов: дата может стоять в конце, может содержать год, упоминать святого, в день памяти которого случилась кончина, и т.д.

Надпись с фасада Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском «мс҃цѧ [ма]и[ѧ] вътъры на д[е]сѧт[е] дн(-) прест(а)висѧ Варвара много вдовиць къ ц[рь]к[ви] приоучивши мистынѣю»[1], т.е. ‘12 мая преставилась Варвара, милостыней приучившая к [посещению] церкви много вдов’, является примером поминальной надписи с расширенным комментарием относительно личности усопшего и его прижизненных заслуг. Уникальная в своем роде поминальная надпись 1138 г. о смерти Всеволода Мстиславича из церкви Благовещения на Рюриковом Городище содержит пространный комментарий о плаче дружины по умершему[2]. Как было отмечено М.В. Рождественской, «надпись представляет собой традиционный жанр летописных известий о смерти древнерусских князей. В них обычно в разных вариантах используется выражение “плач и рыдание”, “плач и тоска/туга”, говорится о плаче и слезах княжеской дружины и близких. Такие выражения обретают определенную формульность»[3]. Этот литературный компонент, нехарактерный для стандартных поминальных надписей, существенно расширил ее объем, сделав самым большим древнерусским граффито из ныне найденных. Неподалеку от этой надписи находилось более традиционное, но не законченное поминальное граффито, тоже посвященное Всеволоду Мстиславичу: «(мс҃ц)ѧ ѳе(врал)[ѧ] прѣ(ст)ави[сѧ] раб[ъ] бж҃(и) Гаврило въ ·гі҃· а мирьскы

[1] *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne = Словѣне. 2020. Vol. 9. № 2. С. 67, прим. 3; *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Несколько древних надписей на фасадах Спасского собора в Переславле-Залесском // Graphosphaera. 2021. Т. I. С. 206–207.

[2] *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 36–40.

[3] *Рождественская М.В.* Литературные параллели к одной новгородской надписи XII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (1). С. 138.

Вьсе»[4], которое уперлось в начертанную ниже более раннюю надпись «перестависѧ рабъ бж҃и Курило попъ м҃ц҃ѧ ~~апри(л)[ѧ въ]~~ дї҃· дн҃ь · марта». Клирики церкви Благовещения на Городище, не закончив писать стандартную поминальную надпись о почившем князе, продублировали граффито на свободном пространстве по соседству, существенно расширив его текст.

В упомянутой же надписи о попе обращает на себя внимание вымаранное автором граффито – обозначение месяца апреля, ниже замененное на март. Считается, что поминальные надписи начертывались на штукатурке вскоре после смерти указанных в них лиц с целью дальнейшей организации поминаний в храме. Пока случаев, которые бы явно опровергли этот тезис, в древнерусской эпиграфике не встречалось. Но подобные примеры исправлений дат в граффити косвенно свидетельствуют о существовании некоторого временного промежутка между прошедшей смертью и созданием надписи, когда в изначально начертанной дате уже можно было ошибиться.

Для организации поминаний в храме могли создаваться надписи и другого рода, вызванного опущением формулы «помяни, Господи», представляющие собой перечисление имен в именительном или винительном падежах[5]. Подобные помянники, к примеру, представлены в ряде новгородских церквей[6]. Записи имен, возле которых находится некоторое количество черт-отметок о проведенных службах, присутствуют (или присутствовали) в алтарных зонах Софии Киевской, Спасо-Преображенской церкви в Полоцке, смоленского собора на Протоке и в других храмах[7].

---

[4] *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения… С. 40–41.

[5] *Бобрик М.А.* Маргиналии к берестяным грамотам // Русский язык в научном освещении. 2014. Т. 28. № 2. С. 192–193.

[6] См., напр.: *Рождественская Т.В.* Об эпиграфическом комплексе XV в. в церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры: XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто, 20–22 апреля 2015 г.: материалы конференции. М., 2016. С. 254–255.

[7] Подробнее см. напр.: *Калечиц И.Л.* Одноименные поминальные граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М., 2015. С. 179–192.

В диссертационном исследовании[8] и специальных статьях А.Г. Авдеева[9] отмечается решающая роль эсхатологических настроений, связанных с окончанием седьмого тысячелетия от сотворения мира (1492 г.), в распространении каменных подписных надгробий. С появлением же последних наблюдается серьезный спад в частоте нанесения поминальных граффити, а затем и отмирание традиции их создания. А.Г. Авдеев, проведя комплексное исследование древнерусских поминальных надписей и сопоставив их с данными других письменных и археологических источников, пришел к выводу о прошедшей в XII–XIII вв. «поминальной революции», приведшей к сложению форм индивидуального долгосрочного поминовения умерших и появлению первых русских эпитафий. Принимая это заключение, заметим, что исследователь уделяет большое внимание топографии и формуляру привлеченных к исследованию граффити, сопоставляя изменения в комплексе источников с предполагаемым ходом «поминальной революции». Так, А.Г. Авдеев в качестве симптома второй фазы поминальной революции, связанной с переходом к индивидуальному поминовению во время богослужения, отмечает, что «во второй половине XIII в. … поминальные граффити появляются в алтарных частях новгородских храмов»[10]. С учетом находок, сделанных в Великом Новгороде за последние восемь лет, ситуация выглядит несколько иначе: упомянутая выше надпись о смерти Всеволода Мстиславича, как и другие поминальные надписи церкви Благовещения на Городище, датируемые не позднее начала XIII в., происходят со стен жертвенника[11]. На фрагментах первоначального слоя штукатурки Георгиевского собора Юрьева монастыря, происходящих из алтарной зоны, находилось немалое число поминальных надписей, например, еще одна крупная запись о смерти в 1198 г.

[8] *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. … д-р ист. наук. М., 2018.

[9] *Авдеев А.Г.* Путь формулы «преставися раб Божий»: от поминальных граффити до эпитафий // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 30. Минск, 2015. С. 47–52; *Авдеев А.Г.* «Поминальная революция» XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апреля 2016 года. / Отв. ред. Э.В. Шустова. М., 2016. С. 90–93.

[10] *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник… С. 244.

[11] *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения… С. 35–54.

княжичей Ростислава и Изяслава, сыновей Ярослава Владимировича, или запись о смерти новгородского архиепископа Антония (в миру Добрыня Ядрейкович, автор «Книги Паломник») в 1232 г.[12] Исследование надписей этих храмов в настоящий момент продолжается, ввиду чего следует заключить, что хронологические рамки и подробный ход поминальной революции после привлечения новонайденных источников могут быть пересмотрены.

Кроме этого, стоит учесть, что состояние слоев штукатурки XI–XIII вв. в новгородских храмах и степень их исследования в данный момент не располагают к далеко идущим выводам о топографии определенных видов граффити внутри церквей. Хотя храмов, построенных и расписанных в этот период в Великом Новгороде, не так мало, их ранняя штукатурка сохранилась не полностью. В частности, в Софийском соборе в настоящее время изучены только надписи диаконника, Мартирьевской паперти, лестничной башни, нижняя часть столбов центральной части храма, скрытая под современным уровнем пола, и второго этажа, где находились административные помещения. Остальная часть древней штукатурки находится под слоями поздней живописи либо была сбита и уничтожена во время реставрации в XIX в. Еще часть надписей известна по слепкам, сделанных тогда же В.В. Сусловым и И.А. Шляпкиным, но их изначальное местоположение неизвестно.

А.А. Гиппиус, сравнивая репертуар надписей алтарной зоны двух новгородских храмов – святой Софии и Георгиевского собора Юрьева монастыря, – отмечает, что в первом случае граффити «являются формой спонтанного индивидуального самовыражения», считая это следствием относительно вольного положения клириков в кафедральном соборе, в монастырском же храме наблюдается строгая организация памятных надписей в алтарном пространстве[13]. Надо сказать, что

[12] *Гиппиус А.А., Седов В.В.* Надпись-граффито 1198 г. из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., Вологда: Древности севера, 2015. С. 462–474.

[13] *Gippius A.A.* ‘Contextualized Writings‘ in Old Novgorod: Birchbark Documents and Graffiti-Inscriptions in Comparative Overview // Vergesellschaftete Schriften‘. Beiträge zum internationalen Workshop der Arbeitsgruppe 11 am Sonderforschungsbereich 933

комплекс алтарных надписей Георгиевского собора Юрьева монастыря действительно впечатляет своей системностью в части ведения памятных, в том числе и поминальных, записей. Отчасти это можно объяснить связью монастырской братии с летописным делом: традиция ведения хроник, по всей видимости, отразилась на алтарном пространстве храма. Другим же монастырским храмам обычно свойственна та же «спонтанная эпиграфика», что и городским соборам, но в поминальных надписях действительно можно проследить большую систематичность. Комплекс надписей-граффити Никольской церкви Липненского монастыря представлен в основном поминальными надписями с именами церковных иерархов[14]. В полоцкой Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря алтарная зона изобилует надписями самого различного содержания, и в то же время видно, как, по крайней мере, в конце XV в. систематически наносились поминальные надписи, где упоминаются даты смерти важных для церкви лиц: игумении монастыря, архимандрита, представителей боярских родов Полоцка[15]. Такая организация ведения поминальных надписей в монастырских церквях кажется логичной при условии необходимости систематических поминаний большого числа благодетелей монастыря, представителей высшего духовенства и усопших членов братии.

В другой работе[16] в продолжение рассуждений о связи постепенного отмирания традиции создания поминальных граффити с эсхатологическими настроениями вокруг наступления 7000 г., нами осторожно было выдвинуто предположение о складывании традиции нане-

---

Materiale Textkulturen, Heidelberg 15.–16. März 2017 (Philippika 128), Buch 128. S. 188.

[14] *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи-граффити с именами новгородских иерархов в церкви Николы на Липне в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 151–160; *Рождественская Т.В.* Древнерусские граффити из церкви Николы на Липне в Новгороде (материалы к Своду средневековых граффити Новгорода Великого) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 818–831.

[15] *Дробышева М.М.* Упоминание года в древнерусских граффити на стенах храмов XI–XVII вв.: в поисках закономерности [Электронный ресурс] // Graphosphaera. 2021. Т. I. С. 95–98. URL: http://writing.igh.ru/index.php?id=upominanie-goda-v-drevnerusskih-graffiti (дата обращения: 27.05.2022)

[16] Там же. С. 101.

сения поминальных надписей в Древней Руси в связи с приближением 6600 г. от сотворения мира (1092 г. по современному летоисчислению). Повышенная религиозная активность, связанная со строительством храмов, обретением священных реликвий и т.д., отмечалась не только ближе к 7000 г., но и с наступлением новых столетий, приближающих мир к предполагаемому концу света[17]. Эту гипотезу можно проверить, оценив более или менее уверенно датируемые XI – самым началом XII в. надписи с сообщениями о смертях тех или иных лиц. Список таких граффити в связи с архитектурной историей древнерусских памятников зодчества полностью состоит из надписей Софии Киевской и Софии Новгородской.

В Киевской Софии можно выделить несколько подобных надписей. Первая из них сообщает о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 6562 (1054) г.: «въ ѕ҃ ф҃ ѯ҃ в҃ (…) мц҃а фѣврар[ѧ] к҃ ѫсъп[е]н-ю цр҃ѧ наш(е)го въ въскрьс(-)ен…[въ н]е(дѣл](ю) [моучени](ка) Ѳеѡдор[а]»[18]. В другом граффито сообщается о смерти белгородского епископа Луки: «м҃цѧ авъгуста въ кв҃ престависѧ рабъ Бж҃ии Лꙋка еп҃пъ б҃женыи бѣлогородьскыи»[19]. Погребению киевского князя Всеволода Ярославича (ум. в 1093 г.) посвящена надпись № 4: «въ великыи четв[ъ]ргъ рака положена бысть [о]т[о] Анъдреѧ роусъскыи кънѧзъ благыи а Дъмитръ ѱл҃ъ отрочък[ъ] его мс҃ца априлѧ в[ъ] і[д҃] а б[ѣ] се(редѣ оу)[м]ърлъ п(о) об[ѣ](дѣ)»[20]. Плохо сохранившаяся киевская надпись № 11 «м҃цѧ маіѧ… ꙋтоплъ [к]ънѧ(зь)», по мнению исследователей, связана со

[17] См. *Gippius A.* Millennialism and the Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. 2003. T. II. C. 154–171.

[18] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966. С. 39–41; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). / В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус. Т.11. М., 2004. С. 268–269; *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Ч. IV: Приділ свв. Іоакима та Анни (північна сторона). Київ, 2014. С. 22–25; и др.

[19] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. … С. 45–47; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских… С. 281; *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Ч. VIII: Південні внутрішня та зовнішня галереї. Київ, 2018. С. 411; и др.

[20] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. … С. 18–24; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских… С. 262; *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Ч. III: Центральна нава. Київ, 2011. С. 101–103; и др.

смертью князя Ростислава Всеволодовича, утонувшего в Стугне 26 мая 1093 г.[21] Граффито № 12, широко датирующееся XI – началом XII в., сообщает о смерти и погребении неизвестного: «мс҃ѧ октомбр[ѧ] въ: ѳі҃ переставилъсѧ а въ к҃ погрѣбенъ»[22].

Среди записей о смертях на стенах Новгородской Софии присутствует граффито «м҃цѧ октѧбрѧ ·дї·престависѧ рабъ бж҃и Гиса · ѿ св҃тго Власиѧ», которое А.А. Медынцева на основе стратиграфических данных датирует до 1109–1112 гг.[23] Вероятно 6589 (1081) г. датируется известная по прориси на кальке, сделанной в XIX в., надпись «(…) --пѳ ---------- протоп[о](пъ …)о н[оѥбърѧ] (·)г҃· дн҃ь на ст҃[а]го Аке[п](симы) еп҃скпа (…)----[к]--- въ ча(с҃) ·ѕ҃· дь(не …) же нощ(и ра)[з]болѣсѧ (…)»[24]. Граффито «мѣс҃ : окътѧ[б]рѧ в[ъ] еї переста(в)[и]сѧ Лоук[а :] (…)» связывается исследователями с Лукой Жидятой, умершим как раз 15 октября. Его смерть, судя по летописным данным, должна была произойти между 1058 и 1062 г.[25] Не сохранила начало фрагментированная надпись с текстом «…[о]у[б]иенъ Воиго[с](тъ)(Гюр)ьгевичь а погр(е)[б]ен[ъ] апри[лѧ въ] ·ѕ҃·». Если ее связывать с Воигостом, известным по новгородским летописям ктитором церкви святого Тирона, заложенной в 1115 г., то надпись следует датировать не ранее этого года[26].

При том, что прочтение и датировка множества надписей осложнены, надо отметить, что в более поздних древнерусских граффити (включая надписи других храмов) во всех сообщениях о смерти уже используется классическая поминальная формула, впервые встречен-

---

[21] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. … С. 47–48; *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Ч. I: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010. С. 105–108.

[22] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. … С. 48; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских… С. 281.

[23] *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. С. 80.

[24] Там же. С. 124, с учетом поправок А.А. Гиппиуса и С.М. Михеева.

[25] см.: *Гимон Т.В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 611.

[26] *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века… С. 91.

ная в Новгороде в граффито о Луке Жидяте, умершем в 1058–1062 гг., а в Киеве – в надписи о смерти белгородского епископа Луки, умершего в промежутке между 1089 и 1091 г.[27] Тексты граффито о смерти Ярослава Мудрого в 1054 г., новгородской надписи 1081 г. и полном «естественности живой речи»[28] граффито о смерти и погребении Всеволода (Андрея) Ярославича в 1093 г. не похожи ни на поминальные надписи, ни друг на друга. В другой надписи 1093 г., посвященной гибели Ростислава Всеволодовича, мы уже встречаем знакомую формулу, в которой использовать привычный глагол «преставися», подчеркивающий факт благой кончины усопшего, не было возможно в связи с внезапной гибелью Ростислава. Та же ситуация, видимо, произошла и с убиенным новгородцем Воигостом Гюргевичем. Таким образом, как мы видим, в пределах XI в. эпиграфические сообщения о смерти тех или иных лиц еще могли писаться вольно, не следуя определенному шаблону, скорее из историописных целей, нежели из собственно поминальных. Указанные в таких надписях лица – не простые прихожане, а в основном представители княжеского рода. На рубеже же XI–XII вв. стандартные поминальные надписи прочно входят в репертуар храмовых граффити. Первыми через граффити поминались церковные иерархи, затем в надписях стали упоминаться представители более широких социальных слоев населения.

Таким образом, как кажется, гипотеза о связи 6600 г. от сотворения мира если не с появлением, то с распространением практики создания поминальных надписей на стенах церквей имеет некоторые основания. К сожалению, современное состояние изученности ранних неофициальных граффити не позволяет серьезно утвердиться в высказанном мнении, но пополнение источниковой базы в будущем даст возможность проверить его.

[27] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. … С. 45–47.
[28] *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских… С. 262.

А.С. Цветкова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Причины появления термина «Стальной двор»: анализ зарубежной историографии

В данной статье представлен анализ гипотез историков XIX–XX вв. о происхождении названия ганзейской конторы в Лондоне – «Стальной двор». Всего автором было выявлено и проанализировано пять основных теорий, которыми исследователи пытались объяснить этимологию представленного термина. Каждая из гипотез имеет ряд своих недостатков и достоинств, однако все они сходятся на том, что «Стальной двор» – место, где демонстрируют проверенный товар. Опубликованные в конце XX в. археологические исследования помогли верифицировать представленные гипотезы историков, а также выявить полный путь происхождения термина «Стальной двор», который начался от немецкого слова «stalen» – печати, которая прикреплялась к ткани на территории конторы.

Ключевые слова: Стальной двор, Ганзейский союз, Лондон, ганзейская контора, происхождение

Ганзейская контора в Лондоне с XIII в. имела свое особое название «Стальной двор»[1] (Stalhof, иногда Stahlhof (нем.)). С середины XIX в. за рубежом появляются первые исследования, посвященные англо-ганзейской торговле, где интерес историков также вызывает происхождение термина «Стальной двор». Во многих исследованиях рассматривались и подвергались критике разные гипотезы появления данного термина, однако лишь с помощью археологических исследований к концу XX в. был дан наиболее аргументированный ответ на поставленный вопрос[2]. Стоит отметить, что в отечественной историографии данный вопрос не поднимался исследователями, а первые

[1] *Смирнова Ю.О.* Устав Стального двора в Лондоне: история, функция и организация текста // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 74.; Burkhardt M. Kontors and Outposts // A companion to the Hanseatic League. / D.J. Harreld (Ed.). Leiden, 2015. P. 159.

работы по англо-ганзейской тематике появились лишь в XXI в.[3] В связи с этим представляется важным и интересным проанализировать различные гипотезы, представленные зарубежными исследователями, и суммировать имеющиеся на данный момент знания.

Необходимо отметить, что многие из представленных теорий не имеют под собой никакой источниковой базы[4]. Они упоминаются вскользь в различных статьях историков XIX и XX вв. В 1912 г. вышла статья В. Курцинна, где автор постарался найти источники, на основые данных из которых, возможно, были построены те или иные гипотезы[5]. Помимо этого, автор также предоставил документы, которые могут и опровергнуть их. В основном источники представлены в виде фрагментов купеческой переписки, копий указов и иных постановлений английских королей, а также различных деловых бумаг купцов, проверка которых затруднена ввиду некорректных ссылок.

Долгое время существовала лишь одна гипотеза происхождения термина «Стальной двор», которая гласила, что на территорию ганзейской конторы купцы привозили большое количество стали, от чего и произошло ее название. Данная гипотеза, например, упомянута в работах Р. Паули[6]. Уже к началу XX в. данная теория подверглась резкой критике среди исследователей, из-за чего потеряла свою актуальность. К. Хёльбаум в своей работе упоминал недостаточную

---

[2] *Keen D.* Ein Haus in London: Von der Guilhalle zum Stahlhof // Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos: kollektive Monographie / herausgegeben von Jorgen Bracker, Volker Henn und Rainel Postel. Hamburg: Hamburger Hanse-Ausstellung, 1989. S. 57–63.

[3] *Смирнова Ю.О.* Устав Стального двора в Лондоне: история, функция и организация текста // Вестник Московского Университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 1. С. 74.; *Сквайрс Е.Р.* Вино и Пиво в зеркале торгово-дипломатических отношений Ганзы: Новгород Великий и Лондон // Еда и Культура. М., 2015. С. 345–355; *Ушаков А.В., Цветкова А.С.* К проблеме сотрудничества ганзейских контор Лондона и Брюгге в середине XV в. // Европа в Средние века и Новое время: общество власть культура: мат-лы IX Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 23–24 ноября 2021 г.). Ижевск. 2022. С. 15–20.

[4] *Lappenberg J.M.* Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London. Osnabrück: Otto Zeller, 1967. 1−2 Abteilung. S. 410.

[5] *Kurzinna W.* Der Name «Stalhof» // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1912. Bd. 39. S. 429−462.

[6] *Pauli R.* Notizen ueber osterlinge und Stahlhofe // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1881. Bd. 7. S. 129−132.

аргументированность данной гипотезы и отсутствие в ней логики, так как сталью купцы «Стального двора» почти не торговали, с чем в XX в. был частично согласен В. Курцинна[7].

В первую очередь стоит отметить, что сталь действительно могла привозиться в Англию и привозилась, как можно видеть из анализа источников, представленных в статье В. Курцинна[8], а также в других исследованиях[9]. Большим представительством на Стальном дворе обладали купцы из Кёльна[10] – одного из крупных на тот момент развитых городов Германии, откуда и могла ввозиться сталь, однако никаких документов, утверждающих о ввозе стали именно из этого города, у нас нет[11]. Заслуживает внимания тот факт, что территория ганзейской конторы получила название не от различных товаров из стали, а от материала, что достаточно специфично[12]. Для такой ситуации необходимо, чтобы импорт этого материала превышал импорт других товаров, что должно быть отражено в источниках. В. Курцинна в своей работе обратился к источникам начала XIV в., из которых следует, что ввоз стали в Англию не превышал ввоз других товаров[13], что явно свидетельствует о несостоятельности данной теории.

Другая гипотеза о происхождении термина «Стальной двор», не менее известная, чем первая, была высказана английскими археологами XIX в. Интересно, что в исследованиях не указаны ни фамилии археологов, ни информация о том, почему именно археологами

---

[7] *Höhlbaum K.* Stahlhof // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1881. Bd. 7. S.133−135.; *Kurzinna W.* Der Name «Stalhof»… Bd. 39. S. 440.

[8] *Kurzinna W.* Der Name «Stalhof»… Bd. 39. S. 441.

[9] *Keen D.* Ein Haus in London… S. 59.

[10] *Hohlbaum K.* Kölns Älteste Handelsprivilegien für England // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1883. Bd. 11. S. 39−47.

[11] *Jorn N.* “With Money and Bloode». Der Londoner Stalhof im Spannungsfeld der englisch-hansischen Beziehungen im 15. und 16. Jahrhundert // Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. Bd. 50. S 85.

[12] *Keen D.* Ein Haus in London … S. 59.

[13] По мнению В. Курцинна количество определенного товара коррелируется с налогами, которые накладывало английское правительство на их ввоз. Чем больше товара привозится, тем больше налог. В 1347 году налог, который был стабилен с XIII в., был увеличен только в отношении вина, что говорит о его количественном превосходстве над другими товарами. А сталь и «сукно из Кёльна» (Kolnischen Tuch) имели самый маленький, равный налог.

была создана данная гипотеза, несмотря на то, что ее аргументы восходят к области лингвистики[14]. Неизвестно также время появления этой теории, однако уже в 1851 г. она встречается в книге И. Лаппенберга, где автор делает попытку оспорить ее[15]. Достаточно подробно эту теорию подверг критике В. Курцинна в своей статье, однако мы предлагаем кратко остановиться на ней[16]. Гипотеза английских археологов объясняет происхождение термина «Stalhof» (нем.) от англ. «Steelyard», что в современном английском обозначает сам Стальной двор или весы, безмен. Исследования археологов показали, что до появления на этом месте ганзейского двора здесь стояли королевские весы «steelyard», откуда и пошло название данной территории. Ганзейские купцы, в свою очередь, переняли название данной местности на свой лад – «Steel» (англ.) − «Сталь» (рус.) − «Stahl» (нем.) и «yard» (англ.) − «двор» (рус.) − «hof» (нем.). Почему немецкие купцы не переняли термин «Steelyard» в полноценном значении слова «Steelyard» − «безмен» − «Waage» или «Waaghof» (нем.), например, − вопрос, который до сих пор остается открытым[17].

Нельзя оставлять без внимания документ, найденный В. Курцинна, где говорится, что королевские весы, от которых предположительно и пошло название «Стальной двор», в 1399 г. были перенесены в другое место вместе с их названием, ввиду чего этимологию названия Ганзейской конторы не представляется возможным вывести по данной гипотезе[18]. Стоит отметить, что во второй половине XX в. именно эта гипотеза была принята за единственно верную среди отечественных исследователей и нашла отражение в Большой советской энциклопедии[19].

Как упоминалось выше, гипотезу английских археологов сделал попытку оспорить немецкий исследователь И. Лаппенберг в своей

---

[14] *Kurzinna W*. Der Name «Stalhof»… Bd. 39. S. 438.
[15] *Lappenberg J. M*. Urkundliche Geschichte… S. 20.
[16] *Kurzinna W*. Der Name «Stalhof»… Bd. 39. S. 438.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] Стальной двор // Большая советская энциклопедия: Т. 24. Кн. 1 / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 457.

работе в 1851 г.[20] По его мнению, часть термина «Stahlhof», а именно «hof», возникла от территории вокруг здания Dyehouse (совр. «красильня», «красильный дом»), которое располагалось на территории «Стального двора», где происходило окрашивание тканей, землю вокруг которого и передали ганзейским купцам. Относительно первой части термина «stal» И. Лаппенберг предполагал, что она происходила от процесса литья стали или окрашивания тканей. Данная гипотеза была подвергнута резкой критике со стороны К. Хёльбаума в 1881 г., так как на тот момент и долгое время после не было никаких сведений о том, что на территории подворья был обычай красить ткани или лить сталь ни до появления ганзейских купцов, ни после. Однако в конце XX в. была издана статья Д. Кина[21], где автор с опорой на археологические данные и другие источники смог показать, что на территории Стального двора долгое время действительно жили ремесленники, которые красили и обрабатывали ткань, что способствовало «реабилитации» гипотезы И. Лаппенберга. Однако впоследствии данная теория не нашла своего продолжения в трудах других историков.

К. Хельбаум, критиковавший И. Лаппенберга и Р. Паули, склонялся к другой, альтернативной теории происхождения термина. Она была изложена О. Рюдигером, писавшим, что термин «stahl» − образец, а глагол «stalen» − выставлять проверенный товар[22]. Автор предполагал, что термин «Stalhof» происходит именно от глагола «stalen» и таким образом обозначает место, где выставляют проверенный товар.

Гипотеза О. Рюдигера нашла свое развитие в работе В. Курцинна, где автор в ее защиту привел серьезные аргументы[23]. Термин «stalen» В. Курцинна нашел еще в индогерманских языках, где он идентичен современному слову «место» (жить, стоять, останавливаться). Постепенно в источниках проявляется «stalen» как место демонстрации товара (эквивалент: французское etal, голландское stalletje). Последний аргумент В. Курцинна заключался в современном исполь-

[20] *Lappenberg J. M.* Urkundliche Geschichte… S. 20.
[21] *Keen D.* Ein Haus in London… S. 60.
[22] *Höhlbaum K.* Stahlhof… Bd. 39. S. 462; *Rudiger O.* Die ältesten hamburgischen Zunftrollen und Brüderschaftsstatuten. Hamburg, 1874. S. 350.
[23] *Kurzinna W.* Der Name «Stalhof»… Bd. 39. S. 460.

зовании термина «Stahl» – узор, по которому сейчас верифицируют качество ткани и ее стоимость. Таким образом, автор сделал следующий вывод: *выражение «Stalhof» следует рассматривать как понятийное слово. И то, что это вовсе не имя собственное, связанное с лондонской конторой, ясно подтверждается источниками* (курсив – авт.). Точка зрения В. Курзинна действительно подкреплена большим количеством источников, цитаты из которых представлены в его работе, где упоминание «Stalhof», как название конторы, создает двусмысленность, в то время как, если принять «Stalhof» как понятийное слово, смысл послания не теряется. Помимо этого стоит отметить, что ганзейские купцы торговали не только в Лондоне, но и в других английских городах. В источниках их представительство отмечено термином «Stalhof», что также подтверждает мысль В. Курцинна.

Найти ответ на данный вопрос помогли археологические исследования, результаты которых были опубликованы в конце XX в. Благодаря им выяснилось, что слово «stalen» означает прикрепление свинцовой или восковой печати к ткани, чтобы указать ее происхождение, а также показать, что на территории Стального двора она могла обрабатываться и в дальнейшем облагаться налогом.

Такие печати легко отрывались при грубом обращении с тканью, из-за чего археологи смогли найти их на берегу реки, рядом с территорией бывшего Стального двора, в большом количестве. Вплоть до середины или конца XIV в. эти тканевые печати были обычным явлением в этой области, и многие местные жители использовали немецкое слово «stalen» в своем повседневном языке для обозначения либо печатей, либо процесса запечатывания. Так это слово попало в ряд английских топонимов, где обозначало район, в котором шла торговля тканью[24].

Таким образом, анализ представленных гипотез демонстрирует неподдельный интерес исследователей к данной проблематике. Каждая из них имеет ряд своих достоинств и недостатков. Однако в результате их анализа можно отметить некоторые схожие черты. Все из них доказывают, что «Стальной двор» − место, где находится,

[24] *Keen D.* Ein Haus in London… S. 61.

демонстрируется и продается качественный товар[25]. Верификация существовавших гипотез стала возможна только в конце XX в., когда были опубликованы исследования археологов. Благодаря новым данным стало ясно, что многие историки были близки к ответу на вопрос об этимологии названия ганзейской конторы в Лондоне. Однако истинный путь происхождения смогли описать лишь сами археологи, которые показали, что термин «Stalhof» происходит от процесса запечатывания тканей свинцовыми или восковыми печатями для обозначения происхождения данного товара.

На сегодняшний день гипотеза археологов, выдвинутая в конце XX в., представляется наиболее убедительной в сравнении с другими гипотезами. Обнаружение новых источников в будущем – как письменных, так и вещественных – позволит скорректировать имеющиеся представления о рассматриваемой проблематике.

[25] *Lappenberg J.M*. Urkundliche Geschichte… S. 410.

Д.Ю. Балаганова

Научная библиотека
Томского государственного университета (Томск)

«Цветник аввы Дорофея» (1787 год): опыт реконструкции истории появления книги в старообрядческой библиотеке

Статья посвящена реконструкции истории поступления двух экземпляров книги «Цветник аввы Дорофея» (Гродно, 1787) в книжное собрание томско-чулымского скита староверов-странников. Проследить пути книг позволили особенности их создания и следы бытования, в частности – владельческие штемпели, маркировочные знаки бумаги, слои реставрации. Основой для исследования послужили справочные издания, которые позволили идентифицировать книги и определить их особенности, а также публикации исследователей старообрядчества. Установлено, что одна из книг принадлежала Н.Е. Шашеву, рассмотрена деятельность его семьи, в результате чего выявлена его связь с конкурирующим со скитом староверов-странников сообществом. Сделан вывод о возможном времени поступления книг в старообрядческую скитскую библиотеку.

Ключевые слова: таежный скит, старообрядчество, староверы-странники, Цветник аввы Дорофея, скитская библиотека.

Финансовая поддержка: Исследование проведено при поддержке гранта EAP1308 Программы «Архивы в опасности» / The Endangered Archives Programme.

«Цветник аввы Дорофея» представляет собой древнерусский сборник поучений о монашеской жизни начала XVII в. и относится к числу рукописных текстов, впервые опубликованных по заказу старообрядцев.

Старообрядческое книгоиздание на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей. Его изучение имеет неоспоримую важность как опыт организации негосударственной типографской дея-

тельности и обеспечения русского общества религиозной книгой, что отмечается в монографии И.В. Починской[1]. Вместе с тем встает вопрос об особенностях старообрядческих версий христианских изданий и круге чтения сибирской скитской общины. В частности, А.В. Вознесенский объясняет популярность «Цветника аввы Дорофея» в старообрядческой среде входящими в его состав текстами о путях спасения в контексте эсхатологических учений и ожиданий, идеалах и правилах монашеского жительства[2].

Возможно, именно тем, что «Цветник аввы Дорофея» был авторитетной книгой для староверов, объясняется его наличие в двух экземплярах в коллекции «Скитская библиотека», хранящейся в фонде Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ. Коллекция была сформирована в ОРКП НБ ТГУ в 2004–2006 гг. в результате археографических исследований в томско-чулымской общине староверов-странников, инициированных сотрудниками Томского университета в 1985 г.[3] На сегодняшний день собрание насчитывает свыше двухсот рукописных и печатных книг, созданных в хронологическом диапазоне конец XV – начало XXI вв.

Важно отметить, что таежное поселение существует с 1830-х годов и его библиотека складывалась постепенно[4], в результате чего в ее составе оказывались издания с идентичным содержанием и разной историей бытования. Это наблюдение определило задачу настоящего исследования – реконструировать и сравнить обстоятельства появления в скиту экземпляров «Цветника аввы Дорофея». Оба они являются частью тиража 1787 г., заказанного старообрядцами в Казенной королевской типографии в Гродно. В период с 1781 по 1792 гг. здесь было напечатано более 20 изданий для русских староверов. В отличие от других типографий их репертуар был достаточно разнообразным,

[1] *Починская И.В.* Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994. 185 с.

[2] *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века: введение в изучение. СПб., 1996. 160 с.

[3] *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А.* «Скитская библиотека» старообрядцев-странников: археографические находки последних лет // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 13–25.

[4] *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А.* Археографический поиск в Сибири (находки последних лет) // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 531–533.

печатались как богослужебные, так и четьи книги, которые потом доставлялись в Россию через купца П.И. Губарева[5].

Экземпляр В-26739 напечатан на польской бумаге ручного производства с филигранью «одноглавый орел» с надписью «F. WADANG» на фабрике Йохана Андреаса Хемпеля, действовавшей с 1715 по 1866 гг.[6] В составе коллекции это единственная книга, выполненная на подобной бумаге. Еще одной ее отличительной особенностью является владельческий штемпель бакалейной лавки томского купца-старовера Н.Е. Шашева с датой 2 июня 1919 г., которую можно считать временем ее появления в Сибири.

Николай Егорович Шашев происходил из семьи саратовских мещан-переселенцев. Семья сначала принадлежала к единоверцам. Его отец, Егор (в иночестве Григорий) Антонович Шашев, бывший унтер-офицер, служил дьяком томской единоверческой церкви, но в 1870-е годы перешел в белокриницкое согласие и даже претендовал на духовный сан. Хотя местный инок Иеремия (Иаков Петров) в письме московскому архиепископу Савватию дал ему негативную характеристику, выразив сомнения в его искренности и не исключив связей с иноверцами, Е.А. Шашев стал одним из первых организаторов общественных богослужений в собственной моленной в Томске, доверенным лицом сибирского епископа Мефодия и вел переписку с московским центром белокриницких – старообрядческой Рогожской общиной. Несколько его сохранившихся писем имеют непосредственное отношение к старообрядческим поселениям в томско-чулымской тайге, где в конце 1870-х годов появляется Ново-архангельский скит белокриницких[7]. Особо подчеркнем, что он располагался в непосредственной близости от скита староверов-странников как серьезный конкурент[8].

---

[5] *Починская И.В., Мангилев П.И., Ануфриева Н.В.* Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение. Екатеринбург, 2010. 518 с.

[6] *Dąbrowski J.* Paper Manufacture in Central and Eastern Europe before the Introduction of Paper-making Machines. Łódź, 2008. 109 p.

[7] *Старухин Н.А.* Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2015. 206 с.

[8] *Дутчак Е.Е.* «Спасайте свою паству заблаговременно!..: скитское сообщество в условиях модернизации (1870–1930-е годы) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 14. М., 2012. С. 4–26.

О его сыне, первом установленном сибирском владельце «Цветника аввы Дорофея» Н.Е. Шашеве удалось установить следующее. Во-первых, он принимал активное участие (в том числе и финансовое) в строительстве храма Успения Пресвятой Богородицы белокриницкого согласия в Томске[9]. Во-вторых, как владелец хлебопекарни и арендатор лавки на рынке у трактира «Славянский базар» и на площади у Богоявленского Собора он, несомненно, был довольно влиятельным горожанином. Об этом свидетельствует заметка «Можно ли торговать булками из толкучки, в барахольном ряду?», опубликованная в газете «Сибирская жизнь»[10]. В ней ставится вопрос об уместности расположения лавки с хлебом среди старых, «бывших в употреблении», вещей и говорится о Н. Шашеве как инициаторе запрета такой торговли для всех, кроме него самого и еще нескольких пекарей.

Учитывая конфессиональную принадлежность семьи Шашевых, можно предположить, что «Цветник аввы Дорофея» предназначался именно для кого-то из староверов-белокриницких, но каким образом и когда книга попала к староверам-странникам? Ответить на эти вопросы помогает ее переплет, на досках которого сохранились фрагменты переплетной кожи XVIII в., а книжный блок обернут в гофрированный картон. Именно эта техника реставрации в сопоставлении с другими книгами «Скитской библиотеки» дает возможность считать 1960-е годы временем ее появления в таежном монастыре. Это косвенно подтверждает использованный в качестве закладки фрагмент газеты «Красное знамя» 1964 г.

Наличие закладок в книгах – еще один способ больше узнать о читательских интересах их владельцев, даже если их имена невозможно установить. Их функции могли выполнять печатные и рукописные фрагменты текстов, записки личного характера. Например, во втором экземпляре «Цветника аввы Дорофея» (В-27065) встречаются читательские маргиналии и остатки воска, что указывает на следы активного пользования книгой на протяжении XIX–XX вв.

---

[9] *Сазонова Н.И.* Этноконфессиональное взаимодействие в истории Томска XVII–XX вв. Томск, 2015. 248 с.

[10] Сибирская жизнь (Томск). 1900. 2 февраля.

Данный экземпляр напечатан на бумаге двух разных производителей. Первая имеет филигрань «одноглавый орел» с надписью «KIAUTEN» и, предположительно, произведена на фабрике литовской деревне с одноименным названием – Kiauten (в настоящее время – д. Смирново Калининградской области). Вторая изготовлена на фабрике костромского купца Д. Мещанинова в с. Адищево и имеет литеры «РФ / ДМ» и белые даты «1784» и «1786»[11]. Книга сохранила типографский переплет, при этом корешок укреплен вельветовой тканью. Отсутствие владельческих знаков и записей не позволяет в полной мере проследить путь книги из типографии в скит, где она оказалась, вероятно, тоже в 1960–1970-е годы, о чем свидетельствуют многочисленные тканевые закладки.

В сущности, единственное, что объединяет эти экземпляры – это время их появления в таежной общине. Объяснение этого факта требует дополнительного исследования, но на данном этапе работы со «Скитской библиотекой» можно констатировать важность изучения не только этапов и результатов книгоиздательской деятельности староверов, но и материальных следов бытования на сохраненных ими книгах.

[11] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 64.

Д.С. Герасимов

Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)

Христианизация Кореи в отечественной историографии: миссионерство или прозелитизм?

Статья посвящена определению прозелитических мотивов в деятельности христианских миссионеров в Корее в конце XIX – начале XX веков на основе отечественной историографии. В работе обозначены признаки, с помощью которых был осуществлен поиск прозелитических практик в деятельности представителей трёх крупных миссий – католической, протестантской и православной. В результате исследования определено, что миссионеры в Корее во время проповедей прибегали к действиям прозелитического характера, однако из-за традиционного влияния церковных институтов в вопросах миссиологии исследователи пользуются устоявшейся нейтральной терминологией, не употребляя термин «прозелитизм» в отношении деятельности миссионеров в Корее.

Ключевые слова: миссионерство, прозелитизм, Корея, историография, христианство, церковь, открытие Кореи.

Возвращение религиозных институтов после распада Советского Союза заставило Россию выстраивать новые культурно-конфессиональные взаимоотношения с крупнейшими мировыми державами. Прочные дипломатические связи между Россией и государствами Корейского полуострова предполагают учёт национальных, культурных и традиционных особенностей, на что в своё время сильно повлияли привнесенные, в том числе из России, христианские идеи. Современные русскоязычные исследования религиозного фактора в формировании корейской национальной идентичности зачастую осложнены не только обширной источниковедческой базой, но и отсутствием чёткой научной терминологии.

Анализ дискуссий по миссиологической проблематике, бесспорно, указывает на отсутствие консенсуса в отношении ключевых для этой деятельности понятий. Термины «миссионерство» и «прозелитизм» ввиду исторических и лингвистических особенностей сохраняют неопределенность до сих пор, а их смысл и трактование варьируются в зависимости от времени, места и обстоятельств употребления. Заимствование терминов из зарубежных церковных практик неизбежно привело к коннотациям и иносказанию. Корректная терминология – важный фактор исторических исследований, поскольку конкретное определение деятельности миссионеров на территории других государств позволяет говорить о легитимности их действий. Если «миссия» и «миссионерство» в настоящее время используются как понятия зачастую синонимичные, то к употреблению термина «прозелитизм» подходят с осторожностью[1]. Целью данного исследования стало обоснование употребления термина «прозелитизм» по отношению к деятельности христианских миссионеров в Корее на основе современной русскоязычной историографии.

В русскоязычных исследованиях чаще употребляют термин «миссионерство», под которым традиционно понимают «внекультовую деятельность религиозной организации в целях распространения своего вероучения и пополнения числа новообращенных на еще не освоенных данной организацией (церковью) территориях»[2]. Христианство – миссионерская религия, а поскольку апостолы стали первыми миссионерами, то эпитет «апостольская», применимый к христианской церкви, неизбежно указывает на цели по дальнейшему распространению. Историки отмечают, что христианство в ранний период распространялось скорее от человека к человеку, нежели в результате организованной миссионерской деятельности. В ранних греко-римских источниках нет никаких сведений об отправке миссионеров. Иерархи церкви отправлялись в другие земли только для

[1] *Митько А.Е.* Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2017. № 10. С. 177–184.

[2] *Забияко А.П., Красников А.Н., Элбакян Е.С.* Религия // Религиоведение: Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 812.

окормления уже существовавших христианских общин[3]. Постепенное распространение христианских идей в этот период исследователи называют самопроизвольным[4]. Изначально новое учение проповедовалось в основном внутри государства, со временем охватывая новые регионы. К VI в. христианство укрепилось на всей территории Римской империи – с этого времени начинается новый этап процесса христианизации – миссионерский.

Если термин «миссионерство» появился только в XVII в., то «прозелитизм» в свою очередь имеет библейское происхождение. Прозелитами в Евангелии назывались новообращённые в иудаизм язычники [Деян 2:10]. По своему определению прозелитизм (от греч. Προσελύτος – пришелец, переходящий из одной земли, веры в другую) – это «деятельность приверженцев определенного вероисповедания, преследующая цель обратить в свою веру лиц иного вероисповедания»[5]. Важно отметить, что традиционно прозелитическим является только переход из одной религии в другую. Смена ветвей христианства называться прозелитизмом не может ввиду особенностей самого понятия. В узком смысле прозелитизмом называют добровольную и осознанную смену религии – именно это определение чаще всего используется в церковных текстах.

Несмотря на то, что внешне граница между определениями «прозелитизм» и «миссионерство» прослеживается слабо, два этих понятия отображают принципиально разные процессы. Чёткое различие этих явлений позволяет исследователю говорить об истинных целях конфессиональной деятельности и характере её работы, поэтому логично возникает необходимость критериев, по которым можно определить характер конфессиональных практик в разные периоды.

Процесс «открытия Кореи» в XVIII в. и проникновение новых идей и идеологий из соседних стран, Европы и США неизбежно вели к конфликту интересов. Борьба за сферы влияния не обошла стороной и конфессиональные организации, прибывшие в числе первых на

[3] *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М. 2003. С. 32.

[4] *Такер Р.* От Иерусалима до краю земли: история миссионерского движения. СПб., 2001. С. 8.

[5] *Забияко А.П., Красников А.Н., Элбакян Е.С.* Религия… С. 1012.

Корейский полуостров. Политика государства Чосон по контролю за распространением христианской религии в итоге сосредоточила большую часть миссионеров на небольшом клочке территории, в частности, в портах, из которых проникнуть вглубь полуострова можно было только нелегально[6]. Вынужденные вести проповеди для относительно небольшого числа прихожан, миссионеры постепенно прибегали к новым методам «расширения паствы», которые могли зачастую выходить за рамки толерантного отношения к другим конфессиям. Попытки же вести активную проповедническую деятельность по всей территории Кореи провоцировали массовые гонения на христиан, организованные по инициативе правительства. Всё это вынуждало проповедников помимо заботы о количественном приросте прихожан маскировать свою миссионерскую деятельность под гуманитарную, в частности, под строительство школ, больниц и приютов[7]. В связи с этим становится актуальным вопрос о прозелитических методах в работе миссионеров.

В российской историографии вопрос о терминах, описывающих миссионерскую деятельность христианских организаций в Корее, не поднимался. Для подавляющего большинства исследователей в этой области термин «миссионерство» остаётся традиционно предпочтительным. Укоренившаяся религиозная терминология в российской литературе – явление многоаспектное, и её изменение потребует долгой и упорной работы, однако тенденция к изучению вопроса корректного употребления тех или иных понятий наблюдается уже сейчас.

Попытка провести границу между миссионерством и прозелитизмом в контексте деятельности православных проповедников за рубежом прослеживается в публикациях Е.А. Терапановой[8], Т.Я. Ян-

---

[6] *Ким П.Г.* Американские миссионеры в Корее в последней четверти XIX – начале XX в. и политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. №. 1 (5). С. 173–182.

[7] *Тихонов В.М., Мангиль К.* История Кореи: с древнейших времён до 1904 года. М.: Издательство «Наталис», 2011. С. 369.

[8] *Тарапанова Е.А.* Проблема взаимоотношения религий в цивилизационном развитии народов // Историческая и социально–образовательная мысль. 2011. №. 5. С. 139–142.

гель[9], Г. В. Оглезневой[10], А.А. Насонова[11], А.Е. Митько[12]. По мнению авторов, несмотря на явные прозелитические методы, выявленные в работе миссионеров, исследователи стараются избегать термина «прозелитизм» в отношении миссионерской деятельности ввиду его явной негативной коннотации. По утверждению А.Е. Митько, использование термина «прозелитизм» в положительном ключе возможно исключительно вне христианского мировосприятия, а это значит, что исследователь, следуя такой логике, зачастую ограничен идеологическими рамками при использовании некоторых терминов. Несмотря на всё это, негативная коннотация понятия «прозелитизм» отнюдь не исключает возможности его употребления в рамках светских исследований.

Проблема терминологии справедлива и для корейских миссий, однако для ответа на вопрос «является ли деятельность христианских миссионеров в Корее прозелитизмом?» необходимо прежде всего обозначить чёткие прозелитические признаки. Помимо вышеобозначенного перехода из одной религиозной организации в другую прозелитизм имеет ряд характерных особенностей, которые довольно подробно описаны, например, в трудах А.А. Насонова[13], О.Е. Казьминой[14], А.Е. Митько[15]. Основными и особенными признаками прозелитизма, по мнению авторов, являются:

– психологическое воздействие;
– спекуляция на материальных и бытовых трудностях прихожан;
– критика других религий и акцент на их недостатках.

---

[9] *Янгель Т.Я., Оглезнева Г.В.* Мотивы прозелитизма в межконфессиональных отношениях во второй половине XIX в. в России // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 205–212.

[10] Там же. С. 205–212.

[11] *Насонов А.А.* Прозелитизм или процесс синкретизации? (два возможных подхода к пониманию природы бурханизма) // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №. 88. С. 72–75.

[12] *Митько А.Е.* Миссионерство и прозелитизм… С. 177–184.

[13] *Насонов А.А.* Прозелитизм или процесс синкретизации… С. 72–75.

[14] Казьмина О.Е. Миссионерство и/или прозелитизм в социальной работе христианских организаций США с беженцами // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. №. 2. С. 118–136.

[15] *Митько А.Е.* Миссионерство и прозелитизм… С. 177–184.

Дополняют перечень характерных признаков Т.Я. Янгель и Г.В. Оглезнева. По их мнению, прозелитический мотив могли иметь под собой строительство школ и больниц, а также материальная помощь иноверцам[16].

Упомянутые прозелитические особенности нередко встречаются в российских исследованиях. О давлении проповедников на корейцев пишет в своих работах В.Ю. Соломатова. В пример она приводит деятельность архимандрита Хрисанфа, который «навязчиво» пытался насаждать православные идеи даже там, где это было неуместно. Работу миссионеров в Корее автор местами оценивает как выходящую «за рамки допустимого»[17]. А.И. Шарафетдинова и П.Г. Ким в своих публикациях заключали, что миссионерам была не чужда практика идеологического воздействия, выходящего за границы традиционной проповеди[18]. Г.Н. Ким, дополняя, говорит о том, что миссионеры на полуострове нередко пользовались «хитростью», что указывает на наличие манипулятивных практик[19].

Тема спекуляций на бытовых нуждах корейцев также развивается в исследованиях Г.Н. Кима. Историк акцентирует внимание на том, что православные миссионеры специально нанимали обедневших корейцев на работу и использовали их в дальнейшем для распространения христианских идей[20]. Материальную помощь корейцам, по утверждению А.И. Шарафетдиновой, оказывали и протестанты, укрепляя тем самым влияние в регионе, где имели экономические интересы[21]. В этой связи также интересен эпизод о начале православной миссии в Корее, подробно описанный Архимандритом Феодосием. Автор

---

[16] *Янгель Т.Я., Оглезнева Г.В.* Мотивы прозелитизма в межконфессиональных отношениях во второй половине XIX в. в России… С. 205–212.

[17] *Соломатова В.Ю.* Католические и православные миссии в Китае и Корее: сравнительно–исторический анализ деятельности миссионеров (XVII–XIX вв.): дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2021. С. 181.

[18] *Шарафетдинова А.И.* Политика США в Корее в 1866–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 137; *Ким П.Г.* Американские миссионеры в Корее в последней четверти XIX – начале XX в. и политические контакты… С. 173–182.

[19] *Ким Г.Н.* Избранные труды по корееведению. Тараз; Алматы: Сенім, 2013. С. 384–396.

[20] Там же. С. 384–396.

[21] *Шарафетдинова А.И.* Политика США в Корее в 1866–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 137.

пишет, что оставшиеся без средств к существованию переводчики стали первостепенной целью миссионеров. Говоря о роли Архимандрита Хрисанфа как проповедника, автор отмечает, что миссионер начал проповеди «среди заброшенных судьбою корейцев, лишенных насущного куска хлеба»[22].

Критика других религий среди миссионеров также нередко упоминается в современных русскоязычных исследованиях. Проблему пренебрежительного отношения христиан к буддизму и конфуцианству рассматривают в своих трудах В.М. Тихонов и К. Мангиль. Будущие корейские реформаторы, согласно авторам, переняли нетерпимость к традиционным религиям как раз от западных миссионеров[23]. В книге содержатся и более реакционные оценки проповедников. Так, например, учёные указывают на явно расистское отношение католических и протестантских миссионеров к своей пастве[24]. Такой критический подход к осмыслению миссионерских практик в Корее для российской историографии стал исключительным случаем. О явном конфликте между последователями конфуцианства и христианства пишет и священник Н.Н. Корниенко, заключая, что претензия христианских миссионеров на исключительность вызвала рост числа недовольных настроений среди представителей учений Конфуция и привела по итогу к конфликту[25]. Критика религий прослеживается и в текстах самих миссионеров. Так в труде Архимандрита Павла есть упоминание о серьёзных недостатках других миссий. «Политика в руках ловких миссионеров Запада подчас создает блестящие успехи миссии» – критикует автор, акцентируя внимание на том, что для православных миссионеров такие практики чужды[26].

Подавляющая часть русскоязычных исследований содержит информацию о скрытых мотивах в работе миссионеров. О преследова-

---

[22] Феодосий, Архимандрит. Российская Духовная Миссия в Корее (1900–1925 гг.) // История Российской духовной миссии в Корее. М. 1999. С. 179–180.

[23] *Тихонов В.М., Мангиль К.* История Кореи: с древнейших времён до 1904 года… С. 495.

[24] Там же. С. 492–493.

[25] *Корниенко Н.Н.* Христианство и конфуцианство в Восточной Азии: проблема диалога // Христианское чтение. 2020. №. 1. С. 200–209.

[26] *Павел, Архимандрит.* Корейцы-христиане: Издано в пользу Российской Духовной Миссии в Корее. 2 изд. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1905. 188 с.

нии куда более материальных целей писали Л.С. Васильев[27], Г.Н. Ким[28], П.Н. Ким[29], А.В. Пак[30]. Первый корейский православный епископ Феофан Ким даже отмечал, что миссионерам приходилось часто оправдываться и доказывать свою непричастность к политическим делам, что, разумеется, было дополнительным поводом усомниться в искренности их намерений[31]. Большинство исследователей находят скрытые мотивы больше в протестантской миссии, говоря о том, что Корея для США представляла серьёзный интерес, поэтому американское правительство не жалело денег на нужды миссионеров и их паствы. Однако и российская миссия изначально, по мнению некоторых учёных, имела отнюдь не культурные, а политические взгляды на Корейский полуостров, на чём, например, акцентирует внимание Ю.В. Мазурика[32].

Таким образом, анализ русскоязычной литературы показывает, что в деятельности как российских, так и иностранных миссионеров в Корее прослеживаются черты, характерные для прозелитизма. Даже несмотря на отсутствие комплексных исследований по этой проблеме, в российской историографии нередко упоминаются скрытые мотивы и нетрадиционные методы ведения проповедей среди христианских миссионеров. Использование термина «прозелитизм» по отношению к христианским миссиям в Корее вполне допустимо, однако его устоявшаяся негативная окраска как в церковной, так и в научной среде на сегодняшний день мешает употреблению в русскоязычных исследованиях. Такая позиция может быть связана с сохраняющимся традиционным влиянием церковных

[27] *Васильев Л.С.* История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 227 с.

[28] *Ким Г.Н.* Избранные труды по корееведению… С. 384–396.

[29] *Ким П.Г.* Американские миссионеры в Корее в последней четверти XIX – начале XX в. и политические контакты … С. 173–182.

[30] *Пак А.В.* Христианский фактор в политике России в Корее в конце XIX – начале XX в. // Корея перед новыми вызовами. 2017. С. 185–195.

[31] *Ким А.Ф.* История российской духовной миссии в Корее в 1897–1949 гг. // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. 2020. С. 78–84.

[32] *Мазурика Ю.В.* Учреждение Корейской духовной миссии как попытка осуществления российского «культурного влияния» в Корее // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2011. Т. 14. С. 163–182.

институтов на изучение вопросов миссиологии. Смена понятийного аппарата создала бы потребность в переосмыслении всей истории миссионерской деятельности. Вопросы о необходимости корректной терминологии по отношению к миссионерству уже ставятся в отечественных исследованиях, поэтому можно предположить, что возможное изменение терминологической базы в будущем откроет новые направления для исследований.

А.Н. Яковлев

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Жизнь населения юга Дальнего Востока в годы Первой мировой войны в работах дальневосточных историков

В статье рассматривается отражение в современной региональной историографии социальной жизни дальневосточного тыла в период Первой мировой войны. Показано, что, проводя свои исследования в контексте общероссийской историографии, ученые Дальнего Востока уделяют большое внимание изучению всех аспектов жизни населения в годы войны. Дается характеристика основных достижений дальневосточных историков, показаны изменения в проблематике и источниковой базе исследований. Обозначены проблемы, требующие дальнейшего исследования. В статье оценен вклад старшего поколения историков в изучение региональных аспектов истории Первой мировой войны. Показаны изменения, происходящие в историографии двух десятилетий исследований в XXI в. Данная работа является постановкой проблемы, которая в дальнейшем должна стать основой полноценного научного исследования.

Ключевые слова: Первая мировая война, Дальний Восток, историография, социальные проблемы, повседневная жизнь населения.

Первая мировая война в отечественной историографии долгое время находилась в тени Революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. Лишь в постсоветский период Первая мировая война вновь стала объектом особого внимания отечественных исследователей, особенно после минувшего 100-летия со дня её начала. Как отмечает доктор исторических наук Д.Ю. Козлов: «Несмотря на обилие научных исследований, публикаций документов и других работ, посвященных крупнейшему военному конфликту первой трети прошлого столетия, в историографии Первой мировой войны по сей

день сохраняется целый ряд актуальных исследовательских проблем»[1]. В условиях «антропологического поворота» повысился интерес к существованию простого человека в условиях войны, разным сторонам повседневности, стратегиям выживания и другим сторонам жизни в условиях войны[2]. Цель статьи – показать, как проблемы жизни населения Дальнего Востока отражены в современной региональной историографии.

Региональная дальневосточная историография продолжает развиваться в общем русле отечественной историографии. Л.И. Галлямова, подводя своеобразный итог изучению истории Первой мировой войны в ее региональном аспекте в год 100-летия Первой мировой войны, выделила в региональной историографии несколько основных направлений: общественно-политическое и социально-экономическое развитие региона; характеристика вооруженных сил (в т.ч. казачества); система и деятельность местного самоуправления; тема патриотизма и общественно-политических настроений населения[3].

Первым дальневосточным историком, совершившим комплексный анализ жизни дальневосточного тыла в годы Первой мировой войны, стала Т.Я. Иконникова. Её докторская диссертация и монография[4] и многочисленные статьи посвящены жизни дальневосточного тыла, в условиях войны ставшего одной из баз обеспечения армии и населения товарами, продовольствием, военным снаряжением и медикаментами[5]. Монография Н.И. Дубининой посвящена деятельности генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти, на долю которого

---

[1] *Козлов Д.Ю.* Участие России в Первой мировой войне: актуальные исследовательские проблемы [Электронный ресурс] // Российская история. Форум ученых. Романовские чтения проект «Память времен» № 20-2-004140. URL: https://xn----7sbxcach3agmieaceq1th.xn--p1ai/node/257 (дата обращения: 12.06.2022)

[2] *Леонтьева О.Б.* Антропологический поворот в историографии Первой мировой войны // XX век России: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 248–256.

[3] *Галлямова Л.И.* Россия в Первой мировой войне: региональный аспект (современная дальневосточная историография) // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 3. С. 91–105.

[4] *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.

[5] *Мехедова А.К.* Исследование российского Дальнего Востока в годы I мировой войны в работах Т.Я. Иконниковой // Актуальные исследования. 2019. № 2. С. 13–17.

выпало руководство краем в период Первой мировой войны[6]. Стоит отметить, что в его деятельности просматривается четкое руководство действий, тесная работа с государственными и общественными организациями, рациональными предложениями и инициативами по повышению эффективности и оптимизации мероприятий по поддержке фронта и населения. Монография является одним из первых исторических исследований, в которой история Дальнего Востока рассматривается через призму исторической личности. Проблемы социального развития Дальнего Востока в годы Первой мировой войны затронуты в первом на рубеже XX–XXI вв. фундаментальном исследовании «Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны»[7]. При этом особое место в монографии уделено анализу системного кризиса, в который постепенно «втягивалась» дальневосточная окраина вслед за всей Россией накануне революционного взрыва. Л.И. Галлямова констатирует, что современные исторические исследования продолжают свою работу по всем аспектам истории Дальнего Востока в период Первой мировой войны с применением новых методологических подходов[8].

В начале XXI в. внимание исследователей привлекли ранее не исследованные проблемы развития региона в условиях мировой войны. В статьях П.В. Виноградова[9] рассматривается деятельность важнейшего транспортного предприятия региона – Владивостокского порта в качестве пункта доставки стратегических ресурсов и под-

[6] *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. 205 с.

[7] История Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. Т. 3, кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. 632 с.

[8] *Галлямова Л.И.* Россия в Первой мировой войне: региональный аспект…С. 98.

[9] *Виноградов П.В.* Развитие порта Владивосток в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества: мат-лы междунар. науч. конф. 20–21 ноября 2014 г. СПб., 2014. С. 100–104; *Виноградов П.В.* «…Пришлось совершенно неожиданно сделаться единственным открытым для внешней мировой торговли портом Российской империи»: Владивосток в годы Первой мировой войны // Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 29–37.

держки связи с внешним миром. Работы Н.А. Беляевой[10] и Л.А Лаврик[11] посвящены исследованию внутренней и внешней торговли этого периода. Анализ публикаций приводит нас к выводу, что Владивосток наравне с Архангельском стал важным пунктом для торговли и снабжения стратегическими ресурсами.

Сравнительно новым направлением исследований становится «антропологический взгляд» на историю дальневосточного тыла. Впервые проблемы населения Дальнего Востока подняла в своих работах Т.Я. Иконникова. На основе исследований материалов архивных фондов РГИА ДВ, которые впервые были введены в научный оборот, ею были рассмотрены проблемы беженцев[12], военнопленных[13], сопровождение и обеспечение помощи раненым и больным на территории Приморской области[14]. На базе своих работ Т.Я. Иконникова написала первую полноценную монографию, посвящённую изучению военнопленных на территории Дальнего Востока в годы Первой мировой войны[15]. Эту работу продолжила Е.Ю. Бондаренко в рамках историко-сравнительного исследования[16].

---

[10] *Беляева Н.А.* Таможенная служба Приамурья и Забайкалья в условиях Первой мировой войны // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (69). С. 104–113.

[11] *Лаврик Л.А.* Из истории торгового представительства: на примере города Владивостока в годы Первой мировой войны // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (70). С. 99–108.

[12] *Иконникова Т.Я.* Положение и права беженцев на российском Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны (исторический аспект проблемы) // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. мат-лов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 108–111.

[13] *Иконникова Т.Я.* Использование труда военнопленных на строительстве дорог в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре зарубежных стран: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф. Иркутск, 1998. С. 41–44; *Иконникова Т.Я.* Размещение военнопленных Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке (1914–1916 гг.) // КЛИО. 1999. № 1 (7). С. 210–212.

[14] *Иконникова Т.Я.* «Все для фронта!» (Деятельность Приамурского комитета по оказанию помощи раненым воинам на фронтах первой мировой войны) // Гродековские чтения: теез. науч. практ. конф. Ч. 1. Хабаровск, 1996. С. 36–39.

[15] *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. 177 с.

[16] *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток, 2002. 224 с.

Целый ряд исследований посвящен деятельности благотворительных организаций и их помощи населению – труды С.И. Лазаревой[17], Т.А. Лимоновой[18], М.В. Гридяевой[19], П.А. Щербина[20] и С.А. Власова[21]. Исследования отмечают дублирование полномочий, отсутствие четкого разделения сфер деятельности благотворительных организаций, что затрудняло рациональное распределение ограниченных ресурсов и снижало эффективность их работы; при этом отмечается, что помощь поступала всем категориям населения.

Большое влияние на развитие исторических исследований в регионе, в том числе и на изучение жизни населения, оказал переезд из Томска во Владивосток Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Именно в последние десятилетия историография Первой мировой войны пополнилась исследованиями, основанными на новых исторических источниках, в том числе и хранящихся в научно-справочном фонде архива материалах периодической печати. Исследования В.Л. Агапова[22] посвящены общественно-

---

[17] *Лазарева С.И.* Организация и деятельность учреждений Ведомства императрицы Марии на Дальнем Востоке (1890-е гг. – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 19–29; *Лазарева С.И.* Государственная и общественная помощь населению в городах Дальнего Востока в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Россия и АТР. 2015. № 1. С. 58–68; *Лазарева С.И.* Место и роль благотворительных организаций Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 269–278.

[18] *Лимонова Т.А.* Благотворительные организации Владивостока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 278–283.

[19] *Гридяева М.В.* Война и благотворительность (Сахалин в годы Первой мировой войны) // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 283–288.

[20] *Щербина П.А.* Помощь детям призванных нижних чинов в Хабаровске в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 288–290.

[21] *Власов С.А.* Дальневосточный тыловой город в годы Первой мировой войны (на примере Владивостока) // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 195–202.

[22] *Агапов В.Л.* Перед катастрофой: Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. в зеркале русского «толстого» журнала. Владивосток, 2014. 188 с.; *Агапов В.Л.* «Последняя война»: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы: монография. Владивосток, 2018. 456 с.

политическим настроениям населения через призму периодических изданий. Подаваемая информация о состоянии беженцев, семей нижних чинов, социально-экономической ситуации в Приамурском крае и др. выявляет основные социально-экономические проблемы Дальнего Востока. Нет сомнения, что исследование общественного настроения напрямую связано с историей повседневности и с «антропологическим измерением» истории.

Параллельно идет процесс изучения повседневной жизни населения. Наиболее яркие работы в этом направлении принадлежат Т.З. Позняк[23]. Ее обобщенное монографическое исследование является одной из первых современных комплексных и обобщенных работ по освещению жизни населения в годы Первой мировой войны на примере города Владивостока[24].

Изучением снабжения населения продовольствием занимались Г.Н. Романова[25], О.А. Устюгова[26], М.В. Оськин[27], хотя последний и

---

[23] *Позняк Т.З.* Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 177–194; *Позняк Т.З.* Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до Гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. №. 2. С. 193–205; *Позняк Т.З.* «Сухой закон», региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и революции 1917 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №. 3(46). С. 61–71.

[24] *Позняк Т.З.* Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018. 728 с.

[25] *Романова Г.Н.* Экономические отношения Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Владивосток, 2016. С. 95–102.

[26] *Устюгова О.А.* Снабжение Дальнего Востока России солью в годы Первой мировой войны // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток, 2021. С. 76–82.

[27] *Оськин М.В.* «Особая» экспедиция П. К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны (1915–1917 гг.) // Mongolica. 2014. №XII. С. 36–42; *Оськин М.В.* Китайский хлеб для России: русские продовольственные закупки на Дальнем Востоке в 1917 г // Россия и АТР. 2015. №2. С. 111–120; *Оськин М.В.* Заготовки продовольствия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны // Россия и АТР. №2. 2016. С. 121–134; и др.

является сибирским историком. А.В. Иванов[28] и В.А. Тощенкова[29] исследовали деятельность кооперации и Приморского общества сельского хозяйства в качестве торгово-посреднических площадок для продажи товаров по доступной цене, что положительно повлияло на снабжение населения, но успех был прерван революцией 1917 г. и новой продовольственной политикой Временного правительства. Анализ работ приводит нас к обобщенному выводу, что продовольственная ситуация усугублялась по причине хаоса транспортных перевозок и отсутствия инфраструктуры для продовольственных товаров, которое приводило к порче, дефициту и к срыву поставок в армию и центральные области Российской империи. В целом ситуация на Дальнем Востоке оставалась под контролем, но имевшиеся затруднения усугубили общую продовольственную ситуацию в Российской империи, что стало основным мотивом общего социального напряжения, вылившегося в революционный взрыв.

Таким образом, к началу третьего десятилетия XXI в. в изучении жизни дальневосточного населения современная региональная дальневосточная историография прошла свой долгий путь становления и развития, с привлечением новой методологии были пересмотрены и дополнены предыдущие исследования многих исторических событий и процессов, открыты и развиты ранее не изучавшиеся страницы истории Дальнего Востока. Безусловно, все дальневосточные историки высоко оценивают исследовательскую деятельность Т.Я. Иконниковой, которая первой из историков начала изучение ранее не затронутых страниц истории Дальнего Востока, а начатые ею исторические исследования сейчас успешно продолжаются на основе введения в научный оборот новых исторических источников.

Однако, несмотря на успехи изучения истории Дальнего Востока в годы Первой мировой войны, до сих пор существуют некоторые

[28] *Иванов А.В.* Кооперации Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 147–153.

[29] *Тощенкова В.А.* Деятельность Приморского общества сельского хозяйства в годы Первой мировой и Гражданской войн // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток, 2021. С. 82–89.

пробелы. К числу малоизученных страниц истории Дальнего Востока можно отнести деятельность администрации Приамурского генерал-губернаторства и администрации входивших в край областей, органов местного самоуправления и частной инициативы в решении насущных проблем жизни городского и сельского населения Приамурского края в годы Первой мировой войны. В настоящее время существуют отдельные работы по данной проблеме, либо затрагивающие отдельные регионы Дальнего Востока. Данная историческая база имеет перспективу создания единого полноценного и системного исследования.

Д.Н. Канева

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)

История ижемской районной газеты: основные этапы развития*

Статья посвящена вопросу изучения истории ижемской районной газеты. На основе анализа номеров регионального периодического издания, а также других источников и литературы по проблематике было выявлено, что она связана со становлением периодической печати в Коми в 1920-е годы. Газета считается одной из старейших в регионе. Меняя название, редакторов, тираж, периодичность выхода номеров, история «районки» перешагнула вековой рубеж, однако не получила достаточного отражения в научных исследованиях. Вместе с тем выборочный анализ выпусков газеты позволяет сделать вывод о том, что ее воссоздание позволит восстановить детали истории газетной периодики в Коми. Кроме того, сюжеты, представленные на страницах местного периодического издания, могут быть самостоятельным источником в исследовании повседневной жизни ижемцев.

Ключевые слова: ижемская районная газета, региональная периодическая печать.

В современных средствах массовой информации наблюдается отчетливая тенденция перенесения читательских предпочтений с центрального на местный уровень. Как показывают опросы, уровень доверия к региональной прессе стабильно выше, чем к центральным периодическим изданиям[1]. Причиной направленности к регионализации, как справедливо замечает О.А. Воронова, является мировая тенден-

---

* Статья имеет научно-популярный характер, но допущена к публикации по решению редколлегии. – *прим. ред.*

[1] Доверяете ли Вы следующим средствам массовой информации? (Анализ данных с 2018 по февраль 2021 г.) [Электронный ресурс] // Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску СоциоДиггера «Медиаграмотность». (№) 11. С. 20. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2022/01/dataWCIOM_media_072021.pdf (дата обращения: 28.05.2022).

ция, имеющая исторические корни в России, ведь отечественная журналистика «зарождалась как журналистика местная, локальная, и первые издания не могли даже по чисто техническим причинам распространяться по всей огромной территории Российского государства»[2].

Районная газета сегодня остается подчас единственным источником информации, особенно для сельских жителей в силу труднодоступности некоторых регионов. А с точки зрения историка этот своеобразный вид источника при должной верификации является важной основой для формирования образа прошлого конкретной местности.

В фокусе настоящего исследования – история ижемской районной газеты, которая долгие годы была главным источником информации для местного сообщества. Сегодня газета перешагнула 100-летний юбилей, но ее история не стала предметом специального исследования. В трудах по истории Республики Коми содержатся лишь фрагментарные сведения по истории Ижмы, а сюжеты по истории печати там не представлены в силу специфики издания, носящего обобщающий характер[3]. Специальные работы Н.К. Хатанзейского посвящены Ижемскому району в целом, но не включают сюжеты по местной периодике, несмотря на то, что он был долгое время редактором районки[4]. История региональной газеты не нашла отражения и в статье Е.А. Рыжовой, поскольку посвящена только журнальной периодике Коми края 20–30-х годов XX в.[5]

Вместе с тем в лаконичной публикации на сайте республиканской Национальной библиотеки ко дню рождения газеты отражены основные вехи ее становления и развития[6], а в кратком очерке в республи-

---

[2] *Воронова О.А.* Динамика типологической структуры региональной прессы // Вестник Московского университета. Серия № 10. Журналистика. 2000. № 5. С. 3.

[3] История Коми: с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. Сыктывкар, 2004. Т. I. 560 с.; Т. 2. 704 с.

[4] *Хатанзейский Н.К.* На земле Ижемской. Очерк. Сыктывкар, 1982. 112 с.; *Хатанзейский Н.К.* Земля ижемская (история и современность). Сыктывкар, 1996. 197 с.; *Хатанзейский Н.К.* Ижма (история и современность). Ижевск, 2010. 144 с.; *Хатанзейский Н.К.* Люди Ижемского края. Ижевск, 2014. 204 с.

[5] *Рыжова Е.А.* К вопросу о журнальной периодике Коми края 20–30-х гг. XX в. // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2012. № 1. С. 76–81.

[6] 18 июня 1922 года – день рождения Ижемской газеты «Новый север» [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.nbrkomi.ru/str/id/35/2376/ (дата обращения: 04.04.2022).

канском периодическом издании отмечено, что она является старейшей из газет в Коми[7]. И действительно, ее история начинается в период становления республиканской прессы, которое происходило в довоенное время – 1920–1930-е годы. Родословная газеты начинается с 10 октября 1920 г. Первый ее номер вышел под названием «Гӧрд Печора» («Красная Печора») в с. Усть-Цильма. С июня 1922 г. редакция была переведена в с. Ижма, поэтому официально день рождения газеты отмечается 18 июня. Газета в это время издавалась на коми языке, хотя могли встречаться и небольшие заметки на русском языке[8].

Всего до начала 1940-х годов сменилось 12 редакторов газеты, причем каждый из них находился в должности примерно от одного года до двух лет. Известно, что А.Ф. Забоев, первый редактор газеты, осенью 1920 г. был направлен партией в Печорский уезд, где и возглавил газету[9]. В 1922 г. его сменил Е.Е. Ануфриев, который в то время был секретарем уездного комитета партии[10]. Как видно, редакторы в довоенный период были, прежде всего, партийными работниками, вместе с тем Я.И. Чупров, главный редактор газеты в 1929–1930 гг., хотя и учился в совпартшколе, писал стихи и был одним из известных в то время коми поэтов, работы которого были отмечены республиканской премией[11].

К началу 1940-х годов газета выходила в черно-белом цвете тиражом 1 500 экземпляров на четырех страницах. На первой странице газеты, как правило, публиковались более важные новости: общесоюзного масштаба, областные, различные указы, события и личности рай-

---

[7] *Артеев А.* Как начиналась «газетная» история Коми [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://respublika11.ru/2018/01/12/kak-nachinalas-gazetnaya-istoriya-komi/ (дата обращения: 29.05.2022).

[8] Гӧрд Печора. 1941. № 29. 10 апр. С. 4.

[9] Главные редакторы районки [Электронный ресурс]. 2022. URL: http://redpechora.ucoz.ru/publ/stranicy_istorii/glavnye_redaktory_rajonki/15-1-0-5949 (дата обращения: 27.06.2022).

[10] Ануфриев Ефим Евсеевич // Энциклопедия Республики Коми. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 229.

[11] *Мартынов В.* Чупров Яков Иванович // Энциклопедия Республики Коми. Сыктывкар, 2000. Т.3. С. 292–293.

она, которые отличились своими достижениями. На последней странице газеты размещались объявления.

Второй период – с 1940-х до середины 1960-х годов – сложное для районки время. К началу Великой Отечественной войны, уже став органом Ижемского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся, газета сократилась в объеме в два раза и выходила на двух страницах, и только в июне 1959 г. она снова стала четырёхполосной. Набирали её полиграфисты местной типографии вручную, а для печатания тиража приобрели и установили свой движок[12]. Тираж газеты не был указан, однако в 1947 г. его объем составлял 1 200 экземпляров, и в сравнении с довоенным временем он сократился. Эти факты объяснимы, учитывая условия, в которых приходилось работать газете.

За указанный период сменилось пять редакторов газеты. В начале Великой Отечественной войны и до 1943 г. им был А.А. Беляев, которого после призыва на фронт в 1943 г. сменила М. Потапова[13]. В 1945 г. редактором стал М.В. Вокуев[14]. Уже после войны, в 1947 г., возглавил районку А.И. Филиппов, пробывший в этой должности с небольшим перерывом до 1962 г.

Отметим, что военные и первые послевоенные годы на селе были наиболее трудными. Главными приоритетами газеты и в те, и в последующие годы было освещение сельскохозяйственного производства, жизни и быта сельских тружеников. По постановлению партийных органов районная газета раз в неделю обязательно должна была публиковать международный обзор[15].

В начале 1960-х годов изменилась локация газеты. Это было связано с тем, что в 1962 г. произошло объединение двух районов в один Ижмо-Цилемский район, поэтому газета «перекочевала» в Усть-Цильму, стала

---

[12] *Филиппов Г.А.* Жизнь, отданная газете «Новый Север» [Электронный ресурс]. Ижма, 2012. С. 6. URL: http: //www.izhmambs.ru/content/menu/473/Filippov-G.-Ghizn-otdannaya-gazete.pdf (дата обращения: 27.06.2022).

[13] Твои люди, Ижма. Редакторы газета «Красная Печора» – «Новый Север» [Электронный ресурс]. URL: https://museum-izhma.ru/spisok-znamenityh-ljudej/redaktory-gazeta-krasnaya-pechora---novyjj-sever/ (дата обращения: 27.06.2022).

[14] Твои люди, Заполярье. М.В. Вокуев [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://архив-воркута.рф/index.php/kulturno-prosvetitelskaya-deyatelnost/litsa-vorkuty/55-tvoi-lyudi-zapolyare-m-v-vokuev (дата обращения: 27.06.2022).

[15] *Филиппов Г.А.* Жизнь, отданная газете «Новый Север»… С. 6–7, 9.

публиковаться на русском языке. Однако в 1964 г. районы были вновь разделены, и руководство Ижмы вернулось к практике издания своей газеты. Новым редактором назначили Н.К. Хатанзейского, а заместителем он пригласил уже упомянутого выше Г.А. Филиппова, который на долгие годы стал одним из ведущих журналистов газеты[16].

С этого времени начинается третий период в истории газеты: 1965 – начало 1980-х годов. Н.К. Хатанзейский возглавлял коллектив 19 лет[17]. Столь долгую трудовую деятельность можно объяснить тем, что за его плечами уже был довольно большой опыт работы журналистом. Именно при нём по инициативе редакции в районе стали присваиваться звания заслуженных колхозников, почётных граждан[18].

Газета сначала печаталась на коми литературном языке под названием «Выль Войвыв» («Новый Север»), но у редакции газеты это выходило неважно – сказывался ижемский диалект. Другая проблема заключалась в том, что в лесных посёлках Ижемского леспромхоза в большинстве было русскоязычное население. Было решено опросить читателей; более 90 % хотели читать её на русском языке, поэтому в 1967 г. она стала печататься на русском языке и называться «Новый Север». Тираж в 1965 г. составил 2 500 экземпляров, а после того, как газета стала выходить на русском языке, увеличился почти в два раза[19], но уже на 1975 г. он составлял 3 504 экземпляра[20]. Специальных рубрик в газете не было, но стоит отметить, что именно при Н.К. Хатанзейском в ней большое внимание уделялось теме Великой Отечественной войны. В нескольких номерах газеты за 1975 г. приведена подборка документов партийного архива Коми обкома КПСС, рассказывающая о вкладе Ижемского района в победу, приведены статистические данные по лесозаготовкам и сельскому хозяйству[21]. Существенное внимание в газете уделялось вкладу «оленьих» бата-

[16] *Филиппов Г.А.* Жизнь, отданная газете «Новый Север»… С. 11, 15.

[17] Твои люди, Ижма. Никон Кондратьевич Хатанзейский [Электронный ресурс]. URL: https://museum-izhma.ru/spisok-znamenityh-ljudej/khatanzejjskijj-nikon-kondratevich/?sphrase_id=26120 (дата обращения: 28.06.2022).

[18] 18 июня 1922 года – день рождения Ижемской газеты «Новый север»…

[19] *Филиппов Г.А.* Жизнь, отданная газете «Новый Север»… С. 17–18.

[20] Новый Север. 1975. 22 март. С. 4.

[21] Труд во имя Победы: Документы рассказывают. 1942 [Подборка документов ГУРК НАРК] // Новый Север. 1975. 22 март. С. 3.

льонов в победу советской армии, поскольку оленеводство – один из важных видов деятельности коми-ижемцев[22].

Не оставляла без внимания газета и выдающихся личностей района, которые достигли больших успехов в своей деятельности. Как отмечает Г.А. Филиппов, существовало неписаное правило: побольше публиковать материалы рядовых людей – животноводов, механизаторов, строителей, лесозаготовителей[23]. В качестве корреспондентов, авторов статей выступали директора совхозов, председатели райсовета ветеранов, мастера лесопунктов, начальник РОВД, инспекторы РОНО, начальники райбыт управления, секретари комитета Ижемского леспромхоза и др.

После ухода на заслуженный отдых Н.К. Хатанзейского в 1983 г. для районки наступил новый, четвёртый, период, продолжающийся по сегодняшний день. Главным редактором был назначен выпускник факультета журналистики Московского государственного университета В.Н. Тимофеев. Он проработал в редакции четыре года (до 1987 г.) и был первым редактором, имеющим высшее профессиональное образование. Валентин Николаевич оказался не только профессионалом, но и тактичным, разумным руководителем, умеющим направлять творчество журналистов, которое отвечало требованиям дня[24]. После сменилось еще восемь редакторов, среди которых долгое время были Л.А. Семяшкин (1987–1992 гг.) и А.А. Семяшкина (1994–1999 гг.)[25]. С 2009 г. и по настоящее время главным редактором «Нового Севера» является Н.В. Николаева, которая первоначально пришла работать еще корреспондентом в 1992 г. Большим другом, примером и наставником для нее был Н.К. Хатанзейский[26].

Периодичность «районки» в это время менялась: с 1985 г.[27] и по 1995 г. она выходила три раза в неделю: по вторникам, четвергам и

[22] *Терентьев В.* В добрый путь, оленевод // Новый Север. 1975. 25 марта. С. 1; Хатанзейский Н.К. «Олений» батальон // Новый Север. 1995. 11 июл. С. 1–2.

[23] *Филиппов Г.А.* Жизнь, отданная газете «Новый Север»… С. 17.

[24] Там же. С. 20.

[25] Твои люди, Ижма. Редакторы газета «Красная Печора» – «Новый Север»…

[26] Главред газеты «Новый Север» Наталья Николаева: «Люди, про которых я писала, становились почти родными» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/140976/?ysclid=l4ye27e4s5673186578/ (дата обращения: 27.06.2022).

[27] Новый Север. 1985. 8 янв. С. 4.

субботам[28], с 2005 г. – два раза в неделю: по вторникам и субботам[29]. Сегодня газета также выходит два раза в неделю, только по средам и субботам в двуцветном исполнении (чёрно-белая).

Претерпел изменения и тираж: с 1985 г. он вырос до 4 502 экземпляров[30], однако с 1995 г. наблюдается снижение тиража почти в два раза (2 484 экземпляров). Он менялся в 2005 г. (2 708 экземпляров), в 2015 г. (3 173 экземпляра)[31]. Сегодня тираж районки составляет 1 670 экземпляров – это чуть больше, чем в военное и послевоенное время. Возможно, снижение тиража может быть обусловлено тем, что сейчас источниками информации являются Интернет, телевидение, в которых доступ к информации оперативен и, возможно, более удобен. Да и в самом Ижме население заметно уменьшилось в последние годы (с 1992 г. по 2021 г. с 23,900[32] до 17,009 тыс. человек[33]).

Что касается объема газеты, то до 1995 г. в одном ее выпуске было четыре страницы, с 2005 г. и до сегодняшнего дня количество страниц определяется в зависимости от объема информации, которую нужно опубликовать. Сегодня в газете есть две постоянные рубрики: «Короткой строкой» и «О главном за неделю», в более ранних выпусках встречается постоянная рубрика «Новости. События. Факты», «Криминальная хроника». Конечно, больше всего информации об актуальных вопросах Ижемского района. Государственным и международным новостям обычно отводится два-три абзаца. Корреспонденты и авторы статей – председатели совета ветеранов, Совета муниципального района «Ижемский», работники пресс-службы Главы РК и информатагенства Коми.

Таким образом, ижемская районная газета проделала сложный путь с 1920 г. и до сегодняшнего дня. За это время сменилось 30 редакторов, менялся тираж, который достигал наибольшего объема в 1960–

[28] Новый Север. 1995. 14 янв. С. 4.
[29] Новый Север. 2005. 22 март. С. 8.
[30] Новый Север. 1985. 8 янв. С. 4.
[31] Новый Север. 2015. 3 янв. С. 4.
[32] Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 г. Сыктывкар, 1992. С. 60.
[33] Культурная карта Республики Коми. Ижемский район сегодня [Электронный ресурс]. URL: https://cultmap.nbrkomi.ru/ru/page/levoe_menju.munitsipalnye_rayony.izhemskiy.-today_izhma/ (дата обращения: 27.05.22).

1980-е годы. Менялось количество страниц в газете: от двух полос до четырех. Четыре этапа, которые с очевидностью прослеживаются в ее истории, связаны не только с главными событиями в республике и стране, но и со сменой редакторов, которые подчас оказывали немаловажное влияние на развитие газеты.

Сегодня экземпляры региональной газеты хранятся в нескольких местах: Национальном архиве Республики Коми, республиканской Национальной библиотеке, Ижемском районном историко-краеведческом музее. Газета продолжает печататься, и её с удовольствием читают в районе и отдалённых деревнях, где она все ещё является первоисточником получения информации о событиях. У неё есть официальная страница в Интернете (https://nsever.ucoz.ru/) и социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/newsever). Конечно, не все исторические факты удалось изучить в рамках приведенных периодов, требуется также анализ содержания газетных публикаций, который, как видно из данного краткого обзора, содержит информацию о повседневной жизни коми ижемцев. Однако на сегодняшний день, очевидно, назрела необходимость детального изучения истории районки как важной части республиканской периодики.

Там Хок Чиу

Шаньдунский университет (КНР)

Внешняя политика СССР накануне Второй мировой войны глазами китайских историков: краткая историография проблемы

Данная статья посвящена краткой характериситке китайской историографии по изучению внешней политики СССР накануне Второй мировой войны, которая являлась актуальной исторической темой в исследовании истории СССР ещё в военные годы, в годы народно-освободительского движения (1937–1949 гг.), а также после образования КНР. Сначала просоветский взгляд занимал ведущие позиции в трудах традиционных китайских историков-коммунистов, которые, серьёзно рассматривая международные кризисы в Европе и Азии и опасное положение СССР под угрозой Второй Империалистической войны, защищали позиции СССР как соратника Китайской революции. Ухудшение советско-китайских отношений, безусловно, оказывало отрицательное влияние на данную точку зрения, однако по факту переломное изменение курса и исторической оценки роли СССР и его внешней политики состоялось из-за тенденции исторического нигилизма и вестернизации в Китае с 1978 г. Китайские историки новых поколений перешли к резкой критике СССР, обвиняя его за так называемые «великодержавный шовинизм» и «амбицию». На самом деле из-за недостатка широкого изучения и анализа источников либеральные антисоветские и антироссийские взгляды китайских историков были сформулированы лишь на базе работ западных историков-пропагандистов.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, политика «умиротворения», китайская историография, идеологическая борьба, «великодержавный шовинизм», исторический нигилизм

Внешняя политика СССР в борьбе с западными державами перед началом германо-польской войны всегда занимала важное место в военно-политической истории Европы XX в. Такие вопросы как «коллективная безопасность», «борьба за англо-франко-советский союз»,

«пакт о ненападении между СССР и Германией» и многие другие довольно рано привлекли внимание советских, российских и зарубежных историков. Среди ключевых трудов по данной проблеме можно назвать опубликованные в советский период монографии Ф.Д. Волкова[1], В.Я. Сиполса[2] и др.[3] В постсоветский период этой темой продолжают заниматься М.И. Мельтюхов[4], А.Б. Мартиросян[5] и др.[6] На Западе данные проблемы также изучены в работах Ч. Моуэта[7], У. Рока[8] и др.[9] Помимо произведений А. Дж. П. Тейлора[10], Л. Мосли[11], Э. Ротштейна[12] и др., которые достаточно объективно оценивают обстановку в ходе появления очагов войны в Европе (Испания, Герма-

[1] *Волков Ф.Д.* СССР – Англия (1929–1945 гг.): англо-советские отношения накануне и в период Второй Мировой войны. М., 1964. 559 с.*; Волков Ф.Д.*Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. 462 с.

[2] *Сиполс В.Я.* За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918–1920 гг.). М., 1959, 224 с.; *Сиполс В.Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940 гг. Рига, 1968. 348 с.; *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза 1933–1935 гг. М., 1980. 391 с.; *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М., 1987. 335 с.; *Панкрашова М.Н., Сиполс В.Я.* Почему не удалось предотвратить войну – Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор). М., 1970. 125 с.

[3] История дипломатии / под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова, С.Ю. Выгодского и др. Т. 3. М., 1965. 832 с.

[4] *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М., 2015. 618 с.

[5] *Мартиросян А.Б.* Накануне 23 августа 1939 г. М., 2009, 317 с.

[6] Война и политика 1939–1941 гг. / под ред. А.О. Чубарьян, Н.И. Егорова и др. М., 2000. 495 с.; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.), М., 2008. 477 с.; *Куманёв Г.А.* Проблемы военной истории отечества (1938–1945 гг.). М., 2007. 655 с.

[7] *Mowat C.* Britain between the wars 1918–1940. London, 1955. P. 639–642.

[8] *Rock W. R.* British appeasement in the 1930's. London, 1977. 111 p.

[9] *Fuller J.F.C.* The Second World war 1939–1945. A strategical and tactical history. Kent, 1948. P. 17–32; *Haines C.G., Hoffman R.J.S.* The origins and background of the Second World war. London, New York; Toronto, 1943. P. 509–547.

[10] *Taylor A.J.P.* The origins of the Second World war, New York, 1964, 357 p.; English History 1914–1945. Oxford, 1965; P. 389–453. *Тейлор А.* Вторая Мировая война / пер. с англ. З.П. Вольской // Вторая Мировая война: два взгляда, М., 1995. С. 375–555.

[11] *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая Мировая война / пер. с английского Е.М. Федотова. М., 1972. 375 с.

[12] *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор / пер. с англ. С.И. Аллилуевой, В.В. Исакович и Г.И. Герасимова. М., 1959. 423 с.

ния, Италия) и в Азии (Япония и Маньчжурия) и защищали позицию СССР в борьбе за мир и собственную госбезопасность, большинство западных либеральных историков уделяют большое внимание так называемой «экспансии» СССР в пользу международных кризисов из-за агрессии фашистских стран оси, сильно критикуют основной курс советской внешней политики.

Идеологическая и научно-исследовательская борьба на тему советской внешней политики накануне большой войны также сильно влияет на китайскую историографию по данной проблеме. Ещё в годы антияпонской войны (1937–1945 гг.) лидер Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдун подверг сильной критике политику «умиротворения» или «попустительства» Англии, Франции, США в деле усиления военно-политической авантюры гитлеровской Германии и втягивания её в войну с СССР. Он положительно оценивал внешнюю политику СССР в борьбе с фашистскими агрессорами и попустителями западных империалистических держав на фоне подготовки к будущей Второй мировой войне (Второй империалистической войне, по словам И.В. Сталина и Мао Цзэдуна)[13]. По мнению Мао, договор о ненападении между СССР и Германией являлся необходимой и эффективной тактикой в целях не только ликвидации заговора Запада против СССР и подстрекательства нападения Германии против него, но и прорыва их блокады от Балтийского до Чёрного морей[14]. Бывший военный журналист и министр МИД КНР Цяо Гуаньхуа в сборнике

[13] В оригинальном тексте сочинений И.В. Сталина и Мао Цзэдуна данная великая война называлась Второй империалистической войной (под влиянием теории В.И. Ленина), и период с мюнхенского сговора до развязывания германо-польской войны уже считался первым этапом этой войны. См.: *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Ленин В.И. Сочинения, 4-е изд. Т. 22. М., 1948. С. 173–290; *Сталин И. В.* Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) 10 марта 1939 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 294–295; *Мао Цзэдун.* Беседа с корреспондентом «Синьхуажибао» о современной международной обстановке (1 сентября 1939 г.), Единство интересов Советского Союза и всего человечества (28 сентября 1939 г.) // Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1953. Т. 3. С. 58–59, 89–91.

[14] *Мао Цзэдун.* Против капитулянтства (30 июня 1939 г.); Беседа с корреспондентом «Синьхуажибао» о современной международной обстановке (1 сентября 1939 г.); Единство интересов Советского Союза и всего человечества (28 сентября 1939 г.) // *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. М., 1953. Т. 3. С. 36–39, 53–65, 79–96.

своих статей в годы войны под названием «От Мюнхена до Дюнкерка – о ходе образования, развития, изменения Второй Европейской войны» также поддерживал точку зрения Мао Цзэдуна[15]. Таким образом, просоветская оценка стала основным официальным выводом по внешней политике СССР среди историков КПК и позже КНР, в частности, в китайско-коммунистической историографии в военные годы против японских захватчиков и белой армии Чан Кайши, а также после образования КНР и в 1950 – 1970-е годы (включая период Великой пролетарской культурной революции в Китае).

Ранние историки КНР под влиянием идеологии и методологии советских исторических наук главным образом изучали исторический контекст и главные события, связанные с Мюнхенским сговором, политикой «попустительства» Англии, Франции и США по использованию агрессии Германии против СССР, а также с дипломатическим сопротивлением СССР западным державам. Историки вводили в научный оборот и переводили актуальные труды советских историков на китайский язык. За этот период такие китайские историки, как Хуа Ган (华岗)[16], Ву Икан (伍贻康)[17], Ше Юй (学裕)[18], Чжэн Си (郑析)[19], Сы Му (思慕)[20], Хе Яохуа (何耀华)[21], Сюй Тяньсинь (徐天新), Го Хуа-

[15] 乔冠华：《从慕尼黑到敦刻尔克—关于第二次欧战的形成、发展和演变》，北京：世界知识出版社，1984。(*Цяо Гуаньхуа.* От Мюнхена до Дюнкерка – о ходе образования, развития, изменения Второй Европейской войны. Пекин, 1984. 236 с.)

[16] 华岗：《苏联外交史》，上海：海燕书店，1950。(*Хуа Ган.* История дипломатии СССР. Шанхай, 1950. 465 с.)

[17] 伍贻康：〈美国“中立”法的帝国主义本质〉 // 《历史教学》，1961 年 01 期，第 66–72 页。伍贻康：〈美帝 国主义与慕尼黑阴谋〉 // 《历史教学》，1963 年 02 期，第 24–29 页。(*Ву Икан.* Суть империализм США в «нейтральном законе» // Преподавание истории. 1961. № 1. С. 66–72; *Ву Икан.* Империализм США и Мюнхенский сговор // Преподавание истории. 1963. № 2. С. 24–29.)

[18] 学裕：〈何谓慕尼黑阴谋〉 // 《世界知识》，1966 年 05 期，第 25 页。(*Ше Юй.* Что такое Мюнхенский сговор // Знания мира. 1966. № 5. С. 25.)

[19] 郑析：〈张伯伦是怎样搬起石头打自己脚的？〉 // 《郑州大学学报(哲学社会科学版)》，1975 年 04 期，第 85-89 页。(*Чжэн Си.* Как политика Чемберлена получила себе наказание? // Вестник университета Чжэнчжоу (философские и социальные науки). 1975. № 4. С. 85–89.)

[20] 思慕：〈拆穿“缓和”的西洋镜〉 // 《世界知识》，1978 年 01 期，第 16-20 页。(*Сы Му.* Раскрытие сути политики «умиротворения» // Знания мира. 1978. № 1. С. 16–20.)

[21] 何耀华：〈评二三十年代的西方绥靖主义〉 // 《吉林大学社会科学学报》，1978 年 03 期，第 69–76 页。(*Хе Яохуа* Краткий обзор о мысли «умиротворения» западных держав в

жун (郭华榕) и др.[22], считая СССР соратником в народно-освободительной борьбе китайского народа, написали ряд работ на базе опубликованных на китайском языке материалов из СССР и других восточноевропейских социалистических республик[23]. Историки со стороны Китая непосредственно и остро обвиняли политику «умиротворения» Н. Чемберлена и Э. Даладье в заговоре ускорения разжигания новой империалистической войны и в углублении военной угрозы против СССР и Китая в целях установления англо-американского нового мирового порядка над разрушенными к концу тотальной войны (т.е. Второй мировой войны) СССР и Китаем.

Однако в связи с ухудшением советско-китайских отношений и провалом, с конца 1950-х годов, союза социалистических стран между КНР, СССР и др., а также с политической, военной, экономической и идеологической реформами под влиянием вестернизации с 1978 г. вышеуказанная просоветская мысль, тем не менее, стала устаревшей и находилась в критическом положении. Сторонники внешней политики СССР были вынуждены скрывать свои просоветские мнения или выступать против политики Сталина.

Таким образом, с того периода и до сих пор китайских историков, изучающих данную проблему, можно разделить минимально на две группы: консервативные и резко антисоветские/антироссийские. Консервативные влиятельные историки КНР во главе Ци Шыжуна (齐世荣) и др. настойчиво считают, что политика «умиротворения» западных держав была одной из главных причин мировой войны, наряду с экспансионистскими планами гитлеровской Германии, милитаристической Японии и фашистской Италии. Они считают, что СССР имел право защищать свою безопасность ведением активной внешней политики в целях прорыва изоляции и блокады западных держав, но были вынуждены рассматривать, главным образом, англо-амери-

1920–1930 гг. // Вестник социальных наук университета Гирина. 1978. № 3. С. 69–76.)

[22] 《简明世界史—现代部分》，北京大学历史系简明世界史编写组编撰，北京：人民出版社，1974，第 214–225 页。(Краткая история мира (новейшая эра) // под редакцией исторического факультета Пекинского университета. Пекин, 1974. С. 214–225.)

[23] См.: Документы и материалы кануна Второй Мировой войны. М., 1948. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг.: Из Архива Министерства Иностранных Дел Германии. 370 с.; Т. 2. 1938–1939 гг.: Архив Дирксена. 290 с.; Фальсификаторы истории. М., 1948. 79 с.

канские материалы и монографии и игнорировать общую конспирацию западных держав по использованию постепенных агрессивных актов Германии на востоке против СССР. Историк Сюй Тяньсинь, являясь выпускником исторического факультета Ленинградского государственного университета, лично пытался и пытается защищать внешнюю политику СССР накануне войны в личных беседах, но из-за общей антисоветской тенденции он также был вынужден как публично, так и в своих работах критиковать «преступность» пакта СССР с Германией и «шовинизм» СССР на прибалтийском плацдарме[24].

В целом на фоне осложняющейся тенденции к переписыванию истории СССР и историческому нигилизму официальное мнение и общая оценка с того момента находились под влиянием сторонников «свержения» китайских историков – представителями нового поколения, получившими образование в западных странах или просто ведущими свои исследования под влиянием западных антисоветских/антироссийских историков.

Появлялось больше таких историков, как Ван Сыдэ (王斯德), Чень Цзен (陈兼)[25], Хуан Цзяцюань (黄家泉)[26] и др.[27], которые сформулиро-

---

[24] 徐天新：《平等、强国的理想与苏联的实践》，合肥：安徽大学出版社，2005，第193-245页；《斯大林模式的形成：苏联史(第4卷)》，北京：人民出版社，2013，第348–375页；〈平等、强国的追求与苏联的历史发展〉 // 《史学理论研究》，2005年02期，第126-131页。(*Сюй Тяньсинь.* Практика СССР и идеи равноправия и сверхдержавы. Хэфэй, 2005. С. 193–245. *Сюй Тяньсинь.* История СССР. Т. 4. Пекин, 2013. С. 348–375. *Сюй Тяньсинь.*Историческое развитие СССР и стремление к равноправию и сверхдержаве // Изучение по историческим теориям. 2005. № 2. С. 126–131.)

[25] 王斯德、陈兼：〈中国抗日战争与世界主要大国的战略演变〉 // 《社会科学战线》，1985年03期，第155–165页。(*Ван Сыдэ, Чень Цзен.* Китайская Антияпонская война и стратегические манёвры главных мировых держав // Фронт социальных наук. 1985. № 3. С. 155–165.)

[26] 黄家泉：〈从过境权问题看1939年英法苏谈判失败的原因〉 // 《郑州大学学报》1987年04期，第57–64页。(*Хуан Цзяцюань.* Пропуск транзита Красной Армии и причины к провалу англо-франко-советских переговоров // Вестник университета Чжэнчжоу. 1987. № 4. С. 57–64.)

[27] 李玲、禾人：〈《苏德互不侵犯条约》试析〉 // 《山西大学学报(哲学社会科学版)》，1983年02期，第77–84页。(*Ли Лин, Хэ Жэнь.* О договоре о ненападении между СССР и Германией // Вестник университета Шаньси (Философские и социальные науки). 1983. № 2. С. 77–84.) 徐炽庆：〈从列宁的对外政策评《苏德互不侵犯条约》〉 // 《江西师范大学学报》，1984年04期，第47-54页。(*Сюй Чжьцин.* О

вали резкие точки зрения против позиции СССР и его внешней политики в 1939 г., остро критикуя «вину» СССР в заключении пакта с Германией, и переоценивали его негативное влияние на восточноевропейские страны и даже на общий антифашистский блок. «Пакт Молотова-Риббентропа», являясь «полным отражением» русских амбиций в целях восстановления пространства бывшей империи, оказывался даже более агрессивным деянием, чем нападение Германии на Польшу. Например, Хуан Цзяцюань, Кан Чуньлинь (康春林)[28], Чжан Шэнфа (张盛发)[29] и др.[30], искажая историческую правду, писали о том, что СССР, используя военно-политические кризисы в центральной и восточной Европе, а также международные конфликты между Англией, Францией и Германией, Италией, неоднократно пытался устанавливать себе выгоднее положение ценой суверенитета и свободы Польши, Румынии, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и др. ещё в ходе Московской военной конференции (12–22 августа 1939 г.) до заключения пакта с Германией, когда маршал СССР К.Е. Ворошилов предложил англо-французской миссии серьёзно рассматривать вопросы о пропуске советских войск через территорию Польши, Румынии и Прибалтики.

Кроме того, некоторые китайские историки являются апологетами политики западных держав, прикладывая немало усилий к напряжённому идеологическому противостоянию между западными державами

пакте о ненападении между СССР и Германией со стороны теории внешней политики Ленина // Вестник педагогического университета Цзянси. 1984. № 4. С. 47–54.)

[28] 康春林：〈论二战爆发前苏军西进过境的问题〉 //《史学集刊》，2003 年 02 期，第 57-64、112 页。(*Кан Чуньлинь* О вопросе продвижения советских войск на запад накануне Второй мировой войны // Исторический журнал. 2003. № 2. С. 57–64, 112.)

[29] 张盛发：〈20 世纪 30 年代苏联从集体安全到一国自保的历史考察〉 //《俄罗斯学刊》，2015 年 04 期，第 7–33 页。(*Чжан Шэнфа.* С коллективной безопасности до защиты одного государства: изучение по истории политики СССР в 1930-е годы // Изучение по России. 2015. № 4. С. 7–33.)

[30] 杨永锋：〈从过境权问题看三国谈判失败的苏联因素〉，《和田师范专科学校学报》，2006 年 02 期，第 51-52 页。(*Ян Йонфэн.* Проблема «транзит войск» как причина к неудаче переговоров между Англией, Францией и СССР // Вестник педагогического колледжа Хэтянь. 2006. № 2. С. 51–52.) 姚红艳：〈《苏德互不侵犯条约》再评价〉 //《徐州教育学院学报》，2006 年 01 期，第 69-71 页。(*Яо Хонянь.* Пересмотр пакта о ненападении между СССР и Германией // Вестник Колледжа воспитания Сюйчжоу. 2006. № 1. С. 69–71.)

и СССР, но полностью игнорируя антисоветские дипломатические действия и военно-политические заговоры Великобритании, Франции и США в ходе переговоров с СССР. По мнению Цянь Чэндана (钱乘旦) и Сюй Цземинь (许洁明), конспирация Англии и её «западно-демократических» союзников против СССР не имела место, идея же «умиротворения» вообще не являлась собственной виной Чемберлена и его кабинета, а была результатом общего антивоенного сознания большинства английского народа. Провал англо-франко-советских военных переговоров был досадной случайностью, причины которой не были связаны с политикой «умиротворения» (попустительства) Чемберлена. Провал, по их мнению, был обусловлен сугубо идеологическими конфликтами и взаимными подозрениями и, самое главное, изменой СССР – заключением советско-германского пакта о ненападении[31]. Аналогичная точка зрения присутствует в работе тайванского историка Ван Ци (王琪)[32]. Она заключается в оправдании «мирной» политики Чемберлена; автор полагает, что Англия постоянно шла на уступки Гитлеру, главным образом, в целях избежания войны с Германией, чтобы обезопасить Европу и оградить европейские народы от любой крупной войны, а внешняя политика СССР ничем не задерживала дальнейшую агрессию Третьего Рейха.

На основе вышеуказанного содержания можно сделать следующие выводы. В целом, внешняя политика СССР накануне большой войны в Европе действительно оказывается популярной и актуальной среди китайских историков уже в первые годы после образования КНР. В ранний период традиционные китайские историки, главным образом, следовали за мнением Мао Цзэдуна и других китайских коммунистов-революционеров, настойчиво удерживали просоветские взгляды в изучении и рассмотрении ряда основных событий, связанных с борьбой СССР с державами Запада и Оси за мир и безопасность, уделяя большое внимание коварным заговорам под маской «умиротворения»

[31] 钱乘旦、许洁明：《英国通史》，上海：上海社会科学院出版社， 2002，第 330-332 页。(*Цянь Чэндан, Сюй Цземинь.* История Англии. Шанхай, 2002. С. 330–332.)

[32] 王琪：〈张伯伦首相时代英国姑息政策之根源探讨〉 // 《国立成功大学历史学报》，1988 年 03 期第 14 号，第 79–209 页。(*Ван Ци.* Об источнике политики «умиротворения» при правлении премьер-министра Чемберлена // Вестник Национального университета Чэнг-Кунг. 1988 № 3/14. С. 79–209.)

западных держав против СССР и с целью втягивания Германии (а также Японии) в войну с СССР. Однако в связи с политико-экономическими реформами, а также с вестернизацией, с 1980-х годов среди китайских историков была обнаружена тенденция резкого исторического нигилизма и ревизионизма по вопросам советской дипломатии перед началом большой войны. Историки при изучении причин начала войны сильно обвиняли СССР в «великодержавном шовинизме» и «тайном сближении» с Германией в целях распространения своей сферы влияния на Прибалтику и восточноевропейские страны. Очевидно, данные «новые» точки зрения у китайских историков не были собственной новацией, а были полностью и непосредственно подчерпнуты из работ англо-американских историков, идеологов, а также из монографий либеральных историков-пропагандистов, политологов западных держав НАТО.

До сих пор из-за идеологических ограничений и недостатка подлинных материалов современные китайские историки по данной теме ещё не в состоянии объективно и разумно оценивать положение СССР наряду с его внешней политикой, военной стратегией и тактикой перед началом большой европейской войны и самой Великой Отечественной войны. В их работах проблемы лишь обсуждаются без широкого изучения и анализа архивных документов и опубликованных материалов. Кроме того, прозападная и проамериканская идеология превосходящим образом влияет на мышление большинства китайских историков новых поколений.

К.С. Ланкова

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Источниковые возможности газеты «Ханкайский ударник» для изучения повседневной жизни местных жителей в годы Хрущевской оттепели (1953–1964)*

В статье раскрываются источниковые особенности периодической печати при реконструкции сельской повседневности в период «хрущевской оттепели». Показана специфика жизни дальневосточной части страны и ее приграничной территории – Ханкайского района. На основе анализа публикаций местного издания определено шесть основных направлений освещения повседневной жизни: трудовая деятельность, культурно-массовая работа, материальное благосостояние, молодежная политика, трудности и негативные проявления жизни, досуг. Сделан вывод о том, что локальная газета обладала универсальностью и широтой охвата действительности, всех сторон общества и бытия провинциального человека. Тем не менее, источниковый потенциал газеты как официального источника информации о повседневной жизни лимитирован.

Ключевые слова: история повседневности, локальная история, исторический источник, периодическая печать, Приморский край, Ханкайский район, хрущевская оттепель.

История повседневности является автономной отраслью современных гуманитарных и общественных наук. «Повседневность – это текущая изо дня в день реальность человеческой жизни, охватывающая множество разных слоев: культурный, исторический, социальный, биографический, субъективный»[1]. Реконструкция повседневности советского поколения на основе анализа публикаций периодических

---

* Статья публикуется в авторском варианте.

[1] *Гусельцева М.С.* Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 1.

изданий является предметом исследования отечественных и зарубежных авторов. В центре внимания исследователей не всеобъемлющая история конкретно-бытовых процессов, а осмысление жизненных проблем, оценка причин изменений действительности как цельного мира. Акцент делается на применении в исследовательской практике микроанализа как способа описания частных примеров и выявления существенных особенностей жизни малых территорий, отражающих структуру социальных связей и культуры. История повседневности выступает в роли связующего звена между сферой человеческой обыденности в ее социокультурных аспектах и субъективной реальностью индивида. При этом ключевое место занимает локальная община, как «переход от доминирования умозрительных схем и построений к «истории подробностей жизни»[2]. Описательная история людского быта объединяет в общий предмет, в общую исследовательскую направленность отдельные сюжеты и темы научного интереса: устную историю, гендерную историю, концепты макро- и микроистории, материалы газет, журналов и иной прессы, краеведческие публикации, личные беседы, мемуары и т.д.

Методы и приемы изучения советской повседневности на материалах периодических изданий достаточно подробно описаны в историографии. Анализ советской прессы как исторического источника представлен в трудах Е.В. Каменской[3], А.О. Нагимовой[4]. Основные подходы к изучению истории повседневности на локальном уровне рассмотрены в публикациях О.В. Кузнецовой[5], И.Е. Козновой[6]. В статье применен социокультурный подход, использован исторический анализ материалов периодической печати, историко-компаративный анализ, методы контент-анализа.

---

[2] *Кузнецова О.В.* История повседневности на локальном уровне подходы и трудности // Вестник ЧелГУ. 2007. № 21. С. 130.

[3] *Каменская Е.В.* Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // Человек, общество, власть. 2017. Т. 100. С. 37–44.

[4] *Нагимова А.О.* Районные газеты второй половины 1930-х годов как исторический источник // Архив в социуме – социум в архиве. Челябинск, 2019. 127–131.

[5] *Кузнецова О.В.* История повседневности на локальном уровне… С. 128–133.

[6] *Кознова И.Е.* Сельская советская и постсоветская повседневность в новейших российских исследованиях // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 208–220.

В отечественной историографии преобладают труды, обращенные прежде всего на крупные процессы историко-культурного пространства. Общий объем научных публикаций советских и постсоветских исследователей посвящен экономическим изменениям, политическим и идеологическим тенденциям, влиянию территориальных особенностей на развитие геополитики, природно-ресурсного потенциала. Если по отдельным российским регионам существует значительное количество источников и исследований, пригодных для изучения истории повседневности, то по дальневосточной части страны, включая Ханкайский район Приморского края, работы скудны и ограничены. Поле научного интереса составляли работы О.Д. Салахутдиновой[7], А.Л. Ивлева[8], Н.А. Клюева, К.И. Ук[9]. Освещение различных аспектов жизни дальневосточной приграничной области позволяет восполнить пробелы малоизученности, в том числе охарактеризовать быт местных жителей в исследуемый исторический период в контексте истории СССР.

В изучении истории советской повседневности используются различные источники, в том числе широкий спектр возможностей описания действительности предоставляет периодика, выступающая «инструментом гражданской активности советских людей, способом воздействия и изменения существующей ситуации»[10]. В данном исследовании особое внимание к изучению повседневности жителей Ханкайского района в период «хрущевской оттепели» уделено локальной периодической печати – газете «Ханкайский ударник». Газета имела разносторонний информационный характер для своего круга читателей: врачей, учителей, милиционеров, работников библиотек и кинотеатров, рабочих сельскохозяйственного производства, молодежи и воспитанников школ. «Ханкайский ударник» всячески учитывал

[7] *Салахутдинова О.Д.* Развитие образования в Ханкайском районе в начале XX // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России. Уссурийск, 2014. С. 133–141.

[8] *Ивлиев А.Л.* Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7478.

[9] *Клюев Н.А., Ук К.И.* Раскопки памятника Дворянке-1 в Приморье в 2004–2006 гг. К проблемам среднего раннего неолита и распространения бронзовой культуры в Приморье // 동북아 문화연구. 2009. Т. 19. С. 387–411.

[10] *Каменская Е.В.* Советские газеты как исторический источник… С. 37.

интересы аудитории, ее потребность быть осведомленной о новостях в культурной и общественной жизни района. Отражение повседневности сквозь призму газетных публикаций «Ханкайского ударника», с одной стороны, дает комплексное представление о сферах жизнедеятельности, занятости сельского социума, территориально-бытовых особенностях, коммуникативной среде. С другой стороны, сведения периодического издания иллюстрируют лубочную, глянцевую картину бытия, которая в силу идеологической заданности ограничивает повествование о действительных проблемах советской жизни. Исторический анализ материалов периодической печати позволит раскрыть источниковые возможности газеты «Ханкайский ударник» для изучения повседневной жизни сельчан в 1953–1964 гг.

Ханкайский район расположен в северо-западной части Приморского края на левом берегу озера Ханка. С 1926 г. и по настоящее время административным центром приграничной с Китаем территории является с. Камень-Рыболов. В советский период в состав Ханкайского района входило более 20 сел. Предприятия Ханкайского района были ориентированы на производстве мясомолочной продукции, выращивании зерна и технических культур.

Первый выпуск «Ханкайского ударника» вышел в свет 6 мая 1932 г., и уже на протяжении 90 лет не прекращает своего существования. Газета выходила два раза (в предпраздничные дни – три раза) в неделю, а ее тираж составлял 1 500 экземпляров. Прямой задачей местного издания ставилась освещение местных новостей. Причем если во время правления Н.С. Хрущева основные публикации были посвящены жизни с. Камень-Рыболов и Ханкайского района, то с начала 60-х годов таких публикаций стало значительно меньше, а предметом обсуждения выступали события со всех районов Приморского края. С момента основания газета являлась органом Ханкайского райкома КПСС и Ханкайского районного Совета депутатов трудящихся Приморского края. С февраля 1958 г. газета выходила под названием «Знамя Октября». В 1962 г. «Приморские зори» были преобразованы в межрайонную газету Приморского крайкома КПСС и крайисполкома территориального производственного совхозно-колхозного управления. К 1963 г. в процессе трансформации «Ханкайского

ударника» до 6 700 экземпляров увеличился тираж газеты. Политико-идеологическую направленность местного издания составляли публикации «Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1957 года»[11], ТАСС «Народное хозяйство в 1960 году»[12], «Материалы XXI съезда КПСС – в массы!»[13] и др.

В январе 1960 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР «О развитии г. Владивостока». Планировалось ускоренное строительство жилищно-гражданского пространства: библиотек, кино- и драматических театров, гостиниц, школ и детских садов. В том числе «речь шла не о простом увеличении физических размеров Владивостока, а о его превращении в один из лучших и красивейших городов СССР»[14]. Налаживание темпов народного хозяйства в годы пятой пятилетки обозначилось в превышении доходов над расходами в отдаленной части Приморского края – Ханкайском районе. Из протокола заседания от 16 февраля 1955 г. Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся 5-го Созыва следует, что «бюджет Ханкайского района за 1954 год выполнен по доходам в сумме 5 453,1 тыс. руб. или 103,3 %, и по расходам в сумме 5 074,4 тыс. руб. или 96,5 %»[15]. В докладах отмечается создание необходимых условий, способствующих «развитию всех отраслей хозяйства, росту культуры и материального благосостояния трудящихся района»[16]. В начале 1960-х годов среди сельскохозяйственных районов Приморского края Ханкайский район занимал «первое место по производству»[17] и продаже государству областных культур – зерна, риса, сои. В частности, приханкайская территория была одним из главных поставщиков мяса и молока Приморского края. «Ханкайский ударник» писал о вовлеченности сельского населения в результаты народного производ-

[11] Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1957 года // Ханкайский ударник. 1957. 27 апр.
[12] Народное хозяйство в 1960 году // Знамя Октября. 1961. 29 янв.
[13] Материалы XXI съезда КПСС – в массы! // Знамя Октября. 1959. 13 февр.
[14] *Власов С.А.* Владивосток в годы хрущевской «оттепели» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3 (14). С. 51.
[15] Архивный отдел администрации Ханкайского муниципального района. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Администрация Ханкайского района. 1923–2000 гг. С. 37.
[16] Архивный отдел администрации Ханкайского муниципального района. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Администрация Ханкайского района. 1923–2000 гг. С. 58.
[17] Ускоренными темпами // Знамя Октября. 1960. 11 нояб.

ства СССР, которая гарантировала доступ к социальным благам и высоким ставкам оплаты труда.

Неизменными рубриками, в которых отражался местный уклад жизни, являлись «Школьная тема», «Люди трудовой славы», «Партийная хроника», «По следам неопубликованных писем», «Цифры и факты», «Объявление». Особое внимание в газете было уделено рубрике «Письма в редакцию». Концепция такого обращения иллюстрировала насущные вопросы от ханкайцев, их объективное порицание тунеядства и бесконтрольности: «Вода только дразнит всех… Спрашивается, за что мы платим деньги?»[18], «Где же условия для занятия спортом?»[19], «От расхлябанности недалеко до аварий»[20]. Благодаря публичной огласке меры по предотвращению недостатков предпринимались быстрее и эффективнее: «Указанные в заметке факты подтвердились. Постройком принял меры к ликвидации имеющихся на участках простоев из-за недостатка строительных материалов»[21], «Статья обсуждалась на заседании профсоюзного местного комитета. Увольнение признанно незаконным»[22].

Материалы «Ханкайского ударника» позволяют проанализировать некоторые аспекты повседневной жизни Ханкайского района в годы «хрущевской оттепели» 1953–1964 гг.

Репрезентация повседневной жизни населения ханкайского района в газете иллюстрирует материал по шести основным направлениям: трудовая деятельность, культурно-массовая работа, материальное благосостояние, молодежная политика, трудности и негативные проявления жизни, досуг. Несмотря на территориальную отдаленность от европейской части страны и естественно-географические особенности периферии, жизнь Ханкайского района в период «хрущевской оттепели» была интенсивна и многообразна.

[18] Герасимова. Вода должна идти регулярно // Ханкайский ударник. 1957. 3 июн.
[19] Жители с. Камень-Рыболов. Где же условия для занятия спортом? // Знамя Октября. 1958. 2 март.
[20] Б. Тишин. Хозяйский глаз технике // Знамя Октября. 1961. 27 сент.
[21] Меры приняты. «Так работать нельзя» // Знамя Октября. 1961. 29 март.
[22] Газета помогла // Знамя Октября. 1958. 24 окт.

Таблица 1

Отражение повседневности ханкайцев в публикациях газеты «Ханкайский ударник» с 1953 по 1964 гг. *

Сферы жизнедеятельности	Количество публикаций, демонстрирующих аспекты жизни	Удельный вес количества измеряемых публикаций, %
Трудовая деятельность	469	23,23
Культурно-массовая работа, агитация	476	23,58
Материальное благосостояние	404	20,01
Молодежная политика	245	12,13
Трудности и негативные проявления жизни	269	13,32
Досуг	156	7,73

* *Составлена по:* Газета «Ханкайский ударник» 1953–1964 гг.

Газета дает специфические сведения о развитии культурно-массовой работы, что обусловлено высоким уровнем агитации («Предстоит сделать новый шаг вперед к претворению в жизнь задач, поставленных перед работниками народного образования XX съездом Коммунистической Партии Советского Союза»[23]), проведением общественно-значимых мероприятий, кружков художественной самодеятельности, вечеров-лекций («Была прочитана лекция «Советы депутатов трудящихся – политическая основа советской власти»»[24], «Выступления в устном журнале»[25], «Состоялись районные соревнования»[26]).

Ответственное отношение к труду являлось важным компонентом воспитания нового советского человека, качества которого были

[23] Организованно начать учебный год // Знамя Октября. 1958. 31 авг.
[24] Лекция для рабочих // Ханкайский ударник. 1955. 2 февр.
[25] Устный журнал // Знамя Октября. 1958. 20 мая.
[26] Итоги стрелковых соревнований // Ханкайский ударник. 1957. 2 июл.

декларированы в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Районная газета с задачами пропаганды трудовой самоотверженности справлялась лучше, чем региональная или центральная, так как сельчане предпочитали читать не об абстрактных героях, а о тех людях, с которыми они были знакомы лично: «Замечательно трудятся столяры Величанский и Лутченко, плотник Смирнов, печник Чаус, штукатур Стацук, разнорабочий Аникеев»[27], «Хороших результатов добились молодые доярки Вера Ничик, Лида Киричко, Мария Ивасик и др.»[28]. Сводки экономических показателей района стабильно публиковались газетой два раза в неделю. Принципы трудовой деятельности отражали идеологическое воздействие, поэтому заметки о трудовом энтузиазме активно печатались в «Ханкайском ударнике».

Умножение общественного достояния свидетельствовало о материальном благосостоянии района. Газета сообщала, что вводилось ежемесячное авансирование колхозов («На выработанный трудодень выдается по 4 рубля»[29]), производились регламентированные денежные выплаты («Выплачено многодетным и одиноким матерям госпособий 60 тысяч рублей»[30]), возрос «розничный товарооборот на предметы народного потребления»[31] (хлебобулочные изделия, сахар, растительное масло) и «культтоваров»[32] (музыкальные инструменты, мотоциклы и велосипеды, швейные машины), усовершенствовалось качество одежды (закупка шелковых тканей), расширилась работа сберегательных касс («По отдельным селам вклады увеличились»[33]), обогатился книжный фонд, увеличилось число «киноустановок и библиотек»[34], продолжилось строительство жилищного комплекса («В стадии строительства находится еще 80 домов для колхозников-переселенцев»[35]), электрифицирована железная дорога, построены зда-

[27] Их труд в пример другим // Знамя Октября. 1961. 18 сент.
[28] На подъеме // Ханкайский ударник. 1957. 10 июл.
[29] Ежемесячное авансирование колхозов // Ханкайский ударник. 1957. 26 февр.
[30] Пользуйтесь услугами сберегательных касс // Знамя Октября. 1958. 17 июн.
[31] Повысился спрос на товары широкого потребления // Знамя Октября. 1958. 4 март.
[32] Там же.
[33] Итоги за 1960 год // Знамя Октября. 1961. 13 авг.
[34] Кинофестиваль // Ханкайский ударник. 1955. 23 авг.
[35] Дома для новоселов // Знамя Октября. 1959. 2 апр.

ния райисполкома, типографии, районного отдела милиции, сдана в эксплуатацию коммунальная электростанция.

Активное участие в общественной жизни района принимала молодежь и воспитанники школ: бескорыстно помогали колхозам и совхозам в сельскохозяйственной деятельности («Отделение совхоза будет обеспеченно высококачественными семенами кукурузы. И в этом большая заслуга учащихся школ»[36], «Рассказали об успехах комсомольцев»[37]), проводили торжественные приемы в пионерскую дружину («Состоялся сбор пионерского отряда»[38]), внедряли творческие проекты («И вот комсомольцы внесли предложение»[39]). С особой признательностью газета демонстрировала трудовые усилия молодых людей и их успешные результаты.

Освещая положительные стороны повседневной жизни, газета фокусировала внимание и на негативных сторонах жизни. Жители предлагали к публикации сюжеты, в которых рассматривались бы насущные проблемы района: прерывистая работа клубов («Начало танцев в 2 часа, а начинаются они на 20–30 минут позже»[40]), плохое водоснабжение общественных бань («Помыться можно только у частных владельцев бань»[41]), несвоевременно доставленная почта, нехватка столовых («Необходимо иметь буфет. Столовой нет, и она не строится»[42]), неподобающая работа трудящихся на ответственных постах, имена которых упоминались открыто («Заведующий продовольственным магазином Щедривый Семен Андреевич 30 апреля был в таком состоянии, что не мог разговаривать с людьми»[43]). Описание изъянов и житейских проблем указывало на невыполнение прямых обязанностей, халатность и безответственность местных органов народовластия. Решения об устранении недостатков обсуждались на Исполнительном комитете Ханкайского районного Совета депутатов

[36] Спасибо, ребята! // Знамя октября. 1958. 2 июн.
[37] Торжественные вечера, посвященные 40-летию ВЛКСМ // Знамя Октября. 1958. 25 октября.
[38] Почетный пионер // Ханкайский ударник. 1957. 20 апр.
[39] Своими руками // Ханкайский ударник. 1954. 6 мая.
[40] О вечерах танцев // Знамя октября. 1958. 19 июн.
[41] Где подстричься и помыться? // Знамя Октября. 1962. 25 сент.
[42] Нужна столовая // Знамя Октября. 1962. 25 сент.
[43] Пьяницы на ответственных постах // Ханкайский ударник. 1957. 1 дек.

трудящихся и сессиях. Досуговая сторона жизни напрямую зависела от результативности устранения жалоб и недочетов («Работает новая колхозная баня»[44], «Два концерта для жителей села и колхозников»[45], «Мужчины подстриглись и побрились»[46]).

Таблица 2

Динамика предметных публикаций газеты «Ханкайский ударник» с 1953 по 1964 гг.*

Сферы жизнедеятельности	Количество публикаций, демонстрирующих аспекты жизни	Удельный вес количества измеряемых публикаций, %
Трудовая деятельность	469	23,23
Культурно-массовая работа, агитация	476	23,58
Материальное благосостояние	404	20,01
Молодежная политика	245	12,13
Трудности и негативные проявления жизни	269	13,32
Досуг	156	7,73

* Составлена по: «Ханкайский ударник» 1953–1964 гг.

Уменьшение количества публикуемых статей о жизни сельчан вызвано изменением структуры местной печати. С 1959 г. в новостную ленту «Ханкайского ударника» были включены события со всего мира; оповещение граждан о событиях в мире расширило границы их мировосприятия и отражало открытие «железного занавеса» в стране. С 1962 г. газетное издание превратилось в межрайонный канал информации, тематические обзоры которого описывали областную повседневность. Переход от местной направленности районки к транслированию событий краевого уровня значительно уменьшил общее число публикаций о жизни ханкайцев в последующие годы.

[44] Новая колхозная баня // Ханкайский ударник. 1956. 14 дек.
[45] Молодежный концерт // Ханкайский ударник. 1957. 8 нояб.
[46] Каждому селу – парикмахерскую // Знамя Октября. 1962. 1 окт.

Газета «Ханкайский ударник» имеет очевидные преимущества как исторический источник. Публикации местной газеты были интересны и понятны ханкайцам, они отличаются широтой охвата действительности, всех сторон жизни провинциального человека из приморской глубинки, и позволяют составить картину жизни района в годы хрущевской оттепели. Однако источниковый потенциал газеты как официального источника информации о повседневной жизни лимитирован советской цензурой, идеологическими рамками, негласным запретом на публикацию негативных материалов. Сведения данной газеты требуют верификации архивными материалами, фото- и видеодокументами, письмами и интервью.

А.Р. Жамалутдинов

Московский педагогический государственный университет (Москва)

Трансформация исторического сознания в период перестройки в СССР (1987–1991 год)

Статья посвящена вопросу трансформации исторического сознания в период перестройки в СССР. На основе исторических источников и историографии определены процессы радикального переосмысления советского прошлого в 1987–1991 гг., отмечены те дискуссионные проблемы, с которыми исторической науке пришлось столкнуться во второй половине 1980-х годов. Также был определён значительный вклад публицистики в переосмысление советского прошлого, доминирование непрофессионального сообщества в данном процессе. В выводе указываются варианты дальнейшего направления изучения процессов трансформации исторического сознания, акцентируется внимание не только на изучении источников изменения сознания (журнальные и газетные статьи, научные монографии, материалы круглых столов), но и на механизме верификации происходящих процессов переосмысления и отражения советского прошлого в умах широких слоёв населения СССР.

Ключевые слова: историческое сознание, перестройка, трансформация, историческая наука, публицистика.

Процессы исторического познания резко активизировались в период перестройки в СССР. Кардинальные реформы М.С. Горбачёва в экономической, политической, идеологической сферах привели к значительному росту интереса к прошлому советского государства. Перемены вызывали насущную потребность в определении исторических ошибок ради конструирования дальнейшего пути в «счастливое будущее». Процессы трансформации и изменения отношения к прошлому в этой связи приобретают особую важность и актуальность. Во-первых, перестройка существенно отразилась на исторической науке, на понимании и мифологизации дискуссионных проблем отечественной истории XX в. Наиболее острые темы причин и характера

русских революций 1917 г., Гражданской войны, НЭПа, сталинской системы, Великой Отечественной войны, хрущевской «оттепели», брежневского «застоя» актуализировались именно в этот период и явились существенным ударом по догматической историософской системе марксизма-ленинизма, привели к постепенной замене её другими методологическими парадигмами. Во-вторых, процессы перестройки выявили существенный кризис в исторической науке. До перестройки в общественных науках отсутствовал всесторонний анализ советской действительности, замалчивались отрицательные события прошлого. Всё это приводило к лишению возможности объективного прогнозирования тенденций развития, что уже в перестроечные годы сказалось весьма негативно. Историческая наука не смогла оперативно реагировать на осмысление ряда острых вопросов, население страны больше воспринимало публицистические и художественные произведения на историческую тему, которые отличались существенной конъюнктурой и субъективизмом. В современной России необходимо учесть печальный опыт Советского Союза и больше внимания уделять не только успехам, но и провалам в нашей современной истории для конструктивного поиска и решения последствий неудач.

Новейшие исследования подробно останавливаются на проблемах конструирования исторического сознания, на кризисах в осмыслении прошлого в переходные периоды[1]. Подбирается большой эмпирический материал по освещению исторических проблем в публицистике и исторической науке в период перестройки[2], идеологические

[1] *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. 352 с.; *Леопа А.В.* Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск, 2011. 178 с.; *Леопа А.В.* Трансформация исторического сознания в переходный период истории конец XX – начало XXI века. Красноярск, 2012. 242 с.

[2] *Смирнова Ю.В.* Основные проблемы отечественной истории 20-х – 30-х годов XX в. в общественно-политической мысли середины 80-х – начала 90-х гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1999. 161 с.; *Новикова М.В.* Историческая проблематика в советской газетной периодике в годы Перестройки: сравнительный анализ центральной и региональной прессы (на материалах Нижегородской (Горьковской) области): дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2018. 174 с.; *Нода Л.П.* Журналистика в период перестройки (1985 –1991 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 1 (33). С. 78–87.

мифы и штампы, навеянные перестроечными процессами, также разбираются по ряду проблем в современной историографии[3]. Историография проблемы помогает понять общие закономерности изменения и конструирования новых исторических парадигм в общественном сознании, влияние публицистики, состояние профессиональной исторической науки в тот период.

Историческая память народа – важная составляющая общественного сознания. Именно «образцы прошлого формируют ценностные установки настоящего, поэтому сфера исторического сознания всегда выступает ареной борьбы за умы людей»[4]. Существенной особенностью формирования исторического сознания в период перестройки явилось то, что во многом общественное сознание по исторической проблематике определяла широко тиражируемая публицистика. Как отмечает ряд исследователей, в предшествующий, доперестроечный, период развития советской исторической науки образовалось существенное отставание в развитии изучения советской действительности, что сказалось во времена перестройки, когда «публицистический бум» стал во многом определять постановку острых проблем в осмыслении советской истории, тогда как историческая наука существенно отставала в данном направлении[5]. Итогом этого стало появление конъюнктурных публицистических, художественных и телевизионных материалов, которые в погоне за сенсацией пренебрегали объективностью, принципами историзма. Во многом отставание науки в исследовании советской действительности объясняли сталинским или сталинско-брежневским периодом развития СССР. Историк М.П. Ким так оценивал эти события: «Не будучи выдающимися теоретиками марксизма-ленинизма, они (руководители партии. – *А. Ж.*), однако, были авторитарными личностями, и их высказывания становились обязательными для всех коммунистов, и ученых-историков в том числе. Историкам оставалось лишь комментировать такие высказывания. Более всего такая практика получила распространение в период, когда нашу партию возглавлял

[3] *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина. М., 2017. 256 с.; *Литвиненко В.В.* Чёрные мифы о Великой Победе. М., 2021. 346 с.

[4] *Леопа А.В.* Трансформация исторического сознания… С. 26.

[5] *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура… С.7.

И.В. Сталин»[6]. Также оценивал ситуацию В.Т. Логинов: «Хроническое запаздывание историков – результат всего предшествовавшего развития нашей науки, вернее, того, во что она была превращена. И ныне наша историческая наука находится в глухой обороне»[7].

Активное переосмысление проблем советской истории началось после провала первого этапа реформирования советской системы в 1985–1987 гг. В политическом руководстве начинается поиск исторических причин деформаций социализма, тех исторических следствий, которые тормозят реформы. Доклад М.С. Горбачёва на 70-летии празднования Октябрьской революции в 1987 г. означал ту программу, «по которой должно пересматриваться советское прошлое»[8]. После доклада в печати появился резкий всплеск публикаций по исторической тематике. С учётом проводимой политики гласности следует отметить, что органы СМИ находились на тот момент под контролем партийных структур, поэтому сама критическая позиция в отношении советского прошлого поощрялась руководителями страны.

Таким образом, концепция, озвученная в докладе М.С. Горбачёва, послужила основой для научных, публицистических изысканий в отношении исторического прошлого. Хотя указывалось то, что «нам нужны правдивые оценки этого (сталинского. – *А. Ж.*) и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка, – нужны не для того, чтобы сводить политические счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов»[9], но публицистика на историческую тематику, как, зачастую, и научные исследования, была подвержена конъюнктурным оценкам, однобокому рассмотрению факторов исторического процесса, даже фальсификациям.

---

[6] «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 3–57.

[7] Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки // Вопросы истории. 1990. № 1. С.3–23.

[8] *Новикова М.В.* Историческая проблематика… С. 32.

[9] *Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжеств. заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов. М., 1987. С. 14.

Впервые в докладе М.С. Горбачёва пересматривалась концепция революций 1917 г. Генеральный секретарь указал, что «социалистическая революция свершилась в стране со средним уровнем развития капитализма»[10]. До этого в советской исторической науке считалось, что уровень развития капитализма был достаточно высок для перехода к социалистическим производственным отношениям. В брежневский период «новое направление» в советской исторической науке было разгромлено из-за этого крамольного тезиса, из которого мог быть сделан вывод о несоответствии навязываемых производственных отношений производительным силам, мог постулироваться отказ от предпосылок для социалистической революции в России. Февральская революция, по мнению М.С. Горбачёва, была уникальна «по своей возможности мирного перехода власти в руки трудящихся, возможности, не ставшей, к сожалению, в силу исторических обстоятельств действительностью»[11]. Хотя и в докладе признавались ценности Октября, но явная апологетика Февральской революции говорила о значительных сдвигах политической элиты в сторону капиталистического варианта развития страны.

В то же время началась критика И.В. Сталина и деформаций социализма, которые были заложены сталинской системой. В докладе отмечалась и положительная роль Сталина в строительстве социализма, в Великой Отечественной войне, при этом отмечались и отрицательные последствия сталинского правления. Данная традиция акцентирования на положительных сторонах деятельности, а затем на переходе на главную и составную критическую часть была характерна для оценки роли И.В. Сталина в истории начиная с XX съезда КПСС, на котором произошло развенчание культа личности Н.С. Хрущёвым. Образ «плохого» Сталина стал противопоставляться «хорошему» Ленину периода НЭПа, который наметил в своих последних работах методы построения «правильного» социализма, но которые, в свою очередь, остались нереализованными по причине утверждения сталинской диктатуры, которая явилась, как сформулировал историк Ю.С. Хван, корнями «многих отрицательных явлений, которые

[10] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка… С. 10.
[11] Там же. С. 6.

«доросли» до наших дней и тормозят успешное решение задач перестройки советского общества. В то же время ленинские идеи 20-х годов вооружают нас сегодня в поисках верного пути»[12]. По мнению историков и обществоведов того периода, именно НЭП был той основой для гармоничного развития нашей страны, новая экономическая политика противопоставлялась сталинской коллективизации и индустриализации. Что особенно важно, данный тезис соответствовал духу перестроечных реформ, который помогал отыскивать в прошлом основы для конвергенции, сочетания капиталистических и социалистических элементов хозяйствования. Дискуссии о природе и сущности НЭПа в 1986–1988 гг. «совпадали в одном: нэп был насильственно свергнут, рыночная система управления позволила в короткие сроки восстановить разрушенное гражданской войной хозяйство, но государственное регулирование командно-административными методами, сохранявшееся в годы новой экономической политики (как считали одни) или, складывающееся (как считали другие), не позволило полностью раскрыть потенциал НЭП»[13]. В условиях реализации НЭПа выдвигались новые фигуры, которые противопоставлялись Сталину. В общественном сознании возродили положительный образ Н.И. Бухарина. Таким образом, исследования НЭПа были однобоки, политически конъюнктурны, соответствовали требованию момента, а не фундаментальным научным изысканиям. В частности, не выделялись кризисы НЭПа, ограниченность этой политики в условиях растущего международного напряжения.

Однако постепенно началась и широкомасштабная критика В.И. Ленина. С определённого момента В.И. Ленин стал не выразителем прогрессивной альтернативы сталинскому курсу, а предтечей Сталина в олицетворении негативных явлений; таким образом, социалистический выбор изначально объявлялся ошибочным. Поиск отрицательных черт у В.И. Ленина в публицистической литературе начал формироваться в 1988–1991 гг., а в период 90-х годов XX в.

[12] *Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С.* Политическая система конца 20-х – 30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. 13 бесед. М., 1989. С. 228–303.

[13] *Смирнова Ю.В.* Основные проблемы отечественной истории 20-х–30-х годов XX в. в общественно-политической мысли середины 80-х – начала 90-х гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1999. С. 78.

достиг своей кульминации. В 1990 г. журнал «Огонёк» опубликовал «Политическое завещание Ленина» (8 писем и статей конца 1922 – начала 1923 г.), где «Октябрь предстал перед читателями в виде человеческой трагедии», а «ленинизм в глазах массового читателя был окончательно дискредитирован»[14]. Только намного позже исследователь деятельности В.И. Ленина Е.А. Котеленец сделает вывод, что даже введение в научный оборот нового комплекса документов, которые были опубликованы во второй половине 80-х – 90-х годах, не изменило мейнстрим исследований биографии вождя. Историк отмечает: «Для тех, кто всерьёз занимался изучением данных проблем, они не представляют той сенсации, которую искусственно пытались раздуть для непосвящённых»[15]. Отсюда все попытки демонизировать Ленина, придать ему образ творца террора с замалчиванием ряда фактов, следует признать грубой натяжкой.

Пересмотру подверглись и оценки Великой Отечественной войны, стали появляться публикации, где утверждалось, что советские войска немцев «завалили трупами», постулировалась виновность СССР в развязывании Второй мировой, девальвировались подвиги советских солдат на полях Великой Отечественной войны. Во время перестройки А.М. Самсонов начал на страницах периодической печати дискуссию о полководческих способностях Сталина. В ответ на свои публикации автор получил многочисленный поток писем. Одна сторона обвиняла Сталина в поражениях, другая – считала, что Сталин сыграл весомую роль в Победе. Интересно письмо ветерана М.И. Егорова из г. Железногорска Курской области, которое иллюстрирует происходившие изменения в интерпретации исторических фактов среди населения страны. Ветеран пишет: «…юные подонки, спекулирующие водкой у магазина, не постеснялись бросить в лицо старым, израненным солдатам, чудом оставшимся в живых в ту войну: «Лучше бы сдались Гитлеру, тогда мы жили бы сейчас как на Западе…»[16]. Со стороны тех людей, которые должны были, казалось бы, заниматься профессионально темой войны, звучали антиисториче-

[14] Цит. по: *Нода Л.П.* Журналистика в период перестройки… С. 78–87.
[15] *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина. М., 2017. С. 102.
[16] *Леопа А.В.* Историческое сознание в условиях… С. 123–124.

ские и антигуманные пассажи. К примеру, президент благотворительного фонда «Вечная память» А. Безуглов заявил, что зверства оккупантов на территории СССР – «отдельные инциденты. Но это, знаете ли, преувеличено советской пропагандой»[17]. Изменения исторической памяти о Великой Отечественной войне также иллюстрирует опрос, проведённый в мае 1991 г., который охватывал 2054 человека из 10 союзных республик. Вопрос был сформулирован так: чем вызвано то, что потери Советского Союза превышают потери нацистской Германии? Исследования по истории Великой Отечественной войны[18] показывают, что соотношение потерь Красной армии и вермахта было примерно сопоставимым[19]. Значительность потерь советского народа объяснялась геноцидом советского народа со стороны немецких оккупантов. Однако результатами данного опроса стало то, что 6 % опрошенных ответили, что советские потери превышают немецкие из-за жестокости гитлеровцев, 20 % указали на внезапность нападения, 35 % обвинили сталинское руководство, которое действовало, не считаясь с жертвами[20]. Конечно, данный социальный опрос, основанный на ограниченной выборке, не отражает всего настроения общества, но он свидетельствует о том, что произошёл раскол общественного мнения, и мифологизация истории достигла таких масштабов, что в нацистских преступлениях оказался виноват Сталин.

Заключительный период трансформации исторического сознания в период перестройки характеризуется тем, что в 1990–1991 гг. появляется интерес к дореволюционной России, начинает возвеличиваться монархия и превозноситься экономический успех Российской империи. Книгу А.Я. Авреха «Столыпин и судьбы реформ в России» за альтернативный взгляд на развитие дореволюционной России задерживают в издании на два с половиной года, и она выходит только в 1991 г.[21] Та же участь постигла и книгу историка А.А. Анфимова, которая вышла только в 2002 г.[22]

---

[17] *Леопа А.В.* Историческое сознание в условиях… С. 124.
[18] *Литвиненко В.В.* Чёрные мифы… С.123–154.
[19] Там же. С. 145.
[20] *Новикова М.В.* Историческая проблематика…С. 79–80.
[21] *Соловьев С.* «Деидеологизация» и новые мифы // Свободная мысль. 2013. № 4 (1640). С. 5–19.
[22] Там же. С. 5–19.

Таким образом, историческое сознание в период перестройки подверглось существенной трансформации. Именно в этот период с преобладанием конъюнктурной публицистики и сменой исследовательских парадигм в исторической науке начинает формироваться «стихийный агностицизм в отношении истории», уверенность в том, что история постоянно переписывается[23]. Во многом переход к такому состоянию был обусловлен предшествующим этапом в развитии исторической науки, когда «в большинстве случаев использование «марксистской методологии» с 1950-х годов советскими историками представляло собой механический подбор соответствующих цитат классиков и простейших логических схем, упоминаний о классовой борьбе и прочие формальные вещи»[24], что в период перестройки негативно отразилось на исторической науке, на неспособности быстро и своевременно ответить на вызовы в освещении ряда дискуссионных проблем отечественной истории.

В заключение стоит также отметить, что в исторической науке активно стали разрабатываться данные проблемы трансформации общественного сознания в переходный период перестройки, однако слабо изученными являются механизмы «обратной связи», непосредственно сами результаты воздействия перестроечного нарратива на умы и помыслы людей, тогда как исследования источников формирования общественного сознания (газеты, журналы, материалы дискуссий, выступления политических лидеров, научные монографии на историческую тематику) интенсивно продолжают изучаться в современной исторической науке. Именно по этому пути может продолжиться научная разработка данных проблем.

[23] *Соловьев, С.* «Деидеологизация» и новые мифы… С. 5–19.
[24] Там же. С. 5–19.

Д.Д. Копанева, А.Н. Копанев

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Видеоигры как исторический источник: к постановке вопроса

В статье представлен анализ особенностей видеоигр как уникального исторического источника. Демонстрируется актуальность видеоигр для современного мира в контексте социально-экономических факторов и объясняются основные причины их востребованности в современной массовой культуре. Подчеркивается неизученность темы видеоигр как самостоятельного явления, а также отмечается необходимость систематического подхода к предмету исследования и создания обобщенных классификаций для дальнейшей работы по разбору видеоигр как источниковедческого материала, ценного для изучения различных тем, например, влияния произведений культуры на формирование исторической памяти. Дается описание принципов работы языка видеоигр и разбираются отличия видеоигр от других видов искусства. Как итог выделяются индивидуальные характеристики, придающие играм особую значимость среди других источников.

Ключевые слова: видеоигры, компьютерные игры, источниковедение, культура, исторический источник

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-3256.2022.2 «История развития образа русского человека в мировой индустрии видеоигр».

Источниковедение как наука всегда активно было включено в процесс выявления и изучения новых исторических источников. Как отмечалось в литературе, «современное источниковедение принципиально полидисциплинарно, оно обращается ко всей совокупности произведений культуры»[1].

[1] Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольская, Р.Б. Казаков и др. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 7.

Начиная с конца XIX в., в результате промышленной революции, процесс стремительного развития технологий привел к появлению ранее не существовавших форм культуры, напрямую зависевших от техники. Таковыми стали фотография и кинематограф, о которых к настоящему моменту написано немало научных работ. Тем не менее, многие произведения современной культуры, которые стали зарождаться на стыке XX–XXI вв. в связи с новым витком технологического прорыва, до сих пор не становились объектами столь пристального изучения. Данную ситуацию мы можем видеть на примере видеоигр, которые, являясь значимым пластом современной культуры, все еще редко воспринимаются в качестве полноценного исторического источника. Между тем, актуальность видеоигр в контексте социально-экономических факторов на данном этапе уже невозможно игнорировать. По данным статистического исследования, проведенного компанией DFC Intelligence, занимающейся анализом рынка индустрий видеоигр, к августу 2020 г. количество игроков в мире превысило 3 миллиарда человек[2], а по объемам прибыли игровая индустрия опережает киноиндустрию и индустрию спорта (права на телевизионные трансляции, доходы от продажи билетов) вместе взятые, что отражено в подсчетах агентства IDC на одном из крупнейших интернет-ресурсов, посвященном состоянию рынка MarketWatch[3]. Таким образом, цифровая среда из отдельной реальности, за которой возможно наблюдать со стороны, все больше становится частью повседневной жизни[4].

Популярности видеоигр как современного явления культуры возможно найти сразу несколько объяснений. Во-первых, видеоигры являются наиболее быстроразвивающейся отраслью из-за постоянного роста мощностей оборудования, благодаря чему художники и программисты могут постоянно экспериментировать, создавая новые

[2] DFC. Intelligence. Global video game consumer population passes 3 billion. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dfcint.com/dossier/global-video-game-consumer-population (дата обращения: 15.04.2022).

[3] *Witkowski W.* Videogames are a bigger industry than movies and North American sports combined, thanks to the pandemic. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marketwatch.com/story/videogames-are-a-bigger-industry-than-sports-and-movies-combined-thanks-to-the-pandemic-11608654990 (дата обращения: 20.04.2022).

[4] Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д.В. Дунаса. М., 2021. С. 292.

направления и жанры, а также совершенствовать уже устоявшиеся формы. Во-вторых, стоит учитывать особенности социального поведения человека в эпоху масштабной интеграции высоких технологий в повседневную жизнь. В частности, непрекращающаяся урбанизация, увеличение плотности населения, повышенная интенсивность жизни и стрессовые условия способствуют развитию явления эскапизма в обществе, когда люди, живущие по жесткому расписанию, в строго ограниченных рамках городской среды, пытаются искать методы побега из реального мира, что в свою очередь сказывается на возрастающей востребованности видеоигр как продукта, находящегося в области виртуального пространства. Наиболее яркий пример подобной картины мы можем проследить на примере Японии. Видеоигры не являются изначально японским изобретением, однако именно там в начале 1980-х годов образовалась первая, полномасштабная индустрия развлечений, состоящая из целого ряда крупных коммерческих компаний и студий, производящих видеоигры. Практически мгновенно видеоигры стали частью массовой культуры Японии, наравне с музыкой, кино, анимацией и комиксами «манга». Этому, безусловно, способствовало два ключевых момента – повышенные темпы урбанизации, развитие городской инфраструктуры и сильное влияние оккупации со стороны США после Второй Мировой войны, что нашло выражение не только в контроле за политическим устройством, но и в финансовой поддержке, благодаря которой резко повысился уровень развития технической сферы[5], в том числе производство передовой телевизионной техники, фотоаппаратов, компьютерных чипов, графических процессоров, оптических дисков и т.д. Япония до сих пор является не только крупнейшим поставщиком игровой продукции, но и страной, где видеоигры обладают высоким национальным статусом. Так, например, на церемонии открытия Олимпийских игр в Токио 2020 г. прозвучало немало музыкальных композиций из знаковых игровых проектов от японских авторов. Это прямо указывает на факт того, что видеоигры в стране Восходящего солнца уже воспри-

[5] *Билоброва А.Е.* Ключевые факторы развития игровой индустрии Японии // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского Государственного Гуманитарно-Педагогического университета. Сер.: Stadia Historica Jenium. 2018. № 1 (14). С. 204.

нимаются как часть культурного кода нации, что, учитывая исторически сформированный традиционализм и консерватизм японского общества в целом, является весьма показательным моментом.

По мере привлечения все большего внимания на разных уровнях видеоигры зачастую становятся инструментом влияния и пропаганды. Помимо этого, они выступают как источник по истории своего времени, помогают транслировать историю и культуру массовому зрителю[6], а также служат мощным инструментом в процессе конструирования исторической памяти. В то же время их рассмотрение в качестве самостоятельного исторического источника в настоящее время не является распространенным явлением. Как справедливо заметила У.П. Беляева, «в массовом сознании, а зачастую и в научно-исследовательском сообществе, сохраняется стереотипное и во многом дилетантское отношение к видеоиграм, что выводит их из дискурса профессиональной аналитики»[7]. Это происходит несмотря на то, что на Западе выход индустрии видеоигр за пределы исключительно развлекательного явления на рубеже 1990–2000 гг. привел к зарождению целой гуманитарной дисциплины «game studies»[8]. В последние годы разработки в данном направлении активно ведутся и в России[9], выходят отдельные монографии русскоязычных авторов[10]. Однако стоит заметить, что большинство исследователей останавливаются лишь на специфических аспектах или сторонах видеоигр как явления или же рассмат-

---

[6] *Копанева Д.Д.* Видеоигры на тему славянского Средневековья // Мобилизованное Средневековье. В 2 т. СПб., 2021. Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д.Е. Алимова и А.И. Филюшкина. С. 290.

[7] *Беляева У.П.* Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 91.

[8] *Буглак С.С., Латыпова А.Р., Ленкевич А.С., Очеретяный К.А., Скоморох М. М.* Образ другого в компьютерных играх // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 2. С. 245.

[9] *Буглак С.С., Латыпова А.Р., Ленкевич А.С., Очеретяный К.А., Скоморох М. М.* Образ другого… С. 246.

[10] См., напр.: *Каманкина М.В.* Видеоигры: общая проблематика, страницы истории, опыт интерпретации. М., 2016. 338 с.

ривают отдельные игры на определенную тематику[11]. Видеоигры изучаются исследователями с позиций философии, культурологии, психологии, социологии, религиоведения и современных вопросов образования[12]. При этом стоит отметить, что основным объектом исследования становится процесс взаимоотношения человека и видеоигр, а не сами видеоигры в целом. В то же время этот образовавшийся на сегодняшний день пласт культуры чрезвычайно велик, неоднороден и требует создания комплексной классификации. Имеющаяся терминологическая, описательная и аналитическая база самого комплекса видеоигр по большей части сформирована за счет критических рецензий, публицистики, интервью и воспоминаний деятелей игровой индустрии, а также научно-популярных исследований с большой долей субъективизма[13] и иллюстрированных справочников, не ставящих перед собой аналитических задач[14]. Все это представляет собой значительный объем разрозненных материалов, которые зачастую противоречат сами себе. Существует не так много работ, авторы которых ставили перед собой задачу систематизировать и проанализировать видеоигры как явление в контексте общего исторического процесса[15]. В этой связи, целью настоящей статьи является демонстрация основных особенностей видеоигр как отдельного вида искусства для обоснования перспективности их использования в качестве исторического источника.

Для понимания проблемы следует, прежде всего, сформулировать основные отличия видеоигр от других явлений современной культуры. Уникальной особенностью видеоигр как искусства является интерактивность, то есть непосредственное взаимодействие игрока с различными составляющими игрового пространства. Необходимо уточнить, что стоит также отделять видеоигры от других традицион-

[11] *Ветушинский А.С.* Потустороннее, посюстороннее и эфемерное зло: основные этапы в эволюции видеоигровых монстров // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2020. № 4. С. 182–188.

[12] Видеоигры: введение в исследования / отв. ред. Е.В. Галанина. Томск, 2018. 396 с.

[13] См., например: *Блейк Дж. Х.* Консольные войны. Sega, Nintendo и битва определившая целое поколение. М., 2015. 592 с.

[14] *Паркин С.* Самые знаменитые компьютерные игры. М., 2014. 256 с.

[15] См., например: *Донован Т.* Играй! История видеоигр / пер. с англ. И. Воронина; вступ. слово Р. Гэрриота. М., 2014. 647 с.

ных игр, начиная от карточных и настольных, вроде шахмат, маджонга, го и заканчивая более современными многообразными вариациями во всевозможных жанрах – от текстовых ролевых игр до масштабных стратегий. Ключевое отличие мы можем увидеть в том, что видеоигры основаны, прежде всего, на взаимодействии с виртуальным миром, который создан авторами на компьютерных системах, с учётом вычислительных характеристик графического процессора, объема памяти и технических спецификаций платформы, где игра будет запускаться, а также специфических правил композиции и игровых условностей, обусловленных многочисленными субъективными и объективными факторами.

Точно так же как в театре художественной условностью можно назвать выступление актёров в рамках ограниченной сцены среди гипертрофированных декораций, в контексте видеоигры аналогичной условностью будет, к примеру, искусственное ограничение свободы перемещения внутри виртуального пространства или подчинение игрока заранее прописанным правилам, которые могут расходиться с интуитивной логикой. Видеоигра всегда подразумевает взаимодействие человека с синтетической реальностью, функционирующей за счет разнообразных методов игрового дизайна. Это может быть заранее прописанный сценарий, где игрок действует только в ситуации заданной парадигмы, либо виртуальный мир с определенным уровнем свободы, большим количеством событий, генерируемых в режиме реального времени при помощи искусственного интеллекта, многофазовых алгоритмов поведения игровых объектов, физического движка, систем симуляции и т.д. Разнообразие вариантов построения предлагаемых обстоятельств внутри игрового виртуального мира, а также всевозможных механик взаимодействия игрока с этим миром можно охарактеризовать как «язык видеоигр», по аналогии с часто использующимся в широкой практике термином «киноязык».

Эта своеобразная языковая система, через которую человек общается с виртуальным миром игры, строится на основе проекции авторской мысли, которая формируется под влиянием огромного количества побуждающих факторов: жизненного опыта, впечатлений, творческого вдохновения, идеологии, материальных желаний, обстоя-

тельств времени и так далее. Подобную схему мы можем проследить в любом другом виде искусства, где писатель, поэт, художник, композитор или целая съемочная группа являются создателями фиктивной реальности, запечатленной в разной форме и являющейся отражением определенного временного исторического контекста. По этой причине, как отмечают исследователи, игры являют собой своеобразное отражение общества в конкретно взятый исторический период, на психологическом уровне являясь «моделями психической жизни человека социального»[16].

Еще одной важной особенностью видеоигр как формы является их непостоянность и изменяемость. Если фильм, музыкальная композиция, живописная картина или литературное произведение доходит до аудитории в законченном варианте, который может восприниматься по-разному, но по сути всегда остается окончательным, то видеоигра раскрывается полностью только в процессе – каждый человек при взаимодействии с игрой получает уникальный опыт. Даже если одна и та же игра моделирует схожие ситуации, нюансы взаимодействий во всех случаях будут разные, в зависимости от множества обстоятельств: возраста игрока, уровня его образования, жизненного опыта, подготовленности, реакции, сиюминутных ощущений. Данный аспект позволяет видеоиграм оставаться актуальными спустя многие годы, даже если внешне они могут казаться устаревшими.

С точки зрения подачи информации, видеоигры позволяют моделировать миры самых разных масштабов, практически не ограниченных временем и пространством. Разработчики многих проектов постоянно обращают свое внимание на различные исторические периоды, воссоздавая в виртуальном пространстве реальные события прошлого и позволяя пользователям непосредственно в них участвовать. Важно указать на тот факт, что изначальная природа видеоигр вынуждает авторов намного более пристально подходить к достоверности деталей отображаемого исторического объекта. Например, если в кинофильме костюм одного из персонажей будет находиться в кадре столько времени, сколько понадобилось режиссёру для реализации

[16] *Галкин Д.В.* Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. Вып. 3. 2007. С. 56–57.

определенного драматического эпизода, то в игре пользователь почти всегда имеет возможность остановить течение сюжета и рассматривать тот же самый костюм неограниченное количество времени. Уровень авторской манипуляции в играх гораздо ниже, чем в других видах искусства – в большинстве ситуаций действием управляет именно игрок, пользуясь предоставленным разработчикам инструментарием игровых механик, причем в некоторых случаях игроки могут выходить за рамки изначального предполагаемых обстоятельств. Это важный аспект видеоигр как исторического источника, так как данная особенность дает возможность ставить произвольные акценты внутри уже сформированного произведения. Так, например, если предметом изучения является средневековая архитектура или фехтование, то пользователь, находясь внутри игры, действие которой разворачивается в средние века, будет иметь возможность взаимодействовать только с важными для него механиками и самостоятельно моделировать подходящие ситуации, в то время как в случае с кинофильмом ему бы пришлось опираться только на четко прописанный замысел режиссера и сценариста.

Таким образом, можно заключить, что видеоигры представляют собой уникальный вид культурного произведения. Они позволяют получить личный эмоциональный и интеллектуальный опыт через взаимодействие с комплексным виртуальным пространством, представляющим собой многоступенчатую экосистему, состоящую из игровых механик, элементов драматургического повествования, визуальных образов, звуков и музыки. Исходя из представленных выше особенностей, мы должны констатировать, что видеоигры могут и должны рассматриваться в качестве исторического источника как неотъемлемая часть культурного пласта общества. Отсутствие сформированного научного комплекса обобщающих работ, а также единой классификации в сфере изучения комплекса видеоигр делает представленную тему перспективной для дальнейших исследований.

Проблемы взаимоотношений общества и власти

А.А. Ефимов

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации
(Санкт-Петербург)

История рассмотрения петиций о затоплении территорий Егерской слободы Петергофа: взаимодействие жителей с властями и предпринимателями

Проблему взаимоотношений государства, частного бизнеса и местных жителей в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. можно назвать одной из важнейших для исторической науки. В представляемой статье на основе документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, анализируется частный случай рассмотрения обращений жителей Егерской слободы г. Петергофа. Автор отмечает, что подаваемые ими в различные инстанции жалобы на «неправомочные» действия Общества Балтийской железной дороги так или иначе передавались служащим этого же Общества. При этом чиновники Министерства путей сообщения при рассмотрении заявлений больше доверяли суждению специалистов частной компании и даже готовы были переложить часть ответственности на управлявшее Петергофом Министерство императорского двора и даже самих пострадавших горожан.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, Петергоф, Общество Балтийской железной дороги, петиция, благоустройство

История государственных учреждений, изучение истории населенных пунктов и экономическая история по праву являются одними из важнейших направлений историографии. Однако в них до сих пор остается немало лакун; в частности, не до конца изучена история Министерства императорского двора (МИДв), а исследование дореволюционной истории Петергофа преимущественно ограничивается

рамками истории императорской резиденции. Основное внимание специалистов при рассмотрении деятельности Придворного ведомства обращено на вопросы общеминистерской организации[1] или работы учреждений министерства по бытовому обслуживанию членов царской фамилии[2]. Применительно к изучению истории Петергофа именно как города единственным комплексным исследованием, пожалуй, можно считать многотомный труд В.А. Гущина «История Петергофа и его жителей»[3].

Статья посвящена актуальному, но отнюдь не полностью изученному[4] вопросу взаимоотношений государства, предпринимателей и местных жителей, внимание фокусируется на проблеме реагирования на обращения людей, настаивавших на устранении недостатков в организации городского хозяйства, непосредственно влиявших на условия их жизни. В данном случае нами будет рассмотрен пример подачи жителями Егерской слободы города Петергофа прошений о переустройстве системы отвода паводковых и дождевых вод из Черного пруда и реакция на них со стороны Придворного ведомства и железнодорожной компании, которую считали виновником случившегося.

Первое обращение последовало 12 августа 1883 г. и адресовалось управляющему городом Петергофом, чиновнику Министерства императорского двора, в подчинении которого находился Петергоф как дворцовый город. В поданной от Комитета Дома призрения престаре-

---

[1] *Несмеянова И.И.* Министерство императорского двора и уделов в истории российской государственности. Челябинск, 2009. 275 с.

[2] *Зимин И.В.* Повседневная жизнь российского императорского двора, вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010. 556 с.; *Выскочков Л.В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. 496 с.

[3] *Гущин В.А.* История Петергофа и его жителей. СПб., 2001–2005. Кн. 1–3.

[4] Проведенный поиск исследований непосредственно по этому вопросу и этому периоду выявил относительно небольшое количество публикаций, освещающих преимущественно проблемы рабочих второй половины XIX – начала XX века (*Зиновьев В.П.* Прошения о пенсии как источник информации о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX в.: Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 169–178; *Бобровская В.С.* Трудовые отношения на промышленных предприятиях Ставропольской губернии и Терской области на рубеже XIX – XX веков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 310–314).

лых и увечных в память императора Николая I бумаге указывалось на имевшие место неоднократные случаи затопления огородов, принадлежавших этой богадельне. Их основной причиной виделась невозможность отвода дождевой воды через овраг под полотном Балтийской железной дороги. Инициатор петиции, директор Комитета и заведующий хозяйственной частью Дома призрения престарелых и увечных в Петергофе К.И. Мысловский отмечал, что территория Егерской слободы Старого Петергофа регулярно в течение многих десятилетий сталкивалась с притоком значительных объемов воды с Троицкой и Бабигонской высот, единственным естественным путем стока для которых были Черный пруд и отходивший от него овраг. По его сведениям, в начале 1850-х годов, после перевода царской охоты в Гатчину, на территории Егерской слободы началась раздача участков обывателям. При этом сам Черный пруд должен был служить местным жителям в качестве резервуара воды «для домашнего употребления и на случай пожара»[5], а в целях регулирования уровня воды в нем были устроены два шлюза, один из которых вел в пруд Английского парка, а второй – в овраг. При этом во избежание размыва берегов оврага напором воды были установлены перемычки, задерживавшие напор от моста к повороту русла, а для отвода воды с Троицких высот, затапливавшей Госпиталь и его окрестности, и для отвода нечистот от Госпиталя проложена труба по прямому направлению к оврагу у Английского парка позади Тюрьмы через дачу Кузьминых. Несколько лет спустя, в середине 1850-х годов, после одобрения императора Александра II были проложены железнодорожные пути к Ораниенбауму. Из соображений экономии дорогу провели через Английский парк, а Старо-Петергофскую станцию разместили на повороте оврага, окружавшего парк, перекрыв насыпью русло протекавшего в овраге ручья. При этом в расчет не приняли тот факт, что в отдельные периоды сильный сток воды с близлежащих возвышенностей идет через овраг, а проложенные по его дну под насыпью две чугунные трубы по недостаточности своего сечения неспособны отвести столько воды[6].

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 490. Оп. 4. Д. 47. Л. 17.
[6] РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 47. Л. 9, 17–18.

Комитет со своей стороны просил не только документально зафиксировать сам факт имевшего место подтопления и нанесенного им ущерба Богоделенному дому, но и вменить в обязанность правлению Балтийской железной дороги оперативно принять меры к открытию свободного водотока под полотном железной дороги, а для предупреждения повреждений русла оврага между Черным прудом и железнодорожной линией выполнить его очистку с укреплением берегов и восстановлением размытых перемычек. Городские власти Комитет просил починить и очистить подземную трубу, проложенную в начале 1850-х годов от Военного госпиталя позади Городской тюрьмы к оврагу через дачу Кузьминых, которая служила для отвода воды, затоплявшей территорию позади госпиталя и тюрьмы[7]. Ответом на это обращение стало данное городскому архитектору Петергофа поручение проверить представленную информацию и подготовить свое заключение[8].

Не получив немедленной реакции со стороны администрации Балтийской железной дороги, в начале сентября 1883 г. К.И. Мысловский подготовил и направил в правление Общества Балтийской железной дороги пространную записку, в которой совершенно открыто обвинял последнее в препятствовании деятельности Дома призрения престарелых и увечных и нанесении ущерба другим жителям Егерской слободы. При этом помимо уже высказанной в обращении к властям Петергофа претензии относительно перекрытия русла ручья и разрушения берегов оврага, повлекших затопление территорий Богадельни, дороги в Егерскую слободу и близлежащих участков, последовало обвинение в отказе от благоустройства путей подъезда и подхода к железнодорожной станции Старый Петергоф, перекрытии тротуара и загромождении прохода складом дров[9].

Менее чем через десять дней после подготовки второго письма, в середине сентября 1883 г., обращение с требованием «понудить Правление Балтийской железной дороги оградить их имущество от затоплений, переделав сток в овраге у Английского парка, обеспечив сво-

[7] РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 47. Л. 18–21.
[8] Там же.
[9] Там же. Л. 17, 18 об.

бодное течение воды»[10] последовало уже от имени «домовладельцев Егерской слободы», и адресовано оно было в Министерство императорского двора. На это обращение последовала уже более выраженная реакция. 15 сентября 1883 г. из Канцелярии МИДв управляющему Министерством путей сообщения (МПС) было направлено отношение, в котором сообщалось о поступившей петиции с просьбой уведомить о принятом по ее рассмотрении решении[11].

Такое письмо уже не могло быть проигнорировано. Придворное ведомство не приняло бы «отписок», поэтому к рассмотрению поступившего заявления подошли обстоятельно. 7 октября 1883 г. из Технико-инспекторского комитета МПС были направлены запросы в Правление Общества Балтийской железной дороги, а также инспектору Балтийской железной дороги с предложением дать свое заключение[12].

Однако заявители, видимо, не рассчитывали на успех обращения в государственные инстанции, поэтому 24 сентября 1883 г. вновь обратились напрямую в Правление Общества Балтийской железной дороги, изложив подробно все свои претензии и прося распорядиться о замене не справляющихся с отводом воды труб арками[13].

В конце сентября 1883 г., спустя полтора месяца с момента получения обращения от Комитета Дома призрения престарелых и увечных в память императора Николая I, черновой вариант своего письма в Правление Общества Балтийской железной дороги подготовил заведующий Петергофскими дворцами и городом Петергофом К.У. Арапов. В нем, опираясь на подготовленный архитектором города Э.Л. Ганом рапорт, он в целом подтверждал справедливость претензий горожан. Во-первых, отмечалось, что две небольшие чугунные трубы, проложенные под насыпью, не позволяли свободно уходить воде и должны были быть заменены открытой аркой. Кроме того, указывалось на желательность очистки берега оврага от деревьев и устройства шлюза у начала оврага. При этом Правлению общества предлагалось «принять на свой счет устройство арки близ Старо-

[10] РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 437. Л. 1 об.
[11] Там же. 1–2.
[12] Там же. Л. 3, л. 4.
[13] РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2. Л. 42.

Петергофской станции»[14], тогда как остальные задачи брала на себя городская администрация. Однако отсутствие подписи под этим документом, хранящимся в фонде Петергофского дворцового управления, и отсутствие его второго экземпляра в документах фонда Общества Балтийской железной дороги не позволяют уверенно утверждать, что он был отправлен по назначению.

В то же самое время в администрацию Петергофа поступило обращение надворного советника О.О. Кирьяцкого по поводу разливов воды Черного пруда. Он указывал на наличие шлюза между Черным прудом и прудами Английского парка, в котором имелись трубы, которые были наглухо закрыты. Именно закрытый шлюз с засорившимися трубами, по его мнению, был такой же причиной подтоплений, как и недостаточная пропускная способность труб, проложенных под полотном железной дороги. Он предлагал провести ремонт шлюза, устроить у труб шлюза запоры, которые был готов лично открывать при повышении уровня воды, обеспечивая отвод воды из Черного пруда. Это обращение было рассмотрено главой Петергофа и должно было быть передано в Правление Общества Балтийской железной дороги[15]. Но, как и приведенная выше бумага, среди документов Общества оно отсутствует, а дальнейшее развитие ситуации с переданным из Канцелярии МИДв письмом указывает на то, что оба эти предложения в действительности остались исключительно на бумаге.

Для предметного ответа на полученный в начале октября 1883 г. запрос Правлению Общества Балтийской железной дороги и ее инспектору потребовалось полгода. 6 апреля 1884 г. Правление представило свой ответ инспектору, а на следующий день последний переслал его в Технико-инспекторский комитет МПС. Руководство Балтийской железной дороги после проведенного ее управляющим изучения вопроса непосредственно на месте, в Егерской слободе, пришло к заключению, что разливы воды происходили не только от недостатка пропускной способности труб, но и от сильного загрязнения и заноса илом Черного пруда, очистка которого в обязанности компании

[14] РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2. Л. 56, 56 об., 58, 58 об.
[15] Там же. Л. 57, 57 об.

входить не могла. При этом две чугунные трубы, признанные недостаточными для пропуска воды, было предложено заменить «более целесообразным сооружением»[16], проект которого должен был быть представлен по готовности.

Однако уже к началу лета Правление Общества сменило свою позицию. 13 июня 1884 г. в письме инспектору железной дороги вместо представления проекта переделки системы пропуска воды, стоимость которого по его подсчетам составила бы около 10 000 руб., заявлялось, что затопление территории Егерской слободы не может быть связано только с недостаточной пропускной способностью двух труб, полагая основным путем для стока воды плотину между Черным прудом и прудом Английского парка. Проблема с паводками объяснялась засорением труб илом и грязью, нанесенными прибывавшей водой и постоянным закрытием шлюзов в плотине, поддерживающим подпор воды. Предлагалось выполнить очистку труб и установить решетки для защиты труб от крупного мусора. Инспектор принял это заключение как «вполне основательное»[17].

Однако Технико-инспекторскому комитету МПС все же требовались дополнительные доказательства правоты Общества, поэтому он запросил к середине июля детальный план местности бассейна Черного пруда и данные о трубах для оценки их пропускной способности, которые были получены в первых числах августа 1884 г.[18]

Задержка с получением ответа и общее направление хода дела не удовлетворили главного просителя К.И. Мысловского, представителя администрации Дома призрения престарелых и увечных, подавшего в начале августа объяснительную записку, пересланную в МПС. В записке он приводил свои аргументы в пользу неправомерности отказа Правления Общества Балтийской железной дороги от переустройства системы стока воды, упоминая обмеление пруда от наносов ила и разрушение шлюзовых устройств, а также указывал на возможные катастрофические последствия выхода Черного пруда из берегов не только для Егерской слободы, но и для Английского парка[19].

[16] РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 437. Л. 5–7.
[17] Там же. Л. 8–10.
[18] Там же. Л. 11–14.
[19] Там же. Л. 24–37, 40, 44.

Однако после изучения аргументов сторон 22 августа 1884 г. последовал доклад по Департаменту железных дорог МПС с заключением о признании позиции Правления Общества Балтийской железной дороги основательным и об отклонении прошения «дачевладельцев» Егерской слободы. На следующий же день был подготовлен и проект ответа для МИДв, в котором указывалось, что основным способом регулирования воды Черного пруда стоит считать плотину между Черным прудом и прудом Английского парка, тогда как проложенные в овраге трубы предполагались для вспомогательного водоотведения. Причиной разлива воды было засорение самого пруда и труб. Соответственно, предлагалось принять меры по очистке пруда от ила и своевременному регулированию уровня воды с помощью плотины, а также наблюдению за чистотой водоотводящих труб. Соответствующее предписание было 4 сентября 1884 г. направлено Правлению Общества Балтийской железной дороги[20]. Таким образом, ответственность за происшествия отчасти возлагалась на чиновников МИДв, манкировавших наблюдением за состоянием водных объектов на подотчетной территории.

Получив отказ на уровне департамента МПС и МИДв, жители Егерской слободы подали коллективное обращение уже на имя министра путей сообщения. Подписантами, помимо упоминавшегося выше К.И. Мысловского, стали О.О. Кирьяцкий, директор Дома призрения генерал-адъютант П.Н. Волков, профессор Военно-медицинской академии А.П. Доброславин, действительные статские советники Лебедев и Томаевский и домовладелица Боане. Авторы петиции указывали, что наводнения начались почти сразу же после получения ими в 1870-х годах своих участков. При этом многократные обращения К.И. Мысловского в разные инстанции, в т.ч. в МИДв и Правление железнодорожной компании, оставались безрезультатными. Позиция последнего, считавшего, что для отвода воды из Черного пруда проложенные в овраге трубы должны дополняться использованием шлюза между Черным прудом и прудами Английского парка, признавалась вредной интересам как простых жителей, так и МИДв. Заявители считали, что пруды Английского парка служат резервуаром

[20] РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 437. Л. 41–43 об., 45–48.

питьевой воды и должны сохраняться чистыми, свободными от стоков из Черного пруда с илом и грязью. Они просили заставить Общество заменить созданную ими насыпь с трубами сводчатой аркой или другим мостовым сооружением, открывающим свободное течение воды[21].

В середине ноября 1884 г. инспектором Балтийской железной дороги был представлен в Департамент железных дорог МПС новый рапорт, как ответ на последнее прошение на имя министра. Отказывая в правомочности требований горожан, инспектор отмечал, что занятые людьми участки по своему низинному положению многие годы затапливались на регулярной основе естественным путем. Само повышение уровня воды в значительной мере связывалось с засорением и обмелением самого Черного пруда от наносов ила и грязи из впадавших в него Троицкого ручья и других ручейков, а также грязи, смываемой с улиц. Очистка пруда при этом никак не могла быть обязанностью железнодорожной компании. Для регулирования уровня воды предлагалось использовать шлюзовое сооружение, соединявшее Черный пруд с прудами Английского парка. Однако признавалось и то, что, по правилам 1880-х годов, при устройстве железной дороги следовало сделать именно мост, а не проложить трубы. Представленный рапорт вызвал замечания со стороны неизвестного лица, в которых критиковались отдельные выводы инспектора и указывалось, что шлюз между прудами устроен для поддержания уровня воды, но не для приемки стока паводковых вод, а трубы в овраге скорее обеспечивали высокий подпор воды в пруду, и происходившие в течение двух последних лет подтопления дают тенденцию к регулярности повторения этого в будущем[22].

Вероятно, подобные комментарии заставили критически отнестись к мнению инспектора, потому что к марту 1885 г. был составлен предварительный доклад Департамента железных дорог МПС, заново пересмотревший позицию властей. В нем после изложения истории вопроса отмечалось, что первоначально сам инспектор признавал расширение отверстия для пропуска воды решением проблемы

[21] РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 437. Л. 53–57 об.
[22] Там же. Л. 49–52 об.

затоплений. При этом предложенный в конце 1884 г. вариант со спуском воды через пруды Английского парка признавался неприемлемым, поскольку плотина между Черным прудом и прудами Английского парка служила не для отвода воды, а для регулирования уровня воды и пополнения в случае ее убыли. Территория парка же лишь немного возвышалась над водоемами, и любое видимое повышение уровня воды вследствие ее сброса извне могло привести к подтоплениям, на что не согласились бы в МИДв. Обоснованность жалоб землевладельцев также ставилась под сомнение, поскольку на момент выделения им земель условия для подтоплений уже имелись, и люди могли оценить свои перспективы, и однозначно обвинять Общество Балтийской железной дороги в нанесении ущерба невозможно. Однако имевшие место чуть ранее судебные решения говорили в пользу удовлетворения требований жителей. Соответственно, просителям предлагалось при невозможности урегулирования дела по соглашению сторон обращаться в суд[23].

Точку в рассмотрении этих обращений поставила комиссия, в состав которой вошли представители МПС, инспектор Балтийской железной дороги и представитель Правления Общества Балтийской железной дороги. Итогом ее заседаний стал вывод о том, что затопление происходило ввиду низинного расположения участков; увеличение отверстия в насыпи проблемы решить не могло, а устранить ее можно было очисткой пруда и ручья, подъемом уровня участков, увеличением отверстия шлюза между Черным прудом и прудом Английского парка и понижением его водослива. После согласования этих выводов внутри МПС 12 июня 1885 г. Петергофской полиции для сообщения просителям был отправлен ответ, содержавший приведенные выше положения, дополненные упоминанием о том, что коренной причиной было уменьшение размеров Черного пруда за 30 лет вследствие постоянного поступления отложений и наносов[24]. Соответственно, решением проблемы землевладельцев должно было заниматься Придворное ведомство, отвечавшее за состояние шлюза и Черного пруда.

[23] РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 437. Л. 59–69 об.
[24] Там же. Л. 70–71 об., 76–77.

Проведённое исследование истории рассмотрения обращений жителей Егерской слободы города Петергофа с требованием о принуждении руководства Общества Балтийской железной дороги к реконструкции части насыпи позволяет отметить несколько моментов. Во-первых, обращения, подаваемые в учреждения, не связанные с устройством железных дорог, передавали в профильные департаменты. Во-вторых, реальное рассмотрение петиции началось только после её пересылки «сверху». При этом привлеченные эксперты больше полагались на суждения представителей частной компании, стремившихся избежать необязательных расходов, чем настаивали на приведении инженерно-технических сооружений в соответствие с последними нормами 1880-х годов. Итогом длительных обсуждений и переписок стало выгодное для «стороны ответчика» заключение, переложившее основную ответственность на самих заявителей и представителей МИДв.

А.В. Филимонов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Диалог власти и общества в начале XX века: взаимоотношения Главного управления Алтайского округа и Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества

Статья посвящена особенностям выстраивания диалога администрации Алтайского округа и Алтайского подотдела в начале XX в. на примере передачи Барнаульского музея и Горной библиотеки. На материалах архивных источников рассматривается предыстория, ход и результаты передачи музея и библиотеки. Сделан вывод о том, что в условиях невозможности для алтайской администрации самостоятельно заниматься сохранением и пополнением фондов и коллекций эту роль по обоюдному согласию взял на себя Алтайский подотдел. Были выделены ключевые условия для ведения диалога между администрацией и общественной организацией: взаимовыгодность совместных инициатив и наличие посредника в виде социокультурно активного чиновника. Итоги исследования свидетельствуют о формировании элементов гражданского общества на местном уровне.

Ключевые слова: администрация; общественная организация; Алтайский округ; Алтайский подотдел; Общество любителей исследования Алтая; Барнаульский музей; Горная библиотека.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60013.

Период второй половины XIX – начала XX в. стал временем развития сети общественных организаций в Российской империи различного профиля. Исследователи отмечают связь этого явления с формированием элементов гражданского общества, включая развитие граж-

данского самосознания, преодоление сословных различий и др., а также его значимость как канала взаимодействия между государством и обществом. Особенности и перспективы выстраивания диалога между государственными учреждениями и общественными организациями хорошо прослеживаются на местном материале различных регионов.

Сотрудничество научных обществ и администрации в Сибири и Степном крае имело длительную историю. В течение второй половины XIX – начала XX в. отделения Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО) и Императорского Московского общества сельского хозяйства, объединения при Императорском Томском университете и другие научные организации постоянно взаимодействовали с главами местной администрации по вопросам подготовки, финансирования и проведения статистических, археологических, этнографических и иных исследований. Ярким примером можно считать многолетнее сотрудничество между администрацией Алтайского округа и Обществом любителей исследования Алтая, позднее переименованным в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела ИРГО (далее – Алтайский подотдел). С момента учреждения при непосредственном участии представителей местной администрации и городского самоуправления был проведен ряд статистических, социально-экономических и других исследований, организован выпуск научных работ в «Алтайском сборнике»[1]. В данном исследовании рассматривается один из наиболее показательных примеров совместной деятельности – передача Алтайским окружным правлением Горной библиотеки и Барнаульского музея Алтайскому подотделу. Изучение предыстории, хода и результатов данного события необходимы для выделения основных условий эффективного взаимодействия между администрацией и общественными организациями.

[1] *Никулина И.Н.* 110 лет со времени образования Общества любителей исследования Алтая // Страницы истории Алтая, 2001 г.: Календарь памятных дат. Барнаул, 2001. С. 61–62; *Скопа В.А.* Социокультурные исследования и статистические работы Алтайского и Семипалатинского подотделов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в конце XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21511 (дата обращения: 30.05.2022).

В последние десятилетия в отечественной науке возрос интерес к исследованию истории Алтая. В числе перспективных для изучения выделяются вопросы, связанные с развитием социально-культурной сферы и взаимоотношений представителей власти и местной общественности. Фигуры начальников алтайской администрации, их служебная и внеслужебная деятельность, взаимодействие с высшими инстанциями и местным обществом были достаточно подробно рассмотрены П.А. Афанасьевым в рамках изучения системы управления Алтайского округа во второй половине XIX – начале XX в.[2] Неоднократно предметом исследования становилось Общество любителей исследования Алтая. В фокус научного интереса попадали его история, научно-исследовательская и издательская деятельность, состав и ведущие члены[3]. Отдельную группу составляют работы о взаимодействии власти и общественных организаций в Западной Сибири и конкретно в Алтайском округе. Связующую роль общественных объединений между государством и его гражданами, степень развития элементов гражданского общества в Российской империи изучала Е.А. Дегальцева[4]. В исследованиях А.О. Дергачева правительственная политика в отношении научных обществ рассматривалась в контексте двух основных тенденций – охранительно-запретительной и сотрудничества[5].

---

[2] *Афанасьев П.А.* 150 лет со дня рождения начальника Алтайского округа В.П. Михайлова (1864 – после 1916) // Алтайский край, 2014 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2013. С. 44–49; *Афанасьев П.А., Бабарыкин Б.В.* 150 лет со дня рождения руководителя Алтайского округа в 1917 г. Л.Л. Маслова (1865–?) // Алтайский край, 2015 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2014. С. 24–27.

[3] *Кривова Ю.А.* Состав Общества любителей исследования Алтая (1891–1901 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 162–167; *Никулина И.Н.* 110 лет… С. 61–63; *Базылева Е.А.* Н.С. Гуляев и Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества // Гуляевские чтения. Вып. 2. Материалы пятой и шестой историко-архивных конференций. Барнаул, 2007. С. 90–95; *Базылева Е.А.* Из истории выпуска и распространения изданий Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №. 4-1. С. 25–29.

[4] *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): Монография. Барнаул, 2002. 287 с.

[5] *Дергачев А.Ю.* Власть, научные общества и политическая ссылка в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 2. С. 123–133.

Предпосылки для передачи библиотеки и музея администрации Алтайского округа в Алтайский подотдел сформировались в последние десятилетия XIX в. Музей, основанный в 1823 г. в Барнауле, достаточно быстро получил известность как научное учреждение, располагая ценными коллекциями по истории Алтая, Сибири и Северной Америки. Тем не менее, уже во второй половине XIX в. научное значение музея начало постепенно уменьшаться. Данный процесс был отражен в переписке Уральского общества любителей естествознания с администрацией Алтайского горного округа по поводу устройства Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге в 1887 г.

В 1886 г. общество обратилось к Барнаульскому музею, прося прислать «полный костюм шамана» и помочь в организации ряда отделов выставки, включая минералогический, антропологический, этнографический, археологический и др.[6] По предписанию Главного управления Алтайского горного округа 17 октября 1886 г. смотритель музея и библиотеки надворный советник Н.Б. Шульдаль подготовил списки музейных предметов и 31 декабря того же года подал соответствующий рапорт с приложением акта заверки показанных в списках вещей, составленного ревизором контроля Министерства императорского двора. Последний свидетельствовал о том, что не все предметы оказались в наличии и часть из них была в плохом состоянии[7]. 13 января 1887 г. был проведен осмотр музея, в результате которого выяснилось, что большинство археологических и исторических предметов практически не имело научной ценности из-за отсутствия сведений о них, а обширный этнографический отдел не был упорядочен и требовал реставрации[8]. В результате 16 января 1887 г. начальник округа Н.И. Журин вынужден был сообщить комитету Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки о невозможности отправки экспонатов Барнаульского музея в связи с их ветхостью и недостаточной научной значимостью[9].

[6] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 55. Л. 14–15.
[7] Там же. Л. 41–42.
[8] Там же. Л. 46.
[9] Там же. Л. 48–48об.

Еще одной проблемой был ограниченный доступ ученых к документам и предметам библиотеки и музея. В качестве примера можно привести объяснение архивариуса Главного управления Алтайского округа Н.С. Гуляева, представленное 15 марта 1912 г. в ответ на предложение вернуть ряд книг в Горную библиотеку. Н.С. Гуляев был известен в Барнауле как владелец типо-литографии, основанной его отцом, ученым С.И. Гуляевым, а также как активный член и один из создателей библиотеки Алтайского подотдела, издатель «Алтайского сборника». В то же время, служа по найму в алтайской администрации, он по личному разрешению начальников округа Н.И. Журина и В.К. Болдырева работал с библиотечными книгами и составлял исторические очерки библиотеки, музея и архива Алтайского округа[10]. В документе им была дана негативная характеристика смотрителю Барнаульского музея и Горной библиотеки в 1880-е гг. Н.Б. Шульдалю: «Он был поистине идеальный хранитель того и другого учреждения, – в музей никого не пускал, оговариваясь: “нечего там смотреть”, а взять какую-либо книгу из Библиотеки стоило досадных хлопот»[11]. По словам Гуляева, смотритель требовал быстрого возврата выданных трудов, даже несмотря на наличие разрешения работы с ними от начальника округа.

В таких условиях администрация начала задумываться о передаче коллекций заинтересованным организациям и учреждениям. 18 декабря 1898 г. Кабинет прислал распоряжение передать музейные предметы Барнаульскому реальному училищу или Императорскому Томскому университету[12]. 15 ноября 1899 г. директор указанного выше училища назначил лиц для составления списка вещей для пересылки; сама передача состоялась в 1900 г.[13] Интерес к коллекциям также проявили университет и Общество попечения о начальном образовании в Томске, однако, по свидетельству начальника округа В.К. Болдырева, к этому моменту подавляющая часть ценных предметов уже была роздана.

---

[10] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 80–80об.

[11] Там же.

[12] *Сергеев А.Д.* Славное Географическое (материалы к 100-летию Алтайского филиала Географического общества СССР). Барнаул, 2021. С. 174.

[13] Там же.

Одним из возможных кандидатов на получение фондов Горной библиотеки и сохранившихся предметов Барнаульского музея являлся Алтайский подотдел. Практически сразу после открытия Общества любителей исследования Алтая при нем в соответствии с уставом была создана библиотека. В связи с ограниченностью финансовых возможностей основным источником ее пополнения являлись книжные пожертвования заинтересованных лиц. Положение улучшилось после включения общества в состав ИРГО в марте 1902 г. Помимо дополнительных средств, позволявших приобретать необходимые книги, Алтайскому подотделу удалось наладить связи с рядом организаций, учреждений и отдельных людей для обмена изданиями. У библиотекарей (Г.Н. Малетина, Н.Н. Соколова и др.), назначавшихся из членов подотдела, имелся достаточно большой опыт организации библиотечных фондов: составлялись алфавитные, хронологические, систематические каталоги[14].

В 1902 г. членами Алтайского подотдела был начат сбор предметов, фотографий и коллекций по геологии, минералогии, археологии, зоологии, ботанике, этнографии, сельскому хозяйству и промышленности для создания собственного музея[15]. Инициатива нашла поддержку в обществе: за короткое время количество предметов будущего музея увеличилось в четыре раза[16]. Кроме того, благодаря деятельности ряда членов подотдела (П.Н. Крылов, В.И. Верещагин, Е.Г. Родд) были составлены коллекции растений и насекомых[17]. Таким образом, Алтайский подотдел имел достаточно успешный опыт управления библиотекой и сбора коллекций для музея при ограниченных материальных и финансовых возможностях, что могло стать весомым фактором при ходатайстве перед администрацией.

8 февраля 1905 г. представители Алтайского подотдела впервые обратились к начальнику Алтайского округа с просьбой передать минералогическую коллекцию Горного музея[18]. 22 января 1907 г. на заседании совета подотдела один из его членов Д.И. Зверев привел

---

[14] *Кладова В.П.* Из истории библиотеки Общества любителей исследования Алтая // Ползуновский альманах. Барнаул, 1999. Вып. 2. С. 158.

[15] *Сергеев А.Д.* Славное Географическое… С. 175.

[16] Там же. С. 176.

[17] Там же. С. 176–177.

[18] Там же. С. 176.

аргументы в пользу постройки отдельного здания для музея и предложил ходатайствовать перед Кабинетом о выделении участка земли[19]. Администрация также проявила заинтересованность в разрешении ситуации. С 1908 г. в Главном управлении Алтайского округа, по словам его начальника В.П. Михайлова, «стало циркулировать известие», что Кабинет в скором времени разрешит передачу библиотеки и музея[20]. Летом 1910 г. при личном осмотре заведующий земельно-заводским отделом алтайской администрации высказался о необходимости вывести музей и библиотеку округа из «жалкого состояния». Примерно в то же время была составлена докладная записка одного из алтайских чиновников, в которой констатировалось неудовлетворительное состояние Барнаульского музея и предлагалось заняться его восстановлением и развитием для повышения научного значения, в частности, участия в выставках[21]. Также администрация получила ходатайство барнаульского городского самоуправления о передаче ему библиотеки с предоставлением права продажи части фондов[22].

3 декабря 1910 г. состоялось экстренное общее собрание членов Алтайского подотдела, на котором было решено обратиться к начальнику Алтайского округа В.П. Михайлову с просьбой ходатайствовать перед Кабинетом о передаче Барнаульского музея и Горной библиотеки[23]. Отмечалось, что, несмотря на ограниченный состав, в подотделе «есть люди глубоко интерес делом изучения края, идейные работники, могущие приложить свое знание и труд к поддержанию музея и библиотеки в должном порядке и содействовать их дальнейшему расширению»[24]. При этом члены организации считали, что передача «несомненно вызовет и значительный приток новых сил в ряды как действительных членов Подотдела, так и членов-сотрудников и позволит развернуть деятельность во всю ширь»[25]. Доказательством служило избрание ряда новых участников (20 действительных членов

[19] *Сергеев А.Д.* Славное Географическое… С. 177.
[20] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 9.
[21] Там же. Л. 2–3 об.
[22] Там же. Л. 8.
[23] Там же. Л. 12.
[24] Там же.
[25] Там же. Л. 12.

и пять членов-сотрудников) на общем собрании в связи с обсуждением вопроса о будущем музея и библиотеки[26]. Необходимость передачи Горной библиотеки и Барнаульского музея Алтайскому подотделу обосновывалась тесной двадцатилетней связью организации с жизнью округа (организация экспедиций и печать научных трудов) и его администрацией (финансовая поддержка, непосредственное участие чиновников в деятельности, предоставление Главным управлением Алтайского округа помещения и др.). В связи с ограниченностью пространства и финансовых возможностей общее собрание также просило передать под фонды музея и библиотеки здание Горной лаборатории округа[27].

12 декабря 1910 г. чиновник Главного управления Алтайского округа Д.И. Зверев сообщил в рапорте о ходатайстве Алтайского подотдела начальнику округа В.П. Михайлову[28]. Приводя основные аргументы подотдела в пользу передачи, Зверев акцентировал внимание на многолетней истории сотрудничества организации с чинами округа, ее уважении «перед прежними кабинетскими деятелями, затратившими немало труда» для сбора коллекций и стремлении «к поддержанию культурных привычек среди служащих Кабинета»[29]. Дальнейший ход дела зависел от начальника Алтайского округа.

Глава алтайской администрации оказывал существенное влияние на деятельность Алтайского подотдела. Являясь почетным председателем организации, он участвовал в ее работе и защищал ее интересы перед высшими государственными инстанциями. В.П. Михайлов был назначен начальником Алтайского округа 17 марта 1910 г. К этому времени он уже успел зарекомендовать себя как активный общественный деятель в составе правления Уфимского отдела Красного Креста, получив в 1903 г. благодарность от попечительницы общества императрицы Марии Федоровны[30]. Стремление к участию в жизни местного общества могло повлиять на установление активного взаимодействия Михайлова с Алтайским подотделом. Кроме того, его

[26] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 12.
[27] Там же. Л. 12 об.
[28] Там же. Л. 10–11 об.
[29] Там же. Л. 11–11 об.
[30] *Афанасьев П.А.* 150 лет… С. 44.

заинтересованность в помощи организации могла быть вызвана необходимостью привлечь местные научные силы к исследованию переселенческого движения для выработки государственной политики и административных мероприятий (он лично участвовал в полуторамесячном исследовании Горного Алтая для выяснения возможности проведения в нем землеустройства)[31]. Так или иначе, начальник Алтайского округа поддержал идею передачи библиотеки и музея Алтайскому подотделу.

18 января 1911 г. В.П. Михайлов обратился к управляющему Кабинетом Е.Н. Волкову с ходатайством от Алтайского подотдела о передаче библиотеки и музея для приведения в порядок и использования их коллекций для изучения края[32]. Развивая основные позиции, высказанные на экстренном общем собрании подотдела 3 декабря 1910 г., Михайлов особо выделил взаимовыгодность многолетнего сотрудничества организации и администрации: Главное управление Алтайского округа и Кабинет покровительствовали деятельности Алтайского подотдела, которая, в свою очередь, «приносила несомненную пользу постепенным освещением богатого, но еще очень мало изученного Алтайского края»[33]. Отмечая проблемное состояние Горной библиотеки (редкое посещение чинами округа, недоступность фондов для посторонних, отсутствие новых поступлений), Михайлов характеризовал ее как «мертвый, ненужный капитал», поглощающий «известный расход»[34]. В свою очередь, при слиянии библиотек появлялась возможность объединить старые книжные коллекции Алтайского округа с новыми научными трудами Алтайского подотдела. Далее Михайлов переходил к конкретным мероприятиям и, прежде всего, предлагал передать подотделу почти неиспользуемое здание Горной лаборатории для размещения библиотеки и музея и выделить 4 тыс. руб. из сметы 1911 г. для его ремонта[35]. Начальник округа также уточ-

[31] *Афанасьев П.А.* 150 лет… С. 45.
[32] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 15–15 об.
[33] Там же. Л. 16.
[34] Там же. Л. 16 об.
[35] Там же. Л. 18.

нил, что у чинов Алтайского округа должно было остаться приоритетное право доступа к передаваемым библиотечным трудам[36].

В заключение В.П. Михайлов выделил ожидаемые результаты передачи музея и библиотеки Алтайскому подотделу. Предполагалось, что это решение «принесёт в высшей степени благоприятные плоды в смысле объединения значительный части местных сил на деле изучения края и на пользу ведомству Кабинета его величества, которое в изучении края глубоко заинтересовано»[37]. Не менее важной для Михайлова как начальника Алтайского округа была его собственная роль в деятельности организации. Будучи почетным председателем Алтайского подотдела, глава администрации считал передачу коллекций базой, на которой он мог «с наибольшим успехом … всемерно содействовать развитию вновь пробуждающегося интереса среди служащих округа к всестороннему изучению его хозяйственной жизни»[38]. В доказательство Михайлов приводил указанный выше факт избрания большого числа новых членов на общем собрании подотдела 3 декабря 1910 г. Завершал письмо начальник Алтайского округа мыслью, свидетельствовавшей о его заинтересованности в поддержании положительного имиджа администрации: «В глазах общественного мнения, упрекающего ныне Кабинет Его Величества за особо утилитарное направление – удовлетворение ходатайства Алтайского Подотдела Географического общества имело бы особо важное значение»[39].

7 июня 1911 г. Кабинет сообщил В.П. Михайлову о получении соизволения императора на передачу библиотеки и музейных коллекций[40]. Позднее чиновником Л.Л. Масловым по поручению начальника округа был составлен список трудов, не представлявших, по мнению администрации, интереса для Алтайского подотдела и оставленных за Главным управлением округа[41]. На общем собрании подотдела 8 ноября 1911 г. было постановлено благодарить лично присутствовавшего почетного председателя В.П. Михайлова и по телеграфу

[36] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 18.
[37] Там же. Л. 18–18 об.
[38] Там же. Л. 18 об.
[39] Там же.
[40] Там же. Л. 38.
[41] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4165. Л. 33–33 об.

управляющего Кабинетом Е.Н. Волкова за содействие в передаче библиотеки и музея[42]. Сам процесс передачи, однако, затянулся: только к началу 1912 г. были назначены представители от администрации и организации. Летом 1912 г. представитель Алтайского подотдела И.И. Тыжнов отсутствовал в связи со служебной командировкой, а вскоре после его возвращения умер представитель Главного управления Алтайского округа Н.И. Гвоздарев – только в ноябре 1912 г. его обязанности были возложены на чиновника П.А. Белянина[43]. В целом из-за большого размера передача коллекций продолжалась еще несколько лет.

Сходная ситуация сложилась при решении вопроса с помещением: 20 июня 1913 г. последовало Высочайшее соизволение императора Николая II на предоставление Алтайскому подотделу здания бывшей Горной лаборатории округа и на присвоение открываемым библиотеке и музею наименований «Музей и библиотека, учрежденные Алтайским подотделом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества в 1913 году в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых», а также выделено 5 тыс. руб. на ремонт и реконструкцию здания[44]. В 1915 г. музей был открыт, однако в связи с тем, что имущество округа находилось далеко не в лучшем состоянии, ремонтные работы затянулись до 1917 г.[45] Последующие революционные события задержали оборудование библиотеки и музея и их открытие для широкого доступа публики. Таким образом, Алтайский подотдел долгое время не имел возможности в полной мере воспользоваться полученными коллекциями.

Подводя итоги, необходимо отметить, что предпосылки для передачи музея и библиотеки Алтайского округа в ведение общественной организации сложились к концу XIX в. Местная администрация, признавая необходимость принятия мер для сохранения и пополнения коллекций, не имела возможности самостоятельно решить данные проблемы. В результате эту роль взял на себя Алтайский подотдел, вступив в переписку с начальником округа.

---

[42] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 41. Л. 157 об.
[43] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 104.
[44] Цит. по: *Кладова В.П.* Из истории библиотеки… С. 159.
[45] Там же. С. 159; *Никулина И.Н.* 110 лет… С. 62.

Одним из ключевых условий для поддержания диалога между администрацией и Алтайским подотделом была взаимовыгодность совместных инициатив. Благодаря передаче библиотеки и музея Алтайский подотдел получил возможность расширить научные исследования и привлечь новых активных членов, а также дополнительное финансирование. В свою очередь, Главное управление Алтайского округа снимало с себя обязанности по содержанию и пополнению коллекций данных объектов социокультурной инфраструктуры, сохраняя право пользоваться необходимыми материалами, а также стремилось улучшить отношения с общественностью.

Вторым не менее важным условием успешного сотрудничества было наличие посредника между государством и организацией в виде социокультурно активного чиновника, в данном случае – начальника Алтайского округа. От его поддержки перед вышестоящими инстанциями во многом зависела успешность реализации различных инициатив Алтайского подотдела. С другой стороны, он лично участвовал в деятельности организации, способствовал привлечению новых членов, сообщал ей о научном «заказе» государственных учреждений.

В целом, совместная деятельность администрации и общественного объединения свидетельствовала о формировании элементов гражданского общества на местном уровне. Дальнейшему их развитию препятствовало сохранение ограничительных мер государства в отношении общественных организаций, а также военные и революционные события.

П.О. Саввинов

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов СО РАН (Якутск)

Представления о транспортной инфраструктуре в коммуникативном пространстве мировых судей Якутии (конец XIX – начало XX века)

В статье рассматривается транспортная инфраструктура в коммуникативном пространстве мировых судей Якутии в конце XIX – начале XX века. Научная новизна заключается в том, что впервые предпринято специальное изучение сухопутных путей сообщения Якутии в коммуникативном пространстве мировых судей. Судебная реформа 1897 г. вводила в организацию судебной власти в Сибири некоторые принципы модернизации, и изучение коммуникативных аспектов института мировых судей в Якутии в дальнейшем поможет проследить процесс общей модернизации края. Отмечена специфичность коммуникаций мировых судей при осуществлении деятельности, направленной на разрешение дел в установленном законом порядке. Сделан вывод о том, что сухопутные пути сообщения Якутии играли большую роль в коммуникативном пространстве мировых судей в конце XIX – начале XX в. как канал связи.

Ключевые слова: судопроизводство, коммуникативное пространство, взаимодействие, окружной суд, мировой судья, Якутия, тракт, почтовая станция, почтовая гоньба.

Масштабные реформы в Российской империи во второй половине XIX в. привели к существенным изменениям социальной структуры общества, а империя встала на путь индустриального развития, что вызвало необходимость судебной реформы. Судебная реформа была наиболее либеральной из всех великих реформ Александра II. Новая судебная власть была формально отделена от других ветвей и базировалась на принципах равноправия сторон, независимости судей. В целом пореформенный суд обеспечивал верховенство закона, но

реализация реформы растянулась на 35 лет, в течение которых судебные уставы были приспособлены к существующему государственно-политическому строю Российской империи.

На рубеже XIX–XX вв. царское правительство было нацелено на постепенную унификацию институтов власти и сближение административного устройства Сибири с центральными регионами дореволюционной России с учетом сибирской специфики в области управления. Распространяя на Сибирь уже введенные в центральных губерниях административные и судебные институты, царская власть стремилась использовать накопленный опыт, найти наиболее приемлемые формы адаптации[1]. Судебная реформа 1897 г. вводила в организацию судебной власти в Сибири некоторые принципы модернизации: расширила пределы гласности судопроизводства, состязательность в судебном процессе, усилила независимость суда от администрации. В Восточной Сибири осуществление судебной реформы началось в 1897 г. В Якутской области окружной суд начал свою работу одновременно с созданием Иркутской Судебной палаты 2 июля 1897 г. и сложил свою полномочия после установления Советской власти в регионе 15 декабря 1919 г.

В отечественной историографии институт мировых судей специально не рассматривался как коммуникативное пространство. Дореволюционными авторами Н.Ф. Анненским, В.Н. Анучиным, Р.Л. Вейсманом, Г.Н. Потаниным и др. исследовались отдельные аспекты реформирования и функционирования судебных учреждений, сформированных в Сибири в конце XIX столетия[2]. Советские историки и правоведы не уделяли внимания реализации «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г., а также усовершенствованию судебной власти в начале XX в., когда в пределах Западной Сибири начали действовать совет присяж-

[1] *Дамешек Л.М., Ремнев А.В.* Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 138.

[2] *Анненский Н.Ф.* Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 165–179; *Анучин В.Н.* К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 1 июля; *Вейсман Р.Л.* Заметки о судебной реформе в Сибири // Томский листок. 1896. 29 нояб; *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 260–294.

ных поверенных и суд присяжных, значительно увеличился штат мировых судей[3].

Современными исследователями судопроизводство в Сибири конца XIX – начала XX вв. рассматривается в контексте изучения судебных преобразований 1897 г. Большая часть работ посвящена органам судебной власти Западной Сибири[4]. Практическое отсутствие в отечественной историографии специальных работ, посвященных данной тематике, детерминирует актуальность исследования. Целью данной работы является рассмотрение степени влияния транспортной инфраструктуры в коммуникативном пространстве мировых судей. В статье коммуникативное пространство понимается как коммуникативная среда профессиональной деятельности мировых судей[5].

В качестве одной из главных частей коммуникационного пространства выступают коммуникационные каналы, поддерживающие социальные отношения. Этими каналами являются реальные или воображаемые линии связи (контакты), обеспечивающие движение сообщений от коммуникатора к реципиенту, в данном случае – транспортная инфраструктура Якутии конца XIX – начала XX в.[6]

В Российской империи транспортная инфраструктура имела большое значение для социально-экономического развития региона. Пути сообщения соединяли самые отдаленные уголки империи в единый всероссийский рынок, обеспечивали непрерывный товарообмен между производителями и потребителями продукции, промышленно-

---

[3] *Корягин Б.Г.* Из истории проведения судебной реформы в Западной Сибири // Труды Томского государственного университета. Т. 159. Томск, 1965. С. 154–163.

[4] *Адоньева И.Г.* Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. в оценках местной юридической интеллигенции: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 24 с; *Крестьянников Е.А.* Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009. 269 с.

[5] *Осипова Е.А.* Коммуникативное пространство современного социума: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы функционирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С.130.

[6] *Тихонова С.В.* Коммуникационное пространство как объект правовой политики: теоретические проблемы формирования пространственного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 437–443.

стью и сельским хозяйством. От центра области Якутска в разные концы расходились пять почтово-пассажирских трактов: Иркутский, Охотский, Амгинский, Верхояно-Колымский и Вилюйский[7].

Главным трактом, соединявшим Якутскую область с остальной частью империи, был Иркутско-Якутский, который считался одной из самых развитых и оживленных дорог; основным предназначением данного тракта являлось обеспечение доставки ссыльных. По состоянию на 1911 г. на участке тракта Якутск – Олёкминск насчитывалась 31 станция; располагались они на расстоянии 15 км. друг от друга. Общая протяженность тракта зимой составляла 2 766,75 верст, а летом – 2 732,75 верст. На тракте содержалось от четырех до пяти пар почтовых лошадей[8]. К Охотскому побережью пролегали два тракта – до Охотска и до Аяна. Со второй половины XIX в. Якутско-Охотский почтовый тракт являлся сухопутным сообщением регионального значения со сплавными путями. Якутско-Охотский тракт был единственным в России трактом, где при зимней езде пользовались тремя видами передвижных средств: лошадьми, собаками и оленями. При этом стоит отметить, что пара оленей считалась за одну лошадь, а нарта в 14 собак – за две лошади.

С 1905 г. открылась регулярная пароходная линия Якутск – Усть-Мая пароходства Н.Е. Глотова, которая значительно облегчила условия и сократила время доставки товаров до Якутска[9]. Якутско-Аянский тракт был создан для обслуживания Российско-американской компании и действовал круглогодично. Якутско-Амгинский земской тракт выполнял функцию почтового тракта[10]. До 1908 г. в тракте содержалось по паре почтовых и обывательских лошадей, пока содержание почтовых лошадей не было упразднено и оставлена только пара обывательских лошадей[11]. Якутско-Вилюйский тракт имел большое значение для округа, который занимал второе место по численности населения и по хозяйству в области. В тракте на протяжении 710 верст

[7] *Петров П.П.* Экономическое развитие под влиянием буржуазных реформ 1860–1870-х годов // История Якутии: в 3 т. Т. 2. Новосибирск, 2021. С. 155.
[8] *Казарян П.Л.* Сухопутные сообщения Северо-Восточной России… С. 28–33.
[9] Там же. С. 13–16.
[10] Там же. С. 63.
[11] Там же. С. 70–71.

действовали 17 станций[12]. В начале XX в. был проложен земский тракт от Вилюйска до Хочинской инородной управы. По тракту было обустроено 20 станций, а протяженность сухопутного сообщения зависела от сезона (летом – 471,5 верст, зимой – 408,5 верст). Данный тракт пересекал р. Вилюй три раза, поэтому во время ледостава и весеннего ледохода сообщение прерывалось[13]. На севере Якутии пролегал Якутско-Колымский почтовый тракт протяженностью 2 227 верст, на дороге из Якутска до центров Верхоянского и Колымского округов располагалась 41 станция[14]. По земским трактам Средне-колымск – Нижне-колымский и Средне-колымск – Верхне-колымский движение летом осуществлялось по реке Колыма. Зимние тракты пролегали преимущественно по льду. Езда по тракту осуществлялась на собачьих упряжках, лошадях и оленях, а летом – на лодках[15]. Станции содержались «оброчным способом», т.е. сдавались в аренду частным лицам, а для определения последних проводились торги в областном управлении с участием заинтересованных лиц[16].

Порядок пересылки почтовой корреспонденции, как простой, казенной и частной, так и денежной, между округами производился на обыкновенных подводах без оплаты почтового сбора. В окружные полицейские управления принимали и отсылали почту в сопровождении одного казака, которому сдавались деньги под расписку. При отправке казенных сумм свыше 5 тыс. руб. в помощь этому казаку назначался еще один. В Якутской области было всего три почтовые конторы: в Якутске, Олёкминске и Нохтуйске – и одна почтовая станция в селении Амга с приемом корреспонденции[17]. Транспортная инфраструктура играла большую роль для разъезда мировых судей по своим участкам. Значительную часть разъездов мировые судьи осуществляли только летом и зимой при помощи так называемого междудворного сообщения или верхом, а также снаряжали особые экспеди-

[12] *Казарян П.Л.* Сухопутные сообщения Северо-Восточной России… С. 59.
[13] Там же. С. 85.
[14] Там же. С. 46–49.
[15] Там же. С. 73–74.
[16] *Петров П.П.* Экономическое развитие под влиянием буржуазных реформ 1860–1870-х годов // История Якутии: в 3 т. Т. 2. Новосибирск, 2021. С. 155.
[17] Там же. С. 155.

ции на случай отсутствия дорог и трактов. Сообщение по р. Лене осуществлялось летом на почтовых пароходах[18]. Мировые судьи не успевали рассмотреть дела из-за постоянных разъездов по своим участкам. Из-за отсутствия постоянного сообщения с улусами и наслегами для окончательного рассмотрения на первом заседании значительного количества дел не было времени, ввиду чего всегда приходилось откладывать дела за неявкой сторон или свидетелей и за отсутствием сведений о вручении повесток. Некоторые дела откладывались по этим причинам по два-три раза. Между тем выезды мировых судей на места рассмотрения за 1 000 верст были возможны не чаще одного раза в год, например, в таких поселениях, как Алдан, Майя, Нелькан, Усть-Майское, куда судья обыкновенно выезжал в начале лета на одном из пароходов, отправлявшихся ежегодно в Нелькан[19]. Исключением являлся мировой судья города Якутска, где не было разъездов, поэтому практически отсутствовали не рассмотренные судьей дела[20].

В целях подробного рассмотрения транспортной инфраструктуры как канала в коммуникативном пространстве мировых судей представляет большой интерес переписка с жалобой и объяснением мирового судьи второго участка Якутского округа В.Е. Турковского с Якутским окружным судом, где он подробно описывает состояние почтовых и земских трактов Якутии. Район деятельности мирового судьи второго участка Якутского округа был расположен на правом берегу р. Лены[21]. В состав участка мирового судьи входили: Амгинская слобода, селения Ново-покровское, Усть-майское, скопческие селения (Петропавловское, Троицкое, Батурское), селения духоборов (Натарское, Отрадное) и Восточно-Кангалаский, Ботрусский, Борогонский, Батагайский, Мегинский, Дюпсюнский улусы, а также наслега Намского улуса, расположенные на правом берегу реки[22]. Камера мирового судьи второго

[18] Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 83. Л. 7.
[19] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 83. Л. 9 об.
[20] Там же. Л. 39.
[21] Там же. Л. 7.
[22] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 84. Л. 17.

участка с 1 апреля по 1 июня находилась в Якутске, а на период с 15 сентября по 1 ноября камера переносилась на правый берег Лены[23].

На правом берегу Лены дороги были покрыты крупными бревнами, которые были засыпаны грунтом; со временем крупные бревна стали затруднять путникам движение. Мировой судья второго участка Якутского округа писал, что ему приходится ездить «по таким шпалам» сотни верст. Деревянные мосты сгнили, и проезжать через них было опасно для жизни. Местные власти не проводили ремонтных работ дорог и мостов, поэтому путникам самим приходилась ремонтировать мосты[24]. Ездивший в 1894 г. вместе с дорожным техником П.А. Сикорским по Аянскому почтовому тракту, ссыльнопоселенец и революционер-народник Я.В. Стефанович писал, что значительная часть почтового тракта была покрыта круглыми бревнами, из-за чего, проехав две-три почтовых станции, путники чувствовали себя совершенно уставшими[25].

На почтовых станциях проезжавшие меняли лошадей и другие средства передвижения. В зимнее время года почтовые станции служили местом, где путники и чиновники могли укрыться и отогреться от мороза[26]. Гоньба представляла собой систему почтовых дворов (ямов), предназначенных для смены лошадей. Междудворная, частично обывательская гоньба была возложена как повинность на население[27]. Организацией междудворной обывательской гоньбы обязаны были заниматься инородные управы[28]. На территории Якутской области почтовые станции состояли из небольших якутских юрт, где проживали вместе со скотом два-три семейства якутов[29]. Мировой

---

[23] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 83. Л. 7.

[24] Там же. Д. 84. Л. 79.

[25] *Стефанович Я.В.* От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения: Аянская экспедиция 1894 года [Электронный ресурс] // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. 2. Вып. 3. 1896. URL: https://www.yakutskhistory.net/очерки-и-статьи/от-якутска-до-аяна-я-стефанович-1894/ (дата обращения: 22.05.2022)

[26] НА РС (Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 84. Л. 78.

[27] *Петров П.П.* Экономическое развитие под влиянием буржуазных реформ… С.160.

[28] *Петров П.П.* Общественные инициативы по преобразованию местного самоуправления конца XIX века // История Якутии: в 3 т. Т. III. Новосибирск, 2021. С. 137.

[29] НА РС (Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 84. Л. 79.

судья второго участка Якутского округа отмечал неблагоприятное состояние всех почтовых станций и отсутствие надзора со стороны местных властей на левом берегу Лены[30].

Юрты разделялись перегородкой на две половины – жилую часть и хлев. По воспоминаниям начальника Иркутского почтово-телеграфного округа Р.Ю. Зонненбурга, юрта освещалась обычно только пламенем от камелька, а свечи и керосин встречались только у более состоятельных якутов. Камелек устанавливался в одном из углов юрты, где варили пищу, пекли лепешки (пресный хлеб) и проч.[31]

Во время разъездов по своим участкам и для проведения предварительного следствия мировые судьи выезжали на места преступления по почтовым и земским трактам. Весной 1909 г. в своем докладе мировой судья В.Е. Турковский пишет, что, выехав 9 апреля 1909 г. из села Амги в Ботуруском улусе для производства предварительного следствия, на пути задерживался на продолжительное время в каждой почтовой станции ввиду отсутствия лошадей. Почти все содержатели почтовых станций объясняли, что они не были предупреждены о приезде мирового судьи и потому не подготовили для него коней[32]. В вышеуказанных почтовых станциях используемые телеги находились в плачевном состоянии, и через каждые две-три версты приходилось останавливаться и ремонтировать телегу[33]. В декабря 1910 г. мировой судья В.Е. Турковский не смог выехать из Якутска в села Амга и Нелькан для проведения расследования из-за того, что в Бегюрской почтовой станции содержатель отказался от гоньбы лошадей ввиду отсутствия материальных средств, а все его лошади околели. Поэтому мировой судья В.Е. Турковский вынужден был вернуться обратно в Якутск, потратив сутки времени[34].

---

[30] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 39. Л. 69.

[31] *Зоннебург Р.Ю.* Из Якутско – Охотского края. Путевые впечатления с постройки охотского телеграфа. Иркутск. 1910. URL: https://www.yakutskhistory.net/исторические-личности/роберт-зонненбург/из-якутско-охотского-края-зоненбург/ (дата обращения: 21.05.2022)

[32] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 39. Л. 69–70.

[33] Там же. Л. 69.

[34] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 84. Л. 91.

Нередким было обстоятельство, когда одному мировому судье приходилось выполнять обязанности на нескольких мировых участках. Так, В.Е. Турковский с 1911 г. являлся мировым судьей 1-го и 2-го участков Якутского округа для расследования и рассмотрения мировой подсудности, что осложняло его работу. Первый участок Якутского округа был расположен на левом берегу Лены, куда входили 20 почтовых станций Иркутского тракта, Никольская слобода, села Доброе, Владимирское, Прохладное, скопческие селения Мархинское, Новониколаевское, Кильдемское, Хатын-Аринское, а также Западно-Кангалаский и Намский улусы[35]. А. Ветров писал, что мировой судья, как правило, получал накопившуюся информацию о совершенных преступлениях с опозданием, так как должен был объездить весь свой участок, но не мог поехать по делу для проведения следствия из-за назначенных судебных заседаний[36]. В отсутствие мирового судьи В.Е. Турковского почту от разных учреждений получал его письмоводитель.

Мировой судья всегда, приезжая из разъездов, заставал массу почты и вскрывал только пакеты с надписью «срочное» или «арестантское»[37]. Если судья игнорировал информацию о преступлениях, то должен был давать объяснительную записку прокурорскому надзору и окружному суду[38]. Так, весной 1912 г. мировой судья В.Е. Турковский, находясь, по его утверждениям, постоянно в разъездах по двум участкам, скрыл полученную почту от окружного прокурора с опозданием и приступил к расследованию дела о краже лошади с задержкой[39]. Однако окружной прокурор писал, что мировой судья получил дело о краже лошади в 20-х числах марта, а приступил к расследованию только 2 апреля и не уведомил о причинах задержки[40]. В своем объяснении окружному суду В.Е. Турковский пишет, что он не имел практической возможности сразу дать движение всем делам

[35] НА РС (Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 84. Л. 17.
[36] *Ветров А.* Судебная реформа в земской Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 6. С. 77–108.
[37] НА РС (Я). Ф. И-192 Оп. 5. Д. 142. Л. 47.
[38] *Ветров А.* Судебная реформа в земской Сибири… С. 77–108.
[39] НАРС(Я). Ф. И-192 Оп. 5. Д. 142. Л. 44.
[40] Там же. Л. 67.

ввиду удаленности населенных пунктов. Он пояснял, что на дальние поездки у него уходило по два месяца, и, приезжая из разъездов, В.Е. Турковский не успевал прочитать полученную почту, так как не мог оставаться дома больше одной недели, будучи вынужден вновь выезжать на свои участки. Поэтому, как он объяснял, мировой судья вскрывал лишь срочные конверты, а остальные брал с собой в поездку, и именно из-за этого многие следственные мероприятия замедлялись[41]. В результате общее собрание Якутского окружного суда по отношению мирового судьи В.Е. Турковского определило, что им было совершено дисциплинарное нарушение по ст. 410 Уложения о наказаниях, а именно «за медленность и нерадение в отправлении должности»[42].

Итак, подводя итоги, следует сделать вывод, что транспортная инфраструктура играла большую роль в коммуникативном пространстве мировых судей Якутской области в рассматриваемый период как канал связи. Обширность и труднодоступность территорий Якутской области, которая занимала значительную часть северо-востока России, выступала как одна из главных трудностей в осуществлении деятельности мировых судей. Из-за плохого состояния почтовых и земских трактов, а также отсутствия лошадей в станциях мировые судья могли не доехать до определенных территорий своего участка. Кроме того, частые разъезды по обширным участкам мировых судей приводили к тому, что они практически не успевали скрывать всю полученную за время отсутствия почту, что становилось одной из причин замедления судопроизводства.

[41] НАРС(Я). Ф. И-192. Оп. 5. Д. 142. Л. 76–77.

[42] Там же. Л. 78; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1908. С. 386.

Ф.М. Крученов

Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)

Отношение российского «образованного общества» к революционному терроризму в начале XX века

В настоящей статье рассматривается отношение российского «образованного общества» – читающей и пишущей части российского общества, которая желала высказываться на общественно-политические темы – к революционному терроризму в начале XX в. Основным источником исследования явились дневники, позволявшие более свободно высказать свой взгляд на проблему без оглядки на общественное мнение и цензуру. Исследовательский фокус направлен на сочувственное отношение представителей «образованного общества» к революционному террору и террористам, а также на динамику изменений в восприятии революционного терроризма в 1901–1911 гг. Оптика революционного террора позволяет сделать вывод о высокой терпимости российского общества к революционному насилию и о российской политической культуре начала XX в.

Ключевые слова: «образованное общество», революционный терроризм, начало XX в., первая русская революция 1905–1907 гг., Боевая Организация партии социалистов-революционеров.

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о взаимоотношениях общества и государства в России»[1]. Этой фразой современный исследователь Б.Н. Миронов начал главу в одной из своих книг, посвященную взаимодействию российского государства, общества и общественного мнения в начале XX в. Миронов сделал такой вывод, анализируя упущенные возможности для модернизации империи думского периода. Однако к такому же выводу можно прийти, взглянув на другую важнейшую проблему начала XX в. – революционный терроризм.

[1] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 689.

В России сложилась сильная революционная традиция. Об этом можно судить по тому, как развивались террористические идеи и террористическая практика в России с середины XIX в. до XX в. – от небольших по численности организаций вроде «Народной воли» до значительного фактора политической жизни. М.И. Леонов отмечает, что с февраля по май 1906 г. жертвами террористов стал 1 421 человек, а полицейская статистика сообщает о 3 487 террористских актах, совершенных в указанный период[2], А. Гейфман утверждает, что только за 1905 г. в России было убито 3611 государственных чиновников, а за период первой русской революции 1905–1907 гг. жертвами революционного террора стали более 9 тыс. человек[3].

Стоит признать, что мы, по-видимому, никогда не получим точных данных о количестве жертв революционеров-террористов, однако приведенные цифры красноречиво говорят о том, что революционный терроризм играл важнейшую роль в политической жизни империи в начале XX в. Жертвами террористов стали чиновники первого ранга вроде министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, член императорской семьи великий князь Сергей Александрович, а в 1911 г. был убит П.А. Столыпин. В результате терактов погибло также огромное количество тюремных и полицейских начальников, городовых, военных, губернаторов, а также простых людей. Убийство Плеве, вызвавшее ликование российской общественности, заставило императора назначить на пост министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, с чего началась так называемая «политическая весна»[4], а Николаю II пришлось отказаться от встречи с английским королем

[2] *Леонов М.И.* Террор и русское общество (начало XX в.) [Электронный ресурс] // Материалы конференции «Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996. URL: http://old.memo.ru/history/terror/leonow.htm (дата обращения 20.05.2022).

[3] *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 31.

[4] *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами: Воспоминания. М., 1991. С. 16; О проекте преобразований Святополка-Мирского, планировавшего «опираться на общественное мнение», подробно в своих воспоминаниях написал последний государственный секретарь Российской империи С.Е. Крыжановский. См. *Крыжановский С.Е.* Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 53–58.

в Петербурге в 1908 г. и перенести ее в Ревель из-за угрозы стать жертвой революционеров-террористов.

Настоящая работа посвящена не революционному террору, а российскому обществу, а точнее тому, как российское «образованное общество» относилось к революционному терроризму в начале XX в. Здесь важно оговориться о значении термина «образованное общество». Конечно, мы не претендуем на то, чтобы дать универсальное определение этого понятия, однако оговориться о его значении в контексте настоящей работы необходимо.

«Образованное общество» будет использоваться в значении, близком к понятию «общественность», которое традиционно обозначает наиболее активную часть общества, находящуюся между государством и простым народом. Как синонимы эти понятия используют американские исследователи Э. Клоуз, С. Кэссоу и Дж. Уэст[5], а также Б.Н. Миронов, характеризующий общественность как наиболее образованную и социально развитую часть российского общества[6], которая имеет желание высказываться на общественно-политические темы. Правда, в контексте данной работы государственных чиновников имеет смысл включить в состав «образованного общества», поскольку их взгляд на проблему революционного терроризма интересен и не так прост, как может показаться на первый взгляд. Леворадикальная интеллигенция также входит в образованную часть российского общества, однако представители революционного движения и их взгляд на проблему революционного терроризма в данной статье рассматриваться не будут. Споры революционеров о террористической тактике – это обширная и сложная тема, заслуживающая отдельного исследования[7], результаты которого не уместились бы в настоящей статье.

---

[5] Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / ed. by E.W. Clowes, S.D. Kassow, and J.L. West. Princeton University Press, 1991. P. 3.

[6] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции… С. 692.

[7] Единства мнений относительно целесообразности террористической тактики не было даже внутри партии эсеров, которая традиционно ассоциируется с террором, консенсуса не было и среди представителей других революционных партий. О спорах о месте террора в эсеровской тактике см. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 485.

Актуальность данной темы обуславливается несколькими факторами. Во-первых, важностью проблемы революционного терроризма и того места, которое он занимал в политической жизни начала XX в. Рассмотрение проблемы революционного терроризма через призму восприятия этого явления российским «образованным обществом» позволит выйти на более широкий уровень обобщения и сделать выводы о российской политической культуре того времени. Во-вторых, данная проблема становится особенно актуальной в сложившейся историографической ситуации.

Из-за особой идеологической важности истории российского революционного движения для большевиков эта тема долгое время оставалась крайне идеологизированной и в советское время имела больше общего с государственной идеологией, нежели с исторической наукой. Долгое время революционный терроризм, тесно связанный с партией социалистов-революционеров, в отечественной исторической науке не изучался, если не считать дореволюционные попытки осмыслить феномен российского революционного терроризма, предпринятые современниками событий[8].

Рост интереса к этой проблеме относится к 1990-м годам, когда были опубликованы важные работы, посвященные истории революционного терроризма в России. Книга О.В. Будницкого[9] отличается широтой выбранной темы и охватывает период с 1860-х годов до начала XX в. Основным источником его работы явилась публицистика и программные произведения революционеров, в которых они оправдывали террор. Р.А. Городницкий в своих исследованиях[10] сконцентрировался на работе Боевой Организации (БО) партии эсеров – на социальном составе участников, уровне их образования, источниках финансирования и механизме принятия решений как внутри

[8] Так, например, одним из первых исследователей партии эсеров стал А.И. Спиридович, бывший видным деятелем царской охранки. См. *Спиридович А.В.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники: 1886–1916. Пг., 1918. 623 с.; проблема революционного терроризма также поднимается в мемуаристике.

[9] *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2016. 383 с.

[10] *Городницкий Р.А.* Боевая организации партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. 239 с.

партии, так и внутри БО. Крупнейшим специалистов по истории партии эсеров и революционного терроризма является К.Н. Морозов, который с опорой на широкий круг источников, включивший в себя публицистику, многочисленные источники личного происхождения, партийную документацию и полицейские источники вроде ежегодных отчетов Главного жандармского управления, сумел осветить огромное количество тем и проблем, связанных с историей революционного терроризма – от проблемы «богоискательства» в среде террористов до субкультуры российских революционеров. Среди российских исследователей, занимающихся историей революционного терроризма, нужно также отметить Ю.А. Сафронову[11] и Г.С. Кана[12], А.И. Суворова[13], Д.Б. Павлова[14] и Л.Г. Прайсмана[15].

Что касается иностранных исследователей, то стоит отметить А. Гейфман и ее знаменитую работу, посвященную истории революционного терроризма на рубеже XIX–XX вв.[16] и отличающуюся крайней тенденциозностью. Симпатии Гейфман явно находятся на стороне царского правительства, а не российских революционеров, из-за чего при чтении ее книги возникает ощущение, что Гейфман писала ее, находясь в департаменте полиции[17]. Также нельзя не отметить Н. Наймарка[18], считавшего политический терроризм характерной чертой упадка Российской империи, К. Верховен[19], автора нескольких работ

---

[11] *Сафронова Ю.А.* Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014. 376 с.

[12] *Кан Г.С.* «Народная воля». Идеология и лидеры. М., 1997. 196 с.

[13] *Суворов А.И.* Борьба с терроризмом в России XIX – начале XX века: историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России. М., 2002. 313 с.

[14] *Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в первой русской революции. М., 1989. 240 с.

[15] *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. 429 с.

[16] *Гейфман А.* Революционный террор…

[17] *Будницкий О.В.* Терроризм в российском… С. 26.

[18] *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. 1990. № 2. P. 171– 192.

[19] *Verhoeven C.* The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism. Cornell University Press, 2011. 248 p.; *Verhoeven C.* Time of Terror, Terror of Time: On the Impatience of Russian Revolutionary Terrorism // Special Issue of Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas: Terrorism in Imperial Russia: New Perspectives. 2010. № 58. P. 254–273.

по истории развития и становления террористических идей в России XIX в., и М. Хильдермайер[20].

Конечно, перечисленные выше авторы не могли не касаться отдельных аспектов проблемы восприятия террора российским «образованным обществом» в своих работах, однако краткий историографический обзор показывает, что пока еще нет работы, где эта проблема является самостоятельным объектом исследования. Такие попытки были предприняты М.И. Леоновым[21] и И.М. Пушкаревой[22], которые выступали на конференции по революционному терроризму, организованной Морозовым, в 1990-х годах. Свои доклады они впоследствии превратили в небольшие статьи, которые обозначили широту и перспективность темы. Можно также вспомнить статью А.С. Баранова[23], в которой автор, не обосновывая выборку исторических персоналий и источников, рассмотрел образ нескольких революционеров-террористов в русской культуре. Нельзя не отметить статьи Н.А. Портнягиной[24], в которых современная исследовательница сделала выводы об отношении к террору российских либералов и государственных сановников вроде Витте и Столыпина на основании анализа, главным образом, публицистики того времени.

---

[20] *Hildermeier M.* The Russian Socialist Revolutionary Party Before the First World War. New York, 2000. 385 p.

[21] *Леонов М.И.* Террор и русское общество…

[22] *Пушкарева И.М.* Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический терро [Электронный ресурс]. М., 1995. URL: http://old.memo.ru/history/terror/pushkareva.htm (дата обращения 29.05.2022).

[23] *Баранов А.С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX вв. (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. М., 1998. № 2. С. 181–191.

[24] *Портнягина Н.А.* Либеральный ответ на вызов политической модернизации: кадеты и октябристы против террора в революции 1905–1907 гг. // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы международной научно-практической конференции, 14 ноября 2014 года / отв. ред. И.К. Лапшина, О.В. Захарова. Владимир, 2015. С. 123–128; *Портнягина Н.А.* С.Ю. Витте и П.А. Столыпин: два взгляда на террор // Вестник славянских культур: научно-информационный журнал. 2015. № 2 (36). С. 165–179; *Портнягина Н.А., Патрикеева О.А.* Революционный террор в России: влияние на ход и результаты избирательных кампания (1905–1907 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 144–150.

Основным источником для исследования стали дневники, которые до этого не использовались для изучения отношения «образованного общества» к революционному терроризму. Дневники интересны тем, что из-за своей интимности предоставляли больше свободы для высказывания без оглядки на общую политическую ситуацию, положение в обществе и цензуру. Воспоминания использовались для расширения контекста, но не как основной источник. Также важным источником явилась публицистика, без которой невозможно понять интеллектуальный и политический контекст эпохи.

Что касается методологии, то в широком смысле мы бы охарактеризовали выбранную нами методологическую систему как относящуюся к интеллектуальной истории. В силу того, что главным источником явились дневники, мы бы хотели воспользоваться методикой работы с дневниками Ф. Лежена[25], который блестяще обрисовал отличие автобиографии и воспоминаний от дневников: «автобиография с самого начала завершена, поскольку начатая там история должна закончиться моментом письма. Автор в этой ситуации прекрасно знает, к чему он придет... Таким образом, воспоминания направлены в прошлое… автор всегда находится в завершающей точке повествования»[26]. Дневник же незавершим с самого начала, поскольку каждый новый день заставляет делать новую запись, а финал дневника постоянно меняется. Как только автор настигает будущее, оно сразу же ускользает[27]. Таким образом, дневник, создающийся синхронно с исследуемыми событиями и ориентированный в будущее, подходит для изучения революционного терроризма и его восприятия российским «образованным обществом». Интимные записи в дневнике, более свободные от давления общественного мнения и необходимости усиливать полемический эффект высказывания, характерной для публицистики, позволяют более глубоко погрузиться в интеллектуальный и политический контекст эпохи, важный для методологии интеллектуальной истории, в особенности для известной Кембриджской школы, чувствительной к коммуникативной природе политических высказы-

[25] *Lejeune P.* On Diary. University of Hawaii Press, 2009. 352 p.
[26] Ibid. P. 191.
[27] Ibid. On Diary… P. 91–92.

ваний[28]. Этот тезис особенно важен для изучения терроризма, ведь террор – это акт коммуникации в публичном политическом поле между террористами или революционной организацией, обществом и государством, цели террора должны быть понятны и вызывать сочувствие и поддержку, иначе террористическая деятельность теряет смысл.

Общую же теоретическую рамку исследования мы бы хотели позаимствовать у Ю.А. Сафроновой. В ее работе, посвященной террору «Народной воли», главным героем является российское общество. Для того, чтобы его «обнаружить», Ю.А. Сафронова решила выбрать «зеркало», в которое оно однажды взглянуло. В качестве «зеркала» Ю.А. Сафронова решила использовать события из публичной политической сферы, которые затрагивали максимально большее количество людей[29]. И народовольческий террор – особенно в условиях отсутствия законодательной Государственной думы, – идеально для этого подошел. Так, используя призму террора «Народной воли», Ю.А. Сафронова сумела выйти на более широкий уровень обобщения и сделать интересные выводы о российском обществе 1879–1881 гг.

Первым крупным актом революционного террора в XX в. стало убийство министра народного просвещения Н.П. Боголепова в начале 1901 г. Революционер П.В. Карпович вынес Боголепову смертный приговор за репрессии против студентов, участвовавших в демонстрациях. А.В. Тыркова-Вильямс, будущий член ЦК партии кадетов, в своем дневнике призналась, что покушение на Боголепова подняло ей настроение: «Давно не были мы свидетелями суда Линча над темным и вредным министром». Тыркова пишет, что выстрел Карповича «всколыхнул застывшую душную атмосферу русской жизни»[30]. Консервативный журналист А.С. Суворин, один из создателей монархической организации «Русское собрание», в своем дневнике довольно сухо сообщает о смерти министра, но заканчивает свою запись о поку-

[28] *Атнашев Т.М., Велижев М.Б.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 10.

[29] *Сафронова Ю.А.* Русское общество в зеркале… С. 19.

[30] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 54.

шении на Боголепова восклицанием: «Какие глупцы сидят на министерских местах!»[31].

Первый теракт, который по-настоящему всколыхнул российскую общественность, – это убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина в 1902 г. Удачный выбор жертвы, молодость террориста С.В. Балмашева, не успевшего дать откровенные показания на следствии, имели несколько важных последствий. Во-первых, эсеры убедились в необходимости включения террора в свою программу, ведь до убийства Сипягина вопрос о терроре и его месте в программе партии был открытым[32]. Во-вторых, Балмашев закрепил в общественном сознании образ героя-террориста, в чистоте помыслов которого не должно быть сомнений[33]. Это способствовало тому, что многие представители российского «образованного общества» сочувственно отнеслись как к самому убийству министра, так и к казненному Балмашеву. Показательна дневниковая запись Суворина от 2 апреля 1902 г. – в день убийства Сипягина Суворин написал о необходимости серьезных преобразований, которые, по его мнению, предотвратят развитие революционного терроризма в России: «Надо бы свободу совести, личности, печати. Но какая может быть свобода при самодержавии министров, поддерживающих самодержавие»[34].

Главный смысл этой записи Суворина сводится к тому, что он отказывается от типичной идеи охранителей, по которой одним из главных виновников бед Российской империи являются студенты-террористы. Суворин находит причины подъема революционного терроризма в природе российского самодержавия. Показательно, что такого же мнения относительно причин обращения революционеров к террору придерживался лидер кадетов П.Н. Милюков. В 1900 г. он выступил с лекцией в горном институте, которая была посвящена памяти недавно скончавшегося П.Л. Лаврова – одного из главных идеологов народничества. Милюков проводил мысль о том, что неудача «идиллического» «хождения в народ» 1870-х годов была обусловлена утопичностью идеи и репрессивными ударами правительства

[31] *Суворин А.С.* Дневник. М., Пг., 1923. С. 256.
[32] *Городницкий Р.А.* Боевая организация социалистов-революционеров… С. 29–30.
[33] Там же. С. 42–43.
[34] *Суворин А.С.* Дневник… С. 289.

и стала причиной, которая подтолкнула народников сначала к «конспирации», а затем и к террору[35]. После этой лекции к Милюкову подошел молодой Б.В. Савинков – будущий руководитель эсеровского боевого дела – и назвал себя его учеником. В таком же ключе об убийстве Сипягина рассуждали крупные государственные сановники – А.А. Половцов и С.Ю. Витте. 12 апреля 1902 г. Половцов в своем дневнике привел слова Витте о необходимости серьезных преобразований и об отсутствии в России «правильного суда»: «Повсюду произвол чиновников, на который население отвечает насильственными действиями»[36].

Радостное приветствие убийства Сипягина, объяснимое нелюбовью русского обывателя к полицейским властям, перед лицом которых любой чувствовал себя беззащитным[37], героический образ Балмашева, труп которого после успешного теракта делили между собой эсеры и социал-демократы[38], и сочувственное отношение российского «образованного общества» повлияли на то, что террор был официально включен в программу партии эсеров. В 1902 г. в «Революционной России» была опубликована статья «Террористический элемент в нашей программе», написанная В.М. Черновым совместно с первым руководителем БО Г.А. Гершуни. В этой статье было подведено идейное обоснование террора. Террор – это не средство нападения на самодержавие, а «необходимое» средство защиты в стране, «где правящая клика поистине купается в слезах и крови своих несчастных жертв»[39]. Эсеры, почувствовав, что широкие слои российского общества готовы сочувствовать террористическому делу, выбрали удачный риторический ход для обоснования террора – представили его как средство защиты от произвола властей и переложили ответственность за жертв на правительство, отвечая таким образом на обвинения в насилии и убийствах.

---

[35] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859– 1917). М., 1990. С. 208.
[36] *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 358–359.
[37] *Будницкий О.В.* Терроризм в российском… С. 131.
[38] *Городницкий Р.А.* Боевая организация социалистов-революционеров… С. 43.
[39] *Чернов В.М.* Террористический элемент в нашей программе // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3-х т. Т. I. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 79.

Пика популярности революционный терроризм достиг в 1904–1905 гг., когда БО партии эсеров под руководством провокатора Е.Ф. Азефа совершила два самых громких теракта – убийство Плеве и Великого князя Сергея Александровича – а члены БО считались «белой костью» всего революционного движения. Значительная часть российского «образованного общества» восприняла известия об их гибели с восторгом. Во многом потому, что Плеве и Сергей Александрович олицетворяли собой реакцию и «старый порядок». Публицист и писатель С.Р. Минцлов записал в дневнике: «Дождался-таки Плеве своего часа!»[40]. О настроении в столице Минцлов писал, что «Петербург острит, что Николаю II следовало обидеться», потому что на его министров обращают больше внимания, чем на царя[41]. О «непосредственном чувстве радости» от смерти «чиновника-деспота, топтавшего и давившего все живое и желающее жить» в своем дневнике пишет Тыркова. Показательно, что Е.С. Созонова – члена БО, убившего Плеве – Тыркова называет «смельчаком-героем», который «снял гнет» с «задавленной родины»[42]. Консерватор Суворин под впечатлением от убийства Плеве признался в дневнике, что от политической ситуации в России ему становилось так «скверно», что он невольно понял «все, самое гнусное, самое отвратительное, все эти заговоры и убийства»[43]. Это не значит, что Суворин поддерживал террор и сочувствовал террористам. Показательно здесь то, что Суворин прекрасно понимал логику революционеров, которые встали на путь террористической борьбы под влиянием российской действительности.

Смерть Сергея Александровича также вызвала ликования в значительной части российской общественности. Кадет И.В. Гессен вспомнил шутку, которая родилась после взрыва И.П. Каляева и которую он услышал, что показательно, дома у одного московского профессора: «князю пришлось пораскинуть мозгами»[44]. Минцлов в дневнике записал, что «петербуржцы не только радуются, но и

[40] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 гг. М., 2012. С. 76.
[41] Там же. С. 79.
[42] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой… С. 65–66.
[43] *Суворин А.С.* Дневник… С. 312.
[44] *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции: в 22 т. Т. 22. М., 1993. С. 195.

поздравляют друг друга с этим убийством. Славную репутацию заслужил покойник». Однако на этом дневниковая запись Минцлова не заканчивается. Он пишет, что государственные сановники и члены императорской семьи вынуждены жить как «загнанные звери в норах» без возможности свободно перемещаться по городу[45]. А.В. Богданович, хозяйка одного из известных петербургских политических салонов, писала в дневнике о переживаниях А.А. Рейнбота, который признался ей, что его жизнь так же, как и жизнь Ф.В. Дубасова, находится в опасности[46]. Также на страницах дневника Богданович можно встретить записи о том, что петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц вынужден носить «панцирь от пуль»[47]. Все это свидетельствует о том, какое влияние оказывал революционный терроризм на политическую жизнь того времени – террористам сочувствовали широкие круги российской общественности, которые с трудом можно назвать революционными (Плеве не сочувствовал даже Витте[48]), убийства государственных сановников вызывали радость, о чем написал начальник петербургской охранки А.В. Герасимов, отметивший, что революционные партии пользовались «поддержкой среди всего населения, даже в таких его слоях, которые, казалось бы, ни в коем случае не могут сочувствовать целям этих партий»[49], а в партийную кассу эсеров поступали значительные суммы с пожертвованиями на террористическое дело. Так, например, если верить В.С. Гоц, вдове М.Р. Гоца, через руки Азефа с января 1904 г. по ноябрь 1906 г. прошло 202753 франка, что равнялось приблизительно 75 тыс. рублей[50].

Конечно, стоит признать, что далеко не все представители «образованного общества» симпатизировали террористам. В данном контексте важно обратить внимание на особенности разных политических

---

[45] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 гг…. С. 117.

[46] *Богданович А.В.* Три последних самодержца: дневник А.В. Богданович. М., Л., 1924. С. 368.

[47] *Богданович А.В.* Три последних самодержца… С. 380.

[48] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903– 1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 58.

[49] *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами… С. 54–55.

[50] *Городницкий Р.А.* Боевая организация социалистов-революционеров… С. 123.

языков. В то время как Минцлов называет демонстрацию, по итогам которой никто не был убит и не пострадал, «благополучной»[51], Богданович в дневниковой записи, посвященной беспорядкам в Киеве, отмечает, что убито было «всего» два человека, а ранено – 27[52]. Террористку Е.А. Измайлович, совершившую покушение на вице-адмирала Г.П. Чухнина, Богданович пренебрежительно называет «бабой»[53]. А.А. Киреев, который был вхож в императорскую семью и на страницах своего дневника называл конституцию «поганой болезнью»[54], назвал эсерку З.В. Коноплянникову, убившую генерала Г.А. Мина, «зверь-женщиной»[55], а записывая свои впечатления от новости о покушении на С.К. Гершельмана, Киреев задался вопросом, как можно сочувствовать «заблуждающимся юношам», которые кидают бомбы и убивают людей[56]. Известным противником террора был Л.Н. Толстой, правда, его отрицание терроризма строилось не на преданности идее самодержавия, как это было в случае с Богданович или Киреевым, а на идее о непротивлении злу насилием. В своем письме к Великому князю Николаю Михайловичу от 5 апреля 1902 г. Толстой пишет, что убийство Сипягина – это «ужасное событие», потому что оно вызовет злобу и ненависть в людях. При этом Толстой заявляет, что подъем революционного терроризма был неизбежен, а его размах станет еще большим, «если правительство не изменит совершенно свой курс»[57]. В таком же духе о борьбе с терроризмом, как уже отмечалось выше, рассуждал Витте, видевший необходимость в серьезном реформировании империи.

С начала 1906 г. популярность террора начинает падать по нескольким причинам. Во-первых, Манифест 17 октября, ставший уступкой самодержавия общественному мнению, удовлетворил значительную часть либеральной общественности, что заставило ЦК партии эсеров приостановить боевое дело в конце 1905 г. Во-вторых, террор

[51] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 гг…. С. 82.
[52] *Богданович А.В.* Три последних самодержца… С. 257.
[53] Там же. С. 363.
[54] Дневник А.А. Киреева. 1905–1910. М., 2010. С. 198.
[55] Там же. С. 165.
[56] Там же. С. 231.
[57] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 73. М., 1954. С. 230.

стал вырождаться в уродливые формы, что было обусловлено всплеском революционного насилия во время первой русской революции, а также появлением новых, более радикальных партий и организаций, практиковавших террор. Так, например, в начале 1906 г. в отдельную партию выделились эсеры-максималисты, организовавшие взрыв на Аптекарском острове, от которого пострадали не только дети Столыпина, но и простые прохожие. Киреев называет организаторов взрыва на столыпинской даче «зверями» и сочувствует пострадавшим «бедным деткам» Столыпина[58]. Более того, в 1905–1907 гг. революционными лозунгами прикрывается простое мародерство, насилие и убийства, которые совершались бандитами или революционерами, которых Гейфман назвала «революционерами нового типа», представлявших собой смесь революционера с уголовником[59]. Если убийство отдельного министра могло вызывать сочувствие или чувство злорадства, то убийство или акт насилия над простым человеком или группой людей, которая могла по случайности стать жертвой взрыва, вызывает отторжение и страх в широких общественных кругах.

В-третьих, серьезным дискредитирующим фактором явилась связь террора с провокаторством. Известие о том, что Азеф был агентом охранки, было шокирующим как для широкой российской общественности, так и для самих эсеров. В этом контексте можно также вспомнить «дело Петрова», убийство провокатора Н.Ю. Татарова и загадку Д.Г. Богрова, убийцы Столыпина, который также был связан с царской охранкой. Показательна дневниковая запись И.И. Толстого, возглавлявшего Академию художеств и бывшего министром народного просвещения в 1905–1906 гг., где он пишет об убитом Столыпине. Он признается, что не любил Столыпина за его «национализм» и за «необычайно жестокий» даже по российским меркам репрессивный курс. Толстой писал, что Столыпин пытался добиться «успокоения» России с помощью «охраны»: «Поучительно, что Немезида ждала его в лице члена той же “охраны”, организацией которой он хвастался, что он трагически погиб от руки лица, числившегося в составе сыщиков, этих краеугольных камней полити-

[58] Дневник А.А. Киреева… С. 165.
[59] *Гейфман А.* Революционный террор… С. 9.

ческой системы!»[60]. Эти строки из дневника Толстого показывают, как тесно террор и деятельность охранки была связана с провокаторством.

Более того, провокаторство способствовало распространению гнетущей атмосферы недоверия и подозрения в революционной среде, что стало причиной самоубийства террористки Э. Лапиной, которую подозревали в связях с правительством. В своей предсмертной записке Лапина написала, что у нее «нет сил не только работать, но и жить в такой атмосфере»[61]. Все это привело к падению популярности террора, что ярко видно на примере неудачной попытки Савинкова восстановить БО в 1909–1911 гг.: организация не совершила ни одного теракта, финансирование было настолько плачевным, что членам БО пришлось заложить часы и драгоценности, чтобы заплатить за пансион во Флоренции, Савинков не мог найти людей, желающих заниматься террором. Показателен черновик письма Савинкова к заграничной делегации ЦК ПСР от марта 1910 г.: «Боевая организация, как бы она ни была в своей деятельности оторвана от внешнего мира, нуждается в моральном сочувствии Партии и народа. И чем это сочувствие больше, тем сильнее Боевая Организация…»[62].

Из всего сказанного выше можно сделать несколько важных выводов. Первый касается наличия в России начала XX в. нескольких политических языков, с помощью которых можно не только описать российскую политическую действительность, но и осмыслить Россию. Значительная часть российского «образованного общества» сочувственно относилась к революционному терроризму, видя в таком радикальном методе возможность для дальнейшего освобождения России. Показательно, что подъем революционного терроризма заставил правительство пойти на уступки общественному мнению во время революции 1905–1907 гг. Высокопоставленные государственные сановники, например, Витте, писатели, публицисты и деятели культуры, если и не высказывали свое сочувствие террористам напрямую, то говорили о том, что террор – показатель болезни российского общества и яркий сигнал, дающий понять, что Россия нуждается в

[60] *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах. Т. II. 1910–1916. СПб., 2010. С. 208.
[61] *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров… С. 412.
[62] Там же. С. 430.

серьезных преобразованиях. Противники террора, использовавшие так называемый охранительный язык, отказывались видеть причины революционного терроризма в самодержавном устройстве и, следуя за М.Н. Катковым, характеризовали террористов как государственных преступников, чьи «вожаки» сидят за границей и посылают на смерть «мелкоту из интеллигентных»[63].

Второй вывод касается российской политической культуры начала XX в. и природы терпимости российского «образованного общества» к революционному насилию. Сильная социалистическая традиция, берущая свое начало от А.И. Герцена, вкупе с уникальными условиями русской жизни – самодержавным характером власти, длительным сохранением крепостного права, отсутствием народного представительства и сильным государственным началом – привели к серьезной радикализации российского «образованного общества» к началу XX в. Это ярко видно на примере того, как люди, которых нельзя назвать революционерами, приветствовали политические убийства и готовы были оправдывать террористов, которые многими воспринимались как мученики и герои, отправленные на смерть безжалостной государственной машиной. Мученичество и подвижничество, свойственное русской интеллигенции, стало одним из главных объектов для критики в знаменитом сборнике «Вехи».

Получается, что российское «образованное общество» начала прошлого века оказалось крайне левым по своим взглядам. Если измерить российские политические партии «европейской политической линейкой», то получится, что меньшевики, которых в отечественной историографии принято считать близкими к европейским социал-демократам, окажутся в крайней левой точке. А в России начала XX в., помимо меньшевиков, действовали партия эсеров, бывшая самой массовой российской партией, эсеры-максималисты, анархисты, большевики, а также левые национальные партии, которые также практиковали террор. Все это красноречиво говорит о политической культуре российского общества. Таким образом, лояльное отношение значительной части «образованного общества» к революционному терроризму вкупе со сверхполитизацией населе-

[63] Дневник А.А. Киреева… С. 231.

ния после Февральской революции 1917 г. может служить одним из объяснений, почему в октябре 1917 г. Россия и ее жители первыми в мире решились на социалистический эксперимент.

Д.О. Никулин

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Меры Бердского волостного правления по выдаче пособия и иной помощи семьям военнообязанных в 1914–1916 годах

Статья посвящена вопросу помощи семьям призванных на военную службу лиц во время Первой мировой войны. На основе материалов Государственного архива Томской области иллюстрируется деятельность Бердского волостного правления, а также Бердского волостного попечительства, Барнаульского уездного крестьянского начальника и томского губернатора. Отмечены трудности, с которым пришлось столкнуться, с одной стороны, указанным учреждениям, с другой – семьям призванных, благополучие которых напрямую зависело от выдаваемого пособия. Сделан вывод, что наиболее сложными и недостаточно регламентированными вопросами являлись снабжение семей призванных дровами и положение незаконнорожденных детей. Настоящее исследование является первым среди запланированного ряда изданий, посвященных деятельности волостных правлений в годы войны.

Ключевые слова: волостные правления, Западная Сибирь, Первая мировая война, пособие, семьи призванных, волостные попечительства.

В последнее десятилетие в связи со столетним юбилеем со дня её начала в отечественной историографии активизировалось изучение истории Первой мировой войны. В сферу интересов исследователей попали и пособия для семей призванных в армию нижних чинов, т.е. солдат. Получение пособия сделало солдатских жен, или солдаток, более самостоятельными, что привело к изменению социальной расстановки сил в деревнях. Несмотря на то, что тематика помощи солдатским семьям получила освещение как в масштабе всей страны, так и отдельных регионов, наблюдается некоторый недостаток исследований, которые были бы специально посвящены этому вопросу приме-

нительно к Сибири: сибирских историков в этой связи более интересуют русско-японская и Великая Отечественная войны. Цель настоящей статьи – осветить соответствующую работу волостных правлений в Сибири и сопоставить наблюдавшуюся в регионе ситуацию с положением других регионов на историографических материалах.

Как упоминалось выше, рассматриваемая проблематика в целом достаточно изучена в историографии. Авторами отмечались нормативные документы, на основании которых осуществлялась раздача пособия[1], затруднения на местах при реализации этих мер[2], роль пособия в обеспечении хозяйственной деятельности, вызванная этим материальная независимость солдаток и роль волостных правлений в ее ограничении[3]. В качестве одного из примеров служит исследование по деятельности Ростовской городской думы, в которой для обследования семей были созданы особые комиссии[4]. Отмечались сложности с обеспечением солдаток дровами[5]. В течение всей войны оставался дискуссионным вопрос о помощи внебрачным детям[6]. Интересно, что деятельность городского самоуправления освещается так же часто, как сельского, хотя в деревнях населения в целом было больше, в том числе и в Сибири.

Итак, в годы Первой мировой войны выдача пособия семьям нижних чинов регламентировалась «Положением о призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. Согласно этому Положению, правом пользования призрением обладали «семейства

---

[1] *Грудина А.Д.* «Закон о пайках» и особенности его реализации в России на начальном этапе Первой мировой войны // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. № 1. С. 157.

[2] *Грудина А.Д.* Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2019. С. 19.

[3] *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 2. С. 147–162.

[4] *Степанов К.А.* Ростовское городское по призрению семейств воинских нижних чинов попечительство // История и культура Ростовской земли: материалы науч. конф. 8–10 ноября 2012 г. Ростов, 2013. С. 349–372.

[5] Там же. С. 359.

[6] *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб, 2004. 40 с.

нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизационных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах»[7]. 19 июля 1914 г. томский губернатор сообщил крестьянским начальникам, городским головам, старостам и волостным старшинам о необходимости обследования личного состава семейств призванных на службу[8]. Эта необходимость была обусловлена Высочайше утвержденными 23 июня 1912 г. инструкциями об избрании попечительств и о выполнении возлагаемых на них обязательств по призрению семейств нижних чинов.

3 августа 1914 г. Бердский волостной сход принял решение об избрании попечителей от каждого селения в количестве, зависящем от численности его населения[9]. В тот же день чиновник особых поручений переселенческого управления И. Левицкий написал волостному правлению, что нужно обследовать состав семей призванных на действительную службу, ссылаясь на упомянутую выше инструкцию[10].

В конце августа Левицкий вернул Бердскому волостному правлению неправильно составленные раздаточные ведомости и попросил прислать новые[11]. В этой связи крестьянский начальник отправил волостному правлению приходно-расходную книгу, раздаточные ведомости и расчетные книжки, сопровождая их подробными инструкциями по делопроизводству. Помимо прочего, старшинам было запрещено выдавать деньги семьям, по которым не было проведено официального обследования и не было дано официального разрешения на выдачу средств[12]. Согласно выписке из журнала Барнаульского уездного съезда крестьянских начальников, разосланных расчетных книжек не хватило; ратников, отпущенных по домам до 14 сентября, следовало считать призванными с 14 сентября[13]. В каждой ведомости следовало указывать не менее 25–30 семей[14].

[7] Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXXII. 1912. Отд. I. СПб., 1912. С. 936.
[8] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.
[9] Там же. Л. 2.
[10] Там же. Л. 7.
[11] Там же. Л. 15.
[12] Там же. Л. 19.
[13] Там же. Л. 20.
[14] Там же. Л. 24.

В то же время И. Левицкий поручил Бердскому волостному правлению выдавать дрова женам призванных в тех поселках, в которых не было леса для дров[15], и сообщил, что волостным правлениям следует с раздаточными ведомостями предоставлять данные по семейному составу призванных на военную службу за подписями членов волостного попечительства[16]. Основной список по волости при этом предоставлять не требовалось[17].

3 августа 1914 г. было открыто Бердское волостное попечительство, в состав которого входили 27 попечителей. Председателем был крестьянин Н.И. Попов. Члены попечительства определялись приговором волостного схода[18]. В сферу ответственности попечительства входили 504 семьи, состоявшие из 1027 взрослых и 528 детей[19]. К 30 ноября Бердское волостное попечительство несло ответственность за 485 семей, причем призванные наличествовали в 482. Попечительство бездействовало, так как в с. Бердском имелся особый попечитель-меценат, оказывавший всю необходимую поддержку[20]. В первые месяцы 1915 г. в сферу ответственности попечительства входили 782 чел. Из предназначавшихся в пособие 192 руб. 44 коп. было выдано 54 руб., причем 138 руб. 44 коп. осталось к следующему месяцу[21]. Согласно раздаточной ведомости по восьмой очереди Ильинской волости Барнаульского уезда, 15 февраля 1916 г. три семьи получили восемь пайков общей стоимостью 54 руб. 60 коп. из изначально выданных 62 руб. 40 коп. Эта выдача была засчитана за период с 1 марта по 1 июня 1916 г. Остаток был сдан в Барнаульское казначейство[22]. В той же волости за период с 4 февраля две семьи получили пять пайков стоимостью 11 руб. 18 коп.; за период с 1 декабря две семьи получили четыре пайка стоимостью 31 руб. 20 коп.; наконец, с 15 января две семьи получили полтора пайка стои-

[15] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 16.
[16] Там же. Л. 23.
[17] Там же. Л. 27.
[18] Там же. Л. 52.
[19] Там же. Л. 29.
[20] Там же. Л. 45 об.
[21] Там же. Л 69 об.
[22] Там же. Л. 101.

мостью 5 руб. 85 коп. Все пайки были выданы 15 марта, общая стоимость – 45 руб. из выданных 48 руб. 23 коп.[23]

13 сентября 1914 г. Барнаульский уездный съезд обратился к волостным старшинам уезда. Им, помимо прочих, были даны следующие инструкции:

1) Оповещать население о дне выдачи пособия.
2) Вместо неграмотного получателя расписку о получении пособия давал член попечительства.
3) Перепроверять подсчеты пособия и проверять, может ли получатель получать пособие в соответствии со статьей 61-й закона от 25 июня 1912 г.
4) Отмечать утерю права на получение пособия (возвращение состоявших под судом нижних чинов, смерть родни).
5) Отчим, мачеха и прочая подобная родня права на пособие не имеют.
6) Вносить в раздаточную ведомость сведения о времени и размере выдачи.
7) Раздаточную ведомость представить в Съезд не позднее как через две недели.
8) Перепроверять семьи на предмет сохранения за ними права на пособие при составлении новых раздаточных ведомостей.
9) Остаток денег сдавать в Барнаульское казначейство, квитанцию о чем предоставлять в Съезд.
10) Сообщать в Съезд обо всех семьях, по какой-то причине не получивших пособие[24].

С реализацией всех указанных мер на местах возникли трудности. Наиболее проблематичным оказалось предоставление солдаткам доступа к дровам. Так, уже в сентябре крестьянский начальник получил сообщение от волостного правления, в котором говорилось, что солдатки дер. Морозовой обратились за дровами к помощнику Новониколаевского лесничего Гротовскому в с. Бердском. У солдаток при этом имелись необходимые удостоверения от их сельского старосты, но, тем не менее, помощник лесничего отказал им в доступе к

[23] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 102.
[24] Там же. Л. 30.

дровам. Когда же волостное правление обратилось к нему, чтобы выяснить причины отказа, тот заявил, что «волостной писарь для меня небольшая шишка»[25]. Согласно неоднократным сообщениям от Управления Алтайского округа ведомства кабинета его императорского величества, полученным крестьянским начальником, выдача леса производилась только в деревни, где не было леса[26]. Тем не менее, все прочие инструкции, содержавшиеся в послании, солдатки исполнили, в частности, просили лес из валежника[27]. Ситуация же оставалась сложной и далее. Даже к 22 ноября, т.е. в крайне холодное в Сибири время года, в волостное правление продолжали поступать письма, в которых значилось, что старосты не позволяют солдаткам брать лес на дрова, даже тем, у кого в наделе не было леса, и не отряжают людей для этого. Более того, некоторые старосты даже отряжали самих солдаток для своза военнопленных и маршевых команд. Старосты также не давали удостоверений для лесничих и для вырубки леса в кабинетских дачах. Волостное правление рекомендовало старостам разобраться в вопросе и помогать солдаткам[28]. К 2 декабря солдатки с. Бердского получили доступ к кабинетскому лесу, но и здесь столкнулись с затруднениями: валежник из дач Кабинета приходилось собирать из-под снега, в результате чего он был мозглым и не горел. В то же время помощник лесничего запрещал рубить сухостой, а валежник заставлял клеймить на кордоне, а не на месте добычи, что усложняло логистику. Эти сведения волостное правление передало крестьянскому начальнику[29].

Отдельно встал вопрос о пособии для внебрачных семей. 30 сентября 1914 г. Крестьянский отдел Томского губернского управления по жалобе солдатской жены Анастасии Пуньгиной по общему журналу Присутствия признал возможной выдачу пособия внебрачным семьям, если такая семья у солдата единственная[30]. Но 2 декабря Крестьянский начальник сообщил волостному правлению, что, хотя у вне-

[25] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 31.
[26] Там же. Л. 35.
[27] Там же. Л. 32–32 об.
[28] Там же. Л. 41.
[29] Там же. Л. 47.
[30] Там же. Л. 37.

брачных семей тяжелое положение, по закону пособие им выдавать нельзя, и нужны другие меры помощи[31]. Более удачной была ситуация у тех жен и детей, которые не жили с главой семейства: им паек доставался, если не было развода. Отчим или другой мужчина-опекун такой семьи на паек рассчитывать не мог[32].

25 октября Барнаульский съезд крестьянских начальников сообщил волостному правлению о матери запасного нижнего чина, которой было 53 года и которая считалась способной к труду, а потому не могла претендовать на пособие[33]. Другой пример отказа в пособии – прошение крестьянина Г.М. Симакова, 65 лет, написанное 13 ноября 1914 г. и пришедшее по адресу 21 ноября 1914 г. Его сын, Лаврентий, находился в армии, и Симаков остался, как он заявлял, без поддержки: двое его других сыновей не имели земли. Остальные четверо детей были слишком юны. 27 ноября ему было отказано в пайке председателем съезда[34]. 2 апреля 1915 г. было уточнено, что все отцы военнослужащих до 60 лет без медицинской справки считаются трудоспособными. Матерям же паек предоставлялся, если они были вдовами, или если муж пользовался призрением[35].

Между тем томский губернатор получал ходатайства от состоятельных нижних чинов об освобождении их семей от сборов. Информация о подобной возможности у них была от командиров их взводов и рот. Для предотвращения дальнейших подобных прошений им было указано, что в Сибири свои сборы, основанные не на душах, а на обеспеченности дворов[36]. Губернатор Дудинский поручил крестьянским начальникам разъяснить это. Впоследствии выяснилось, что слухи об отмене платежей были вызваны приостановлением взыскания с призванных долгов 22 августа 1914 г.[37]

Некоторых военнослужащих призывали в армию не в местах проживания. Их родственники, таким образом, не знали, куда именно, и

[31] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 49.
[32] Там же. Л. 82.
[33] Там же. Л. 40.
[34] Там же. Л. 54.
[35] Там же. Л. 86.
[36] Там же. Л. 76.
[37] Там же. Л. 80.

не могли правильно запросить пособие у своих воинских начальников. Соответственно, в ноябре 1914 г. воинским начальникам на местах призыва было предписано быстрее выяснять и предоставлять подобную информацию[38]. Министерство внутренних дел и Томское губернское управление сообщили крестьянским начальникам, что если нижний чин прибыл в отпуск по ранению, то паек выдавался не ему, а семье[39]. Ратникам ополчения, по болезни вернувшимся домой, следовало выдавать паек со дня явки на сборный пункт и до возвращения. Если же ратник был отпущен со сборного пункта сразу, то паек не полагался[40]. Паек выдавался вернувшемуся солдату не более чем за месяц до увольнения или назначения пенсии, если он был родом из Европейской России, и не более чем за два месяца, если он был из других регионов[41]. Эти замечания соответствовали «Положению о призрении», в котором регламентировалось получение пособия неспособными к военной службе возвращенными нижними чинами[42]. 20 декабря 1914 г. были расширены рамки призрения: были включены семьи охотников, включая казаков, и тех, кто пошел на службу в туземные части Кавказа, а также тех граждан, кто служил в армиях стран-союзниц[43]. 18 июля 1915 г. Верховным советом по призрению был рассмотрен вопрос о призрении семей призванных на войну волостных писарей. Подшефным Совету благотворительным организациям было указано обращать внимание на семьи писарей[44]. Особое положение имели зауряд-военные чиновники: если таковой находился на классной должности, то получал свой специальный паек, в противном случае паек полагался его семье[45].

Волостным правлениям приходилось иметь дело и с солдатами, совершившими проступки. Так, солдат Перелетов попал в армию в августе 1915 г., хотя призывался с мая, а до 1 июня 1915 г. он

[38] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 51.
[39] Там же. Л. 61, 79.
[40] Там же. Л. 87, 90.
[41] Там же. Л. 88.
[42] Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств… С. 943.
[43] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 72.
[44] Там же. Л. 96.
[45] Там же. Л. 108

содержался в тюрьме по подозрению в грабеже, но был оправдан. Деньги было решено все равно выдать[46]. Если же солдат вернулся из отлучки, то его право на паек не восстанавливалось, но нужно было проверить, действительно ли имела место отлучка[47]. 31 мая 1916 г. губернатор передавал подчиненным ему учреждениям сообщение генерала М.В. Алексеева, согласно которому лишь военные власти были уполномочены решать, была ли отлучка, и восстанавливать ли паек вернувшимся[48]. В случае отлучки семья военнослужащего лишалась пайка. Если из нескольких находившихся на службе братьев сбежал один, то пайка лишалась их общая родня, но не собственные семьи тех, кто не сбежал[49].

Случалось, что суммы пособия корректировались на ходу. Так, 19 октября для поселка Ивиновского было назначено изначально 102 руб. 26 коп., выдано же было 89 руб. 28 коп., причем соответствующая правка задним числом была внесена и в план, т.к. в графе «выдано» также сначала значилось 102 руб.[50] 1 декабря 1915 г. губернатор указал на то, что родственники призванных приносят медицинские справки о нетрудоспособности через год после отправки кормильца на службу, а должностные лица не проверяют подлинность бумаг. Между тем согласно «Положению о призрении...» попечительство при мобилизации должно было осматривать всех[51] и за две недели предоставить в уездный съезд заключения о нетрудоспособности, если такове были[52]. 12 декабря 1914 г. крестьянский начальник сообщил волостным правлениям 4-го участка о необходимости раздавать пособие 3-й очереди немедленно и донести, когда это будет сделано[53]. До 1 декабря нужно было предоставить информацию по попечительским организациям, что не было сделано. 28 августа 1915 г. уездный съезд сообщил попечительствам, что они должны подписы-

[46] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 77.
[47] Там же. Л. 109.
[48] Там же. Л. 110.
[49] Там же. Л. 106.
[50] Там же. Л. 38об.
[51] Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств… С.943.
[52] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 99.
[53] Там же. Л. 58.

вать раздаточные ведомости, в то время как на практике этим занимались волостные старшины[54]. В ноябре 1915 г. крестьянскому начальнику стали поступать жалобы на неправильную выдачу пайков, с чем он попросил разобраться волостные правления[55]. 23 февраля 1916 г. вновь были упомянуты недоработки при выдаче раздаточных ведомостей. В частности, не указывался срок начала выдачи пособия и категория призыва, не указывалась сумма, отпущенная Съездом, раздача остатка по ведомостям[56]. В апреле некоторые попечительства все еще не знали, что они должны выдавать свидетельства о нетрудоспособности[57]. Жалобы на нарушения в выдаче пайка продолжались и в июле[58], а 16 декабря волостным правлениям было указано не добавлять умерших или родившихся в утвержденные ранее ведомости, а оформлять им новые ведомости[59].

3 июня 1916 г. возникло затруднение с распределением полномочий: съезд считал, что сам решает вопрос о назначении пайка, но по циркуляру губернского управления от 8 апреля 1915 г. этим должны были заниматься и попечительство, и крестьянский начальник[60]. Общее присутствие губернского управления решило, что паек назначает Съезд, в то время как за попечительствами и начальником остается анализ ситуации. Кроме того, так как повторные ходатайства и жалобы крестьяне подавали в разные ведомства, то за этими ведомствами оставалось право решать такие вопросы. Прочие пояснения гласили, что братьям и сестрам призванного полагался паек, если их содержал призванный, и они моложе 16 лет. Родителям призванного, даже соответствующего нормам возраста, не полагалось пособия, при наличии информации о том, что они успешно живут своим хозяйством. Если же хронически больной солдат возвращался домой по болезни, то лишался пайка. Демобилизованные часто не заменяли паек на пенсию, хотя могли работать, что было нарушением с их сто-

[54] ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 255. Л. 94.
[55] Там же. Л. 95.
[56] Там же. Л. 100.
[57] Там же. Л. 107.
[58] Там же. Л. 104.
[59] Там же. Л. 119.
[60] Там же. Л. 116.

роны. Трудоспособным признавался тот, кто мог выполнять крестьянские или ремесленные работы. Незаконнорожденные дети, как указывалось выше, не получали пайка. Иск о незаконнорожденности детей подавать должен был сам муж. Женщины, даже попавшие под административный арест, сохраняли право на паек.

Таким образом, Бердское волостное правление продемонстрировало, с одной стороны, искреннее желание помочь семьям призванных, выступая посредником в спорах солдат с другими ведомствами, такими как ведомство лесничего, и их собственными старостами, относившимся к солдаткам недостаточно внимательно. С другой стороны, волостное правление оказалось не вполне готовым к исполнению своих функций по обеспечению призрения семей нижних чинов: долгое время не была налажена работа по отношению к определенным категориям семей, которые были, тем не менее, учтены в Положении. Деятельность волостного попечительства в особенности имела множество недостатков, таких как назнание собственных функций, ненадлежащее исполнение обязанностей по подтверждению нетрудоспособности членов семей нижних чинов или даже передача всех обязанностей некоему отдельному меценату, что было признано даже в раздаточных ведомостях. Из исследовательской литературы известно, что подобные сложности испытывали и другие регионы: так, в Ростове также имелись затруднения со снабжением семейств призванных дровами, хотя затруднения в работе попечительства были несколько иными. Таким образом, экстремальная ситуация войны стала суровым испытанием для Бердского волостного правления, с которым оно оказалось не вполне способно справиться.

И.А. Концевой

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

«А не пора ли нам прогнать их…?»: конфликты большевиков и левых эсеров в Крестьянской секции ВЦИК (первая половина 1918 года)

В статье на основе архивных документов и источников личного происхождения исследуется взаимодействие между большевиками и левыми социалистами-революционерами в Крестьянской секции ВЦИК. Данный отдел ВЦИК имел собственную автономию и занимался проведением социализации земли в деревне. В результате исследования было установлено, что взаимоотношения двух партий в Крестьянской секции включали в себя большое число конфликтов, которые сопровождали повседневную работу этого отдела ВЦИК. Причинами конфликтов становились противоречия – как по вопросам аграрной политики, так и вызванные борьбой левых эсеров против условий Брестского мира. Участие непролетарской партии в управлении Крестьянской секции ВЦИК являлось неотъемлемой чертой раннесоветской политической системы, в которой большевики были вынуждены сосуществовать в органах государственного управления со своими левоэсеровскими союзниками.

Ключевые слова: ВЦИК, большевики, левые эсеры, Мария Спиридонова, крестьянство, социализация земли, Брестский мир.

Взаимодействие между партиями большевиков и левых социалистов-революционеров (интернационалистов) – ПЛСР(и) – имело огромное значение в истории «долгой» революции 1917 г. Временный союз двух партий во многом предопределил установление советской власти на территории России. Одним из примеров участия большевиков и левых эсеров в государственном управлении является их совместная деятельность в Крестьянской секции ВЦИК – автономном отделе «советского парламента», который занимался проведением социализации земли. Данная проблематика исследовалась с 1920-х гг. до наших

дней. Исследования А.В. Шестакова[1] и З. Пиндрика[2], опубликованные в 1920-х – 1930-х годах, практически не затрагивали историю создания и деятельности Крестьянской секции, поскольку авторы концентрировались исключительно на «разоблачении» левоэсеровской партии.

Период «оттепели» в СССР стал временем расширения проблематики исследований и некоторого изменения оценок по отношению к непролетарским политическим партиям. В свет вышли исследования В.М. Клеандровой[3], А.Г. Горина[4], К.В. Гусева[5], П.Н. Першина[6], которые рассмотрели процесс создания и функционирования ВЦИК, затронули историю партии левых эсеров и изучили аграрную политику большевиков в первый год советской власти. Т.А. Сивохина[7] впервые изучила вопрос организации и деятельности Крестьянской секции ВЦИК.

В постсоветский период в связи с введением в научный оборот новых архивных документов и исчезновением идеологического контроля над наукой стало возможным всесторонне исследовать рассматриваемую проблематику и приходить к новым обоснованным выводам. В современной историографии большой вклад в изучение взаимодействия большевиков и левых эсеров в советском государстве внесли А.И. Леонов[8], А. Рабинович[9], В.М. Лавров[10], Я.В. Леонтьев[11].

---

[1] *Шестаков А.В.* Блок с левыми эсерами: (страницы из истории Октябрьской революции) // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 21–47

[2] *Пиндрик З.* О блоке с левыми эсерами после Октября 1917 года // Красная летопись. 1934. № 3. С. 110–130

[3] *Клеандрова В.М.* Организация и формы деятельности ВЦИК 1917–1924 гг. М., 1968. 127 с.

[4] *Горин А.Г.* ВЦИК в первый год пролетарской диктатуры // Труды Всесоюзного юридического заочного института. Т. 41. М., 1975. С. 90–122.

[5] *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963. 260 с.

[6] *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.) М., 1966. 576 с.

[7] *Сивохина Т.А.* Образование и деятельность Крестьянской секции ВЦИК // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1969. № 2. С. 13–26.

[8] *Леонов А.И.* Рождение советской империи: государство и идеология. М., 1997. 356 с.

[9] *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. 622 с.

[10] *Лавров В.М.* Запутался мужик. Как Ленин и Спиридонова вовлекли крестьян в Октябрьскую революцию. М., 2019. 544 с.

[11] *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и её литературные попутчики. М., 2007. 326 с.

Однако деятельность представителей двух партий в Крестьянской секции ВЦИК в литературе рассмотрена поверхностно, поэтому исследование этой проблемы имеет научную актуальность.

В результате создания коалиции большевиков и левых эсеров в декабре 1917 г. высшие советские органы власти и управления были сформированы преимущественно на двухпартийной основе. Партии большевиков и левых эсеров заняли главенствующее положение во ВЦИК и его Президиуме. Представители неонароднической партии были включены в состав отделов ВЦИК наравне с большевиками.

Таблица

Представительство большевиков и левых эсеров во ВЦИК и его Президиуме в декабре 1917–июне 1918 гг.*

Наименование органа власти	Всего членов	РКП(б)	%	ПЛСР(и)	%
ВЦИК II созыва	326	182	**56**	111	**34**
Президиум ВЦИК II созыва	21 (5)**	12 (5)	**–**	7	**–**
ВЦИК III созыва	300	158	**53**	124	**41**
Президиум ВЦИК III созыва	10 (4)	6 (2)	**–**	4 (2)	**–**
ВЦИК IV созыва	207	141	**68 %**	48	**23**
Президиум ВЦИК IV созыва	8 (7)	6 (3)	–	2 (4)	**–**

* *Составлена по:* Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918; Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 18. Д. 2, 10; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 32. Д. 1.

** В скобках указаны кандидаты в члены Президиума.

Крестьянская секция как специальный отдел ВЦИК была создана на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. В её состав вошли представители большевиков и левых эсеров, причём последние занимали руководящее положение. По подсчётам Т.А. Сивохиной, сумевшей установить партийность 67 из 140 членов секции, большевиками являлись 15 человек, а левыми эсерами – 51[12]. Крестьянская

[12] *Сивохина Т.А.* Организация и деятельность Крестьянской секции ВЦИК… С. 15.

секция была сформирована взамен распущенного Исполкома Советов крестьянских депутатов и обладала значительной автономией. Фактически появилась организация, которая должна была отстаивать интересы крестьянства по аналогии с рабочими профсоюзами.

Важной практикой в работе Крестьянской секции стало взаимодействие между её центральными структурами и агитаторами, занимавшимися социализацией земли. В Крестьянскую секцию часто поступали просьбы от членов местных советов направить им агитационные материалы или текст закона о социализации земли, который был утверждён ВЦИК в январе 1918 г.[13] Так, 8 апреля 1918 г. в Крестьянскую секцию обратился земельный отдел Царевококшайского уездного совета, который попросил «выслать 800 экземпляров основного закона о социализации земли для широкого распространения среди населения и снабжения земельных отделов уезда»[14].

Взаимодействие большевиков и левых эсеров в период с середины января по начало апреля 1918 г. происходило практически бесконфликтно. Крестьянская секция остро нуждалась в компетентных сотрудниках, поскольку многие её агитаторы не выполняли своей работы, «ничего не делали, получали деньги, уезжали на места и лежали на печке»[15]. Необходимость подбора кадров для секции во многом объединяла членов двух советских партий, которые были заинтересованы в проведении аграрной политики СНК. Про совместную деятельность большевиков и левых эсеров в Крестьянской секции М.А. Спиридонова отметила, что «работа идёт довольно ладная и дружная»[16].

Активная деятельность М.А. Спиридоновой в Крестьянской секции, которая выражалась в стремлении наладить связь с региональными советами, была важным аспектом политики левоэсеровской партии. Нельзя согласиться с В.М. Лавровым, который считал, что М.А. Спиридонова являлась в первую очередь «радикальной социа-

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 7. Л. 2, 7, 19.

[14] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 7. Л. 4.

[15] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы / сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхудзаев. Т. 2. Ч. 1. М., 2010. С. 240.

[16] Там же.

листкой, чем крестьянским лидером»[17]. Её работа в рамках секции показывает, что к аграрной политике она не была безразлична. По оценке А. Рабиновича, благодаря известности Спиридоновой среди сельского населения Крестьянский отдел ВЦИК превратился в национальный центр, куда крестьяне со всей России обращались за помощью и советом[18].

Напряжённость во взаимоотношениях большевиков и левых эсеров стала нарастать после распада правительственной коалиции двух партий. Также этому способствовало увеличение представительства РКП(б) во ВЦИК IV созыва и его Президиуме. В новом составе «советского парламента» большевики составляли 68 %, а левые эсеры – только 23 % (см. таблицу). Руководство РКП(б) пыталось поставить проведение аграрной политики под свой контроль. Наркомат земледелия, который после марта 1918 г. перешёл под управление большевиков, начал ограничивать вмешательство Крестьянской секции в аграрную политику. 17 апреля 1918 г. на II съезде партии левых эсеров М.А. Спиридонова заявила, что «смета на дальнейшие расходы не утверждена», и если «Крестьянская секция не получит денег, она не сможет существовать»[19].

Архивные документы содержат множество заявлений сотрудников секции с просьбами выделить им средства на дальнейшую работу. 29 апреля 1918 г. в Президиум ВЦИК было направлено обращение руководства Крестьянской секции с просьбой о выделении 20 тыс. руб., поскольку «в кассе секции не имеется ничего»[20]. В тот же день было направлено ещё одно заявление, в котором руководство секции ходатайствовало перед Президиумом ВЦИК о «пересмотре оклада жалования членам Крестьянской секции ввиду дороговизны жизни в г. Москве»[21]. По оценке Спиридоновой, левым эсерам для получения финансирования «приходилось вырывать из горла силой каждый десяток тысяч»[22].

---

[17] *Лавров В.М.* Запутался мужик… С. 443.
[18] *Рабинович А.* Большевики у власти… С. 421.
[19] Партия левых социалистов-революционеров… Т. 2. Ч. 1. С. 240.
[20] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 2. Л. 20.
[21] Там же. Л. 21.

В связи с преградами, которые создавал для деятельности секции Наркомат земледелия, левые эсеры приняли решение реорганизовать её работу, разделив секцию на 10 комиссий, которые должны были устраивать свои заседания не реже раза в неделю. Сотрудниками комиссий стали как видные деятели ПЛСР(и) И.А. Майоров, А.А. Измайлович и М.Д. Самохвалов, так и большевики С.С. Крутошинский, Ф.М. Юферов, Махров и Шубин[23]. Таким образом, руководство секции стремилось сделать Крестьянскую секцию «ещё более обособленной от ВЦИК выразительницей интересов крестьянства»[24].

На обострение отношений между большевиками и левыми эсерами повлияли заключение Брест-Литовского мирного договора и его последствия, которые выражались в оккупации территории Украины и части Белоруссии немецкими войсками. Левоэсеровские лидеры выступили против политики РКП(б) и стали использовать средства Крестьянской секции для агитации за продолжение войны с Германией. Направленные от секции агитаторы, которые принадлежали к партии левых эсеров, на местах открыто критиковали внешнюю политику Совнаркома. Это подтверждают резолюции волостных крестьянских сходов, которые принимались после докладов агитаторов. Например, отправленный в Холмский уезд Псковской губернии левый эсер А.Д. Цветков устроил несколько волостных сходов, на которых крестьяне осудили Брестский мир. Жители Локонской волости вышеуказанного уезда на сходе приняли резолюцию со следующим содержанием: «Мы, граждане Локонской волости Холмского уезда Псковской губернии, считаем мирный договор отнимающим у трудового народа и власть, и землю, и волю, а мир считаем несправедливым»[25]. Волостной сход Хлавицкой волости Опочецкого уезда той же губернии после выступления Цветкова постановил приступить к организации вооружённых крестьянских отрядов. В резолюции схода говори-

[22] Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчёт. М., 1920. С. 54.
[23] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 4. Л. 25.
[24] *Сивохина Т.А.* Организация и деятельность Крестьянской секции ВЦИК… С. 23.
[25] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 3. Л. 32.

лось, что «заключённый мир с германским империализмом не даст нам закрепить завоёванную свободу, землю и волю»[26].

Поведение левоэсеровских агитаторов встречало сопротивление со стороны большевиков, которые стали требовать от представителей Крестьянской секции прекратить агитацию против условий Брестского мира. Так, 27 июня 1918 г. член Новоржевского совета Никифоров направил руководству Крестьянской секции телеграмму с требованием отозвать агитаторов, которые настраивают крестьян против внешней политики СНК. Он сообщил, что агитаторы секции Иванова и Арутюнов на уездном съезде советов «ведут агитацию против организации Красной Армии, против выполнения декретов центральной власти, чем вносят большую разруху»[27].

В левоэсеровской агитации проявилась и критика продовольственной политики правительства. Выступавший от имени Крестьянской секции левый эсер Понятский в Холмском уезде агитировал против продовольственной диктатуры и организации комбедов и предложил местным советам самим производить закупку зерна[28]. Под влиянием левых эсеров была принята резолюция волостного схода крестьян Воронецкой волости этого же уезда, в которой содержалась критика создания комитетов бедноты. В резолюции говорилось, что «организация комбедов несёт развал и разруху в без того трудно организующуюся деревню»[29]. Поведение агитаторов в деревне привело к конфликту большевиков и левых эсеров. Большевики Крутошинский, Майоров и Юферов раскритиковали левоэсеровское руководство Крестьянской секции и потребовали направлять по одному агитатору от РКП(б) и ПЛСР(и)[30].

Столкновения представителей двух партий становились повседневной практикой работы секции. По воспоминаниям большевика И.Я. Врачёва, после получения сведений о левоэсеровской агитации в деревне некоторые члены Крестьянской секции от РКП(б) явились к председателю ВЦИК Я.М. Свердлову и «стали с возмущением расска-

[26] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 3.Л. 34.
[27] Там же. Д. 2. Л. 309.
[28] Там же. Д. 3. Л. 21.
[29] Там же. Л. 30.
[30] *Сивохина Т.А.* Организация и деятельность Крестьянской секции ВЦИК… С. 23.

зывать о поведении левых эсеров». Кто-то из большевиков спросил Свердлова: «А не пора ли нам прогнать их из Крестьянской секции?» В ответ председатель Президиума ВЦИК ответил, что «время для этого ещё не пришло»[31].

Стоит отметить, что не только левые эсеры использовали средства Крестьянской секции для ведения партийной агитации среди крестьянства. В воспоминаниях большевика Д.И. Гразкина, работавшего в Крестьянской секции, говорится, что он нелегально распространял большевистскую агитационную литературу под видом левоэсеровской. Чтобы осуществлять свою деятельность в тайне от руководства ВЦИК, Гразкин распорядился подкладывать в пачки левоэсеровской литературы большевистские агитационные материалы. Большевик был вызван к Свердлову, где председатель ВЦИК рассказал о недовольстве Спиридоновой, которая «громы и молнии мечет». В итоге В.И. Ленин выступил против данной тактики большевиков, заявив, что не «стоит ссориться из-за мелочей со Спиридоновой и срывать совместную работу»[32].

Обострение взаимоотношений между партиями сопровождалось межличностными конфликтами большевиков и левых эсеров, которые были вызваны оскорбительным поведением отдельных членов секции. Одним из таких столкновений стало дело секретаря Крестьянской секции левого эсера Е.С. Турбина. 30 июня 1918 г. Турбин выступал на митинге, был при этом пьян и «вёл агитацию против Совнаркома от имени секции партии левых эсеров»[33]. Во время выступления Турбина из собравшейся толпы кто-то стал кричать «Бей жидов!», после чего один из собравшихся засомневался в том, что оратор представляет ВЦИК. Тогда «Турбин достал свой мандат и обратился к толпе с просьбой удостоверить подпись председательницы Спиридоновой, добавив, что он не просто член секции, но и секретарь её». В своей

[31] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 86. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.

[32] *Гразкин Д.И.* «За тёмной ночью день вставал…»: воспоминания старого большевика. М., 1983. С. 250.

[33] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 9. Л. 1

речи левый эсер заявлял, что у него есть телеграммы крестьянских советов с требованием распустить советское правительство[34].

Выступление Турбина вызвало скандал. 1 июля 1918 г. большевистская фракция Крестьянской секции направила запрос к её руководству с просьбой сообщить, почему контрреволюционные телеграммы были скрыты от членов их фракции, а также какие меры предприняты в отношении Турбина в связи с его агитацией[35].

Масла в огонь конфронтации большевиков и левых эсеров подливали высказывания М.А. Спиридоновой, которая к июлю 1918 г. перешла на радикальные позиции по отношению к большевикам. 30 июня 1918 г. она прочитала перед членами Крестьянской секции эмоциональную речь, в которой призвала к борьбе с германским империализмом и заявила о том, что руководство большевистской партии отправило в Германию хлеб и мануфактуру стоимостью 2 млрд. рублей[36]. Несмотря на то, что названные Спиридоновой цифры были преувеличены журналистами, факт отправки вагонов с хлебом подтвердил председатель ВЦИК Я.М. Свердлов[37]. Исполнение условий Брестского мирного договора большевиками делало примирение между двумя партиями практически невозможным.

Лидеры двух партий окончательно перестали рассматривать друг друга в качестве союзников. Об этом говорят их выступления на V Всероссийском съезде Советов, который открылся 4 июля 1918 г. В своей эмоциональной речи в ходе заседания съезда М.А. Спиридонова обвинила руководство РКП(б) в торможении социализации земли и в её подмене национализацией. Главной целью Крестьянской секции Спиридонова назвала защиту интересов крестьянства, положительно оценив её работу под своим руководством. Важными заслугами секции, по мнению левоэсеровского лидера, являлись создание курсов по подготовке инструкторов по социализации земли, рассылка «свыше 1 тыс. пудов литературы», а также установление тесной связи между руководством секцией и сельским населением на местах[38].

---

[34] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 9. Л. 1.
[35] Там же. Л. 1 об.
[36] Партия левых социалистов-революционеров… Т. 2. Ч. 1. С. 408.
[37] *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1959. С. 231.
[38] Пятый Всероссийский съезд Советов… С. 52.

Однако лидеры РКП(б) во главе с В.И. Лениным не были настроены на достижение компромисса с левыми эсерами. Ленин подверг критике политику последних, заявив, что они «ушли от социализма», и назвал взаимоотношения с левоэсеровской партией «действительным бесповоротным разрывом»[39].

Произошедшие 6 июля 1918 г. события не дают нам возможности ответить на вопрос, как бы поступило большевистское руководство с автономным Крестьянским отделом ВЦИК при продолжении сотрудничества с левыми эсерами. Однако на основании приведённых фактов очевидно, что РКП(б) более не нуждалась в непролетарских союзниках для укрепления советской власти. Широкое распространение левоэсеровских идей в массах создавало угрозу для положения партии большевиков. Левоэсеровское восстание сделало неизбежным удаление представителей неонароднической партии из структур ВЦИК. 15 июля 1918 г. Крестьянская секция была передана в управление большевикам[40]. 20 октября 1918 г. был составлен проект постановления ВЦИК о ликвидации Крестьянской секции и её слиянии с Наркоматом земледелия[41]. Автономная организация, способная отстаивать интересы крестьянского населения, оказалась уничтожена.

Двухпартийность, сложившаяся в Крестьянской секции ВЦИК, являлась неотъемлемой чертой раннесоветской политической модели, в которой представители левоэсеровской партии могли оказывать влияние на принятие политических решений. Конфликты большевиков и левых эсеров иллюстрируют сложные взаимоотношения между двумя советскими партиями и свидетельствуют о том, что руководству РКП(б) приходилось учитывать мнение своих неонароднических союзников. Усиление конфронтации между большевиками и левыми эсерами делало крайне проблематичным их сосуществование в советском государстве и привело к разрушению основ двухпартийности.

[39] Пятый Всероссийский съезд Советов… С. 64.

[40] Пятый созыв Всероссийского центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. М., 1918. С. 54.

[41] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 2. Л. 91.

Т.М. Петрова

Институт российской истории РАН
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Оценки деятельности Н.С. Хрущева в советских «письмах во власть» (конец 1950-х – начало 1960-х годов)

В статье анализируются общественные настроения в отношении Н.С. Хрущева, которые граждане высказывали в письмах лидеру. Источники анализируются через призму критического анализа дискурса Н. Фэркло, предполагающего изучение текстов на дискурсивном, текстовом и социальном уровнях. В рамках исследования выявляются дискурсы, присутствующие в письмах, и некоторые их характеристики (модальность, идентичность Хрущева). На уровне социальной аналитики дискурсивные изменения вписываются в более широкий социальный контекст. Изменение формы и содержания обращений связывается с демократизацией внутренней жизни в СССР в эпоху «оттепели». В заключении делается вывод о том, что изменение отношения к лидеру, которое люди фиксировали в письмах, было тесно связано с общественными трансформациями.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, СССР, «оттепель», «письма во власть», критический дискурс-анализ, Н. Фэркло, общественные настроения.

Проблема общественных настроений в СССР периода «оттепели» не является terra incognita исторической науки. Одной из первых к данной теме обратилась Е.Ю. Зубкова[1]. В рамках изучения взаимодействия власти и общества в послевоенном Советском Союзе она отметила связь «оттепельных» новаций с формированием культуры реформаторства, реконструировала реакцию разных категорий населения на проводимые властью общественно-политические преобразова-

[1] *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. 198 с.

ния. Схожей проблеме посвящена монография Ю.В. Аксютина[2]. По его мнению, на фоне реформ «оттепели» советский социум стал более неоднородным в плане восприятия властных инициатив. Вслед за Зубковой и Аксютиным Я.М. Бокова, Т.Ю. Новинская, С. Рафикова также пришли к выводу о демократизации общественной жизни в СССР середины XX в.[3] Освобожденные от страха предыдущей эпохи люди получили возможность выражать недовольство действующей властью, в частности, главой государства.

Таким образом, неоднократное обращение к проблеме общественных настроений в СССР эпохи «оттепели», с одной стороны, свидетельствует о ее востребованности исследовательским сообществом и о достаточно хорошей проработке. С другой стороны, выводы авторов затрагивают настроения советских граждан исключительно в отношении власти в целом и проводимой ею политики. В то же время мнения советских людей о главной политической фигуре конца 1950-х – начала 1960-х годов – Н.С. Хрущеве – оставались за пределами исследовательского интереса. В рамках же изучения коммуникации власти и общества данная тема представляется крайне важной, поскольку Хрущев был инициатором большинства «оттепельных» преобразований, затронувших, в том числе, отношение граждан к нему самому.

Основным источником для статьи стали «письма во власть» из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского архива новейшей истории (РГАНИ) и Архива РАН (АРАН). Эвристический потенциал данного массового источника в исследовании обуславливается отражением в нем моментально-рефлекторной реакции авторов на описываемые события, а не памяти о них. Нами была составлена выборка из 371 письма, содержащего

[2] *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. 621 с.

[3] *Бокова Я.М.* Эволюция отечественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х – первой половине 60-х гг. XX века // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань, 2015. С. 41–45; *Новинская Т.Ю.* К вопросу о формировании общественного сознания в период хрущевской оттепели // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 541–544; *Рафикова С.* Колобок в гетрах. // Родина. 2012. № 8. С. 8–11.

наиболее типичные формулировки в отношении деятельности Хрущева.

Работа с письмами осуществлялась при помощи инструментария критического дискурс-анализа Н. Фэркло[4]. В рамках данного подхода исследование текстов источников осуществлялось на уровнях дискурсивной практики, собственно текста и социальной практики. В результате стало возможным выявить следы разных дискурсов в «письмах во власть» и определить степень их интердискурсивности, сделать вывод о связи изменений в дискурсе и в социуме.

Несмотря на то, что на основе писем невозможно создать универсальную модель настроений граждан в отношении Хрущева, они могут помочь реконструировать социальную реальность изучаемого периода, отраженную в дискурсивном строе. Следовательно, на основе изучения дискурса «писем во власть» возможно выявить изменение в отношении советских граждан к лидеру страны, произошедшие в том числе под влиянием проводимых им преобразований.

В результате применения теории Фэркло к текстам «писем во власть» в них было выявлено как минимум четыре дискурса, касающихся непосредственно Хрущева: патерналистский, дискурс о мире, антисталинский и критический.

Патерналистский дискурс характеризуется наличием обращений «Вы», «учитель», «отец», «дедушка»[5]. При этом две последние характеристики имели свойство неформального, семейного обращения к лидеру. «Дедушкой» Хрущева называли дети, действительно, по возрасту годящиеся ему во внуки («Дорогой дедушка!», «Здравствуйте дорогой дедушка Никита Сергеевич»)[6], а «старшим товарищем и другом», «отцом» – уже взрослые люди. Использование подобных определений свидетельствует об отношении разных возрастных групп населения к Хрущеву как к старшему родственнику, или, возможно, Отцу Большой семьи, пользующемуся безусловным доверием со сто-

---

[4] *Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003. 197 p.; *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. 336 с.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 910. Л. 16, 17; Оп. 95. Д. 1146. Л. 16–16 об., 23–24; Оп. 98. Д. 1611. Л. 17; Оп. 98. Д. 1620. Л. 72–72 об.; Д. 1621. Л. 26; Там же. Оп. 98. Д. 1611. Л. 14.

[6] Там же. Оп. 94. Д. 1284. Л. 115–115 об.; Оп. 97. Д. 1501. Л. 9–9 об.

роны граждан[7]. При этом в патерналистском дискурсе отсутствуют отсылки к политической деятельности лидера. Наделение его соответствующими идентичностями обусловлено, скорее, физическими и личностными, а не политическими чертами.

В то же время антисталинский и дискурс о мире тесно связаны именно с политической деятельностью Хрущева. Одной из главных тем внешней политики Хрущева, как и остальных советских лидеров, являлось миролюбие. В связи с этим люди писали о нем, как о «посланце мира и доброй воли»[8]. Граждане выражали свои переживания («У меня вся душа уболит о Вас и я буду только тогда буду спокойна, когда Вы вернетесь домой … Я очень боюсь за Вас дорогой Никита Сергеевич»)[9], благодарности («Спасибо за ваш титанический труд во имя мира. Спасибо за то, что вы так здорово дали по зубам зарвавшимся империалистическим хищникам. Жалкие потуги американских империалистов напрасны, наша великая родина благодаря вашему мудрому руководству сильна как никогда»)[10] и гордость («На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН ваши проникновенные слова в борьбе за мир вызывают у нас гордость за нашу советскую родину», «Мы, советские люди гордимся Вами неутомимым борцом за мир во всем мире»)[11].

В рамках дискурса о мире формировалась идентичность Хрущева-миротворца. Например, «неутомимым» советский лидер был в тех случаях, когда речь шла о международной политике вообще и его деятельности по предотвращению новой войны, в частности. Тогда он характеризовался как «неутомимый борец за дело мира», «за счастье и светлое будущее всех народов», «за упрочение мира во всем мире»[12].

Важным аспектом уже внутриполитической деятельности Хрущева, отразившимся в письмах, было развенчание культа личности

[7] Подробнее см.: *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 743–784.

[8] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 203–204 об.

[9] Там же. Л. 90–91.

[10] Там же. Л. 203–204 об.

[11] Там же. Оп. 94. Д. 1280. Л. 89–90; Оп. 95. Д. 1145. Л. 16–16 об.

[12] Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1702. Оп. 4. Д. 275. Л. 71; Ф. 1729. Оп. 2. Д. 192. Л. 2–5; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 100. Оп. 5. Д. 152. Л. 15; Д. 72. Л. 42; Ф. 3. Оп. 62. Д. 198. Л. 3.

Сталина и реабилитация жертв политических репрессий. Вследствие этого в его адрес приходили письма с благодарностями за «чуткое внимание», «мужество» и «заботу о людях»[13].

Горняки Донбасса, в частности, подчеркивали хрущевскую мобилизацию партии и народа на разоблачение и ликвидацию предателей и отстранение от руководства «антипартийной группировки» Маленкова, Молотова, Кагановича и других, сопротивлявшихся проведению линии XX съезда[14]. Житель Иркутска Г.А. Гладков в январе 1963 г. писал Хрущеву: «Разрешите горячо поздравить и поблагодарить Вас за Ваше чуткое внимание которое Вы оказали в те дни, когда всем стало известно о культе личности Сталина а тоже антипартийную группу которая непосредственно принимала участие в репресиях 1937–1938 годах»[15]. Отсюда следует, что кроме Сталина, вина за репрессии 1930-х годов возлагалась гражданами на Молотова, Маленкова и Кагановича, разоблачение деятельности которых также ставилось Хрущеву в заслугу. Подобные противопоставления Хрущева остальным «наследникам Сталина» носили не случайный характер, поскольку в конце 1950-х – начале 1960-х годов имена бывших членов Политбюро с подачи органов пропаганды и агитации наделялись резко отрицательным значением.

При этом Хрущев не позиционировался как анти- или не-Сталин. В текстах писем он репрезентировался преимущественно в качестве «верного ученика Ленина»[16]. Все следующие после В.И. Ленина руководители партии и правительства традиционно рассматривались в публичном пространстве в качестве его преемников. Однако в случае Хрущева авторы акцентировали внимание на внешней доступности главы государства для населения («Ваше стремление быть всегда с народом») и активной реформаторской деятельности («размах строительства, которое в результате Вашей государственной мудрости, ленинской принципиальности и энергии выдвинуто на переднюю

[13] РГАНИ. Оп. 97. Д. 1501. Л. 7–8 об. 42–42 об.
[14] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 198. Л. 16–18.
[15] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 1501. Л. 7–8 об.
[16] Там же. Д. 1498. Л. 65–67; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 198. Л. 16–18.

линию развития нашей социалистической Родины и ее движения к коммунизму»)[17].

Наконец, критический дискурс выражался в беспокойстве граждан по самым разным вопросам, касавшимся внутренней ситуации в стране: от отношений лидера с творческой интеллигенцией до отхода от курса Ленина/Сталина. Хрущева критиковали за его отношение к деятелям культуры и искусства. После выставки в Манеже в 1962 г. в его адрес пришло письмо, в котором ассистент Политехнического института Петренко сыпал обвинениями в попытке навязать свое мнение другим, нарушив тем самым ленинские принципы[18]. Ввиду позиционирования Хрущева как восстановителя и продолжателя ленинского курса подобное замечание приобретало дополнительную резкость и лишало главу СССР статуса «наследника Ленина», а значит и легитимного лидера.

Очень часто граждане жаловались на продовольственные проблемы, приобретшие с 1962 г. особую остроту. По мнению людей, они «ждали снижения цен на продукты», а Хрущев вместо этого отрезает «кусок хлеба у рабочих» и не дает народу свободно вздохнуть[19]. Нехватка продуктов питания, их дороговизна связывались с приглашением в СССР иностранных делегаций, торжественными приемами и банкетами в их честь. По этому поводу граждане писали: «А вот мой вам совет, поменьше приглашайте зарубежных гостей, и поменьше заказывайте столов, на которые уходят масса денег»[20].

Наиболее радикально настроенная часть населения видела решение всех проблем в отправке Хрущева на пенсию ввиду его усталости, лишь формального руководства от имени народа. Положительный момент в данном решении виделся еще и в нарушении сохранявшегося с царских времен способа передачи власти новому правителю после смерти прежнего («Что у нас как цари, пока не помрут»)[21]. При этом люди не критиковали систему в целом. По их мнению, вина

[17] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 199. Л. 1, 34.
[18] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 31–33.
[19] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 96. Д. 1328. Л. 14–14 об.
[20] Там же.
[21] Там же. Д. 1290. Л. 70–71 об.

за провал социально-экономической политики полностью лежала на Хрущеве.

Особое место в критическом дискурсе писем занимала фигура Сталина. С одной стороны, люди одобряли деятельность Хрущева на посту главы СССР, с другой стороны, обвиняли его в создании собственного культа личности. Так, некоторые граждане писали: «Вы боретесь с “культом личности”, а сами слушаете, как Вас возносят до небес и даже пальцем не пошевелите, чтоб унять этих подпевал», «почему же Вы, понося всячески культ личности, не замечаете, что создаете культ Хрущева? Ведь присмотритесь, ни в одной газете, ни в одном журнале, даже в специальных научных, Вас не забывают славословить. И Вам это нравится. Скромности у Вас ленинской нет и в помине, хотя Вы и все небожители приписывают Вам правоверного ленинца»[22].

Интересно письмо Е. Гусева из Ростова-на-Дону. В нем автор сравнивает Хрущева с Гитлером: «товарищ Хрущев только и знает, что занимается самовосхвалением, делает длинные, хвастливые речи, а кто много говорит, тот мало делает. <…> А как Хрущева везде ругают и проклинают. Сколько про него ходит гадких анекдотов. Так, наверно, только одного Гитлера ругали, как теперь ругают Хрущева»[23]. В контексте советской истории подобная характеристика имела не просто отрицательную коннотацию, она подчеркивала антинародный, по сути, убийственный характер действий Хрущева.

Помимо отступления от ленинских норм, Хрущеву вменялся в вину отход и от сталинского курса. Сталинисты обвиняли его в реабилитации на XX съезде КПСС «врагов народа» (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Бухарина и др.), попытке «опорочить старых большевиков – соратников В.И. Ленина, в особенности товарища Сталина»[24]. Одновременно с этим заявлялось, например, что «если бы Сталин так руководил страной, то 4 года войны мы не выдержали б»[25].

---

[22] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 96. Д. 1290. Л. 119–121; Д. 144. Л. 20–20 об., 28, 31–32; Д. 146. Л. 22–22 об.

[23] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 56–58 об.

[24] Там же. Д. 144. Л. 1–12.

[25] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 1611. Л. 20; РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 47, 48.

В результате анализа писем советских граждан в адрес Никиты Хрущева можно сделать вывод об их интердискурсивной природе. В большинстве из них сочетается несколько дискурсов, некоторые из которых существовали еще до прихода Хрущева к власти (патерналистский, дискурс о мире), а некоторые появились уже после (критический, антисталинский). Новые дискурсы в текстах «писем во власть», касающихся Хрущева, свидетельствуют об изменении отношения людей к главе государства на фоне социально-политических преобразований. Ставшая допустимой критика власти вкупе с неудачами в экономике и социальной сфере привела к открытой демонстрации плюрализма мнений в отношении лидера. Возможность критиковать главу государства являлась одним из свидетельств демократизации общественных настроений и десакрализации фигуры лидера.

Е.С. Чекункова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Этнический фактор в современном японском политическом процессе

Статья посвящена вопросу усиления роли этнического фактора во внутренней политике современной Японии. С конца XX в. начался рост активности представителей японских этнических меньшинств, таких как айны, рюкюсцы, корейские резиденты «дзайнити». Данный процесс привлекает внимание мировой общественности, появляются исследования, посвященные этнокультурному многообразию японского общества. На основе анализа статистических источников, нормативных и законодательных актов было установлено, что в настоящее время правительство Японии пересматривает свою этническую политику и постепенно отступает от официальной риторики «одна страна – один народ – один язык – одна культура». Сделан вывод о том, что с начала XXI в. предпринимаются попытки разработать стратегию по развитию гармоничного межэтнического взаимодействия в японском обществе.

Ключевые слова: айны, рюкюсцы, дзайнити, японские этнические меньшинства, этническая политика, коренной народ, японское общество.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Интернационализация проблемы беженцев, “перемещенных лиц” и малых народов в условиях холодной войны» № 22-28-01705, https://rscf.ru/project/22-28-01705/

Проблемы культурной идентичности, сохранения и возрождения этнических традиций серьезно влияют как на внутриполитические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), так и на межгосударственные отношения в регионе. Формирование этнических особенностей японского общества происходило в условиях относительной географической и культурной отдаленности Японии от

Евразийского континента. В последние десятилетия появляется все больше исследований, посвященных проблематике этнокультурного разнообразия страны. Среди них можно выделить труды Ж.М. Баженовой, Т. Моррис-Судзуки, М. Вайнера и пр.[1] Особый научный интерес представляет изучение роли этнического фактора во внутренней политике Японии.

Значение этнического фактора в развитии современного общества становится предметом изучения многих этнологов и философов, в частности В.А. Тишкова, З.В. Сикевич, Ф.С. Файзуллина[2] и пр. Они связывают данный процесс с ростом уровня этнического самосознания народов, разрушением границ этнического бытия, нарушением прав коренных народов и т.д. Этнические меньшинства постепенно становятся мощной силой, способной противопоставить себя «большинству» – нации-государству. В этих условиях обострились этнические проблемы, которые долгое время не решались должным образом[3].

Подобные процессы можно наблюдать и в современной Японии. Страна не избежала обострения межэтнических отношений, которые могут привести к усилению социальной напряженности. В настоящее время страна пытается найти новый подход к обеспечению прав коренных народов и этнических меньшинств, создать возможность изучения и сохранения материальной и духовной культуры разных этнических общностей, проживающих на её территории.

Источниковой базой данного исследования послужили нормативно-правовые и законодательные акты, принятые японскими

---

[1] *Баженова Ж.М.* Этническая история рюкюсцев. Владивосток, 2009. 247 с.; *Morris-Suzuki T.* Performing Ethnic Harmony: The Japanese Government's Plans for a New Ainu Law [Electronic resource] // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. 2018. Vol. 16. № 21. № 2. URL: https://apjjf.org/2018/21/Morris-Suzuki.html (access date: 24.02.2022); Japan's minorities: the illusion of homogeneity / ed. by M. Weiner. London: Routledge, 2008. 234 p.

[2] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.; *Сикевич З.В.* Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. Серия: Социологические науки. 2011. Т. 14. № 2. С. 41–58.; *Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф.* Этнический фактор и противоречия в реализации его потенциала в обществе // Проблемы развития территории. 2014. № 6 (74). С. 176–180.

[3] *Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф.* Этнический фактор и противоречия в реализации его потенциала в обществе… С.179.

министерствами и ведомствами. Среди них План содействия развитию межкультурного сосуществования, Синяя книга по дипломатии, Резолюция о признании айнов коренным народом, Закон о продвижении мер по созданию общества, где уважают гордость народа айнов и пр.[4] Ценным источником выступают материалы новостных лент, где освещаются события, связанные с развитием этнических движений[5]. Большой интерес представляют также статистические материалы, отражающие трансформацию социально-экономического и культурного

[4] C グループ: 多様性社会シナリオ (Группа C: сценарий общества разнообразия) [Электронный ресурс] // Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии: официальный сайт. URL: https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/futurevision/c.html (access date: 09.10.2020); 多文化共生の推進 (Развитие межкультурного сосуществования) [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии: официальный сайт. URL: https://www.soumu.go.jp/menu_seisaku/chiho/02gyosei05_03000060.html (access date: 12.02.2022); 第 3 節国際社会と日本 / 外交青書平成 4 年版(第 36 号) 外交青書. 転換期の世界と日本 (Раздел 3. Международное сообщество и Япония / Синяя книга по дипломатии от 1992 г. (№ 36)) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел: официальный сайт. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1992/h04-2-3.htm (access date: 24.01.2021); アイヌの人々の誇りが尊重される社会を実現するための施策の推進に関する法律 (Закон о продвижении мер по созданию общества, где уважают гордость народа айнов) [Электронный ресурс] // Электронный каталог законов «e-gov» Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии: официальный сайт. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=431AC0000000016 (access date: 20.04.2020); アイヌ民族を先住民族とすることを求める決議案 (Резолюция о признании айнов коренным народом) [Электронный ресурс] // Палата представителей: официальный сайт. 06 июня 2008. URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/ugoki/h20/080606-3.html (access date: 16.01.2020); Overview of the Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology [Electronic resource] // Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology: official website. URL: https://www.mext.go.jp/en/about/pablication/__icsFiles/afieldfile/2019/03/13/1374478_001.pdf (access date: 20.12.2020).

[5] Okinawa: the Scotland of Asia? [Electronic resource] // The Diplomat. 2013. 24 July. URL: https://thediplomat.com/2013/07/okinawa-the-scotland-of-asia/ (access date: 20.02.2022); Okinawa independence movement seeks inspiration from Scotland [Electronic resource] // The Guardian. 2014. 15 September. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/sep/15/okinawa-independence-scotland-japan-us-military-base (access date: 01.02.2022). Census blind to Japan's true diversity [Electronic resource] // The Japan Times. 2010. 5 October. URL: https://www.japantimes.co.jp/community/2010/10/05/issues/census-blind-to-japans-true-diversity/ (access date: 14.03.2019); Japanese far-right hate group helped popularize anti-Korean sentiment [Electronic resource] // Notre Dame News. 2021. August 25. URL: https://news.nd.edu/news/japanese-far-right-hate-group-helped-popularize-anti-korean-sentiment/ (access date: 05.03.2022).

положения айнов[6]. К сожалению, подробные исследования условий жизни не проводятся в отношении других этнических групп.

Изменения в японской этнической политике начались с 1990-х гг. вследствие роста этнической активности айнов. Айны требовали признания со стороны правительства своих прав как коренного народа и закрепления их средствами государственной политики. Представители народа заручились поддержкой международных организаций, в частности различных структур ООН, привлекали внимание японских СМИ и зарубежных исследователей к своим проблемам. По данным социологических опросов наиболее болезненными проблемами являются: дискриминация, диспаритет в социально-экономическом положении айнов и японцев, деградация культуры и языка, отсутствие представительства в органах власти[7]. При этом до конца XX в. правительство Японии отрицало даже существование айнов и каких-либо других этнических меньшинств на своей территории.

Согласно официальным данным, подавляющее большинство жителей Японии являются японцами (около 98 %[8]). Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что на территории страны проживают и другие этнические группы и общности. Количество иностранцев и мигрантов в Японии постоянно увеличивается, этому способствовало изменение миграционного законодательства в 2019 г. Страна находится в тяжелом демографическом кризисе и вынуждена привлекать иностранную рабочую силу.

---

[6] 平成２９年北海道アイヌ生活実態調査報告書 (Исследование реальных условий жизни айнов Хоккайдо 2017 г.) [Электронный ресурс] // Правительство префектуры Хоккайдо: официальный сайт. URL: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/ks/ass/H29_ainu_living_conditions_survey.pdf (access date: 14.12.2021).

[7] Ibid.

[8] People of Japan. Ethnic groups [Electronic resource] // Britanica. URL: https://www.britannica.com/place/Japan/People (access date: 24.02.2022).

В Японии, по разным оценкам, проживают от 16 до 150 тыс. айнов[9], около 1 млн корейцев и примерно 650 тыс. китайцев[10]. Среди граждан страны есть филиппинцы, бразильцы, вьетнамцы и пр.[11] В Японии также проживает около 1,4 млн окинавцев (или рюкюсцев), которые определяют себя в отдельную этническую группу. Необходимо упомянуть также о буракуминах, численность которых составляет от 1 до 3 млн человек[12]. Они этнически являются японцами, однако подвергаются дискриминации и самими японцами выделяются в отдельную «касту». Вышеприведённые данные нельзя считать точными. Подсчет численности японских меньшинств затрудняется тем, что многие их представители отказываются участвовать в социологических исследованиях. Следует также учесть, что при переписи населения в Японии не учитывается этническая принадлежность граждан. Это считается такой информацией, которую не следует принимать в расчет[13].

Некоторые зарубежные исследователи называют гомогенность японского общества «мифом», который настолько распространен, что очевидные опровергающие его доказательства часто игнорируются. Случается даже так, что при обсуждении проблем японских этнических меньшинств большинство граждан продолжают говорить об

---

[9] 平成２９年北海道アイヌ生活実態調査報告書 (Исследование реальных условий жизни айнов Хоккайдо 2017 г.) [Электронный ресурс] // Правительство префектуры Хоккайдо: официальный сайт. URL: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/ks/ass/H29_ainu_living_conditions_survey.pdf (access date: 14.12.2021); A Report on 2011 JDS Fieldtrip in Hokkaido: Master's Program in Environmental Sciences Graduate School of Life and Environmental Sciences University of Tsukuba [Electronic resource] // Университет Цукуба: официальный сайт. URL: http://www.envr.tsukuba.ac.jp/~envethic/pdf/Hokkaido_Report_2011.pdf (access date: 10.12.2021).

[10] Japan // World Directory of Minorities and Indigenous Peoples. URL: https://minorityrights.org/country/japan/ (access date: 24.02.2022).

[11] People of Japan. Ethnic groups // Britanica. URL: https://www.britannica.com/place/Japan/People (access date: 24.02.2022).

[12] Japan [Electronic resource] // World Directory of Minorities and Indigenous Peoples. URL: https://minorityrights.org/country/japan/ (access date: 24.02.2022).

[13] Census blind to Japan's true diversity [Electronic resource] // The Japan Times. 2010. 5 October. URL: https://www.japantimes.co.jp/community/2010/10/05/issues/census-blind-to-japans-true-diversity/ (access date: 14.03.2019).

однородном обществе, не чувствуя противоречия[14]. Часто можно услышать о нетерпимости со стороны японского общества по отношению к айнам, окинавцам, буракуминам, корейцам и т.д. В частности, рекомендации по преодолению дискриминации в Японии содержатся в отчете Специального докладчика ООН по вопросам расизма и ксенофобии Дуду Дьена[15].

В то же время международное сообщество требует, чтобы Япония прилагала усилия для обеспечения безопасности и стабильности в мире, в том числе в сфере защиты прав человека и прав этнических меньшинств. Тенденция к интернационализации особенно усилилась после землетрясения Хансин-Авадзи в 1995 г., когда стала очевидна эффективность международного сотрудничества в деле ликвидации последствий стихийного бедствия[16]. Термин «интернационализация» стал популярным с середины 1980-х годов, когда премьер-министр Накасонэ Ясухиро заявил, что намерен превратить Японию в «международную страну»[17].

Японское правительство постепенно осознало необходимость изменения межэтнического климата в стране. С начала XXI в. предпринимаются попытки разработать стратегию по развитию межкультурного и межэтнического взаимодействия, а также усовершенствовать механизмы адаптации мигрантов в японском обществе. Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии в 2006 г. создало План содействия развитию межкультурного сосуществования, в котором

---

[14] *Murphy-Shigematsu S.* Multiethnic Japan and the Monoethnic Myth // Asian Perspectives. 1993. Vol. 18. № 4. P. 65.

[15] UN Commission on Human Rights. Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and All Forms of Discrimination: Economic and Social Council: Report of the Special Rapporteur on contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, Doudou Diène: Mission to Japan, 24 January 2006. E/CN.4/2006/16/Add.2. [Electronic resource] URL: https://daccess-ods.un.org/tmp/1721510.58912277.html (access date: 12.11.2022).

[16] *Фролова Е. Л., Такакура Х., Токуда Ю.* Взгляд на историю Японии с точки зрения ее коренных народов: прошлое и настоящее айнов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 7. С. 168.

[17] *Burgess C., Gibson I., Klaphake J., Selzer M.* The “Global 30” Project and Japanese higher education reform: an example of a “closing in” or an “opening up”? // Globalisation, Societies and Education. 2010. Vol. 8. № 4. P. 462.

указывается, что страна стремится к созданию общества, где «люди разных национальностей и этнических групп будут жить вместе как члены одного сообщества, признавая культурные различия друг друга и пытаясь построить доверительные отношения»[18]. Ключевую роль в данном процессе должны сыграть местные органы власти, волонтерские организации и ассоциации международного обмена[19].

Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма разработало проект «идеального японского общества к 2030 г.», на основе которого будет формироваться план развития страны. Одним из четырех элементов проекта стал «сценарий построения мультикультурного общества». В нем отмечается, что «многообразие» в скором будущем станет характерной чертой японского общества[20].

Таким образом, в Японии существует парадоксальная двойственность: мультикультурные тенденции встречаются с национальной идентичностью, основанной на этнической однородности. Эта тема привлекает внимание многих исследователей, таких, как К. Берджесс, Й. Демелиус, К. Нагаёси[21] и др. Они отмечают, что современное японское понятие мультикультурализма предназначено скорее не для

---

[18] 多文化共生の推進 (Развитие межкультурного сосуществования) [Электронный ресурс] // Министерство внутреннихдел и коммуникаций Японии: официальный сайт. URL: https://www.soumu.go.jp/menu_seisaku/chiho/02gyosei05_03000060.html (access date: 12.02.2022).

[19] *Kim V., Streich P.* Tabunka Kyōsei without immigration policy: The role of centers for international exchange and their challenges [Electronic resource] // Contemporary Japan. 2020. Vol. 32. № 2. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/18692729.2020.1770477 (access date: 24.02.2022).

[20] C グループ: 多様性社会シナリオ (Группа C: сценарий общества разнообразия) [Электронный ресурс] // Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии: официальный сайт. URL: https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/futurevision/c.html (access date: 09.10.2020).

[21] *Burgess C.* The “Illusion” of Homogeneous Japan and National Character: Discourse as a Tool to Transcend the “Myth” vs. “Reality” Binary [Electronic resource] // The Asia-Pacific Journal. 2010. Vol. 8. № 9. № 1. URL: https://cupdf.com/document/the-illusion-of-homogeneous-japan-and-national-character-sugimoto-1999-90-91.html (access date: 09.10.2020); *Demelius Y.* Multiculturalism in a “homogeneous” society from the perspectives of an intercultural event in Japan // Asian anthropology. 2020. № 19 (3). P. 161–180.; *Nagayoshi K.* Support of multiculturalism, but for whom? Effects of ethno-national identity on the endorsement of multiculturalism in Japan // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37 (4). P. 561–578.

меньшинств, а для социального и культурного большинства[22]. Исследования показали, что говорить о зрелом мультикультурализме в Японии пока не представляется возможным.

Тем не менее, в последние несколько десятилетий можно наблюдать существенные изменения в этнической политике Японии. Они связаны с желанием правительства соответствовать мировым трендам в сфере интернационализации. Кроме того, рост этнической активности и участие айнов в мероприятиях, проводившихся при поддержке ООН, привлекли внимание специалистов в области защиты прав коренных народов. В этих условиях японское правительство не могло более игнорировать требования айнов пересмотреть их статус в японском обществе. Среди существенных шагов, сделанных правительством, необходимо назвать, прежде всего, официальное признание айнов коренным народом (2008)[23], а также принятие «Закона о продвижении мер по созданию общества, где уважают гордость народа айнов» (2019)[24]. Это стало доказательством того, что японское правительство отступило от официального тезиса «одна страна – один народ – один язык – одна культура».

Стоит отметить, что айны остаются пока единственным этническим меньшинством и коренным народом, официально признанным Японией. Однако ситуация с другими этническими общностями обстоит не менее остро. В частности, широко обсуждается вопрос о положении корейских резидентов *дзайнити*, которые подвергаются дискриминации и также отстаивают свои гражданские права. В 2000-е годы по Японии прокатилась волна ксенофобских выступлений про-

---

[22] *Qi J., Zhang S.P.* The Issue of Diversity and Multiculturalism in Japan [Electronic resource] // Paper presented at the Annual Meeting of the American Educational Research Association. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED507893.pdf (access date: 12.02.2022).

[23] アイヌ民族を先住民族とすることを求める決議案 (Резолюция о признании айнов коренным народом) [Электронный ресурс] // Палата представителей: официальный сайт. 06 июня 2008. URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/ugoki/h20/080606-3.html (access date: 16.01.2020).

[24] アイヌの人々の誇りが尊重される社会を実現するための施策の推進に関する法律 (Закон о продвижении мер по созданию общества, где уважают гордость народа айнов) [Электронный ресурс] // Электронный каталог законов «e-gov» Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии: официальный сайт. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=431AC0000000016 (access date: 20.04.2020).

тив корейцев. Как отмечает доцент кафедры корееведения Университета Нотр-Дам Шэрон Юн, численность корейцев, проживающих в Японии, сокращается по мере натурализации и распространения межэтнических браков, однако они стали основной мишенью правых националистических организаций. Министерство юстиции Японии сообщило, что в 2013–2015 гг. было организовано более 1 тыс. антикорейских митингов[25].

Нельзя также не упомянуть Окинаву, жители которой обладают особым самосознанием, уникальным историческим прошлым и культурой. Негативные последствия пребывания американских военных баз на территории Окинавы вызывают непрекращающиеся протесты общественности. Окинава занимает около 0,6 % территории Японии, но здесь находится более половины американских военнослужащих и три четверти американских баз. При этом по экономическому развитию регион значительно отстает, занимая последнее место среди 47 префектур[26].

В конце XX – начале XXI в. на Окинаве прошло несколько демонстраций, в связи с чем началось обсуждение возможности вывода части американских войск из префектуры. Также окинавцы выступали против культурной гомогенности японского общества и настаивали на признании своей культурной и этнической уникальности. Активизировалось движение за независимость Окинавы. Вопрос о даровании региону независимости всерьез обсуждался японскими законодателями на заседании парламента в 1997 г., однако дебаты не были продолжительными[27]. Высказывания окинавских активистов по поводу независимости не прекращаются и в настоящее время. Иностранные СМИ сравнивают Окинаву с Шотландией, хотя и указывают на более скромные масштабы движения рюкюсцев[28]. Не все жители

[25] Japanese far-right hate group helped popularize anti-Korean sentiment [Electronic resource] // Notre Dame News. 2021. August 25. URL: https://news.nd.edu/news/japanese-far-right-hate-group-helped-popularize-anti-korean-sentiment/ (access date: 05.03.2022).

[26] Okinawa independence movement seeks inspiration from Scotland [Electronic resource] // The Guardian. 2014. 15 September. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/sep/15/okinawa-independence-scotland-japan-us-military-base (access date: 01.02.2022).

[27] *Баженова Ж.М.* Этническая история рюкюсцев… С. 124–125.

[28] Okinawa: the Scotland of Asia? [Electronic resource] // The Diplomat. 2013. 24 July. URL: https://thediplomat.com/2013/07/okinawa-the-scotland-of-asia/ (date of access: 20.02.2022).

префектуры поддерживают идею политической независимости. Большинство стремится сохранить свою самобытность, являясь при этом полноправными гражданами Японии[29].

Подводя итог, можно сказать, что в условиях усиления роли этничности в политической жизни стран и регионов, а также распространения идей мультикультурализма Япония столкнулась с новыми вызовами. Долгое время страна позиционировала себя как моноэтническое государство, которому чужда проблема межэтнических конфликтов. Идея гомогенности являлась одной из ключевых характеристик идентичности японцев. Тем не менее, в конце XX – начале XXI вв. по мере развития этнических движений среди представителей народа айну, окинавцев и дзайнити данная позиция начала подвергаться пересмотру. Представители меньшинств активно привлекали внимание общественности к своим проблемам, участвовали в международных мероприятиях, таким образом оказывая давление на японское правительство и вызывая неподдельный интерес среди исследователей по всему миру. Этнические движения в Японии достаточно локальны, однако они обладали достаточной силой для того, чтобы частично изменить облик гомогенного японского общества.

В настоящее время Япония, поддерживая международные тенденции, стремится развивать идею о гармоничном сосуществовании разных культур и этносов. Конечно, пока рано говорить о зрелом мультикультурализме, но первые шаги в этом отношении правительство уже предприняло: признало айнов коренным народом и разработало меры по сохранению их культуры, изменило миграционное законодательство, начало открыто обсуждать вопросы этнокультурного многообразия страны. Вместе с тем после признания айнов коренным народом встает вопрос о том, необходимо ли официально признавать другие этнические меньшинства, например, окинавцев, и также принимать законы для сохранения их культуры и языка. Важно также изменить отношение самого японского общества к тому, что оно постепенно меняется, становится все более открытым и поликультурным.

[29] *Баженова Ж. М.* Этническая история рюкюсцев… С. 127.

История культуры

Д.С. Шабанова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Коллекция няньхуа Л.И. Шренка: история формирования и бытования

Настоящее исследование посвящено одному из первых исследователей Амурского края – Леопольду Ивановичу Шренку (1826–1894). Ему удалось не только внести вклад в естественнонаучные дисциплины, но и пополнить Россию предметами искусства. Среди коллекций Шренка – собрание няньхуа, китайских лубочных картин, которым и посвящено настоящее исследование, основным источником которого стал труд Л.И. Шренка – «Об инородцах Амурского края». Изучение позволило установить, что на данный момент достаточное внимание было уделено исследованию смыслов няньхуа, их сюжетов, символики и т.д. Однако, в тени осталась история коллекционирования и формирования первых коллекций няньхуа в России. В результате исследования мы пришли к выводу, что няньхуа Шренка, скорее всего, были приобретены им во время экспедиции по Амурскому краю, а также определили возможные точки приобретения.

Ключевые слова: искусство, коллекционирование, няньхуа, экспедиция, Шренк, Амурский край

Няньхуа на протяжении многих веков были важной частью китайской культуры. В XIX в. интерес к диковинным китайским картинкам возник у купцов и ученых Российской империи. Они стремились собрать коллекции этих интересных и поистине запоминающихся лубков, которые были своего рода «носителями» информации[1]. Такой интерес был связан с интенсивным развитием различных исследований, связанных с географическими, политическими и экономическими интересами Российской империи.

[1] *Старовойтова Е.О.* Образы иностранцев в традиционном китайском лубке конца XIX – начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 30–35.

Уже в начале XX в. российское китаеведение обратило внимание на китайские народные картины. Выдающийся китаист Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) стал пионером в исследовании сюжетов и символики няньхуа[2]. В ходе своего пребывания в Китае (1906–1909)[3] он собрал коллекции няньхуа, которые впоследствии самостоятельно изучал, пытаясь понять их смыслы. Дело учителей в дальнейшем было продолжено их учениками[4]. Несмотря на имеющиеся исследования няньхуа, ряд вопросов представляется недостаточно изученным. В частности, авторы не уделяли должного внимания изучению истории формирования первых коллекций няньхуа в России. Таким образом, целью данной статьи является проследить маршрут Шренка в Амурском крае и установить, где именно китайские картинки могли быть приобретены исследователем.

В России часть китайских лубков, собранных отдельными коллекционерами, впоследствии оказались в собраниях таких музеев, как Государственный музей Востока и Государственный Эрмитаж, в архивах и библиотеках. Среди первых собирателей няньхуа были юрист Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895) и зоолог Леопольд Иванович Шренк (1826–1894), предметы коллекции которого могли быть приобретены им во время путешествия по Маньчжурии, при посещении населенных пунктов на р. Амуре и р. Уссури, где проживала часть китайского населения[5].

Леопольд Иванович Шренк – выдающийся ученый своего времени, организатор научной и музейной работы, один из инициаторов создания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (МАЭ) и первый его директор. Он родился 24 апреля (6 мая) 1826 г. в Харьковской губернии. Леопольд Иванович учился в Юрьевском (Дерптском) университете, где окончил курс кандидатом и был награжден степенью магистра зоологии. Позднее,

---

[2] *Алексеев В.М.* Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М., 1966. 260 с.

[3] *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 271–280.

[4] *Рудова М.Л.* Китайская народная картинка. СПб., 2003. С. 63.

[5] *Завидовская Е.А.* Самые ранние китайские народные картины няньхуа в России: историографическая ценность коллекции академика Л.И. Шренка в собрании МАЭ РАН // ЭТНОГРАФИЯ / ETNOGRAFIA. 2020. № 1 (7). С. 47.

путешествуя по Германии, он совершенствовал свои знания в Берлинском и Кенигсбергском университетах.

В Дерпте началась его научная карьера. Она складывалась весьма успешно, о научных достижениях и старательности молодого ученого стало известно даже в столице. Это объясняет тот факт, что в июле 1853 г. было принято решение о включении в предстоящую морскую экспедицию в Охотское море, к берегам Восточной Сибири и Русской Америки, «ученого по части ботаники и зоологии магистра Шренка», а в январе следующего года он был определен на службу при Императорской Академии наук в Санкт-Петербург с правами адъюнкта.

В 1853–1856 гг. состоялась организованная Русским Географическим Обществом экспедиция на Амур и Сахалин. Во время этой экспедиции у молодого естествоиспытателя оформились этнографические интересы, которые с годами крепли и развивались[6]. Примечательно, что впоследствии от Шренка было получено Академией наук более 300 предметов быта и культуры нивхов, нанайцев, ульчей и ороков: одежда, домашняя утварь, орудия промыслов, предметы искусства и религии[7].

Пристальное внимание, которое Л.И. Шренк уделял делам МАЭ, довольно сильно отвлекало его от научной деятельности, прежде всего обработки материалов дальневосточной экспедиции. В четырёх томах они были первоначально опубликованы на немецком языке, а затем этнографическая часть этой работы увидела свет на русском языке в 1883–1903 гг. в трёх томах. В этой монографии автор особое внимание уделил выявлению взаимосвязей между культурами и народами Дальнего Востока, при широком использовании этнографических, лингвистических и других материалов и сравнительно-этнографического метода. До Л.И. Шренка наука не располагала столь полными и подробными сведениями об этническом составе народов Дальнего Востока[8].

---

[6] *Решетов А.М.* Леопольд Иванович Шренк (К 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6–7. СПб., 1997. С. 72–87.

[7] Страны и народы Востока. Выпуск XX. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. / Д.А. Ольдерогге, Ю.В. Маретин. М., 1979. С. 8.

[8] *Решетов А.М.* Леопольд Иванович Шренк… С. 72–87.

Принято считать, что самым важным является многотомное сочинение об Амурском крае – «Об инородцах Амурского края»[9], основанное на сделанных Шренком во время его путешествия туда в 1853–1856 гг. наблюдениях и на собранных там естественноисторических и этнографических коллекциях. Эта работа открыла научному миру физические условия, флору, фауну, культуру и многое другое одной из любопытнейших окраин Империи, в то время, когда эти земли еще не утратили ни одной из своих отличительных особенностей. В работе перечисляется ряд народов, за бытом и жизнью которых Леопольд Иванович наблюдал. Выяснив места проживания упомянутых им народов, можно уточнить маршрут ученого в Амурском и Уссурийском краях и даже предположить возможные места приобретения им листов няньхуа. Именно этот труд стал нашим основным источником.

23 августа 1853 г. Л.И. Шренк отплыл на фрегате «Аврора» из Кронштадта. «Аврора», взяв направление на Англию, а оттуда на Рио-де-Жанейро, обогнув мыс Горн и зайдя в Каласский рейд, пересек Тихий океан. В период 11-дневной остановки в Перу в 1854 г. (3–13 апреля) Шренк исследовал в районе г. Лимы несколько древних погребений, находки из которых поступили в Этнографический музей. Это первое в России, хоть и небольшое, собрание перуанских древностей (60 предметов, 9 черепов). Интересно, что уже в Перу Шренк проявил этнографический интерес: отмечается, что он с охотой знакомился с культурой и бытом населения, собирал коллекции. Так, например, известно, что в антикварной лавке Леопольд Иванович приобрел 78 листов акварелей художника Панчо Фиерро (1810–1879), на которых были изображены бытовые сцены жителей Перу в колоритных костюмах[10]. В письме к А.Ф. Миддендорфу (1815–1894)[11] Шренк писал, что его перуанская коллекция упакована в три ящика и готова к отправке в Санкт-Петербург: «В ящиках содержатся перуанские древности: целый скелет, несколько черепов и различные полуистлевшие одеяния, а также утварь древних обитателей Перу – вещи, которые я сам извлек из могилы на Уаке в Лиматамбо; кроме того, в ящиках находится некото-

[9] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края: в 3 т. СПб., 1883–1903.

[10] *Корсун С.А.* Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб, 2015. С. 153.

[11] Русский путешественник, географ, зоолог, ботаник и натуралист, академик и непременный секретарь Петербургской академии наук, тайный советник.

рое количество деревянной и глиняной посуды аборигенов Перу, так называемые уакос, которые я имел случай приобрести в Лиме. Я надеюсь, что эти предметы представляют известный антикварно-этнографический интерес»[12].

После пересечения Тихого океана экспедиция достигла Петропавловского порта на Камчатке, где позже исследователи пересели на корвет «Оливуц», направлявшийся к устью Амура. Обогнув Сахалин, позволив Шренку исследовать его южное побережье, корвет «Оливуц» остановился в бухте Де-Кастри. Пересев здесь на шхуну «Восток», Шренк направился к устью реки и устью Амура и 7 августа 1854 г. высадился в Николаевске-на-Амуре, где устроил опорную базу экспедиции.

Осень и зиму 1854–1855 гг. он провел в исследованиях окрестностей Николаевска и экспедициях на Сахалин. С весенним вскрытием рек началось плавание по Амуру, продолжавшееся четыре месяца и доходившее до устья р. Уссури и дальше по Уссури до впадения в нее р. Нор. Возвратившись осенью 1855 г. в Николаевск, Шренк снова посвятил зиму новым экскурсиям на Сахалин, в которых он исследовал его западный берег до р. Дуй, пересек его внутренний хребет и вышел по р. Тыме на восточный берег. Весной 1856 г. был, наконец, предпринят обратный путь, проведенный в длительном и трудном плавании вверх по Амуру от Николаевска до Усть-Стрелочного Караула и дальше по р. Аргуни до села Мулачи, откуда уже сухим путем в январе 1857 г. Шренк вернулся в Петербург[13].

Как отмечено выше, Л.И. Шренк 19 июля 1853 г. был зачислен в экспедицию в «качестве путешественника, с правами и преимуществами, предоставленными адъюнктам». Он выбрал в качестве рисовальщика служащего Департамента народного просвещения коллежского секретаря В.П. Поливанова (1830–1888). Стоит отметить, что именно Василий Петрович Поливанов зарисовывал эпизоды жизни

[12] *Корсун С.А.* Американистика в Кунсткамере… С. 155.

[13] Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В.Л. Комарова; ред. Л.С. Берг, Б.Д. Греков, Г.А. Князев (отв. ред.), Л.Б. Модзалевский. М.; Л., 1940. С. 211–212.

амурских народов во время экспедиции[14]. Препаратором же, по предложению академика Ф.Ф. Брандта, стал купеческий сын М. Шиль, обучавшийся искусству препарирования под руководством опытного И.Г. Вознесенского[15] (1816–1871)[16].

Известно, что Шренк посетил несколько больших деревень и китайских торговых станций по берегам Амура, когда двигался вниз по реке от крупного населенного пункта Айгун (сейчас является частью Хэйхэ（黑河)). Картины могли быть также приобретены при посещении населенных пунктов с китайским населением на р. Уссури[17]. Интересно, что впоследствии, на момент заключения Пекинского договора (1860), в Уссурийском крае проживало 2–3 тыс. китайцев[18].

Из его трудов можно узнать, что на верхнем Амуре находились китайские торговые станции, на нижнем Амуре можно было встретить китайских купцов[19]. Леопольд Иванович отмечал, что купцы народности дауры развозили «и китайские, московский и маньчжурские, и даурские товары к бирарам, манегирцам и орочонам для обмена их на меха и прочую добычу зверопромышленников» товары[20]. В главе, посвященной китайским торговым станциям, отмечается, что китайские купцы стремились к амурским инородцам, чтобы обменивать свои маньчжурско-китайские продукты и товары, а порой даже строили торговые посты и оставались на продолжительное время[21]. Интересно сказано, что китайцы тем самым еще и распространяли

---

[14] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. I. СПб., 1883. С. 9.

[15] Илья Гаврилович Вознесенский (19 июня 1816 года, Санкт-Петербург – 18 мая 1871 года, Санкт-Петербург) – русский учёный-путешественник, исследователь Русской Америки и русского Дальнего Востока, натуралист и зоолог.

[16] *Смирнов В.Г.* Академик Л.И. Шренк и исследование течений в морях Дальнего Востока // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся…»: мат-лы XXVIII Крашенниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 190–193.

[17] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края… Т. I. С. 58.

[18] Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 73.

[19] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края… Т. I. С. 5.

[20] Там же. С. 53.

[21] Там же. Т. I. С. 70.

свою культуру, нравы и обычаи, что важно для нас, так как няньхуа – важная часть китайской ханьской культуры.

Шренк отмечал, что лично встречал китайских торговцев, в частности на территории верхнего Амура, за устьем р. Зеи, куда купцы приходили из Айгуна и окрестных деревень. Он писал, что китайские купцы, в основном, оставались в пределах места проживания манегирцев и не ходили к орочонам. Однако китайских торговцев на верхнем Амуре было гораздо меньше, чем в нижнем течении, по причине того, что инородцы верхнего Амура вели более кочевой образ жизни, что было неудобно для основания торговых станций[22]. Правый берег р. Амур был недоступным местом для торговли китайских купцов, так как проживавшие там гиляки всячески опасались их власти в этом регионе, как отмечал Шренк. Китайских купцов можно было встретить в Уссурийском и Сунгарийском краях. Собственно говоря, город на р. Сунгари – Сан-синь – конечная точка китайских торговцев в этой местности[23].

Зимой 1855 г. Шренк познакомился с китайскими торговцами, проживавшими в деревнях Ади, Кидзи и Пуль (Приморский край)[24]. Вполне возможно, что результатом этой встречи могло быть приобретение Шренком няньхуа.

В МАЭ поступило 25 листов няньхуа из коллекции Шренка, однако среди них семь картин дублировали одна другую. На некоторых картинах были печати мастерских уезда Уцян. В коллекции представлены картины с благопожелательными сюжетами, картина на сюжет романа «Речные заводи», картина на сюжет романа «Возведение в ранг духов», картина на сюжет строительства Лоянского моста, картины на бытовые и нравоучительные сюжеты, а также картины на сюжеты пока что не идентифицированных пьес.

Этнографическая коллекция Л.И. Шренка была собрана им во время экспедиции вверх по течению Амура в 1853–1856 гг. и на Сахалин в 1855–1856 гг., где ученый занимался исследованиями географии, зоологии, ботаники и этнографии региона[25].

[22] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края… Т. I. С. 71.
[23] Там же. С. 73.
[24] Там же. С. 72.
[25] *Завидовская Е.А.* Самые ранние китайские народные картины няньхуа в России… С. 47.

В главе, посвященной китайцам в Амурском крае, Л.И. Шренк подчеркивает, что торговлей занимались почти исключительно выходцы из провинции Шаньси, которые вели торговлю и обмен на сезонных торговых станциях. Леопольд Иванович отмечает, что выходцы из провинции Шаньси – это «предприимчивые, практические и ловкие люди»[26]. Более того, известно, что к середине XIX в. шаньсийские торговцы (особенно из уезда Пинъяо (平遥)) контролировали более половины всех денег Китая. Китайские торговцы проживали в Айгуне и в районе верхнего течения Амура, периодически выезжая на станции для торговли с местным населением. Можно предположить, что шаньсийские купцы привозили туда на продажу и новогодние картинки. Большая часть изображений выполнена по сюжетам пьес, исполняемых в местных театрах провинции Шаньси, которые, в основном, пока не расшифрованы и не определены, являясь своего рода носителями «местного фольклора»[27].

***

Таким образом, нам удалось выстроить возможный маршрут путешествия няньхуа из коллекции Л.И. Шренка из Китая в Россию. Вероятнее всего, няньхуа Шренка были изготовлены в мастерских уезда Уцян （武强）провинции Хэбэй （河北）. Впоследствии картинки распространялись китайскими купцами по всему Китаю, а часть из них доходила, благодаря, в частности, торговцам из провинции Шаньси（山西,）до Приамурья и Приморья, на территории которых проводил свою экспедицию Леопольд Иванович и, с большой вероятностью, во время которой и приобрел ксилографии, которые сейчас составляют самую раннюю коллекцию няньхуа в России. Стоит отметить, в российской коллекции няньхуа большинство составляют няньхуа из Янлюцина (杨柳青), поэтому няньхуа Шренка можно считать редкостями в России.

В заключение мы позволим себе предположить, что экспедиция Л.И. Шренка не только была знаком дальнейших более тесных контактов России с Китаем и пополнила российскую науку знаниями

[26] *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края… Т. I. С. 63.
[27] *Завидовская Е.А.* Самые ранние китайские народные картины няньхуа в России… С. 47.

разных областей, но и внесла особый вклад в российское китаеведение. Вполне возможно, что дальнейшее изучение няньхуа из коллекции Леопольда Ивановича будет способно пролить свет на сюжеты няньхуа, которые пока не удалось опознать, что, в свою очередь, может означать, что удастся лучше изучить культуру провинции Шаньси и не только. Так или иначе, уже сейчас няньхуа Шренка – кладезь для исследований, многие из которых еще предстоит провести.

К.А. Беспалова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Франко-русские/франко-советские культурные контакты в области кино в 1895–1935 годах

Работа посвящена культурным контактам между Францией и Российской империей/СССР в области киноискусства от зарождения кинематографа во Франции и до проведения Первого советского кинофестиваля в Москве. Обращаясь к фондам Российского государственного архива литературы и искусства, автор рассматривает возникновение и развитие взаимного интереса к кинематографу деятелей кино обеих стран, проявившиеся в трансфере киноискусства в Российскую империю в конце XIX в., а также в создании совместных кинолент, организации во Франции киноклубов для ценителей советского кино и обмене опытом в производстве кинолент. Автор приходит к выводу, что взаимный обмен достижениями в области киноискусства и обоюдный интерес к работам режиссеров заложил основу и укрепил долговременные культурные контакты между странами, несмотря на политические изменения в России.

Ключевые слова: киноискусство, СССР, Франция, Люмьер, «Пате», «Гомон», Эйзенштейн, Первый советский кинофестиваль.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Согласия к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

Изобретение кинематографа является поистине одним из величайших достижений человечества. Значимость этой отрасли человеческой деятельности не вызывает сомнений, поскольку создание движущегося изображения позволило увековечить массу исторических событий и деятелей XX–XXI вв. Как отечественные, так и зарубежные авторы занимались исследованием истории кинематографа и киноиндустрии. В частности, это работы Н.М. Зорской, Р.А. Матасова,

Ж. Садул, Р. Соболева. Однако труды этих исследователей являются обзорными и касаются в целом истории мирового кинематографа или кинематографа отдельных стран. На наш взгляд, особенно важно, что появление киноискусства способствовало развитию культурного диалога между странами, чему исследователи уделяли меньше внимания. Так, в частности, благодаря изобретению братьев Люмьер кино стало доступно российскому зрителю и позволило завязать тесные культурные контакты между представителями киноиндустрии Франции и Российской империи, а позже и СССР.

Распространение кинематографа берет свой отсчет с 28 декабря 1895 г., когда в Индийском салоне парижского Гранд-кафе состоялся первый киносеанс братьев Люмьер. Завоевав любовь французов, изобретатели стремились продемонстрировать иностранным зрителям возможности кинематографа. Существовала и практика направлять операторов за пределы Франции в поисках новых сюжетов и для съемок короткометражных фильмов.

Российская империя не стала исключением. Трансляторами кинематографа в России стали Шарль Муассон и Франсис Дублие[1]. Первые кинопоказы состоялись в Санкт-Петербурге 4 мая 1896 г. в летнем саду «Аквариум» и 26 мая в московском увеселительном саду «Эрмитаж». Первыми съемками, проведенными в Российской империи, стали кадры коронации императора Николая II 14 мая 1896 г., сделанные оператором фирмы «Люмьер» Камилем Серф[2], визит президента Франции Ф. Фора в Россию в 1897 г., события русско-японской войны, а также похороны Льва Толстого в ноябре 1910 г.[3] Загадочная Россия манила французов своей величиной, контрастами, тем самым давая богатый материал для хроники. Были сняты такие картины, как «Маневры эскадры в Черном море», «Сцены из кавказской жизни»,

---

[1] *Матасов Р.А.* История кино/видео перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2008. № 3. С. 4.

[2] В историографии встречаются четыре имени французских кинооператоров, которые предположительно снимали: Франциск Дублие, Камиль Серф, Шарль Муассон и Александр Промио. (*Зоркая Н.М.* История советского кино. СПб., 2005. С. 8–9.)

[3] *Шапрон Ж.* Русские во Франции [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2013. № 7. Электронный журнал. URL: http://old.kinoart.ru/archive/2013/07/russkie-vo-frantsii (дата обращения: 23.05.2022).

«Производство консервов в Астрахани» и множество других сюжетов, занимавших от 60 до 165 м. кинопленки каждый, которые впоследствии демонстрировались как в России, так и за рубежом[4].

Период развития российского кинематографа с 1896 по 1914 гг. в историографии называют «французским». Это связано с тем, что именно французские деятели киноиндустрии поспособствовали возникновению кино в Российской империи. В 1903 г. в Москве появились для постоянной работы первые французские засъемщики, а в продаже можно было найти киноаппараты и фильмы[5]. В Санкт-Петербурге и Москве открылись отделения фирм Люмьеров «Пате» и «Гомон», к продукции которых интерес рос день ото дня. Так, например, только у «Пате» было семь филиалов[6], и этот коммерческий успех позволил компаниям открывать свои представительства и в других городах России. Для развития кинематографа представители этих фирм вкладывали средства в строительство новых павильонов, а также выпускали на русском языке еженедельные издания для рекламы своих кинопроизведений[7]. Кроме того, в Россию, где еще не существовало стационарных кинотеатров, активно приезжали кочующие предприниматели и, арендуя помещения, устраивали показы для российского зрителя[8].

Важно отметить тот факт, что появление французских специалистов в Российской империи поспособствовало становлению киноиндустрии в стране. Так, с 1900 по 1918 гг. российское кино активно распространялось за пределы Санкт-Петербурга и Москвы и появилось в таких городах, как Киев, Одесса, Нижний Новгород, Баку, Тифлис, Екатеринбург. В России появились даже придворные кинооператоры (Б. Матушевский, К. фон Ган, А. Ягельский), которые запечатлели быт императора Николая II и развлечения императорской семьи[9].

---

[4] *Зоркая Н.М.* История советского кино… С. 9–11.

[5] *Крюкова О.А.* О французском кино в России и русском кино во Франции // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 141.

[6] *Шапрон. Ж.* Русские во Франции…

[7] *Крюкова О.А.* О французском кино в России… С. 141.

[8] *Соболев Р.* Люди и фильмы русского дореволюционного кино. М., 1961. С. 9–10.

[9] *Зоркая Н.М.* История советского кино… С. 13.

Нередко российские производители работали в контакте с французскими. Так, фильм «Ухарь-купец» В. Бочарова, произведенный фирмой «Патэ», стал первым художественным фильмом, который увидел французский зритель в 1909 г.[10] В годы Русско-японской войны появились российские операторы-любители, которые работали на французские фирмы в качестве корреспондентов, снимая кадры военных действий и после продавая наиболее интересные из них французам[11]. В 1910-х годах во Франции выходили российские художественные ленты, снятые на средства французских деятелей кино[12]. Благодаря взаимодействию специалистов обеих стран к 1914 г. только в Москве насчитывалось 18 отечественных кинофирм, 50 иностранных кинопредставительств и 15 съемочных павильонов[13].

Важно, что до Первой мировой войны русская кинематография полностью зависела от иностранных производителей по части технического оснащения. В Российской империи не производилось ни пленки, ни химических средств для ее обработки, а оптико-механическая промышленность была неспособна снабжать кинематографию киноаппаратурой. Свершившийся Октябрьский переворот 1917 г. усложнил поставки из Франции необходимых материалов для создания кинолент. В связи с этим в русской кинематографии возникли серьезные трудности. Однако решение этой проблемы было найдено: все необходимые элементы закупались в Америке[14]. Тем не менее, несмотря на трудности в производстве кинолент, в 1918 г. вышел фильм «Отец Сергий» Я. Протазанова по повести Л. Толстого. Эта картина была показана французскому зрителю, которым была восторженно принята и высоко оценена за монтаж и декоративное оформление[15].

---

[10] *Шапрон. Ж.* Русские во Франции…

[11] *Соболев Р.* Люди и фильмы русского дореволюционного кино… С. 11.

[12] *Шапрон. Ж.* Русские во Франции…

[13] *Кленова Е.В.* Феномен А.А. Вербицкой: первые русские экранизации // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 26 (68). С. 83.

[14] *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. М., 1961. Т. 3: Кино становится искусством 1914–1920. С. 431.

[15] *Садуль Ж.* Всеобщая история кино… С. 305.

В 1918–1924 гг. – период отсутствия официальных дипломатических отношений между Францией и Советской Россией – во Франции существовал запрет проката советского кино по причине его агитационно-пропагандистской направленности. Однако французскому зрителю все-таки удавалось к нему приобщиться: во Франции существовали киноклубы. В них показывали малоизвестные или с запрещенные к показу фильмы, в числе которых были и советские произведения. В частности, прокату советских фильмов за рубежом способствовала деятельность такой организации, как «Международная рабочая помощь»[16]. Благодаря деятельности подобных организаций происходил взаимообмен Франции и Советской России в области киноиндустрии и французский кинозритель еще до официального прихода советского кино во Францию смог познакомиться с ним[17].

Официально советские фильмы начали попадать во Францию с 1924 г., когда произошло признание СССР. Первый советский фильм, легально показанный во Франции – «Поликушка» А. Санина – имел большой успех у публики. Известный французский кинокритик Ж. Садуль позже писал, что в этом фильме чувствуется школа Станиславского и влияние Художественного театра, и этот фильм является достойным предтечей фильма «Мать» Вс. Пудовкина[18]. Оглушительный успех этой картины привлек внимание к советскому кино. В 1925 г. для участия в Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности был приглашен ряд советских кинорежиссеров, в частности Я. Протазанов, С. Эйзенштейн, Д. Вертов. И несмотря на то, что они не прибыли на выставку, благодаря плакатам к их фильмам, продемонстрированным посетителям выставки, эти режиссеры получили награды заочно[19]. Признание

[16] Организация, существовавшая в Берлине в 1920-е гг., и чья деятельность была направлена на оказание рабочим различных социальных услуг. Международная рабочая помощь владела в том числе и несколькими кинокомпаниями.

[17] *Немченко Л.М.* Советское кино во Франции: от «Поликушки» до «Летят журавли». Эстетика, политика, институты (что и где могли смотреть французы в 20–50-х гг. XX в.) // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика. Екатеринбург, 2015. С. 162–163.

[18] *Садуль Ж.* Всеобщая история кино… С. 443.

[19] *Немченко Л.М.* Советское кино во Франции: от «Поликушки» до «Летят журавли»… С. 165.

подобного рода подчеркивает значительный интерес французской публики к советскому кино.

Особенно важным событием для французского зрителя стал фильм С. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”», продемонстрировавший возможности советского киноискусства. Эта картина стала доступна зрителю благодаря активности французского писателя, коммуниста Л. Муссинака[20], сыгравшего большую роль в продвижении советского кино[21]. Перед демонстрацией фильма широкому кругу зрителей был организован его предпоказ в театре «Артистик»[22], после чего во Франции заговорили о новой концепции искусства[23] и о рождении шедевра[24]. Мастерство С. Эйзенштейна, а впоследствии и других советских кинорежиссеров, заставило французских деятелей кино по-новому взглянуть на искусство кино и стимулировало их к поиску новых жанров и форматов.

Важно отметить, что кино стало новым языком культурного диалога между Францией и СССР. Любопытно, что если период с конца XIX в. и до Первой мировой войны характеризовался, в первую очередь, желанием французских специалистов демонстрировать свои достижения в России и работать в контакте с российскими деятелями кино, то в 1920-е гг. ситуация меняется. Теперь советские специалисты стремились взаимодействовать с французами и делиться своими достижениями в кино. И это тяготение со стороны СССР находило отклик у французского зрителя. Так, с 1925 по 1929 гг. Франция купила 19 советских кинолент[25], которые впоследствии демонстрировались зрителю. Отметим также, что французского зрителя привлекали не отдельные советские фильмы, а в целом советский кинематограф, который удивлял и пленял. В частности, под его обаяние попал французский писатель А. Барбюс. В 1927 г. он написал книгу о

---

[20] *Немченко Л.М.* Советское кино во Франции… С. 166.
[21] *Шапрон. Ж.* Русские во Франции…
[22] *Ширалиева Н.О.* Культурные связи Франции и России в XX веке: дис. … канд. ист. наук. Москва, 2004. С. 62–63.
[23] *Крюкова О.А.* О французском кино в России… С. 141.
[24] *Ширалиева Н.О.* Культурные связи Франции и России в XX… С. 62–63.
[25] Там же. С. 62–63.

кинематографе СССР и стал автором-корреспондентом журнала «Кинонеделя»[26].

Интересно, что некоторые деятели дореволюционного русского кино, эмигрировавшие во Францию, стали там обучать своему ремеслу французов. Кроме того, они создавали новые фирмы по производству кино. Например, известный французский актер и режиссер Шарль Ванель начал свою карьеру в русской компании «Ермольев». Вместе с тем стали появляться французские картины, снятые французами за счет русских эмигрантов. Таковыми стали фильмы «Михаил Строгов» В. Туржанского и «Соломенная шляпка» Р. Клера. Примечательно также, что русские артисты-эмигранты становились популярными во Франции. Так, например, актриса немого кино Н. Кованько появилась на обложке французского киножурнала «Cinema verite»[27].

Что касается французских фильмов, то отметим, что в начале 1920-х годов они активно демонстрировались в СССР. Так, если в 1921 г. была привезена лишь одна французская полнометражная кинокартина, то уже в 1925 г. – 53. Однако по мере роста отечественного кинопроизводства и ужесточения государственной идеологии показы французских кинолент становились все более редкими: в 1929 г. их было восемь, а в 1930 г. – всего одна. Обстановка с французским прокатом в СССР несколько изменилась с декабря 1931 г. в связи с заключением франко-советского соглашения об обмене кинофильмами. Благодаря этому в советском прокате появились пять французских кинолент, в частности «Последний миллиардер» Р. Клера[28].

В 1930-е годы во Франции по-прежнему был высок интерес к советскому кино. Всего за 1932–1933 гг. в Париже демонстрировалось 38 фильмов, в частности, «Путевка в жизнь» Н. Экка, «Златые горы» С. Юткевича, «Мать» Вс. Пудовкина и «Броненосец “Потемкин”»[29].

---

[26] *Крюкова О.А.* О французском кино в России… С. 141.

[27] *Шапрон Ж.* Русские во Франции…

[28] *Шапрон Ж.* Французский связной: история проката французского кино в России [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2021. № 3/4. Электронный журнал. URL: https://kinoart.ru/texts/frantsuzskiy-svyaznoy-istoriya-prokata-frantsuzskogo-kino-v-rossii (дата обращения: 28.05.2022).

[29] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 14. Ед. 712. Л. 103.

Создатель последнего фильма, уже известный во всем мире С. Эйзенштейн, в 1930 г. посетил Париж и выступил в Сорбонне с лекцией, которую посетило огромное количество желающих[30]. Кроме того, киноискусство СССР высоко ценилось французскими деятелями культуры. Так, французский писатель Р. Роллан называл советское кино искусством нового мира, поражающим своей оригинальной направленностью[31]. Ему особенно понравились «Броненосец “Потемкин”» и «Три песни о Ленине»[32]. Другой французский писатель, А. Барбюс, считал, что кино, произведенное в СССР, поднялось выше других благодаря художественному и социальному реализму[33]. Вместе с ним восхищался советскими лентами кинокритик Ж. Садуль, подчеркивая, что советское кино – «единственный образец кинопромышленности, освобождённый от законов капитала, с эстетической и социальной ценностью»[34]. Советское кино и представленные в картинах сюжеты из жизни советских людей были также отмечены и французскими периодическими изданиями. В частности, на страницах ежемесячника «Cinéa», в котором публиковались обзоры на новинки мирового кинематографа, высоко оценено мастерство советских режиссеров Вс. Пудовкина и И. Кавалеридзе[35].

В 1935 г. в Москве состоялся Первый советский кинофестиваль, для участия в котором были приглашены зарубежные деятели кино, в том числе и французские. Отмечая достижения французских коллег по цеху и чтобы в том числе продемонстрировать интерес к французскому кино, ранее упомянутый фильм Р. Клера «Последний миллиардер» был удостоен премии[36]. Со стороны французской делегации также был проявлен значительный интерес к советским кинодеятелям. В частности, ее глава А. Дебри отметил, что он придает колоссальное значение тому дружескому контакту, который удалось установить

[30] *Ширалиева Н.О.* Культурные связи Франции и России в XX веке… С. 64.
[31] РГАЛИ. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 406. Л. 1.
[32] РГАЛИ. Ф. 2912. Оп. 1. Ед. 353. Л. 5.
[33] РГАЛИ. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 406. Л. 5.
[34] Там же. Л. 2–3.
[35] *Akouchkoff C.* Sur les boulevards du Monde. Moscou [Электронный ресурс] // Cinéa. 1931. № 12. Février. P. 38–39. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7126753m/f37.item.r=%22cinema%20sovietique%22 (дата обращения: 28.11.2022)
[36] *Крюкова О.А.* О французском кино в России… С. 141.

между кинематографией Франции и СССР. Также он предложил советской стороне создавать советские фильмы одновременно и на французском языке с тем, чтобы еще больше приблизить их к французскому зрителю[37].

Подводя итог, отметим, что начавшийся в конце XIX в. взаимообмен в киноиндустрии заложил основу долголетнему и плодотворному сотрудничеству Франции и Российской империи/СССР. Обмениваясь достижениями на этом поприще, обогащая и стимулируя развитие кино в обеих странах и создавая совместные киноленты, деятели кино укрепляли культурный диалог между странами. И важно, что взаимный обмен в области кино подтолкнул сначала зарождение и развитие кинематографа в Российской империи, а позже именно новинки советского кино вдохнули новую жизнь во французский кинематограф. Кроме того, показательно, что Октябрьский переворот 1917 г. не только не прервал сложившиеся традиции проката французских фильмов и не разрушил тесные контакты между Францией и СССР, а, напротив, поспособствовал налаживанию новых долговременных контактов.

[37] Иностранные гости о советском кино // Правда. 1935. 3 марта.

А.С. Шестопалова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Празднование 200-летия Полтавской битвы: опыт Императорского Русского военно-исторического общества

Настоящая работа посвящена выявлению и характеристике коммеморативных практик, использовавшихся Императорским Русским военно-историческим обществом при организации 200-летнего юбилея Полтавской битвы. Источниковую базу составили материалы периодической печати, делопроизводственная документация, а также архивные материалы, хранящиеся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В ходе исследования было установлено, что особое распространение получила нарративная форма коммеморации, направленная на выявление текстов и создание научных исследований по Полтавской битве. Автор приходит к выводу, что многие коммеморативные практики, используемые при праздновании 200-летнего юбилея Полтавской битвы, послужили образцом не только для чествования 100-летия Отечественной войны 1812 г., но и стали основой для современных форм коммеморации.

Ключевые слова: Императорское Русское военно-историческое общество, Полтавская битва, коммеморативные практики, юбилей, историческая память.

В нынешнем году наша страна празднует 350-летие со дня рождения Петра I. Приближение юбилейного события актуализировало обращение научного сообщества к результатам правления первого российского императора. Существование в исторической науке различных, порой диаметрально противоположных, точек зрения на петровскую эпоху ставит на повестку дня обращение к важнейшим событиям и итогам данного периода. Не менее значимой является проблема сохранения, трансляции памяти об этих событиях, прежде всего

о Северной войне, результаты которой изменили положение России на международной арене. Историческая дистанция, которая отделяет нас от Северной войны в целом и от отдельных ее сражений, способствовала формированию особых практик празднования. Многие коммеморативные практики, посвященные чествованию Северной войны, утвердились в начале XX в., в преддверии 200-летнего юбилея. Особой торжественностью отличалось празднование 200-летия Полтавской битвы, которая стала одним из ключевых сражений Северной войны. Воссоздание коммеморативных практик, посвященных битве под Полтавой, позволит выявить акторов конструирования и трансляции исторической памяти и определить направления развития политики памяти в Российской империи в начале XX в.

В отечественной историографии наиболее полное освещение получили вопросы, связанные с процессом образования Императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО), его структурой и социальным составом[1]. В статье В.Н. Самошенко и Н.А. Петровой[2], посвященной издательской деятельности военно-исторического общества, представлена характеристика «Трудов» общества, публикация которых была приурочена к 200-летнему юбилею Полтавской битвы. В.А. Дьяков указывал, что «особое место среди изданий ИРВИО занимали популярные брошюры»[3], при этом автор не останавливался на подробной характеристике научно-популярных изданий общества. Исследователи[4], обращающиеся к изучению празднования 200-летия Полтавской битвы, отмечают значение Императорского Русского военно-исторического общества в подготовке и организации торжеств. Однако в

---

[1] *Кочетков А.Н.* Русское Военно-историческое общество (1907–1914) // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С. 94–99.

[2] *Самошенко В.Н., Петрова Н.А.* Научно-издательская деятельность Русского военно-исторического общества // Издание исторических документов в СССР. М., 1989. С. 199.

[3] *Дьяков В.А.* О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества (1907–1917 гг.) // Проблемы истории общественного движения и историографии: сб. ст. к 70-летию М.В. Нечкиной. М., 1971. С. 285.

[4] *Павленко В.В.* Торжества в России, посвященные 200-летие Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6. С. 226; *Николаенко П.Д.* Победа под Полтавой 27 июня 1709 г. – важнейший фактор укрепления российской государственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 71–78.

полной мере авторами не осмыслена роль ИРВИО в деле формирования и сохранения исторической памяти о Полтавской битве. Цель настоящей работы состоит в выявлении и характеристике коммеморативных практик, используемых членами ИРВИО для чествования 200-летнего юбилея Полтавской битвы.

Методологической базой настоящего исследования стала междисциплинарная парадигма социально-гуманитарного исследования – «memory studies». С учетом многообразия трактовок понятия исторической памяти и существенных отличий в исследовательских программах методологическую основу настоящей работы составит синтез идей А. Ассман[5] и П. Рикера[6]. В своих работах авторы, с некоторыми различиями, сформулировали своеобразную методологическую матрицу, предполагающую выявление событий и исторических фигур, о которых необходимо помнить, воссоздание форм и способов «вспоминания», а также определение круга лиц, хранящих память об этих событиях[7]. Использование данной матрицы позволяет рассмотреть Императорское Русское военно-историческое общество в качестве социального института, мнемонического актора, способного актуализировать те или иные события и наполнить их особым смыслом в социальном измерении. Применение историко-сравнительного и историко-типологического метода позволило выделить различные коммеморативные практики, использованные при праздновании 200-летия Полтавской битвы, а также сравнить их с формами коммеморации при организации других юбилейных событий.

Центральным понятием при изучении данной проблемы является коммеморация, под которой понимается «совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом»[8].

---

[5] *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.

[6] *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 21.

[7] *Ассман А.* Длинная тень прошлого… 65.

[8] *Шуб М.Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. 2018. № 15 (2). С. 162.

Императорское Русское военно-историческое общество было образовано в Санкт-Петербурге в 1907 г. Создание общества и первые годы его деятельности в области изучения военной истории совпали с приближением ряда юбилейных событий, среди которых большое значение имело 200-летие Полтавской битвы. Это обстоятельство дало членам ИРВИО выступить с предложением об организации празднования юбилея «надлежащим образом в соответствии со значением события»[9]. Советом общества была разработана программа Всероссийского чествования 200-летия Полтавской битвы, представленная на рассмотрение военному министру. Следствием данной инициативы стало образование Междуведомственной комиссии под председательством генерала от кавалерии барона А.А. Бильдерлинга[10]. Также в состав комиссии входили начальник Киевского военного округа генерал-лейтенант Алексеев, начальник штаба 10-го армейского корпуса генерал-майор Клембовский, Полтавский губернатор граф Муравьев[11], от ИРВИО вошли члены Совета П.Н. Симанский и А.К. Баиов. Комиссия должна была объединить действия различных министерств и разработать порядок чествования.

Торжественное празднование предполагалось провести в Санкт-Петербурге и Полтаве, но ряд коммеморативных практик по чествованию победы в Полтавской битве был ориентирован на различные социальные слои всего государства.

Одной из главных форм коммеморации стала нарративная, включающая в себя создание исторических исследований, публикацию документов и воспоминаний о Полтавском сражении. Наиболее активно членами общества велась работа по изданию архивных материалов, научных трудов и научно-популярных изданий. Научные изыскания не могли осуществляться без репрезентативной источниковой базы, в связи с чем Советом общества было принято решение о

---

[9] Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб., 1913. С. 35.

[10] Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1908 г. Год первый. СПб., 1909. С. 18.

[11] *Павленко В.В.* Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6. С. 226.

сборе и систематизации всех материалов по Полтавскому периоду Северной войны. Специальная экспедиция под руководством А.К. Баиова[12] осуществляла сбор и копирование материалов, хранящихся в архивах. По замечанию В.Н. Самошенко и Н.А. Петровой, «поиски велись не только в столичных архивах, но и провинциальных городах, а также за границей – в Стокгольме и Вене»[13]. Комиссия неоднократно собиралась для обсуждения поступивших материалов в служебном кабинете дежурного генерала Главного Штаба[14].

Результатом работы комиссии стало издание в 1909 г. первоисточников за период времени с июля 1708 по июнь 1709 гг. Их публикация осуществлялась на страницах «Трудов» общества – первого периодического издания военно-исторического общества. Начало издания «Трудов» было приурочено к 200-летию Полтавской битвы, и первые четыре тома были полностью посвящены ей. Так, в первом и третьем томе содержались архивные документы, выявленные в различных правительственных хранилищах, не опубликованные ранее. Второй и четвертый том представляют собой исследование действительного члена общества Н.Л. Юнакова, выполненное на основе анализа архивных документов. По замечанию членов общества, в работе Н.Л. Юнакова были представлены «неизвестные до этого факты и детали, особенно в новом свете представилось Полтавское сражение, а также гениальная личность Петра Великого»[15]. До настоящего времени работа Н.Л. Юнакова является одной из значимых по истории Полтавской баталии. Впоследствии автор за свой труд был удостоен звания экстраординарного профессора в Императорской Николаевской академии и малой Уваровской премии[16]. Приобрести «Труды» общества мог

[12] Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1908 г. Год первый. СПб., 1909. С. 18.

[13] *Самошенко В.Н., Петрова Н.А.* Научно-издательская деятельность Русского военно-исторического общества // Издание исторических документов в СССР. М., 1989. С. 199.

[14] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 88.

[15] Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб., 1913. С. 21.

[16] Там же.

любой желающий, цена каждого тома составляла 3 руб., для членов общества – 2 руб. 25 коп.[17]

Деятельность общества была направлена не только на публикацию первоисточников. На заседании Совета общества, состоявшемся 20 ноября 1909 г., было заслушано выступление А.К. Баиова, который рассказал о полученном предложении от поручика шведской армии Рудеберга перевести на русский язык труд шведского профессора А. Стилле по истории похода 1707–1709 гг. Карла XII в Россию. Совет общества признал предложение крайне полезным[18], а уже в 1910 г. в «Журнале» ИРВИО был опубликован перевод первой части. В начале XX в. труд А. Стилле был единственным переведенным на русский язык шведским исследованием.

Несмотря на активную издательскую деятельность, не все исследовательские начинания было под силу реализовать Императорскому Русскому военно-историческому обществу. По предложению члена Совета общества К.А. Военского были начаты переговоры с внуком историка Н.Г. Устрялова о приобретении ИРВИО права на издание к 200-летию Полтавской битвы оставшегося в рукописи V тома «Истории Петра Великого», посвященного Полтавской баталии[19]. В ноябре 1908 г. Совет общества поручил К.А. Военскому продолжить детальные переговоры с В.Ф. Устряловым об условиях продажи обществу права на приобретение неопубликованного тома истории[20]. Для рассмотрения рукописи была образована особая комиссия в составе Н.П. Михневича, К.А. Военского, Н.Д. Чечулина, А.С. Кроткова, А.К. Баиова. Тем не менее, несмотря на начавшиеся переговоры, общество не смогло издать V том, его публикация состоялась только в 2021 г. Ю.Н. Беспятых[21]. По причине ограниченности финансов были не реализованы и другие начинания. В частности, общество отказало в пуб-

[17] Известия общества // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО). 1910. Кн. 2. С. 24.

[18] Известия общества // Журнал ИРВИО. 1910. Кн. 2. С. 21.

[19] Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1908 г. Год первый. СПб., 1909. С. 20.

[20] ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 153.

[21] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. V: Баталия при Полтаве / сост. и подготовка текста Ю.Н. Беспятых. СПб., 2021. 384 с.

ликации работы, посвященной Полтавской битве, действительного члена Н.П. Хитрово[22].

Нарративная форма коммеморации предполагала издание не только научных трудов, но и научно-популярных. Распространению знаний среди широких слоев населения способствовало объявление в 1908 г. Советом общества конкурса на составление популярной брошюры о Полтавской битве, которая должна была раздаваться на бесплатной основе армии и народу[23]. Членом Совета В.В. Жерве было разработано положение конкурса, в соответствии с которым издание должно было воскресить в памяти народа подвиг Петра и его армии, а также быть полезным с точки зрения патриотического воспитания масс. Для рассмотрения и оценки работ Советом общества было образовано конкурсное жюри из числа действительных членов общества в составе: Б.М. Колюбакина, П.Н. Симанского, А.К. Баиова и А.Г. Елчанинова. К установленному сроку, 15 марта 1909 г., на конкурс были представлены 16 рукописей под различными девизами. Первой премии и гонорара в размере 300 руб. была удостоена работа «Петр и Полтава» П.М. Андрианова, вторую премию и гонорар 100 руб. получили Н.П. Михневич за работу «Петр великий и Полтава» и князь П.Г. Цицианов за труд «Двухсотлетие Полтавской битвы»[24]. На издание брошюры, удостоенной первой премии, было отпущено из средств государственного казначейства 25 тыс. руб. Для бесплатной раздачи войскам, школам и народу было издано 500 тыс. экземпляров. Военное министерство для этой цели получило 101 856 экземпляров, министерство народного просвещения – 150 000, министерство внутренних дел – 97 103, морское – 13 250, юстиции – 8 500, Кавказское наместничество – 25 000 экземпляров[25].

Позднее накануне 200-летия Прутского похода ИРВИО издало еще популярную брошюру в количестве 3 000 экземпляров. Для сравнения: к юбилею Отечественной войны 1812 г. также был объявлен конкурс на

[22] Известия общества // Журнал ИРВИО. 1910. Кн. 2. С. 20.

[23] Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1908 г. Год первый. СПб., 1909. С. 19.

[24] Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества за 1909 г. Год второй. СПб., 1910. С. 8.

[25] Там же. С. 9.

издание популярной брошюры. По его итогам была издана работа «1812 год» П.М. Андрианова в количестве 1,5 млн. экземпляра[26].

Не менее значимой формой коммеморации при организации празднования 200-летия Полтавской битвы являлась монументальная. При содействии ИРВИО был установлен памятник коменданту Полтавы полковнику Келлину[27]. Памятник изготовили в Санкт-Петербурге из финского гранита, высотой 8,5 аршин[28]. Также члены общества приняли деятельное участие для открытия в 1910 г. памятника Петру I в Кексгольме[29], освобожденном в ходе Северной войны[30].

Церемониальные формы коммеморации памяти о Полтавской битвы подразумевали широкий спектр мероприятий, среди которых особое место занимает реализация юбилейных сценариев с участием высших представителей государственной власти и императорской семьи. Разработанная программа предполагала проведение мероприятий всероссийского масштаба, тем не менее, главные празднества были организованы в Полтаве и Санкт-Петербурге. Для принятия участия в юбилейном празднестве в г. Полтава от ИРВИО была командирована депутация в составе 20 человек, в которую помимо председателя общества Д.А. Скалона вошли представители Московского, Киевского, Одесского и Варшавского отделов. От имени общества депутация возложила серебряный венок на памятник Славы[31].

Чествование важнейшего для российской истории события также предполагало проведение торжественного собрания Императорского Русского военно-исторического общества. К участию приглашались как военные, так и гражданские лица, интересующиеся Полтавской битвой. Так, 27 июня в восемь часов вечера в помещении собрания Армии и Флота на этом заседании были заслушаны рефераты действительных членов общества академика Н.А. Котляровского «Похвальное

---

[26] Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб., 1913. С. 33.

[27] Там же. С. 45.

[28] *Павленко В.В.* Торжества в России, посвященные 200-летие Полтавской битвы… С. 227.

[29] Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества… С. 45.

[30] В настоящее время г. Приозерск, Ленинградская область.

[31] Известия общества // Журнал ИРВИО. 1910. Кн. 2. С. 24.

слова Петру Великому», полковника Генерального штаба Н.Л. Юнакова «Осада Полтавы и Полтавское сражение 27 июня 1709 г.» и профессора Н.П. Михневича «Значение Полтавского сражения и заключение о Петре Великом, как победителе в бою 27-го июня 1709 г.»[32]. Такого же рода собрания были организованы в этот день и в отделах Общества – Московском, Киевском, Одесском и Варшавском[33].

К церемониальным формам коммеморации можно также отнести учреждение медалей в честь юбилейного события. В память 200-летнего юбилея Полтавской битвы была учреждена светло-бронзовая медаль на Андреевской ленте[34]. Непосредственное участие в выработке проекта медали приняли члены ИРВИО А.К. Баиов и П.Н. Симанский. Круг лиц, которым предоставлялось право ношения медали, был достаточно широк и включал в себя не только представителей войсковых частей, непосредственно принимавших участие в сражении, но и участников юбилейных торжеств. Для получения медали было необходимо обратиться с ходатайством на имя Председателя Междуведомственной комиссии. Право ношения медали удостоверяется особым свидетельством[35]. По замечанию В.В. Павленко, ходатайства принимались до 1 января 1914 г., но еще несколько лет спустя можно встретить в различных переписках просьбы о награждении юбилейной медалью[36].

Помимо всего перечисленного, члены Императорского Русского военно-исторического общества принимали участие и в других мероприятиях, связанных с празднованием 200-летия Полтавской битвы. Так, по приглашению Союза русского народа совет общества командировал для прочтения в аудиториях союза лекций, посвященных событию юбилея, своих представителей Б.В. Геруа, В.В. Жерве и Н.Л. Юнакова[37]. Также членами общества было установлено, какие

[32] ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 226.
[33] Известия общества // Журнал ИРВИО. 1910. Кн. 1. С. 29.
[34] ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 24.
[35] Там же. Л. 24об.
[36] *Павленко В.В.* Торжества в России, посвященные 200-летие Полтавской битвы… С. 224.
[37] Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества… С. 4.

части войск входили в состав русской армии, сражавшейся под Полтавой[38].

Таким образом, начало деятельности Императорского Русского военно-исторического общества совпало с приближением крупных юбилейных событий военной истории. Активное участие в организации 200-летнего юбилея Полтавской битвы открыло возможность ИРВИО реализовать на практике многие проекты общества. Это свидетельствует о том, что в начале XX в. Императорское Русское военно-историческое общество представляло собой одного из главных акторов формирования исторической памяти. Военно-историческое общество наряду с другими институтами (Императорским Русским историческим обществом, кружком ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. и др.) оказывало влияние на отбор событий, подлежащих «вспоминанию», переосмыслению в соответствии с современной ситуацией или забвению. Анализ содержания коммеморативных практик ИРВИО позволил установить, каким образом осуществлялось «вспоминание» о Полтавской битве, а также значимость этого события для российского общества. Используемые формы коммеморации имели разную направленность и аудиторию, поскольку многие проекты были реализованы не только на широком общественном уровне, но и на уровне отдельных социальных групп и корпораций. Коммеморативные практики, реализованные в 1909 г., стали своего рода образцом и получили дальнейшее развитие при праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.

[38] Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества… С. 35.

Д.А. Сосницкий

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

«Самый человечный человек» и «чистый восточный диктатор»: В.И. Ленин и И.В. Сталин в современной российской прессе*

Исследование посвящено изучению образов В.И. Ленина и И.В. Сталина на страницах газет современной России (1991–2021 гг.). В рамках работы были проанализированы на предмет выявления исторических нарративов 90 номеров газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец». В результате было найдено и проанализировано 278 упоминаний о В.И. Ленине и И.В. Сталине. Определены наиболее популярные объекты памяти, связанные с именами В.И. Ленина и И.В. Сталина (мавзолей, репрессии, сталинские и ленинские премии, ордена, памятники и т.д.). Сделаны выводы о росте и падении популярности каждого из героев на протяжении исследуемого периода, а также об особенностях создаваемых в газетах образов руководителей Советского государства.

Ключевые слова: В.И. Ленин, И.В. Сталин, историческая память, образы прошлого, газеты, периодическая печать

Финансовая поддержка: Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект «Репрезентация образов государственных деятелей в массовом историческом сознании: на примере В.И. Ленина и И.В. Сталина», проект № МК–3760.2022.2

Особенности отражения исторических событий на страницах периодических изданий и в сетевых медиа, как их современных аналогах, неоднократно изучались специалистами по memory studies[1].

---

* Статья публикуется в авторском варианте.

[1] См., напр.: *Эрлих С.Е.* Улица Декабристов (роль СМИ в формировании исторической памяти в современной России) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 11. С. 245–261; *Кутдусова В.А.* Первая

Однако, процессы конструирования в современной прессе образов таких чрезвычайно важных деятелей отечественной истории, как В.И. Ленин и И.В. Сталин, остаются практически не изученными. К числу исключений можно отнести работу А.С. Смоляровой, где анализируется образ В.И. Ленина в зарубежных русскоязычных СМИ, в связи со столетием Октябрьской революции[2]. Большая часть мемориальных исследований посвящена изучению трансформации образов вождей под влиянием не какого-то конкретного источника (художественная литература, кинофильмы, телепередачи), а в целом. Среди подобных работ можно выделить труды А.А. Линченко и А.Г. Иванова о мифологизации образа И.В. Сталина в современной российской исторической памяти[3] и В.И. Меньковского об особенностях исторической политики в России в отношении В.И. Ленина в год его 150-летнего юбилея[4]. В рамках данного исследования анализируются исторические нарративы о В.И. Ленине и И.В. Сталине в популярных постсоветских газетах, т.к. в силу распространенности этого источника и охвата большой аудитории газеты непосредственно влияли и продолжают влиять на формирование образов исторических деятелей в коллективной памяти. Кроме того, на страницах газет зачастую отражаются общественные дискуссии по тому или иному вопросу, и анализ содержания популярных изданий позволит сделать выводы о внимании общества и государства к тому или иному сюжету отечественной истории.

В качестве источника были выбраны три общероссийские газеты, которые издавались на протяжении всего исследуемого периода – с 1991 по 2021 гг. Все эти издания, а именно «Московский комсомо-

---

мировая война в советском печатном дискурсе 1920–1940-х гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №3. С. 65–76; *Волкова Т.А.* «Исторический клуб» «Известий»: структура, функции, значение раздела // Вестник МГУП им. Ивана Федорова. 2015. № 4. С. 11–17 и др.

[2] *Смолярова А.С.* 1917 год в зарубежных русскоязычных СМИ: сто лет спустя // Век информации. 2018. № 3. С. 27–31.

[3] *Линченко А.А., Иванов А.Г.* «Живите тыщу лет, товариш Сталин...»: Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 116–135.

[4] *Меньковский В.И.* Ленин-2020: история, легенда, миф // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 4. С. 7–19.

лец», «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты», универсальные, и на их страницах размещаются новости, аналитические статьи, мнения экспертов, исторические заметки, а также различные развлекательные материалы. Немаловажно и то обстоятельство, что все анализируемые издания на протяжении 30 лет имели большие тиражи (объемы печати в разные годы менялись) и входили в число самых востребованных у читателей изданий. Всего было проанализировано по одному номеру каждой газеты за промежуток в 30 лет. Общее количество изученных номеров – 90. Т.к. применение метода простого случайного отбора номеров в данном случае не дает возможности получить достаточно материала для последующего анализа, нами были определены ключевые даты, к которым привязаны анализируемые номера газет. За такие даты были приняты дни рождения В.И. Ленина и И.В. Сталина, годовщины Октябрьской революции и победы в Великой Отечественной войне. Выбор этих дат объясняется тем, что в публикациях, выходивших в указанные дни, вероятность упоминания (а соответственно и развернутой характеристики) В.И. Ленина и И.В. Сталина повышается.

В результате контент-анализа номеров газет была составлена таблица 1, содержащая данные о количестве упоминаний В.И. Ленина и И.В. Сталина как в отдельных изданиях за каждый год, так и суммарно в номерах всех трех газет.

Всего было обнаружено 278 упоминаний: 147 – В.И. Ленина (53 %), и 131 упоминание И.В. Сталина (47 %). При этом нужно учитывать, что фактически упоминаний имен вождей в текстах анализируемых номеров значительно больше. В случае если вся статья была посвящена В.И. Ленину, и его имя повторялось в заметке несколько раз, учитывалось только одно упоминание. Кроме того, не учитывались упоминания Ленинграда и Сталинграда, а также многочисленных названий улиц, площадей, проспектов, шоссе и других географических объектов. Если бы это правило не было применено, то подсчеты показали бы значительное превосходство В.И. Ленина по количеству упоминаний и не отразили бы реальное количество материалов, в которых говорится непосредственно об основателе Советского государства.

Таблица 1

Результаты контент-анализа 90 номеров газет «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» за период с 1991 по 2021 гг. на предмет упоминания В.И. Ленина и И.В. Сталина *

Год	«Московский комсомолец»		«Комсомольская правда»		«Аргументы и факты»		Общее количество упоминаний	
	Ленин	Сталин	Ленин	Сталин	Ленин	Сталин	Ленин	Сталин
1991	0	1	0	0	3	0	3	1
1992	4	0	4	0	0	0	8	0
1993	0	0	2	0	0	2	2	2
1994	0	0	0	0	1	2	1	2
1995	1	0	1	0	2	3	4	3
1996	8	0	2	0	5	2	15	2
1997	8	4	2	0	6	3	16	7
1998	0	2	1	0	1	3	2	5
1999	0	0	0	0	2	2	2	2
2000	1	1	3	1	1	2	5	4
2001	1	1	0	0	2	3	3	4
2002	0	0	1	0	2	5	3	5
2003	1	1	0	0	1	2	2	3
2004	3	1	5	1	2	3	10	5
2005	1	0	0	0	2	2	3	2
2006	0	0	0	0	2	2	2	2
2007	0	1	0	1	1	1	1	3
2008	1	0	1	0	0	0	2	0
2009	1	1	2	0	0	1	3	2
2010	0	1	0	0	2	5	2	6
2011	1	0	3	5	0	2	4	7
2012	0	0	0	1	3	2	3	3
2013	1	0	0	3	1	1	2	4

Окончание таблицы 1

2014	2	3	0	2	1	1	3	6
2015	2	2	0	0	0	6	2	8
2016	5	0	1	2	1	5	7	7
2017	6	3	4	3	6	3	16	9
2018	0	1	0	1	4	7	4	9
2019	1	1	1	1	5	5	7	7
2020	6	2	0	1	3	3	9	6
2021	1	2	0	1	1	2	2	5

* *Составлено по:* номера газет «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» (1991–2021, 90 выпусков).

Обратимся к непосредственному анализу этих упоминаний, который поможет сделать выводы об особенностях репрезентации образов В.И. Ленина и И.В. Сталина в прессе и позволит выявить непосредственно связанные с ними ключевые места памяти. График количества упоминаний в разные годы наглядно демонстрирует нам, что интерес к Владимиру Ильичу носит более «рваный» характер, в то время как для И.В. Сталина характерна более стабильная позиция и тенденция к постепенному возрастанию (см. рисунок 1).

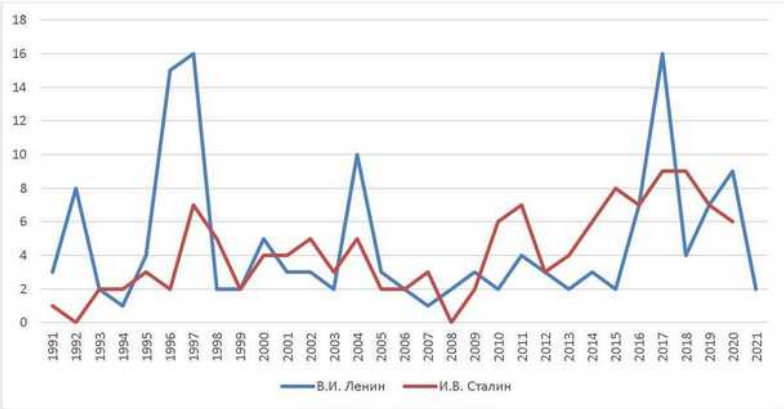

Рис. 1. Количество упоминаний В.И. Ленина и И.В. Сталина в 1991–2021 гг. (*Составлено по:* номера газет «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» (1991–2021, 90 выпусков)

На общем фоне выделяются только два периода резкого возрастания количества материалов о В.И. Ленине – 1996/1997 гг. и 2017 г. Первый скачок связан с выборами президента Российской Федерации, состоявшимися летом 1996 г., а второй – с празднованием 100-летней годовщины со дня Октябрьской революции. Стоит отметить также тот факт, что в номерах, выходивших непосредственно 22 апреля или сразу же после этой даты, имя В.И. Ленина встречается практически всегда и, как правило, сопровождается большими авторскими материалами. В то же время в выпусках газет от 21 декабря за разные годы имя «отца народов» упоминается далеко не всегда.

Рассмотрение непосредственного содержания самих исторических нарративов позволяет выделить несколько объектов и типов упоминаний. Наиболее часто повторяющиеся из них представлены в таблице 2.

Таблица 2

Наиболее часто упоминаемые объекты памяти / типы упоминаний *

№	Объект памяти	Количество упоминаний
1-2	Мавзолей В.И. Ленина	16
	Упоминания В.И. Ленина и И.В. Сталина в программах передач	
3	Сталинские репрессии	14
4	Памятники (бюсты) В.И. Ленину	9
5	Упоминания В.И. Ленина и И.В. Сталина в кроссвордах	5
6-10	Памятники (бюсты) И.В. Сталину	4
	Сталинские высотки (сталинский стиль в архитектуре)	
	Анекдоты о В.И. Ленине	
	Ленинская премия	
	Сталинская премия	

* Составлена по: номера газет «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» (1991–2021, 90 выпусков).

Представленные в таблице данные демонстрируют постоянный интерес журналистов и российской общественности к теме захоронения тела В.И. Ленина, т.к. упоминания мавзолея практически всегда

встречаются именно в этом контексте. В статье «Московского комсомольца» от 22 апреля 1992 г. с названием «Ленин и теперь» автор рассуждает о том, что, несмотря на обещание мэра Москвы, память об Ильиче в городе жива и поддерживается тысячами активистов, многие из которых выходят в качестве дружинников на охрану памятников вождя и его мавзолея[5]. В статье «Комсомольской правды», посвященной празднованию очередной годовщины Октябрьской революции в России и бывших союзных республиках, говорится о том, что на митинге коммунистов в Донецке выступили против выноса тела В.И. Ленина из мавзолея[6]. На страницах «Московского комсомольца» тема захоронения Ильича вновь поднимается в интервью лидера КПРФ Г.А. Зюганова, опубликованном в ноябрьском номере газеты за 2005 г. Г.А. Зюганов, отвечая на вопрос журналиста о том, почему коммунисты всегда против захоронения В.И. Ленина, проводит некоторые исторические параллели и дает отсылки к прошлому: «Пора закончить эти кощунственные разговоры. Ленина захоронили по решению высшего государственного органа, которым был съезд. И таких захоронений по свету море. Предлагаю съездить в Киево-Печерскую лавру: 120 монахов захоронены в открытых гробах. Там же, кстати, захоронен Илья Муромец. К слову сказать, там рубахи меняют каждые полгода. Так же захоронен академик Павлов. Такие же захоронения я видел во всех соборах Европы. Почему здесь пытаются осквернить Красную площадь? Не лезьте на Красную площадь, ничего не раскапывайте!»[7]. На страницах этой же газеты к теме Ленина и мавзолея вновь обращаются в апреле 2020 г. На этот раз автор статьи с ироничным названием «С рождеством, коммунисты!» рассуждает о том, что ради поклонения своему кумиру коммунисты готовы пойти на нарушение любых короновирусных ограничений: «22 апреля коммунисты пойдут к своему персональному Иисусу. Поскольку у дедушки Ленина юбилей – 150 лет – Геннадий Андреевич Зюганов со товарищи намерен отправиться к Мавзолею. Возлагать цветы. Истинную веру не сдержать ни коронавирусу, ни Собя-

[5] Ленин и теперь // Московский комсомолец. 1992. 22 апреля.

[6] *Прокопенко В.* Вместо демонстрации трудящихся – демонстрация силы // Комсомольская правда. 1993. 9 ноя.

[7] Кого не ухлопал Ленин? // Московский комсомолец. 2005. 7 ноября.

нину с указами, ни полиции с пропускным режимом... Про здравый смысл вообще молчу. Коммунизм – это Царствие Небесное, тут трудно спорить. Там все будет бесплатно, там все будет в кайф, там, наверное, вообще не надо будет умирать»[8].

Если в связке с упоминанием В.И. Ленина чаще всего идут мавзолей, Октябрьская революция и имена известных коммунистов (Н.К. Крупская, Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский и др.), то в случае с И.В. Сталиным авторы статей вспоминают про репрессии и террор. Зачастую используются такие выражения как «сталинские времена» или «сталинская эпоха», под которыми также подразумеваются политические репрессии. Интересно, что в 1990-е годы И.В. Сталину на страницах газет крайне редко посвящают объемные материалы. В данном случае забвение является очень яркой характеристикой общественного отношения к «отцу народов» в первые постсоветские годы. Имя И.В. Сталина зачастую появляется в связке с именем В.И. Ленина, и порой эти два политических деятеля противопоставляются друг другу. Характерен в этом отношении фрагмент статьи о столетней большевичке К.Н. Атласовой: «На вопрос о том, кто ее политический кумир, Капитолина Николаевна твердо отвечает: – Конечно же, Ленин! Конечно же, не Сталин. Одного с другим она не связывает. Ленин – молодость, любовь. Сталин – зрелось и боль. Грани жизни совпали с гранями истории и разделились, распались, рассыпались…»[9]. В 1990-е и 2000-е гг. Иосиф Виссарионович получал на страницах газет, как правило, краткие и емкие характеристики. Его имя обычно сопровождали следующие эпитеты – «тиран», «восточный деспот», «диктатор». В 2010-е гг. ситуация в целом остается схожей, однако в статьях появляется элемент дискуссионности. Так, например, к очередной годовщине дня рождения И.В. Сталина в «Комсомольской правде» была опубликована статья А. Гришина и Р. Голованова «Почему Сталин начал террор и были ли у вождя двойники?» Эта статья представлена в виде ответов на одни и те же вопросы, заданные корреспондентами, двух экспертов, занимающих разные позиции по отношению к И.В. Сталину – Н.К. Сванидзе и Е.Ю. Спицына. Так, на суждение корреспондентов «Приходилось

---

[8] *Попов Д.* С рождеством, коммунисты! // Московский комсомолец. 2020. 22–28 апр.

[9] *Носова О.* Столетняя большевичка уверена: Ельцин – это Ленин сегодня // Московский комсомолец. 1997. 6 нояб.

читать, что Сталин вовсе не был аскетом. Например, заводил романы с балеринами Большого театра…» Е.Ю. Спицын отвечает: «Да прекратите! У него даже времени на это не было. Этот человек был целиком и полностью нацелен на работу. Характерный штрих, показывающий, кем был Сталин: после его смерти остался один портфель с документами и наградами, пара армейских брюк, пара кителей, дырявые сапоги и нижнее белье». В свою очередь, Н.К. Сванидзе комментирует это высказывание следующим образом: «Ему ничего не нужно было. Ведь вся страна была в его распоряжении как частная собственность. Это такая скромность, которая паче гордости. Одни любят золотые перстни и бриллиантовые унитазы. Но он упивался этой властью безграничной. Это не аскетизм. Это ненормальная привычка»[10]. Таким образом, авторы стараются открыто не навязывать своего отношения к историческому деятелю, а предоставить читателю право самому выбрать ту или иную позицию.

Из Таблицы 2 видно, что зачастую имена В.И. Ленина и И.В. Сталина упоминаются в программах передач. Названия передач и документальных фильмов – «Подлинная история русской революции», «Загадки века. Почему Сталин пощадил Гитлера», «Вторая мировая. Великая Отечественная. Неизвестный Гитлер. Личный доклад для Сталина», «Я служил в охране Сталина», «Похороны Сталина» являются отражением запроса аудитории, проявляющей интерес к альтернативным и, возможно, даже сенсационным трактовкам прошлого. Интересно, что памятники В.И. Ленину в контексте их сохранения упоминаются в газетах на протяжении всего исследуемого периода, а вот периодические упоминания возможности установки монументов И.В. Сталину появляются только в 2010-е гг. Наконец, нельзя не упомянуть про рубрику «Анекдоты», в которой регулярно появляется имя Ильича. Причем практически всегда эти анекдоты (довольно фривольного содержания) публиковались в апрельских номерах, наряду с другими материалами, приуроченными к очередной годовщине со дня рождения вождя мирового пролетариата: «“Учиться, учиться и еще раз учиться" – надпись Ленина на томике Кама-сутры, подаренном

[10] *Гришин А., Голованов Р.* Почему Сталин начал террор и были ли у вождя двойники // Комсомольская правда. 2019. 19–26 дек.

Инессе Арманд»[11] или «Владимир Ильич Ленин не просто так лежит в Мавзолее. Он ждет своего принца»[12].

Кратко остановимся на характеристике самих изданий. Самое большое количество упоминаний В.И. Ленина и И.В. Сталина было обнаружено в номерах газеты «Аргументы и факты» (139 упоминаний – 50 % от всего количества), в «Московском комсомольце» – 83 упоминания (29,8 %), в «Комсомольской правде» – 56 (20,2 %). При этом различается характер этих упоминаний. В «Московском комсомольце» и «Комсомольской правде» часто печатались большие материалы, посвященные политикам. Практически в каждом проанализированном номере «МК» и «Комсомолки» за апрель имя В.И. Ленина было на обложке. Номер «Московского комсомольца» от 22 апреля 1996 г. вообще полностью копирует газету, изданную в советские годы. Материалы номера стилизованы под советские и изобилуют штампами прошлых лет. На первой странице этого номера размещен крупный портрет В.И. Ленина и статья с названием «Самый человечный». Приведем названия некоторых рубрик и статей из этого номера: «Посевная-96», «На трудовой вахте», «Наш старший товарищ-коммунист» (интервью с Е.К. Лигачевым), «Наша лениниана», «Разнузданный шабаш во дворце молодежи», «Аморальная дочь французского президента». В конце номера, в заметке с названием «Советы тем, кто будет (не дай Бог) писать и читать безальтернативную коммунистическую прессу», редакция дает пояснения по поводу содержания номера: «Сегодняшний номер «МК» сделан как раз по образу и подобию ленинского номера двадцатилетней давности. Только рассказывает он о дне сегодняшнем. И ничего здесь нет выдуманного. Все правда. Только написано под определенным углом зрения. <…> Почитайте. Вспомните. Прислушайтесь к нашим советам, советам бывалых людей – читать такое совсем не просто»[13].

Подводя итог нашему краткому обзору постсоветской прессы, отметим, что этот чрезвычайно важный источник конструирования представлений о прошлом остается до сих пор малоизученным.

[11] Анекдоты // Аргументы и факты. 2004. Апр.

[12] Горячая пятерка анекдотов МК // Московский комсомолец. 2015. 18–24 дек.

[13] Советы тем, кто будет (не дай Бог) писать и читать безальтернативную коммунистическую прессу // Московский комсомолец. 1996. 22 апр.

При этом именно периодическая печать на протяжении долгих лет была отражением общественных настроений и частично транслировала государственный заказ на формирование образа прошлого. Если же говорить об особенностях репрезентации В.И. Ленина и И.В. Сталина, то прежде всего нужно отметить главное отличие в интерпретации их образов на страницах популярных газет. В.И. Ленин предстает в них персонажем относительно далекого прошлого, его образ, создаваемый журналистами, зачастую комичен. С И.В. Сталиным ситуация противоположная. Он в периодике предстает жестким руководителем, а отсылки к его имени зачастую встречаются в статьях о современных событиях. Можно также с уверенностью говорить о том, что традиционная периодическая печать постепенно перестает быть самостоятельным источником информации и становится частью куда более востребованных у читателей сетевых СМИ.

История международных отношений и военного дела

Т.Е. Белоруссова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Предпосылки политических союзов между латинянами и греками Пелопоннеса на рубеже XIII–XIV веков

Статья посвящена проблеме греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе в конце XIII – начале XIV в. Опираясь на данные Морейской хроники, византийского и латинского актового материала, автор рассматривает, какие события в греко-латинских взаимоотношениях создали предпосылки для совместных военных действий, и анализирует динамику их политического взаимодействия на рубеже XIII–XIV вв. Делается вывод, что предшествующие соглашения, установление дипломатических контактов и заключение продолжительного перемирия в конце XIII в. сделали возможным военное сотрудничество в условиях внешней угрозы начала XIV в. В свою очередь, ситуативное сотрудничество заложило основу для дальнейшего изменения механизмов политического взаимодействия византийской Мореи и Ахейского княжества.

Ключевые слова: Поздняя Византия, Латинская Романия, Пелопоннес, Морея, Ахейское княжество, Морейская хроника, греко-латинское взаимодействие, греко-латинское сотрудничество

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

События 1204 г. ознаменовали резкие перемены в жизни всего Восточного Средиземноморья. В частности, вторжение участников Четвертого крестового похода (1202–1204) на византийский полуостров Пелопоннес привело к длительному сосуществованию в этом

регионе завоевателей и завоеванных. После «византийской реставрации» 1262 г. и в ходе второй половины XIII в. их отношения претерпели значительные изменения, несмотря на сохранение территориальных претензий друг к другу и очевидные социокультурные различия. Не сумев одержать решительной победы над соседями, противники были вынуждены идти на взаимные уступки и искать пути мирного сосуществования и сотрудничества друг с другом в этом регионе цивилизационного пограничья.

К истории позднесредневекового Пелопоннеса как к территории взаимодействия двух культур неоднократно обращались многие исследователи. Прежде всего их интересовали аспекты исторического развития двух государственных образований, возникших на полуострове после 1204 г., – Ахейского княжества франков[1] и византийской Мореи (позднее – Морейского деспотата)[2]. Проблемы греко-латинских конфликтов и контактов в Морее находили отражение в исследованиях ряда историков, в первую очередь, в политическом и социокультурном ключе[3], однако вопрос предпосылок складывания политических союзов латинян и византийцев Пелопоннеса отдельно в историографии не поднимался.

В первую очередь остановимся на тех сведениях, которые отражают характер греко-латинских взаимоотношений в конце XIII в. В 1289 г. благодаря женитьбе на наследнице ахейского князя правителем Ахайи стал супруг Изабеллы Виллардуэн Флорис д’Эно (1289–1297). У франкских территорий Пелопоннеса появился шанс на стабилизацию и новый рассвет, поскольку после смерти князя Гийома II Виллардуэна (1246–1278) в 1278 г. правитель (анжуйский сюзерен) не

---

[1] См.: *Bon A.* La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d’Achaïe (1205–1430). Paris, 1969. 746 p.; *Topping P*. The Morea (1311–1364) // A History of the Crusades / ed. K.M. Setton, H.W. Hazzard. Madison; Wisconsin, 1975. Vol. 3. The Fourteen and Fifteen Centuries. P. 104–140.

[2] См.: *Zakythinos D.A.* Le Despotat Grec de Morée. Paris, 1932. Vol. 1. 334 p.; *Necipoglu N.* Byzantium Between the Ottomans and the Latins. Cambridge, 2009. 374 p.

[3] См.: *Jacoby D.* The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade // The American Historical Review. 1973. Vol. 78, № 4. P. 783–906; *Ilieva A.* Frankish Morea 1205–1262. Socio-cultural Interaction Between the Franks and Local Population. Athens, 1991. 309 p.; *Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. London; New York, 1995. 414 p.

присутствовал лично в Морее, действуя через своих наместников. Теперь же Ахайей вновь управлял человек, находившийся непосредственно на территории княжества, а также связанный брачными узами с прямой наследницей Виллардуэна[4]. Согласно Морейской хронике, совет баронов Ахайи единогласно предложил новому князю заключить мир с византийцами, поскольку, как сообщает источник, «страна была разорена… длительной войной с василевсом», ведь «даже самые лучшие земли, которые есть в мире, война… разрушает и полностью опустошает»[5]. Приведенная цитата недвусмысленно говорит о том, что политические отношения франков и греков в этот период были крайне непредсказуемыми, и время от времени их неразрешенный конфликт переходил в активную фазу, но ресурсы франков были исчерпаны.

Флорис д'Эно, стремившийся привести в порядок внутренние дела княжества, осознавал необходимость прочного мира с византийцами. В 1289 г. он направил своих послов к наместнику императора в Мистру с просьбой о заключения мира. Время на восстановление требовалось и грекам, истощенным тремя десятилетиями войны. Византийский наместник охотно откликнулся на предложение князя. Однако в силу того, что срок его службы подходил к концу[6], он рекомендовал посланникам обратиться напрямую к императору для ратификации «перемирия на столько лет, сколько потребуется…чтобы их народ, ромеи и франки, могли отдохнуть [от войны. – *Т. Б.*] и жить в мире»[7]. Наместник также предложил «для благополучия страны известить об [этом предложении. – *Т.Б.*] своего господина василевса», отправив посланника в Константинополь[8]. Император Андроник II

---

[4] *Bon A.* La Morée Franque… P. 164.

[5] The Chronicle of Morea, Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως: A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century / ed. by J. Schmit. London, 1904. P. 562. 8680–8686.

[6] Византийские наместники (кефалы, от греч. κεφαλή – «глава») назначались из Константинополя в Мистру со сроком на один год, из-за чего каждый новый кефал стоял перед выбором, как выстраивать свою политику в отношении франкских соседей. См.: *Медведев И.П.* Мистра: очерки истории и культуры поздневизантийского города. СПб., 1973. С. 24.

[7] The Chronicle of Morea… P. 564. 8703–8706.

[8] Ibid. P. 564. 8695–8701.

(1282–1328), обеспокоенный в этот момент войной с Болгарией и Эпиром, также с энтузиазмом воспринял возможность заключить длительное перемирие с франками Пелопоннеса[9]. Следующим наместником в Морею был отправлен придворный Филантропин. Местом проведения переговоров была избрана княжеская резиденция в Андравиде, куда князь пригласил наместника, письменно гарантировав ему и сопровождавшим его людям безопасность. В Андравиде Флорис и Филантропин в присутствии франкских баронов и греческих архонтов поочередно принесли клятвы хранить мир в Морее[10]. Это первый известный нам акт официальных дипломатических переговоров между греками и франками Пелопоннеса, который состоялся в резиденции ахейского князя и которому не предшествовали активные военные действия. Отметим, что для закрепления этого мира был необходим хрисовул (от греч. Χρυσόβουλλον – особый указ византийского императора, скрепленный золотой печатью), подтверждавший мирное соглашение князя и действующего византийского кефала. Филантропин предложил Флорису отправить двух рыцарей в сопровождении двух византийских аристократов в Константинополь, чтобы заручиться согласием императора и скрепить их соглашение хрисовулом[11]. Таким образом, речь уже шла о совместном визите франков и ромеев Пелопоннеса в Константинополь, а также налицо была обоюдная заинтересованность в мире с соседями.

Князь поручил это посольство великому коннетаблю Жану II Шодерону и барону Аркадии Жоффруа д'Онуа, которым «были хорошо известны язык и обычаи греков»[12]. Со стороны ромеев с ними отправился сам Филантропин, благодаря чему, как сообщает хронист, им оказали хороший прием при дворе. Хронист также отмечает, что и для самого императора этот мир был очень желателен, поскольку «он нес большие расходы на армии, которые посылал в Морею для войн с франками»[13]. Следовательно, в эти годы Морея регулярно под-

[9] *Bon A.* La Morée franque… P. 165–166.
[10] The Chronicle of Morea… P. 566. 8721–8730.
[11] Ibid. P. 566. 8741–8745; Chronique de Morée (1204–1305): livre de la conqueste de la princée de l'Amorée / publ. par J. Longnon. Paris, 1911. P. 240. 599–604.
[12] Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conqueste… P. 279. 702.
[13] The Chronicle of Morea… P. 568. 8756–8768.

держивалась ресурсами из Константинополя. Итог мирных переговоров был отражен в хрисовуле Андроника II от 1289 г., согласно которому каждая из сторон сохраняла принадлежавшие ей территории на необходимое для восстановления время[14]. Достигнутое соглашение дало населению Пелопоннеса возможность восполнить принесенные долгой войной потери и активизировало мирные контакты латинян с греками. Можно резюмировать, что с заключением длительного греко-латинского перемирия их политические взаимоотношения вышли на новый дипломатический уровень, который предполагал мирную политическую коммуникацию.

После смерти в январе 1297 г. князя Ахайи Флориса д'Эно взаимоотношения между греками и франками ухудшились. О греко-латинских столкновениях в последние годы XIII в. известно мало, поскольку автор Морейской хроники, основного источника об истории Пелопоннеса XIII – начала XIV в., не уделяет этому особого внимания[15]. Однако княгиня Изабелла в это время сочла необходимым построить крепость на севере Мессении, которая должна была защищать Аркадию и Наварино от посягательств греков Мистры и Гардики[16]. Это косвенно подтверждает, что ситуация на Пелопоннесе во взаимоотношениях греков и франков не была спокойной. В апреле 1300 г. верховный сюзерен Ахайи Карл II приказал капитану Романии объединиться с княгиней Изабеллой для совместной защиты, а также соблюдать перемирие, которое она могла бы заключить с императором Андроником II Палеологом[17]. Определенная угроза со стороны Мистры, по-видимому, присутствовала. Следовательно, к концу XIII в. власти Ахейского княжества в отношениях с греческими соседями сосредоточились на обороне территорий.

В политических взаимоотношениях греков и франков в начале XIV в. не было стабильности. Французская версия Морейской хроники сообщает, что при объявлении о помолвке овдовевшей Изабеллы

[14] *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. München; Berlin, 1960. T. 4: Regesten von 1282–1341. P. 14–15. № 2138.

[15] *Bon A.* La Morée franque… P. 171.

[16] Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conqueste… P. 328–329. 830.

[17] Actes relatifs a la Principauté de Morée 1289–1300 / publiés par C. Perrat, J. Longnon. Paris, 1967. P. 19.

Виллардуэн с Филиппом Савойским в 1300 г. латиняне возлагали надежды на то, что этот союз позволит укрепить княжество и «вернуть наследство Виллардуэнов из рук греков»[18]. 25 февраля 1301 г. сюзерен княжества Карл II подписал свое разрешение на этот брак[19]. Папа Климент V (1305–1314) в своих письмах примерно в то же время сетовал, что «большая часть Ахайи пребывает в руках ромеев» и призывал оказывать поддержку ее князю для возвращения утраченных земель княжества[20]. Однако в начале XIV в. греко-латинское население Мореи более беспокоила опасность, которую представляли собой каталонские наемники, обосновавшиеся на Балканах. Еще с конца XIII в. отряды каталонского адмирала Рожера де Лауриа неоднократно совершали набеги на прибрежные территории Пелопоннеса. В 1292 г. от их рук пострадали франкские Патры, разграбленные каталонцами перед их отплытием с Пелопоннеса[21]. Хронист и участник каталонской экспедиции Рамон Мунтанер отмечал нехватку у франков людей для защиты Мореи[22], что соотносится со сведениями об истощении ресурсов франков и греков из-за длительной войны друг с другом. В Константинополе также прекрасно осознавали рискованность сложившейся на полуострове ситуации. В 1309–1310 гг. император разослал письма в византийскую Морею и юго-западную Грецию, в которых просил мужское население вооружиться и выступить против каталонцев в Фессалии, обещав взамен освобождение от уплаты налогов[23]. В это время каталонцы, получив отказ афинского герцога Готье II (1308–1311) в просьбе обосноваться в его землях, приняли решение сражаться за возможность обрести собственные феоды в Греции. Зимой 1310 г. Готье II разослал по всей франкской Греции

[18] Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conqueste… P. 336–337. 850.

[19] *Guérin M.* Les dames de la Morée franque (XIIIe–XVe siècle): Représentation, rôle et pouvoir des femmes de l'élite latine en Grèce médiévale / Thèse de doctorat. Histoire. Paris, 2014. P. 485.

[20] *Miller W.* The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece (1204–1566). NY, 1908. P. 208.

[21] *Bon A.* La Morée franque… P. 167.

[22] *Ramon Muntaner*. Chronicle / transl. by Lady Goodenough. Cambridge; Ontario, 2000. CLIX. P. 327–328.

[23] *Laiou A.E.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge; Massachusetts, 1972. P. 227–228.

призыв о помощи против каталонцев. В числе откликнувшихся был маршал Ахейского княжества Тома III Салонский и другие вассалы анжуйцев на Пелопоннесе[24]. В марте 1311 г. численно превосходившее воинство франков выступило против новых претендентов на земли, где предки франков осели более века назад. Конные тяжеловооруженные рыцари были наголову разбиты каталонцами. Почти весь цвет морейского рыцарства, выступивший в поход с одобрения далекого сюзерена, пал в этой битве[25]. Это сражение повлекло за собой серьезные последствия – немногочисленное франкское население Пелопоннеса сократилось.

События тех лет вынудили ахейскую элиту осознать необходимость совместной борьбы с греками Мистры за благополучие их земель. Византийцы в этот период находились в бесспорно более выгодном положении. Во многом это было обусловлено решением императора изменить способ управления этой провинцией, назначая своего наместника на продолжительный срок, а не на один год, как это делалось прежде[26]. Византийская Морея стала одной из более или менее автономных местных административных единиц империи, в которых внешнеполитические решения могли приниматься независимо от решений центрального правительства в Константинополе[27]. В противовес регулярно сменявшимся франкским князьям и их наместникам (бальи), часто не принадлежавшим к старой морейской знати, этот шаг привел к укреплению греческих позиций на Пелопоннесе[28].

В Ахейском княжестве, напротив, борьба наследниц князя Гийома II за власть привела к прямой угрозе каталонского вторжения: в 1315 г. в Ахайю вторгся инфант Майорки Фернандо – муж Изабеллы, младшей внучки князя, претендовавшей на наследные земли в княжестве. Инфанта в этой кампании поддерживали каталонские наемники. Нобилитет княжества же поддержал старшую внучку князя Матильду д’Эно и ее мужа Людовика Бургундского. Людовик, заручившийся

[24] *Miller W.* The Latins in the Levant… P. 225.
[25] The Chronicle of Morea… P. 472. 7275–7284.
[26] *Runciman S.* Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese. London, 1980. P. 50–51.
[27] *Necipoglu N.* Byzantium Between the Ottomans and the Latins. Cambridge, 2009. P. 22.
[28] *Runciman S.* Mistra… P. 49.

венецианской поддержкой, прибыл на Пелопоннес, когда его люди терпели поражение от войск инфанта. Фернандо, узнав о прибытии соперника на Пелопоннес, запросил поддержку с Майорки, а также из Афин, где недавно утвердились каталонцы. Согласно арагонской версии хроники, он просил наемников «явиться в Морею и помочь ему в восстановлении княжества – наследия его жены, и ему ответили согласием»[29]. Так с подачи Фернандо франкская часть Пелопоннеса оказалась перед угрозой каталонского вторжения. Сами каталонцы Афин в первые годы не располагали средствами для осады крепостей[30], однако опасность, исходившую от этих наемников, было сложно недооценить.

Принимая во внимание серьезность положения, ахейские бароны рекомендовали князю обратиться за помощью к наместнику императора в Мистре. Это был первый случай в истории греко-латинских отношений на Пелопоннесе, когда латиняне в условиях войны рассматривали в качестве союзников именно византийцев. Сведения о переговорах с греками сохранились в арагонской версии Морейской хроники[31], а также в письме королю Арагона от 5 мая 1316 г., в котором сообщается об успехах инфанта в Морее[32]. Людовик прислушался к местной знати и направил в Лакедемонию послов для переговоров с греками. Согласно хронике, наместник собрал «две тысячи воинов, конных и пеших, для помощи князю»[33]. Такое подкрепление обеспечило франкам численное преимущество перед противником. Не исключено, что военной поддержке греками франков, помимо очевидной каталонской угрозы, способствовали определенные контакты византийского наместника с баронами. Греки, к тому же, также осознавали, что в лице каталонцев они могут получить более свирепого врага, чем переживавшее не лучшие времена франкское княжество. В июле 1316 г. на равнине Элиды произошло решающее сражение, в котором

[29] Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publ. et trad. par A. Morel-Fatio. Genève, 1885. P. 132. 602.

[30] *Jacoby D.* La «Compagnie catalane» et l'Etat catalan de Grèce: quelques aspects de leur histoire // Journal des Savants. 1966. № 2. P. 96.

[31] Libro de los Féchos… P. 133. 608.

[32] *Zakythinos D.* A. Le Despotat Grec de Morée. Paris, 1932. Vol. 1. P. 70.

[33] Libro de los Féchos… P. 133–135. 608–610.

франко-греческие силы одержали решительную победу. Хронист уделяет особое внимание тому, что у князя в ходе преследования войска инфанта была налажена коммуникация с греческими отрядами, а в самой битве франки и греки сражались бок о бок[34]. Таким образом, именно совместными усилиями франки и греки смогли уберечь Пелопоннес от каталонской экспансии.

Этот кратковременный союз не изменил общие принципы греко-латинских взаимоотношений на Пелопоннесе. Выступление в союзе с франками против иноземцев обезопасило византийцев от утверждения наемников на полуострове, а также дало возможность впоследствии захватить территории ослабленного этой войной княжества. Тем не менее, обоюдное согласие греков и франков действовать сообща создало прецедент в истории греко-латинских взаимоотношений, допускавший военно-политические союзы прежде непримиримых соседей. Следовательно, применительно к началу XIV в. можно говорить о складывании несколько иной модели в их политическом взаимодействии и относительном сближении греко-латинского населения Пелопоннеса. Этому, в частности, способствовали успехи в политической коммуникации конца XIII в., выразившиеся в установлении дипломатических контактов и опыте длительного перемирия, память о котором, по всей видимости, была сильна в первые десятилетия XIV в.

[34] Libro de los Féchos… P. 134. 612; P. 135. 613.

Б.Х. Кушхов

Институт Востоковедения РАН (Москва)

Политика русского царства по отношению к ойратам в первой половине XVII века: «divide et impera»?

Исследование посвящено русско-ойратским отношениям первой половины XVII в. на предмет применимости в них принципа «разделяй и властвуй». В работе подвергаются анализу проблема закономерностей существования конфликтных и конструктивных периодов в двустороннем взаимодействии русских и ойратов. При разработке темы использовались письма сибирских воевод русскому царю, рекомендации и распоряжения царя по вопросам освоения Сибири в первой половине XVII в., а также письма русских послов и купцов, затрагивающие русско-ойратские отношения. Делается вывод о неприменимости принципа «разделяй и властвуй» в ойратской политике России и формируются пределы его применимости в освоении Сибири: наличие не более трёх акторов с разными этнополитическими идентичностями в системе взаимодействий и устойчивых межгосударственных отношений между ними.

Ключевые слова: ойраты, Русское царство, остроги, Сибирь, кочевники, набеги, торговля, ханы.

Взаимодействие русского царства с кочевыми народами у своих южных рубежей является одной из главных тем, способных объяснить как исторические особенности вхождения этих народов (в частности, калмыков) в состав растущего в южном и восточном направлении русского государства, так и закономерности процесса освоения Южной Сибири.

Тема представляется актуальной по двум основным причинам. Во-первых, современная историческая традиция нуждается в формировании научного и доказательного взгляда на взаимодействие царских властей с кочевыми народами, многие из которых позднее вошли в состав России. На данный момент значительная доля исследований

на данную тему проводится в национальных республиках РФ. В это же время в федеральных научных центрах им уделяется значительно меньшее внимание. Исследование данного процесса в общероссийских научных командах позволило бы избежать националистических интерпретаций связанных с ними событий и поспособствовать утверждению научного взгляда на историю вхождения в состав России кочевых этносов. Вторая причина актуальности – важность данного вопроса для объяснения самого процесса освоения Сибири; в особенности понимание закономерностей взаимодействия русского царя с ханами позволит лучше понимать приоритеты русского царства в Сибири, узнать о неочевидных целях данного мероприятия, а также экстраполировать этот опыт на скудные сведения о подобных взаимодействиях с менее крупными кочевыми народами и племенами Южной и Восточной Сибири.

Историография русско-ойратских сношений достаточна обширна. К ней можно отнести монографии В.Т. Тепкеева[1], Ш.Б. Чимитдоржиева[2], а также исторические хроники, в частности, калмыцкую летопись XVIII в. «Сказание об ойратах» за авторством Габун-Шарапа[3]. С точки зрения формационной теории данные русско-ойратские отношения пытался объяснить Б.Я. Владимирцов в своей всемирно известной работе «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм»[4]. Большое количество статей было написано по отдельным аспектам данной проблемы: к примеру, статья Г.Н. Романовой «Становление российско-китайских торговых связей XVII – первая четверть XVIII в.»[5], в которой уделяется внимание вопросу торгового транзита в русско-ойратских и русско-халхасских взаимоотношениях, а статья А.В. Цюрюмова «Русско-калмыцкие

[1] *Тепкеев В.Т.* Ойраты в начале XVII века. Элиста, 2015. 198 с.

[2] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. Москва, 1978. 216 с.

[3] Габун-Шарап Сказание об ойратах. Калмыцкая летопись. Перевод с калмыцкого языка. Санкт-Петербург, 1737. 42 с.

[4] *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм Ленинград, 1934. 224 с.

[5] *Романова Г.Н.* Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII вв.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (67). С. 105–109.

отношения во второй четверти XVII в.» посвящена сношениям калмыцких ханов с русским царём. Тем не менее, попытки объяснить именно закономерности двусторонних отношений, основываясь на современных научных парадигмах и на первичных и ненамеренных исторических источниках (на письмах сибирских воевод царю), достаточно малочисленны. Ликвидировать этот имеющийся в научных знаниях пробел и призвано данное исследование.

Многим великим деятелям истории приписывают высказывание «Разделяй и властвуй». Многочисленные экспансионистские проекты в Евразии Средневековья и Нового времени действительно опирались на этот принцип. Однако русско-ойратские отношения в первой половине XVII в. показали неприменимость этого принципа к выстраиванию конструктивных отношений с ойратами – монголоязычным кочевым народом, проживавшим в то время между Южной Сибирью и монгольским Алтаем. Исследование динамики двусторонних отношений показало, что консолидация ойратов вокруг сильного хана, наоборот, способствовала удовлетворению русских интересов в регионе, к которым вполне справедливо можно относить следующие:

– безопасность южных рубежей от набегов кочевников;

– возможность торгового транзита через земли кочевников в Китай и Среднюю Азию;

– обеспечение торговли с самими кочевниками (в силу потребности в лошадях и пушнине);

– сохранение большого количества данников среди малых народов Южной Сибири.

Первая часть исследования будет посвящена реконструкции двух ситуаций в русско-ойратских отношениях, соотнесение которых покажет факт неприемлемости руководствования принципом «разделяй и властвуй» для обеспечения интересов русского царства в регионе и проиллюстрирует успехи России в её ойратской политике после 1630-х годов, когда царство оказывало поддержку возвышающемуся в кочевой среде хану из семьи Чорос. Вторая часть будет посвящена объяснению причин подобной «аномалии» и формулировке некоторых ключевых закономерностей русско-ойратских

отношений того времени, напрямую проистекающих из анализа, проведённого в первой части.

Для проведения сравнительного анализа с целью выявить степень применимости принципа «разделяй и властвуй» на кочевниках Южной Сибири необходимо выделить в русско-ойратских взаимодействиях первой половины XVII в. две исторические модели-ситуации. Первая – ситуация разобщённости кочевников и наличия множества ханов, не подчиняющихся друг другу – хронологически, период с 1626 г. и до середины 1630-х годов. Вторая – период возвышения и, позже, доминирования хана Батура-Хунтайджи в ойратской политической среде – хронологически, период с середины 1630-х годов до 1654 г.

В первой исторической ситуации интересы России в регионе находились под постоянной угрозой: так, в этот период имел место ряд нападений ойратов всех четырёх улусов на русские остроги[6], а также ряд набегов со стороны одного из улусных лидеров ойратов – тайши Чокура на Яицкие поселения казаков в 1629–1630 гг.[7], который был вытеснен на Запад в результате междоусобной борьбы с другими ойратскими вождями. Письма местных воевод русскому царю свидетельствуют об агрессии множества ойратских тайши в 1628 г.[8], фиксируют нападения ойратов на волости Тарского уезда (1631)[9], сообщают об упадке солевого промысла в Ямышеве из-за угрозы нападения ойратского тайши Куйши (1634)[10]. В эти же годы сообщается о наличии препятствий со стороны ойратов, кочующих южнее Тобольска, торговле со среднеазиатскими государствами[11], а также об упадке транзитных торговых маршрутов через земли ойратов в то время: в письмах воевод с 1631 по 1635 гг. доминирует тематика взаимодей-

---

[6] *Пузанов В.Д.* Русско-ойратские отношения на Юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского Государственного Университета. 2010. №2 (76). С. 67.

[7] *Тепкеев В.Т.* Ойраты в начале XVII века… С. 166.

[8] *Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И.* Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. Москва, 1959. Документ № 72.

[9] Там же. Документ № 85.

[10] Там же. Документ № 107.

[11] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. … С. 29.

ствия русских властей с государством Алтан-Ханов[12], а не с ойратами, а основной темой в отношениях с этим восточным соседом ойратов стали, в частности, вопросы торгового транзита. Это говорит не только о деградации политического диалога между русскими и ойратами, но и о кризисе торговых путей через ойратские территории. Таким образом, налицо состояние полной неуправляемости и непредсказуемости двусторонних отношений, равно как и неспособность России обеспечить свои интересы в регионе на данном этапе.

Второй этап связан с возвышением в ойратской среде Батура-Хунтайджи из рода Чорос. Времена наличия у ойратов сильного правителя, способного навязать свою политическую волю малым ханам и тайши, оказались куда более благоприятными для обеспечения российских потребностей на Юге Сибири: в это время не было зафиксировано ни одного полномасштабного набега кочевников на русские остроги, наблюдается устойчивое сохранение статус-кво в отношениях (ни один двусторонний договор с Россией ойраты не нарушили), а источники повествуют о подъёме в торговле с кочевыми народами – «Расспросные речи об ойратской торговле» за 1636 г. подтверждают регулярные приезды ойратских торговцев и невысокие цены за предлагаемые ими товары[13]. Применительно к новому «статусу-кво» можно упомянуть такие определившие его документы, как передача соляных копий Батуром-Хунтайджи русским властям, а также его запрет остальным ойратам нападать на русские остроги и промыслы[14]. В вопросе о так называемых «двоеданцах» Россия также смогла добиться большего – Батур-Хунтайджи, хотя и не отказывался от своих данников, всё же не был склонен требовать у России отказа от них. Наличие разнообразных сведений о буквально ежегодных посольствах обеих сторон в данный хронологический период[15] также

[12] Государство Алтан-ханов – кочевое государственное образование, возникшее на рубеже XVI – XVII вв. восточнее ойратов. Возглавлялось ханами одной из младших ветвей «Золотого рода» Чингисхана. Отличалось особой враждебностью в адрес ойратов и тесными торговыми связями с Китаем.

[13] *Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И.* Русско-монгольские отношения 1607–1636… Документ № 11.

[14] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. … С. 40.

[15] *Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И.* Русско-монгольские отношения 1607–1636… Документы № 40, 64, 111, 112.

свидетельствует об установлении устойчивого и взаимовыгодного партнёрства между русскими и ойратами.

Таким образом, в данной исторической ситуации, то есть в условиях достаточно высокой степени консолидации ойратов, Россия смогла обеспечить безопасность своих рубежей, восстановить и нормализовать торговлю как с самими кочевниками, так и с купцами из Средней Азии и Китая, добиться сохранения за собой большей части своих южносибирских данников и нарастить число своих промыслов на подаренных землях ойратского тайши.

Исследование и сопоставление этих двух исторических ситуаций показывает прямую зависимость между консолидацией ойратов и способностью России обеспечить свои интересы в регионе. Следовательно, принцип «не разделяй и властвуй» оказался в конкретной исторической обстановке куда более эффективным и уместным, нежели антонимичный ему «divide et impera». В России смогли в нужное время осознать этот факт, и с начала 1630-х годов царство стало оказывать поддержку Батуру-Хунтайджи в его возвышении: он первым из всех тайши получил от России право на беспошлинную торговлю[16], а его ставка ещё до 1636 г. стала главным пунктом назначения русских посольств и миссий. Поддержка нового правителя ойратов не закончилась и после его окончательного возвышения: так, в вопросе о «двоеданцах» Россия пошла ему на уступку в вопросе о киргизах[17] и барабинских татарах[18].

Из первой части исследования факт неуместности принципа «разделяй и властвуй» в русско-ойратских отношениях представляется очевидным. Тем не менее, он не обладает научно-исторической ценностью без объяснения причин тех самых явлений, описанных выше. Исторический анализ позволяет выделить следующие причины существования подобных закономерностей:

Сильный правитель в среде ойратов был условием для обеспечения русских интересов потому, что с большим количеством ойратских вождей было практически невозможно установить политические

[16] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. … С. 45.
[17] Там же. С. 53.
[18] *Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И.* Русско-монгольские отношения 1607–1636… Документ № 9.

отношения, а, следовательно, и добиться закрепления своих региональных интересов. Договоры с отдельными тайши распространялись только на их собственных людей, которые могли постоянно перекочевывать к другим «владыкам»[19], а взятые ими обязательства не распространялись на их преемников в условиях отсутствия устойчивого института «престолонаследия»[20].

Крупные правители в ойратской среде имели большие внешнеполитические амбиции. Как правило, они были обращены в сторону других кочевых этносов. К примеру, Батур-Хунтайджи враждовал с Алтан-Ханом и искал поддержки у России для начала похода против него[21]. Следовательно, он был готов на значительные уступки в адрес России и был готов уважать её региональные интересы.

Вопрос о «двоеданниках» не поднимался Батуром-Хунтайджи[22] потому, что доступ к дани отдельных малых народов не был для него вопросом выживания в междоусобной войне, каким он являлся для малых правителей. Поэтому конфронтация по этому вопросу сменилась на конструктивный диалог по мере его возвышения.

Не менее значительную роль в формировании подобных закономерностей сыграла общая внутриполитическая стабильность в стане ойратов при наличии сильного правителя. В условиях междоусобной анархии многие малые тайши покидали территорию проживания ойратов и уходили на Север или на Запад, вступая в конфликты с русскими воеводами или с казаками. В этой связи можно вспомнить опыт тайши Чокура, который потерпел поражение от тайши Байбагаса в 1626 г. и ушёл на Запад, где чинил неприятности сначала астраханской администрации[23], а потом и уральским казакам[24]. Это осложняло положение России в регионе.

Таким образом, фундаментальный принцип «разделяй и властвуй» показал свою полную несостоятельность применимо к русско-ойрат-

---

[19] *Тепкеев В.Т.* Ойраты в начале XVII века… С. 72.

[20] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. … С. 37.

[21] Там же. С. 40.

[22] *Кушнерик Р.А.* Российско-джунгарские дипломатические отношения: дисс. канд. ист. наук. Барнаул , 2006. С. 138.

[23] *Тепкеев В.Т.* Ойраты в начале XVII века… С. 151.

[24] Там же. С. 166.

ским отношениям первой половины XVII в. Сильный правитель в ойратской среде был неизбежно склонен к «симбиозу» с местной администрацией Русского царства, а также был тем самым фактором, способствовавшим укреплению статуса-кво в отношениях двух народов, без которого обеспечение интересов России в Южной Сибири не представлялось возможным. Междоусобные противостояния среди ойратов же, наоборот, вредили русским позициям в регионе. Тем не менее, данный принцип исправно работал в более широком контексте – к примеру, в системе взаимодействий России с ойратами и государством Алтан-Ханов, в рамках которой Россия давала двум правителям обещания выступить на их стороне в случае конфликта между ними и тем самым максимизировала обеспечение ими своих интересов в регионе. Сопоставление закономерностей, полученных при рассмотрении разных ситуаций в русско-ойратских отношениях и в системе отношений Россия-Ойраты-Государство Алтан-ханов, говорит о том, что главными факторами, делающими принцип «Разделяй и властвуй» неуместным и нефункциональным в условиях Южной и Восточной Сибири XVII в., являются множественность акторов (когда их больше трёх и все они обладают разными этнополитическими идентичностями) и наличие анархии (отсутствия устойчивых связей) во взаимоотношениях двух или более сторон.

Д.О. Манин

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Столкновение русской и французской дипломатии в Речи Посполитой в 1650–1660-х годов: особенности, перспективы, результаты

В работе рассмотрено одно из первых дипломатических столкновений России и Франции, произошедшее вокруг проблемы наследования польского престола в 1650–1660-х годах. Работа посвящена проблеме вхождения России в европейскую систему международных отношений во второй половине XVII в., т.к. противостояние способствовало изменению представлений стран друг о друге. Основой источниковой базы стали дипломатические документы из архива министерства иностранных дел Франции, статейные списки русских послов, а также были привлечены поступавшие в Посольский приказ переводные сведения из Курантов. В рамках работы сформулированы выводы о влиянии контактов между странами на формирование их представлений друг о друге, как в целом, так и в рамках их роли в системе международных отношений.

Ключевые слова: русско-французская дипломатия, Вестфальская система, А.Л. Ордин-Нащокин, Ян II Казимир, Дж. Мазарини.

Вместе с формированием Вестфальской системы международных отношений появился и вопрос о месте в ней Восточной Европы. К периоду 1650–1660-х годов одной из наиболее проблемных зон Европы была Речь Посполитая, находившаяся в кризисе в связи с неудачными для нее последствиями восстания Б. Хмельницкого, начального этапа русско-польской войны и вторжения шведского короля Карла X. В 1656 г. уже появляются первые планы раздела Речи Посполитой с участием Бранденбурга, Швеции и Трансильвании, вызывавшие опасения при французском дворе[1]. Все эти события

[1] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. Москва, 2008. С. 41; *Кобзарева Е.И.* Россия и Вестфальская система (1648–1686 годов) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2. С. 148.

поставили ряд вопросов об особенностях взаимодействия восточноевропейских государств в контексте сложившейся системы.

Целью представленной работы является реконструкция процесса взаимодействия между русской и французской дипломатией на территории Речи Посполитой во второй половине 1650-х – 1660-х годах. В историографии к этому вопросу обращались исследователи рубежа XIX и XX вв.: А.Н. Рамбо[2], П.В. Безобразов[3] и К. Валишевский[4]. Они установили большое число элементов взаимодействия, ориентируясь на выявление исторических фактов в русле господствовавшей позитивистской методологии. Изучение международного взаимодействия России раннего Нового времени актуализировалось со второй половины XX в., наиболее яркие работы с глубоким анализом дипломатии в Речи Посполитой представили З. Вуйчик[5] и Б.Н. Флоря[6], а взаимодействие французской дипломатии с польским обществом рассмотрено во множестве работ польских исследователей, особенно стоит выделить труды А. Мончака и М. Нагельского[7]. Тем не менее, основное внимание в большинстве представленных работ уделено русской или польской стороне, в то время как французская часто рассматривается в общих чертах, что затрудняет реконструкцию франко-русского взаимодействия в рамках решения проблемы польского престолонаследия. Актуальность исследованию придает обострение современных русско-французских отношений, препятствующее плодо-

[2] Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. Paris, 1888. T. V–VI. 344 p.

[3] *Безобразов П.В.* О сношениях России с Франциеи. М., 1892. 468 с.

[4] *Waliszewski K.* Polsko-francuskie stosunki w XVII wieku, 1644–1667. Opowiadania i źródła historyczne ze zbiorów archiwalnych francuskich publicznych i prywatnych. Kraków, 1889. 333 s.

[5] *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. 279 s.; Idem, Między Traktatem Andruszowskim a Wojna Turecka: Stosunki Polsko-Rosyjskie, 1667–1672. Warszawa, 1968. 324 s.

[6] *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. 656 с.; *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. 448 с.

[7] *Mączak A.* Rządzący i rządzeni. Władza i społeczeństwo w Europie wczesnonowożytnej. Warszawa, 1986. 268 s.; Nagielski M. Druga Wojna Domowa W Polsce: Z Dziejów Polityczno-Wojskowych Rzeczypospolitej U Schyłku Rządów Jana Kazimierza Wazy. Warszawa, 2011. 375 s.

творному взаимодействию, тогда как события XVII в. свидетельствуют о широких возможностях выхода из кризисных ситуаций через дипломатическое сотрудничество.

Внимание Франции к престолонаследию в Речи Посполитой проявилось в 1650-х годах, при жизни кардинала Мазарини, когда польская королева Мария Мантуйская предложила французской стороне проект династического брака[8]. В ответ кардинал предложил несколько кандидатур, среди которых был герцог Нейбургский (на которого в борьбе за польский престол во второй половине 1660-х гг. сделает ставку Людовик XIV), но королева и будущий коронный гетман Е. Любомирский выступали за герцога Энгиенского, сына победителя битвы при Рокруа 1643 г. принца Конде[9].

Появившаяся возможность избрания герцога Энгиенского на польский престол, казалось, возрождала для Франции идею Восточного барьера, запирая Империю Габсбургов между Францией и Речью Посполитой, но уже в 1660 г. французской стороне было очевидно, что оно повлечет за собой необходимость французского посредничества между поляками и русскими[10]. Для Речи Посполитой это избрание могло означать усиление королевской власти (т.к. закрепляло принцип «vivente rege» – избрания наследника престола при живом короле[11]), что и привело к последующим конфликтам со шляхтой, сгруппировавшейся вокруг коронного гетмана Е. Любомирского[12]. Поддержать королевский двор Речи Посполитой через введение французских войск Людовику XIV мешало присутствие сильного английского флота в Северном море (враждебного Франции во второй англо-голландской войне 1665–1667 гг.) и безрезультатность попыток заключить договоры о сухопутной переброске французских войск с северными немецкими государствами, даже несмотря на расширение

---

[8] От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб., 2015. С. 325.

[9] Recueil des instructions… P. XL–XLI.

[10] Recueil des instructions… P. XLII–XLIII; *Флоря Б.Н.* Русское государство… С. 632–635.

[11] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия… С. 44

[12] Там же. С. 43

состава профранцузской Рейнской лиги[13]. Таким образом, дальнейшее продвижение французских интересов при польском дворе должно было опираться исключительно на дипломатическую и финансовую поддержку Франции.

Несмотря на австро-французское дипломатическое соперничество, решение об избрании на польский престол герцога Энгиенского в 1660 г. было изначально поддержано австрийской дипломатией при условии его брака с сестрой императора. Представители Габсбургов видели в этом проекте возможность поставить точку в противостоянии с Францией, оформить трехстороннюю антитурецкую лигу, а также, в перспективе, способствовать заключению выгодного для Речи Посполитой мира с Москвой[14].

Для России новый этап Тринадцатилетней войны с Польшей, после перемирия 1656–1658 гг. на фоне противостояния со Швецией, был отмечен усилением войск Речи Посполитой и закономерно привел к патовой ситуации в противостоянии. Внешнеполитическое ведомство России и государственные деятели в целом искали пути к замирению на выгодных для России условиях, к процессу пытались подключиться и западноевропейские державы.

На современном этапе изучения источниковой базы можно лишь приблизительно судить о позиции разных политических деятелей России относительно европейских держав, в частности, относительно Франции, что затрудняет формулирование однозначных выводов. Для 1660-х годов наиболее подробно изучены представления А.Л. Ордина-Нащокина. Так, 15 октября 1660 г. ему, как наместнику ливонских городов, было отправлено письмо французского представителя при польском дворе А. де Люмбра с предложением о посредничестве короля Франции для заключения мира между Россией и Речью Посполитой, что соответствовало инструкциям де Люмбра, в которых подчеркивалось желание Людовика XIV заключить мир между Польшей и Москвой и способствовать освобождению из Москвы гетмана Гонсевского[15]. А.Л. Ордин-Нащокин высоко оценил перспективы

[13] *Nagielski M.* Druga Wojna… S. 44.
[14] Recueil des instructions… P. XLIII.
[15] Recueil des instructions… P. 34.

французского посредничества, о чем написал письмо царю[16]. При этом стоит отметить, что польский королевский двор рассматривал возможность избрания царевича для усиления королевской власти в Речи Посполитой, при условии принятия им католичества[17]. Часть литовской шляхты, в частности, род Пацев, до 1667 г. приближенная к профранцузской придворной партии, вела переговоры с представителями России о заключении перемирия на выгодных обеим сторонам условиях[18]. Наконец, к 1662 г. А.Л. Ордин-Нащокин предложил царю свою программу решения польского вопроса, где основой должен был стать русско-польский союз, подкрепленный избранием члена династии Романовых на престол Речи Посполитой[19]. В связи со спецификой такого избрания в идеальном варианте дипломат видел отсутствие французского и австрийского посредничества, которые могли воспротивиться такому сближению, однако запасным вариантом оставался союз с Францией: «надобно иметь союз с французом, спомогать ему таиным советом о Королевстве Польском, а чаять ево к тому делу в совет быть охотна»[20], т.е. альтернативой становился союз с Речью Посполитой через посредничество французов и их кандидата на польский трон. Отчасти эти предложения были приняты составителями наказа к львовскому посольству, где А.Л. Ордину-Нащокину предписывалось в переговорах действовать «через королеву (Марию Мантуйскую – прим. Д.М.), угрожая ей, делать через француза»[21].

В перспективе в 1660 г. для Москвы создавалась опасность объединения союзников вокруг Речи Посполитой и ослабления позиций на переговорах о мире и, тем более, о союзе, на который А.Л. Ордин-Нащокин надеялся[22]. Однако польская шляхта противилась усилению королевской власти в случае наследования престола французским принцем, а также из-за решения принца Конде стать кандидатом на престол вместо своего сына, в связи с чем Габсбурги сменили свою

---

[16] *Флоря Б.Н.* Русское государство… С. 631–632.
[17] Там же. С. 133.
[18] *Nagielski M.* Druga Wojna… S. 9, 55; *Флоря Б.Н.* Русское государство… С. 638.
[19] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 16.
[20] Там же. С. 17.
[21] Там же. С. 19.
[22] *Wójcik Z.* Między Traktatem Andruszowskim… S. 31–32.

позицию, сделав ставку на герцога Лотарингского[23]. Уже на сейме 1661 г. представители Империи выступали против французского принца[24]. Тем не менее, при французском дворе сохранялись надежды на то, что перемирие Речи Посполитой с Россией помешает Габсбургам силой навязать своего кандидата на польский престол[25], следовательно, и заинтересованность представителей Франции в посредничестве на русско-польских переговорах сохранялась.

Французским планам противодействовала дипломатия Габсбургов; так, австрийский дипломат А. Мейерберг описывал в Москве широкую антирусскую коалицию Польши и Швеции с поддержкой французских войск. Сведения Мейерберга вызывали опасения, но полной переориентации на Австрию не происходило: вопреки обещаниям, данным австрийскому дипломату в том, что царь не примет французского посредничества без уведомления императора, А.Л. Ордин-Нащокин вновь устанавливает контакт с А. де Люмбром. Однако де Люмбр к 1662 г. осознал незаинтересованность короля Яна Казимира в посредничестве и прекратил выступать с подобными предложениями, впрочем, напрямую не отказываясь от возможности посредничества Франции[26].

Более жесткую позицию занял новый французский резидент П. Де Бонзи, прибывший в Варшаву в 1664 г.[27], считавший, что перемирие с Россией снизит шансы избрания Конде польским королем, т.к. устранит восточную угрозу и необходимость ввода французских войск[28]. После этой переориентации французской дипломатии попытки договориться между сторонами заметно сократились. Зато в начале 1666 г. в Россию прибыл посланник от возглавлявшего рокош[29] коронного гетмана Е. Любомирского, который предлагал создание международной коалиции для противодействия избранию французского кандидата на польский трон. Отчасти эта программа повлияла на подготовку

[23] Recueil des instructions… P. XLIV.
[24] *Wójcik Z.* Między Traktatem Andruszowskim… S. 96.
[25] *Флоря Б.Н.* Русское государство… С. 631.
[26] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 88, 89.
[27] Recueil des instructions… P. 52.
[28] *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski… S. 35.
[29] Восстание шляхты против короля, на которое та имела право при нарушении шляхетских прав и свобод (см. Nagielski M. Druga Wojna… S. 7–12).

посольств 1667–1668 гг., часть которых должна была привлечь внимание к проблеме престолонаследия в Польше, но на соглашения с мятежным гетманом русские правящие круги не пошли[30]. Тем не менее, наличие проекта Любомирского использовалось русской дипломатией при агитации шляхты против кандидатуры принца Конде[31].

Конфликтная ситуация была исчерпана после заключения в 1667 г. Андрусовского перемирия. Для осуществления масштабной политической программы нового руководителя Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина в 1667–1668 гг. были направлены посольства в европейские страны. Посольство к Людовику XIV вызвало интерес к России во Франции и даже временно ввело моду на русский стиль[32], ему посвящено несколько известий из Курантов[33], и оно попало на страницы Титулярника 1672 г., в отличие от более ранних дипломатических контактов. Однако несмотря на широкое освещение в историографии, его связь с событиями в Речи Посполитой часто остается непроясненной.

Формальным поводом к отправлению посольства П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева, как и прочих посольств 1667–1668 гг., было уведомление европейских государств о заключении между Речью Посполитой и Россией Андрусовского перемирия[34]. Грамота, подготовленная в Посольском приказе для французского короля, оценивала в положительном ключе предложение де Люмбра о посредничестве в 1660 г., но нового предложения французского посредничества для подготовки окончательного мирного договора не содержала[35].

На состоявшейся аудиенции с послами относительно польского вопроса Людовик XIV пожелал, чтобы Андрусовское перемирие пере-

---

[30] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 133; 137; 196.

[31] Там же. С. 153–154.

[32] *Берелович А., Назаров В.Д., Уваров П.Ю.* Как издавали записки Маржерета // Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. М., 2007. С. 22.

[33] Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009., С. 169, 289, 296, 306, 308, 309, 313–314.

[34] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 196.

[35] Arch. du ministere des affaires étrangères, Correspondence Politique, Russie. T. 01. Fol. 10–55. fol. 19; Статейный список П.И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 15, 227–318.

шло в продолжительный мир[36], а также выразил готовность вести дополнительные переговоры о делах, не указанных в царской грамоте, в случае их наличия в посольском наказе[37]. По всей видимости, дополнительные переговоры велись преимущественно по поводу торгового вопроса.

По завершении посольской миссии в полученной от Людовика XIV ответной грамоте король изъявлял желание установить вечный мир между Речью Посполитой и Россией[38], чем, по-видимому, и ограничилось обсуждение польского вопроса. О попытках уговорить Людовика XIV проявить благосклонность к избранию сына царя на польский престол[39], исходя из отчетной документации посольства и французских источников, утверждать нет оснований. К тому же послам удалось решить другую важную для русской дипломатии проблему – признание титула Алексея Михайловича во Франции, что было важным показателем как статуса России в Европе в целом, так и ее статуса в отношениях с Францией. Осуществилось становление новой традиции русско-французских отношений и формирование представления у французов об используемой царем титулатуре.

По возвращении послов А.Л. Ордину-Нащокину поступали сведения об успешных переговорах с Францией[40], однако, вопреки донесениям Курантов, договоренности по польскому вопросу достигнуто не было, и угрозой французского вторжения с целью поддержки профранцузского кандидата на польский трон продолжал пользоваться курфюрст Бранденбурга[41].

В конечном счете ситуация в Речи Посполитой сложилась не в пользу Франции, и шляхта, опасавшаяся усиления королевской власти с иностранной поддержкой, добилась высылки французских дипломатов в 1668 г. Часть шляхты в этом противостоянии делала ставку и на союз с Москвой[42]. Тем не менее, дальнейшее лоббирование кандидатуры русского царевича на престол Речи Посполитой грозило

[36] Статейный список… С. 256–257.
[37] Там же. С. 258.
[38] Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 23.
[39] *Кобзарева Е.И.* Россия и Вестфальская система… С. 154.
[40] Вести-Куранты. 1656 г. … С. 298.
[41] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 207.
[42] Там же. С. 384, 386–388.

открытым противостоянием с Францией, что отчасти стало одной из причин отказа от русского династического проекта к осени 1668 г.[43]

С 1664 г. французский посол в Польше П. де Бонзи получил инструкции о противодействии попыткам избрания царевича на польский трон, в т.ч. при помощи использования шведской агрессии (в инструкциях 1668 г. появился пункт о возможности также использования сил Бранденбурга)[44]. Однако проблема состояла в том, что Швеция с 1664 г. была ориентирована на западноевропейскую политику, во многом из-за своего союза с Францией[45]. В 1668 г. де Бонзи в своих донесениях стремился побудить правительство Людовика XIV к переговорам со Швецией с целью ее противодействия избранию русского кандидата; с Бранденбургом же де Бонзи достиг договоренности, что французский и английский короли будут сотрудничать для выступления султана против русского кандидата в Польше. Также курфюрст Фридрих-Вильгельм просил французов о прямом военном вмешательстве в случае выступления царя на Польшу. Швеция же, в свою очередь, искала поддержки Англии, Голландии, казаков, Крымского ханства и осман для противодействия избранию царевича[46].

Параллельно французская официальная пресса в лице «La Gazette» распространяла информацию о возможном династическом союзе Романовых и Габсбургов в борьбе за престол Речи Посполитой через женитьбу царевича на одной из родственниц императора[47]. В русских же Курантах транслировалось сообщение, согласно которому французский посланник в Польше в 1669 г. считал, что выборы короля без смуты не пройдут[48], что могло подкреплять опасения Посольского приказа и окружения царя.

Также стоит затронуть проблему существования плана А.Л. Ордина-Нащокина по сотрудничеству с Испанией против французского кандидата в Речи Посполитой. В европейской прессе и дипломатической переписке фигурировал проект, якобы предложенный П.И. Потемкиным при испанском дворе 7 марта 1667 г., заключавшийся в под-

[43] Там же. С. 389, 409, 416; От царства к империи… С. 71, 92.
[44] Recueil des instructions… P. 81, 92.
[45] *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski… S. 238.
[46] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 401–402.
[47] Там же. С. 391.
[48] Вести-Куранты. 1656 г. … С. 357.

держке русской династической политики в Польше[49]. Часть исследователей принимают этот проект за подлинный[50], более того, для такого проекта даже могли быть основания: в Курантах существовали сведения о возможности франко-испанского сотрудничества для наступления на вольности шляхты в Речи Посполитой[51], и А.Л. Ордин-Нащокин мог воспользоваться расстановкой сил, чтобы заручиться помощью западноевропейского союзника. Однако, по-видимому, следует согласиться с Б.Н. Флорей об отсутствии каких-либо намеков в русских посольских документах о признании существования подобного проекта[52].

Таким образом, задача заключения союза с Речью Посполитой и слома шведского торгового барьера в Прибалтике при А.Л. Ордине-Нащокине оказалась нерешенной, в т.ч. и из-за противодействия со стороны Франции и профранцузских сил. С другой стороны, и профранцузская партия потерпела поражение, и избранный польским королем Михаил Вишневецкий был настроен против союза с Францией[53]. В ходе противостояния и взаимодействия русская и французская дипломатия показали гибкость и способность к взаимопониманию. Россия, как показывают проанализированные материалы, не поддерживала безоговорочно ни австрийскую, ни французскую сторону в противостоянии в Речи Посполитой, сохраняя возможности для взаимодействия с каждой из стран. Благодаря этим взаимодействиям в России корректировались представления о расстановке сил в Европе, шел поиск возможных союзников и уточнялись их позиции. Во Франции, в свою очередь, складывались новые представления о месте России в европейской политике и специфике ее позиций, а также о возможности продуктивных переговоров с ее представителями, что способствовало дальнейшему развитию отношений между странами.

[49] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 391, 392.
[50] *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski… S. 130.
[51] Вести-Куранты. 1656 г. … С. 400.
[52] *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа… С. 393.
[53] Recueil des instructions… P. XLIV.

Д.А. Письмак

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Судопроизводство по делам об имущественных и должностных преступлениях в частях Сибирского корпуса во второй половине XVIII века

В статье рассматривается процесс судопроизводства по делам об имущественных и должностных преступлениях, совершенных военнослужащими Сибирского корпуса во второй половине XVIII в. Для анализа этого процесса были использованы судебно-следственные дела из фонда генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии (Ф. 8) РГВИА. На основе этих дел был сделан вывод о том, что приговоры, выносимые полковым судом, соответствовали нормам военного права, но в Военной коллегии эти приговоры смягчались, причем изменение приговоров шло вразрез с действующим законодательством. В ходе исследования были даны объяснения этому феномену.

Ключевые слова: военное судопроизводство; Военная коллегия; Сибирский корпус; преступление; полковой суд; приговор.

Для успешного функционирования любого армейского формирования необходимо поддержание дисциплины и предотвращение должностных преступлений. Важную роль в реализации этого играет военно-судебная система, которая вынуждает военнослужащих действовать в рамках дисциплинарно-правовых норм под угрозой неотвратимого наказания. Однако анализ судебно-следственных дел об имущественных и должностных преступлениях военнослужащих Сибирского корпуса во второй половине XVIII в. показал, что высшая судебная инстанция – Военная коллегия – смягчала первоначальный приговор, вынесенный низшей инстанцией – полковым судом, причем решение Военной коллегии часто не соответствовало действующему законодательству. Целью данной работы является выявление механизмов судопроизводства по делам об имущественных и должностных

преступлениях в частях Сибирского корпуса и установление причин смягчения приговоров в Военной коллегии.

Актуальность данного исследования заключается в том, что анализ судебных дел позволит понять, как подданные Российской империи в XVIII в. воспринимали правовые нормы, в том числе в военной среде. Вдобавок подробное изучение этой проблемы позволит сформулировать причины, по которым Военная коллегия выносила решения, не соответствующие нормам военного права, что внесет вклад в изучение практики наказаний в русской армии XVIII в.

Судопроизводство в частях Сибирского корпуса является малоизученной темой в отечественной историографии. В дореволюционный период историки изучали, в основном, судебные учреждения в масштабах всей страны[1]. Также историки уделяли внимание изучению военного права XVIII в., особенно созданного при Петре I[2].

В советский период история военных судов в Сибири не подвергалась специальному изучению. Основной акцент историки делали на изучении истории народных масс Сибири и социально-экономическом развитии региона. Деятельность имперской администрации и функционирование судебной системы на территории Сибири в область интересов советских историков не попадали, поэтому военным судам Сибирского корпуса внимание уделено не было. В масштабе страны изучались, в основном, такие сюжеты, как воспитание солдат и классовая борьба в армии[3]. Изучение военного судопроизводства в частях Сибирского корпуса началось только в XXI веке. Специалистом в этом вопросе является новосибирский историк А.В. Дмитриев.

В статье, посвященной судопроизводству в армейских частях на территории Сибири, А.В. Дмитриев показал, как менялся приговор после прохождения всех судебных инстанций. Автор дал объяснение такому явлению, установив, что государство стремилось сохранить

---

[1] *Троцина К.Е.* История судебных учреждений в России. СПб, 1851. 397 с.; *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 388 с.

[2] *Бобровский П.О.* Военное право в России при Петре Великом. СПб, 1898. 465 с.; *Заусцинский П.Ф.* Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века. СПб., 1909. 548 с.

[3] *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. 662 с.

жизнь и трудоспособность молодым и здоровым людям, которые могли быть полезны. Например, смертная казнь могла быть заменена ссылкой на каторгу[4].

Вопрос о причинах смягчения приговоров в Военной коллегии остается не до конца решенным. Пролить свет на причины этого явления могут судебно-следственные дела из фонда генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии (Ф. 8) РГВИА, где сохранилось некоторое количество дел по имущественным и должностным преступлениям военнослужащих Сибирского корпуса.

Так, в 1754 г. рассматривалось дело по должностному преступлению, обвиняемым по которому проходил секунд-майор Тарасов, употребивший в рабочие дни для поставки собственного сена до 70 солдат и казаков, незаслуженно наказавший плетьми казака Устьянцева, державший для собственных поручений 10 казаков и дававший отпуска солдатам без позволения командования. За эти преступления Тарасов был приговорен кригсрехтом (полковым судом) в силу воинских артикулов 28 (предписывал наказание за невыполнение приказов начальства в виде разжалования в рядовые), 33 (запрещал офицерам жестоко бить подчиненных им солдат и предписывал наказание в виде лишения чина за превышение должностных полномочий) и 54 (запрещал использовать солдат на личной службе у офицеров и предписывал за подобные преступления наказания в виде лишения чести, чина и имущества) к разжалованию на год в солдаты и вычету жалования за полгода[5]. Этот приговор поступил на рассмотрение сибирскому губернатору Соймонову и был им изменен. Соймонов предложил понизить Тарасова не в солдаты, а в капитаны всего на полгода и вычесть жалование также за полгода. По истечении этого срока он предлагал вернуть Тарасову прежний чин. Соймонов инициировал смягчение приговора, так как выяснил, что солдаты, которых Тарасов использовал для косьбы своего сена, работали всего один

[4] *Дмитриев А.В.* Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 74–83. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-08.pdf

[5] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 2. Д. 121. Л. 209.

день по собственному желанию и получили от Тарасова вознаграждение. Также губернатор указывал, что действия Тарасова не нанесли большого вреда интересам ее императорского величества. Вдобавок Соймонов замечал, что на границе наблюдается постоянная нехватка офицерского состава, и было бы разумно сохранить офицера в строю[6]. Военная коллегия же смягчила наказание еще значительнее, приговорив Тарасова к трем месяцам ареста без потери звания[7].

Стоит отметить, что в данном деле приговор полкового суда был вынесен в соответствии с нормами права, где предписывалось за превышение должностных полномочий и принуждение солдат к неуставному труду лишать виновного чина (артикул 54)[8]. Однако Военная коллегия, по всей видимости, воспользовалась тем, что в 54 артикуле было сказано, что если офицер не имел своих людей в услужении, то мог привлечь солдат «ради малой и легкой помощи и пособления»[9]. Но Тарасов, во-первых, привлекал к работам большое количество солдат, а, во-вторых, эти работы (уборка сена и выполнение личных поручений Тарасова) нельзя отнести к разряду «малой помощи», что ясно указывает на то, что Военная коллегия намеренно смягчила наказание, воспользовавшись неясностью законодательства.

Похожая ситуация наблюдается в деле поручика Сибирского драгунского гарнизонного полка Филата Дмитриева. Поручик Дмитриев нецелевым способом расходовал казенный овес (например, кормил казенным овсом найденную в степи лошадь) и послал драгун в степь за крестьянскими лошадьми, чем заморил казенных лошадей. Также он уморил и других казенных лошадей, послав на них на встречу драгун и солдата. Вдобавок он бил своих драгун по щекам[10]. За эти преступления он был приговорен бригадиром Крофтом, согласно 3 пункту 49 главы воинского устава (предписывал заключать на три месяца под арест и лишать полугодового жалования за удар кого-либо рукой) и артикулам 33, 72 и 195 к разжалованию на два года в драгуны. Также Дмитриев должен был возместить использованный на найден-

[6] РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 121. Л. 210.
[7] Там же. Л. 211–213 об.
[8] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. С. 336.
[9] Там же.
[10] РГВИА. Ф.8. Оп. 1. Д. 1274. Л. 130 об.–131.

ную лошадь корм, а саму лошадь у него должны были изъять, согласно 27 статье 7 главы Соборного Уложения[11]. Но по указу ее императорского величества, присланному из Военной коллегии, Дмитриев приговаривался только к разжалованию на два года в драгуны[12]. При этом стоит заметить, что Дмитриев был, по сути, рецидивистом, так как в 1738 г. его уже судили за невозвращение государственных денег, взятых в долг на покупку товаров. Тогда его разжаловали из прапорщиков в солдаты, но в 1741 г. по всемилостивейшему указу вина была снята, и Дмитриеву вернули прежний чин[13]. В данном случае мы видим, что предыдущее преступление не повлияло на строгость итогового приговора, так как по делу Дмитриева было вынесено довольно мягкое решение.

Почему Военная коллегия вынесла более мягкий приговор и не потребовала от Дмитриева возвращения найденной лошади и возмещения потраченного на корм этой лошади казенного овса? Возможно, Военная коллегия воспользовалась толкованием 195 артикула, где сказано, что «наказание воровства обыкновенно умаляется, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит»[14]. Однако данное толкование к Дмитриеву отношения не имеет, т.к. он воровал лошадь в здравом уме и проблем с продуктами питания не имел. В данной ситуации Военная коллегия просто находит законный способ облегчить наказание Дмитриеву. Вполне вероятно, что Дмитриев относился к ценным кадрам, так как на момент следствия ему было 45 лет, и он служил в армии уже 24 года[15].

В 1754 г. было рассмотрено дело по имущественному преступлению, где в качестве обвиняемого выступил солдат Якутского полка Герасим Казанцев, который пересек русско-китайскую границу и украл у китайцев 20 красных юфтовых кож, три медных чайника, две чугунные чашки и другие предметы утвари. Также Казанцев соби-

[11] РГВИА. Ф.8. Оп. 1. Д. 1274. Л. 131 об.
[12] Там же. Л. 137.
[13] Там же. Л. 135.
[14] Полное собрание законов Российской империи… Т. V. С. 378.
[15] РГВИА. Ф.8. Оп. 1. Д. 1274. Л. 130.

рался украсть муку в пивоварне и вывезти ее на продажу за границу[16]. За эти преступления Казанцев полковым судом был приговорен к повешению, однако Военная коллегия смягчила приговор и постановила прогнать Казанцева шпицрутенами 20 раз через полк. После исполнения приговора Казанцев продолжил воровать. Поэтому бригадир и комендант Селенгинска Якоби настаивал на необходимости привести смертную казнь Казанцева в исполнение (согласно воинским артикулам 27, 35, 38, 40, 41, 43, 184), так как последний не исправился[17]. Однако в ревизии генерал-аудитор Чистюнин предлагал избавить Казанцева от смертной казни и приговорить к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке на вечные работы на каторгу, объясняя смягчение приговора тем, что «пропуск за границу им действительно не учинен да и лет состоит еще не весьма престарелых и в казенной работе еще может быть довольное время»[18]. Военная коллегия согласилась с мнением Чистюнина и приговорила наказать Казанцева кнутом, вырезать ноздри и сослать на вечную работу на казенные сибирские заводы[19].

В данном деле мы опять наблюдаем смягчение приговора в высшей инстанции. Причем тот факт, что Казанцев, как и Филат Дмитриев, был рецидивистом, не остановил Военную коллегию от смягчения наказания, которое было продиктовано вполне прагматичными целями, а именно возрастом подсудимого и тем, что он еще мог много лет приносить пользу государству, работая на казенном заводе.

Таким образом, мы видим, что военное судопроизводство на низших инстанциях действовало четко в соответствии с нормами права, а высший орган военного судопроизводства – Военная коллегия – смягчала наказания, не всегда руководствуясь нормами права. При этом в самих судебно-следственных делах мы находим объяснения, почему в том или ином случае приговор смягчали. Во-первых, в частях Сибирского корпуса не хватало военнослужащих, особенно офицеров, что побуждало Военную коллегию, хорошо знакомую со спецификой сибирского военного формирования, сохранять офицеров в строю.

[16] РГВИА. Ф.8. Оп. 1. Д. 1724. Л. 27.
[17] Там же. Л. 27 об.
[18] Там же. Л. 32.
[19] Там же. Л. 35.

Во-вторых, государству живой преступник был полезнее мертвого, поэтому если человек совершал тяжкое преступление, как, например, Герасим Казанцев, и его нельзя было оставить в строю, то коллегия предпочитала приговорить такого преступника к казенным работам, чтобы он мог приносить пользу государству. Вдобавок, нужно обратить внимание на дату вынесения приговора Казанцеву – 1754 г. Приговор выносился во время правления Елизаветы Петровны, при которой исполнение смертной казни было приостановлено, и все смертные приговоры должны были отправляться на рассмотрение в Сенат[20]. Военная коллегия была хорошо осведомлена о том, что приговоры, попадавшие на рассмотрение в Сенат, задерживались там надолго, и осужденный мог ждать вынесения окончательного приговора годами, поэтому изменение приговора Казанцеву можно объяснить, в том числе, и ограничением, наложенным императрицей на реализацию смертной казни.

Военная коллегия обладала большей свободой действия, чем полковой суд, что позволяло ей смягчать приговоры. В коллегии работали профессиональные юристы, которые могли трактовать законы в пользу обвиняемого. В состав полкового суда входили простые офицеры, малознакомые с нормами права, и только один член суда – аудитор, согласно «Краткому изображению процессов и судебных тяжб», должен был быть юристом[21]. Однако на практике найти юриста среди офицеров Сибирского корпуса не всегда представлялось возможным, и функции аудитора выполнял офицер без специального образования (в 1779 г. даже был случай, когда при рассмотрении дела об убийстве функции аудитора выполнял сержант[22]), что не позволяло полковому суду трактовать законы. Вдобавок такая практика вела к тому, что полковой суд при вынесении решений допускал ошибки при обращении к нормам права (в 1794 г. при вынесении приговора по делу о взяточничестве полковой суд сослался на манифест от 15 декабря 1763 г., который не имел прямого отношения к делу[23]).

---

[20] Полное собрание законов Российской империи… Т. XII. С. 114.
[21] Там же. Т. V. С. 385.
[22] РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 499. Л. 16.
[23] Там же. Оп. 10. Д. 2587. Л. 2 об.

Также стоит отметить, что судьи полкового суда находились вдали от столицы и не всегда улавливали превалирующие при дворе настроения. Так, на приговорах полковых судов не отразилось ограничение, наложенное Елизаветой Петровной на реализацию смертной казни, а в дальнейшем на эти приговоры не повлияли идеи «просвещенного абсолютизма», в соответствии с которыми старалась править Екатерина II, и приговоры выносились по устаревшим и очень жестоким воинским артикулам. При этом служащие Военной коллегии были хорошо знакомы с настроениями, царившими при дворе. В частности, именно поэтому в Военной коллегии приговор смягчали.

При этом существовало ограничение, которое не позволяло полковым судьям трактовать закон и вынуждало их действовать четко в соответствии с нормами права. Этим ограничением была судейская присяга, согласно которой судьи клялись «всемогущем богом», что будут выносить приговор по «нашего всемилостивейшаго Царя Государя воинским пунктам, правам и уставам», и что за нарушение присяги они ответят на Страшном суде[24]. Поскольку сознание человека XVIII в., несмотря на секуляризацию, начатую Петром I, было религиозным, то принесение судьями такой присяги могло уменьшить количество приговоров, вынесенных не в соответствии с нормами права. При этом служащие коллегии перед рассмотрением очередного дела присягу не приносили и моральных ограничений не имели.

В целом военно-судебная система, состоявшая из двух уровней, позволяла выносить приговоры, действуя не только по букве закона, но и в соответствии с нуждами конкретного военного формирования и учитывая местную специфику. При этом именно высшая судебная инстанция – Военная коллегия, – смягчала приговоры, трактуя законы в пользу обвиняемого. В некоторых случаях коллегия выносила приговоры, которые шли вразрез с нормами военного права. Основными причинами, по которым коллегия смягчала приговоры, являлись, во-первых, необходимость сохранить солдат и офицеров на службе, так как в Сибирском корпусе наблюдалась нехватка личного состава, а во-вторых, несоответствие жестоких норм Артикула воинского и тенденций смягчению нравов, которые наблюдались в России во второй

[24] Полное собрание законов Российской империи… Т. V. С. 387.

половине XVIII в. Таким образом, можно сделать вывод, что судебная практика в частях Сибирского корпуса в середине – второй половине XVIII в. имела тенденцию к вынесению более мягких приговоров, в сравнении с теми решениями, которые должны были выноситься на основе действующего военного законодательства.

А.А. Мордзилович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Баварский корпус гражданской самообороны как защита от большевизма: взгляд нунция Эудженио Пачелли

Статья посвящена взглядам нунция Эудженио Пачелли, будущего папы римского Пия XII (1939–1958), на отряды гражданской самообороны (Einwohnerwehr) – военизированную организацию, действовавшую в Баварии с 1919 по 1921 г. и созданную для поддержания общественного порядка и подавления коммунистических восстаний. В основе исследования лежит анализ материалов Ватиканского апостольского архива, а именно отчетов о политической обстановке в Германии, которые Пачелли почти ежедневно отправлял в Рим. Особое внимание в статье уделяется реакции нунция на роспуск и разоружение корпуса гражданской самообороны по требованию Антанты. Сделан вывод о том, что Пачелли, как и его консервативное окружение, видел в этих отрядах силу, способную защитить Баварию от «коммунистической угрозы», которая могла прийти как изнутри, так и извне – со стороны Советской России.

Ключевые слова: Эудженио Пачелли, нунций, Einwohnerwehr, гражданская самооборона, Бавария, Ватикан, Густав фон Кар, Веймарская республика

После подавления восстания спартаковцев в январе 1919 г. по всей Германии стали создаваться добровольческие отряды гражданской самообороны из числа горожан и бывших военнослужащих. Некоторые из этих военизированных гражданских ополчений появлялись при поддержке рейхсвера, другие – по инициативе земельных правительств. В Баварии и ряде других немецких земель они носили название *Einwohnerwehr*. Корпус гражданской самообороны должен был оказывать помощь правоохранительным органам в поддержании порядка на улицах и подавлении левых восстаний. Однако после того

как с недолговечной Баварской Советской республикой было покончено, он не только не исчез, но и продолжил набирать численность. Кроме того, гражданская самооборона задумывалась как негласный резерв для рейхсвера, который тайно снабжал оружием ее отряды, официально находившиеся на самообеспечении и финансировавшиеся за счет пожертвований.

Традиционно в историографии уделяется большое внимание нацистским штурмовым отрядам, история которых также берет начало в годы Веймарской республики. Немалое количество трудов историков посвящено «коричневорубашечникам» (*SA*), их социологическому профилю, региональным особенностям организации и т.д.[1] Не столь многочисленны, но, тем не менее, значительны исследования о фрайкорах (*Freikorps*), которые нередко рассматриваются совместно с отрядами гражданской самообороны, хотя между ними и существовали определенные различия[2]. Одной из первых крупных работ по истории баварских военизированных организаций времен республики стала монография немецкого историка Ганса Фенске «Консерватизм и правый радикализм в Баварии после 1918 г.»[3]. Впоследствии было написано несколько узкоспециальных трудов об отрядах гражданской самообороны[4], однако в них не были задействованы материалы архивов Ватикана, часть которых совсем недавно стала доступна исследователям. Представляется, что новые архивные данные позволят существенно дополнить имеющиеся сведения о деятельности гражданской самообороны в Баварии.

Апостольский нунций Эудженио Пачелли, титулярный архиепископ Сарди, представлял интересы Святого Престола в Баварии (фак-

---

[1] *Fischer C.* Stormtroopers: A Social, Economic, and Ideological Analysis, 1929–35. London, 1983. 235 p.; *Bessel R.* Political Violence and the Rise of Nazism: The Storm Troopers in Eastern Germany, 1925–1934. New Haven, 1984. 215 p.; *Longerich P.* Die braunen Bataillone: Geschichte der *SA*. Munich, 1989. 285 p. и др.

[2] *Waite R.G.L.* Vanguards of Nazism: The Free Corps Movement in Postwar Germany, 1918–1923. Cambridge, 1952. 344 p.; *Schulze H.* Freikorps und Republik, 1918–1920. Boppard am Rhein, 1969. 363 p. и др.

[3] *Fenske H.* Konservativismus und Rechtsradikalismus in Bayern nach 1918. Bad Homburg, 1969. 340 p.

[4] *Large D.C.* The Politics of Law and Order: A History of the Bavarian *Einwohnerwehr*, 1918–1921. Philadelphia, 1980. 87 p. и др.

тически – во всей Германии) с 1917 г. Первые годы его дипломатической службы в Мюнхене проходили на фоне революционных потрясений и тягот послевоенного времени. Благодаря отчетам, которые он практически ежедневно отправлял в Ватикан, у исследователей есть уникальная возможность взглянуть на происходившие в 1920–1921 гг. события в Германии с «римской» точки зрения. Доклады Пачелли являются не только интересным и заслуживающим внимания источником по политической истории Веймарской республики, но и средством, с помощью которого можно попытаться проследить истоки особой позиции будущего папы Пия XII (1939–1958) в отношении Третьего рейха.

Сохранение корпуса гражданской самообороны даже после падения Баварской Советской республики во многом было обусловлено страхом перед большевизмом, который мог вновь утвердиться благодаря деятельности местных коммунистов или штыкам русской Красной армии. Нунций эти чувства разделял: в апреле 1919 г. ему лично пришлось столкнуться с красногвардейцами, вторгнувшимися в здание нунциатуры для реквизиции служебного автомобиля и угрожавшими Пачелли револьвером. Неудивительно, что в донесениях государственному секретарю Ватикана он выступал последовательным защитником отрядов гражданской самообороны. В декабре 1919 г. в письме брату Франческо нунций заявил, что они являются единственной силой, сдерживающей коммунистов, и что в случае их роспуска «красные» вернутся и на этот раз прочно утвердятся в Баварии[5].

Антанта еще в начале 1920 г. вынудила Германию распустить все военизированные организации, и одним из последствий этого шага стал Капповский путч в марте того же года. Это событие способствовало укреплению позиций баварского корпуса гражданской самообороны, хотя в остальной части страны подобные формирования значительно ослабли. Несмотря на напряженную внутреннюю ситуацию в Германии, союзники продолжали настаивать на ликвидации данного военизированного формирования, и этот вопрос стал одним из ключевых на Парижской конференции (21–24 января 1921 г.), посвященной

[5] *Ventresca R.A.* Soldier of Christ: The Life of Pope Pius XII. Cambridge, 2013. P. 59.

обсуждению размера репарационного бремени для Веймарской республики.

Пачелли написал подробный отчет по итогам конференции, в котором выразил недоумение по поводу требования Антанты разоружить не только рейхсвер, но и силы, обеспечивающие общественный порядок. С одной стороны, рассуждал он, армия и так была сокращена до 100 тыс. человек и в силу своей малочисленности уже не могла представлять серьезную угрозу для соседних стран. С другой стороны, если Антанта была заинтересована в получении репараций, поддержание порядка на улицах Германии для нее должно было иметь немаловажное значение. Что могут сделать даже 300-тысячные отряды гражданской самообороны, состоявшие из стариков, вооруженных винтовками, против французской армии, оснащенной превосходной боевой техникой, спрашивает Пачелли[6]. В связи с этим требования разоружения и роспуска народного ополчения, участвовавшего в подавлении революции в Баварии и теперь не допускавшего попыток выступлений со стороны правых или левых, кажутся нунцию излишними и чересчур строгими. Французская либеральная пресса твердила, что баварская гражданская самооборона стремится к реставрации монархии, в то время как Антанта желала бы видеть развитие демократических и республиканских тенденций в Германии. Однако Пачелли заявлял, что в Баварии даже самые преданные монархисты выступали против восстановления монархии, так как это могло бы привести к гражданской войне. Столь же необоснованными он считал подозрения Антанты, полагавшей, что корпус гражданской самообороны может поддержать Красную армию в наступлении на Польшу. Это могло быть справедливо в отношении Восточной Пруссии, где был широко распространен национал-большевизм, но точно не в отношении баварского правительства, наиболее решительного противника «этого бессмысленного движения»[7].

По всем этим соображениям Пачелли заступился за отряды гражданской самообороны на встрече с представителями Антанты в Бер-

[6] Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 05. Februar 1921 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/1995 (дата обращения: 22.03.2021)

[7] Ibid.

лине еще в ноябре 1920 г., и его доводы, как он отметил, оказались особенно близки британскому послу лорду Д'Абернону[8]. В итоге удалось отсрочить принятие решения о роспуске корпуса гражданской самообороны до 1 июля 1921 г., но представители баварского ландтага обратились к нунцию с тем, чтобы он добился вмешательства папы в этот вопрос. Баварский кабинет министров пытался оказывать давление на общегерманское правительство, которое стремилось предотвратить новые санкции со стороны Антанты, имевшие бы последствия для всей Германии. К тому же СДПГ и некоторые демократы считали баварский *Einwohnerwehr* реакционной организацией[9], а республиканское правительство начало рассматривать ее как угрозу стабильности государства уже со второй половины 1919 г[10].

Одним из организаторов и главных защитников гражданской самообороны был министр-президент Баварии Густав фон Кар, частый гость в нунциатуре. Как и некоторые немецкие политики, он опасался вторжения Красной армии в Германию в ходе советско-польской войны (1919–1921). В августе 1920 г. фон Кар сообщил нунцию, что, согласно имеющейся у него информации, Советы еще не пересекли границу Веймарской республики только потому, что с помощью пропаганды хотят подготовить почву для коммунистической революции, которая освятила бы союз России и большевистской Германии. В Баварии он видел эффективное средство борьбы с нашествием большевиков и потому не желал роспуска отрядов гражданской самообороны, хотя Германия взяла на себя это обязательство под угрозой оккупации Антантой Рура. Но занятие Францией Рурского бассейна фон Кар считал лишь вопросом времени. Пачелли посчитал решение министра-президента Баварии «несколько упрощенным»: «… вероятно, он не может в полной мере оценить неисчислимые последствия этой оккупации для Германии, которая, если бы Верхняя Силезия была также потеряна, осталась бы без угля»[11].

---

[8] Pacelli, Eugenio an Gasparri…

[9] Ibid.

[10] *Koepp R.G.* Conservative Radicals: The *Einwohnerwehr*, *Bund Bayern und Reich*, and the Limits of Paramilitary Politics in Bavaria, 1918–1928: diss. for the Degree of Doctor of Philosophy. Lincoln, 2010. P. 154.

7 февраля 1921 г. фон Кар встретился с Пачелли после поездки в Берлин, откуда он вернулся, по словам нунция, крайне подавленным. На состоявшейся конференции министров земель Веймарской республики фон Кар выступал за неделимость вопросов разоружения и репараций. Однако его точка зрения была задавлена позицией рейхсканцлера Константина Ференбаха и рейхсминистра внутренних дел Эриха Коха-Везера, которые считали, что эти вопросы нужно рассматривать отдельно. Они предлагали согласиться с необходимостью разоружения, но настаивать на неприемлемости предложений союзников о репарациях. Это означало, что мюнхенскому правительству придется распустить гражданскую самооборону или, как дали ясно понять фон Кару, уйти в отставку. Министр-президент Баварии видел причину такого решения в желании правительства республики угодить левым партиям и заручиться их поддержкой. Кроме того, для министров других земель, которые в большинстве своем были социал-демократами, «*Einwohnerwehr* и „реакционная“ Бавария были как бельмо на глазу». Предчувствуя недовольство других баварских министров и представителей партий ландтага, фон Кар с горечью заявил Пачелли: «Может быть, это мой последний визит к вам в качестве министра-президента!»[12]

Мнение фон Кара о необходимости сохранить отряды гражданской самообороны безоговорочно поддержали Баварская народная партия (БНП) и местное отделение Немецкой национальной народной партии (НННП). Менее твердой по этому вопросу была позиция баварской Немецкой демократической партии (НДП), симпатизировавшей социалистам, но под давлением БНП она подчинилась общему настроению. В прессе было опубликовано заявление, в котором баварское правительство и коалиционные партии настаивали на сохранении корпуса гражданской самообороны для поддержания общественного порядка. Еще в 1920 г. многие консервативные общественные деятели и свя-

[11] Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 18. August 1920 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/1053 (дата обращения: 26.02.2021)

[12] Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 05. Februar 1921 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/1995 (дата обращения: 22.03.2021)

щеннослужители (как, например, архиепископ Михаэль фон Фауль-хабер[13]) обращались к нунцию с просьбой ходатайствовать перед папой о помощи в спасении данных отрядов от ликвидации. Пачелли передавал все просьбы в Рим, и государственный секретарь Ватикана Пьетро Гаспарри заявлял в ответ, что Святой Престол окажет все возможное содействие этому делу[14]. Кардинал, как и нунций, был убежден, что любое нарушение стабильности в Центральной Европе откроет двери коммунизму, поэтому деятельность гражданской самообороны имеет важное значение не только для Германии, но и для Европы в целом[15].

В ноте, направленной правительству в Берлине в феврале 1921 г., баварский кабинет возлагал на него всю ответственность за последствия, к которым приведет решение о разделении вопросов разоружения и репараций и о роспуске *Einwohnerwehr*. Таким образом, писал нунций, Бавария перешла к тактике пассивного сопротивления политике Берлина в отношении гражданской гвардии[16].

Однако решение федерального правительства было непреклонным, хотя Пачелли пытался задействовать все доступные ему рычаги воздействия, чтобы переменить его. Так, в феврале 1921 г. в Мюнхен прибыл Арнольд Брехт, которого Ференбах направил в Баварию для изучения на месте ситуации с разоружением отрядов гражданской самообороны. Он нанес визит нунцию, о чем впоследствии вспоминал: «Я откровенно рассказал ему, зачем приехал в Мюнхен. Он просил меня понять точку зрения мюнхенцев, переживших правление левого совета и расстрел буржуазных заложников[17]. Он подвел меня к окну и показал следы выстрелов с того времени. Понятно, сказал он,

[13] Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 14. April 1920 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/2926 (дата обращения: 14.05.2022)

[14] Gasparri, Pietro an Pacelli, Eugenio vom 26. April 1920 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/1542 (дата обращения: 14.05.2022)

[15] *Stehlin S.A.* Weimar and the Vatican, 1919–1933: German-Vatican Diplomatic Relations in the Interwar Years. Princeton, 1983. P. 100.

[16] Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 12. Februar 1921 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/342 (дата обращения: 24.03.2021)

что порядочные граждане Мюнхена не хотят сдавать все свое оружие, потому что это сделает их уязвимыми для подобных актов насилия, ибо коммунисты наверняка знают, как хранить или добывать оружие»[18]. Пачелли было известно, что официально в распоряжении корпуса гражданской самообороны находятся 42 пушки, при изъятии которых у местного ополчения не останется сил для защиты Мюнхена, хоть оно и располагало секретными складами оружия[19].

5 мая 1921 г. союзники предъявили ультиматум, согласно которому невыполнение баварским правительством требования о немедленном роспуске и разоружении отрядов гражданской самообороны повлечет за собой оккупацию не только Рура, но и Баварии[20]. В баварском ландтаге поднялась настоящая паника, и фон Кар в конечном счете вынужден был издать приказ о ликвидации *Einwohnerwehr* в июне 1921 г. Однако это не означало исчезновения той национально-консервативной идеологии, которую исповедовали его члены. Преемником расформированной гражданской гвардии после 1921 г. станет «Союз Баварии и рейха» (*Bund Bayern und Reich*), который выступал за искоренение социализма в Германии, отмену Версальского мира и распространение националистических идей. Эта организация, в отличие от своей предшественницы, будет в большей степени связана с рейхсвером, а ее члены должны будут отбираться по расовому и конфессиональному критерию[21]. Деятельность и отрядов гражданской самообороны, и «Союза Баварии и рейха» подготовит почву для распространения национал-социализма, а многие из их членов впоследствии пополнят ряды партии Адольфа Гитлера.

---

[17] Вероятно, здесь имеется в виду расстрел 10 заложников, большая часть которых принадлежала к обществу Туле, в гимназии Луитпольда в ночь с 29 на 30 апреля 1919 г.

[18] *Brecht A.* The Political Education of Arnold Brecht: An Autobiography, 1884–1970. Princeton, 1970. P. 200.

[19] Pacelli, Eugenio an Gasparri, Pietro vom 12. Februar 1921 [Elektronische Ressource] // Kritische Online-Edition der Nuntiaturberichte Eugenio Pacellis (1917–1929). URL: www.pacelli-edition.de/Dokument/342 (дата обращения: 24.03.2021)

[20] *Koepp R.G.* Conservative Radicals: The *Einwohnerwehr*, *Bund Bayern und Reich*, and the Limits of Paramilitary Politics in Bavaria, 1918–1928: diss. for the Degree of Doctor of Philosophy. Lincoln, 2010. P. 165.

[21] Ibid. P. 183.

Таким образом, Пачелли, как и многие его современники, видел в баварском корпусе гражданской самообороны защиту от политического хаоса, который может развернуться с приходом к власти коммунистов. Анализ его донесений свидетельствует о том, что именно соображения политического характера были для него аргументом в пользу сохранения *Einwohnerwehr*, в то время как для других не меньшее значение имели экономические причины (защита от грабежей, сдерживание черного рынка и т. п.). Неизвестно, осознавал ли нунций в полной мере воинственно-антидемократический характер отрядов гражданской самообороны, тем более что в годы службы в Веймарской республике он показал себя противником как левого, так и правого радикализма. Очевидно, что в вопросе о судьбе *Einwohnerwehr* страх перед возрождением советского режима в Баварии доминировал в его восприятии.

С.А. Давыдов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва)

Влияние закона «О национальной защите» на внутреннюю политику Турецкой Республики в период Второй мировой войны

Данное исследование затрагивает вопросы последствий принятия закона «О национальной защите», которые наблюдались в Турецкой Республике в период с 1940 г. (непосредственно принятие закона) до 1946 г. (первые многопартийные выборы с момента основания республики). В работе рассматриваются вопросы углубления экономической стагнации в Турции в первой половине 1940-х гг., а также то, как принятие закона «О национальной защите» повлияло на развитие Турции. Автор приходит к выводу, что принятие данного закона негативно повлияло на социально-экономическое развитие Турецкой Республики и одновременно ускорило её переход к более демократичной форме правления. При написании статьи были использованы историографические труды, законодательные и нормативные акты, а также источники личного происхождения.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Вторая мировая война, нейтралитет, внутренняя политика.

Вторая мировая война, в горниле которой погибло наибольшее число людей за всю историю человечества, была тяжким испытанием не только для непосредственно вовлечённых в неё государств, но и для тех, кто пожелал сохранить нейтралитет. Турецкая Республика, втянутая в предыдущий мировой конфликт из-за амбиций своего младотурецкого руководства и потерпевшая разгромное поражение, приняла решение самоустраниться от новой европейской войны. Однако неопределённость, которую несла бушующая вокруг Турции война, представляла для молодой республики ещё бо́льшую угрозу. Турецкие правящие круги, стремясь укрепить как обороноспособность, так и экономику государства, предпринимали различные шаги

во внутренней политике. Одним из таких шагов стало принятие закона «О национальной защите»[1] (далее – Закон) – и, как в дальнейшем покажет история турецкого государства, принятие и последствия данного Закона окажут существенное влияние на развитие республиканской Турции.

В ходе данной работы будет использоваться широкий спектр как архивных документов, так и работ отечественных и зарубежных исследователей. Основной упор будет сделан на тексты двух основных рассматриваемых законов – закона «О национальной защите» и закона о введении налога на имущество, тексты которых опубликованы в выпусках официальной газеты правительства Турецкой Республики Resmi Gazete; также будут рассмотрены и другие источники, в частности, англо-франко-турецкий договор 1939 г. Данный вопрос также поднимался в работах таких отечественных востоковедов, как Николай Гаврилович Киреев[2], Дмитрий Евгеньевич Еремеев и Михаил Серафимович Мейер[3], а также в работах турецких и прочих зарубежных авторов – Оуза Онарана[4], Хасана Кошебалабана[5] и Картера Финдли[6]. Целью исследования является рассмотрение влияния Закона на экономическое и социально-политическое развитие Турецкой Республики в период Второй мировой войны, а также оказанное им воздействие на формирование послевоенного устройства турецкого государства.

Принятый в январе 1940 г. Закон изначально рассматривался как исключительно экономическая мера – и всё же последствия его имплементации существенно повлияли не только на экономику, но и политическую сферу турецкого государства. Основной задачей данного закона являлся контроль закупочных цен и изъятие излишков

---

[1] *от тур.* Milli Koruma Kanunu

[2] *Киреев Н.Г.* История Турции в XX веке. Москва, 2007. 608 с.

[3] *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в Средние века и Новое время. М., 1992. 246 с.

[4] *Oğuz Onaran.* Milli Koruma Kanununun Tatbikten Kaldırımasıyla İlgili Sorunlar // Ankara Universitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. 1962. C. 17. Sayı 2. S. 493–500.

[5] *Hasan Kösebalaban.* Turkish Foreign Policy: Islam, Nationalism and Globalization. New York, 2011. 256 p.

[6] *Carter V. Findley.* Turkey, Islam, Nationalism, and Modernity: A History. London, 2011. 544 p.

произведённой продукции; впоследствии, по мере расширения театров военных действий в Северной Африке, Средиземном и Чёрном морях, а также на Балканах, в Закон вносились новые положения и поправки. Таким образом, к концу 1944 г. положения Закона охватывали не только внутриэкономическую деятельность, но и внешнюю торговлю.

Однако для более полного понимания причин принятия Закона необходимо обратиться к военно-политической обстановке в Европе в 1939 г. События апреля 1939 г., когда Италия практически за один день оккупировала Албанию, вынудили стремящуюся к обеспечении своей безопасности Анкару обратиться к противникам Италии – Франции и Великобритании, и уже в мае 1939 г. было подписано соглашение о гарантиях независимости Турции Великобританией; кроме того, 19 октября 1939 г. Лондон, Париж и Анкара подписали секретный договор о взаимопомощи и безопасности (далее – Договор). Согласно его статьям, в состав Турции входили округ Хатай (Александретта), ранее принадлежавший Французской Сирии, взамен на что Турция обязалась оказывать двум европейским державам военную или любую другую помощь[7].

Тем не менее, скорое падение Франции и появление на юге её территории прогерманского коллаборационистского Режима Виши подвело черту под Договором. Даже несмотря на давление Великобритании, депутаты Великого национального собрания Турции (ВНСТ) приняли решение о сохранении нейтралитета, ссылаясь на Протокол №2 к Договору[8]. Подобное развитие событий вынудило Анкару искать новые пути пополнения государственного бюджета.

Важно отметить, что расходы турецкого бюджета на оборону росли по мере приближения войны к границам Турции. Государство нуждалось в источнике дохода, поскольку его связи с основными экономическими партнёрами – Францией и Великобританией – оказались разорваны не только из-за падения первой, но и из-за интенсивных боевых действий в Средиземном море. С этой целью в 1940 г. был

[7] Электронная библиотека исторических документов Российского исторического общества (ЭБИД РИО). Договор между Турцией, Францией и Англией, заключенный 19 октября 1939 г. // Сообщение ТАСС от 20 октября, 1939 г.

[8] ЭБИД РИО. Договор между Турцией, Францией и Англией, заключенный 19 октября 1939 г. // Сообщение ТАСС от 20 октября, 1939 г.

заключён германо-турецкий договор об экономическом сотрудничестве, выгодный для обеих сторон – Третий Рейх получал важный для танкостроения турецкий хром, а Турецкая Республика – дополнительные финансы.

Однако было очевидно, что новые торговые договоры лишь незначительно влияли на экономическое положение республики; государству требовалась перестройка внутренних экономических связей, что было связано не только с ухудшающимся экономическим положением – в период с сентября 1939 по февраль 1940 г. численность относительно небольшой по европейским меркам турецкой армии выросла в 3,3 раза – с 207 тыс. до 700 тыс. человек[9]. Турции необходимо было принять меры, которые могли бы обеспечить безболезненное изъятие рабочей силы из процесса производства.

Именно с этой целью 24 января 1940 г. принимается закон «О национальной защите», а уже 26 января этого же года правительство расширяет действие Закона и на военную сферу, начиная подготовку экономики к условиям новой «военной» реальности. Положения Закона, наряду с полномочиями правительства, распространились на все жизненно важные для турецкой экономики сферы (сельское хозяйство, промышленность, торговля), а также процесс ценообразования. Наиболее известными мерами считаются отмена выходных дней (рабочая неделя теперь длилась не пять, а семь дней), увеличение продолжительности рабочего дня (с восьми до четырнадцати часов) и введение трудовой повинности (один рабочий прикреплялся к одному предприятию, которое он не мог сменить); были и другие меры, например, конфискация излишков продукции государством, использование методов принуждения к труду или легализация детского труда (пункт 2 статьи 19 главы 2)[10]. Грубо говоря, Закон расширял полномочия правительства в экономической сфере, легитимизировав его вмешательство под предлогом «регулирования экономики».

Влияние Закона «О национальной защите» особенно ощущается на примере сельского хозяйства. Во-первых, с целью создания

[9] Очерки истории Турции / М.А, Гасратян, С.Ф. Орешкова и др. М., 1981. 296 с.
[10] Milli Koruma Kanunu № 3780 // T.C. Resmi Gazete. 1940. 28 Ocak.

продовольственных запасов проводилось изъятие излишней массы зерновых культур у крестьян, при этом цены находились на уровне ниже закупочных. Во-вторых, принятые в июле 1942 г. поправки к Закону (пункт 3 статьи 69 главы 6)[11] закрепили размер излишка на уровне 25 % от несобранного и несданного государству урожая. Наконец, необрабатываемые земли в деревне передавались под контроль государства, которое заключало соответствующие договоры с более зажиточной прослойкой крестьянства; она, в свою очередь, должна была обрабатывать эти земли в обмен на предоставление современной техники и методов обработки земли[12].

Промышленность также была затронута положениями Закона; при этом особенно сильно его эффект виден на примере добывающей промышленности. В мае 1940 г. все частные угольные шахты (как турецких владельцев, так и иностранных инвесторов) перешли под контроль государства (через процедуру передачи прав собственности). Аналогичные ситуации происходили и в других областях добывающей промышленности (добыча железных руд, меди, руд цветных металлов, фосфора и т.п.)

Однако наиболее пристальное внимание стоит уделить внешней торговле. Как уже говорилось выше, Средиземное и Чёрное море, где пролегали основные пути торгового флота Турции, стали ограниченно доступными – и для нивелирования отрицательных эффектов спада внешнеторговой активности в апреле 1940 г. ограниченному числу предприятий (из числа наиболее крупных) были выданы т.н. «торговые лицензии»; компании, получившие данные лицензии, получили практически монопольное право на торговлю одним определённым видом товаров. Таким образом, в руках «бирли́ков»[13] (а именно так стали называться данные предприятия) быстро сконцентрировалась основная доля турецкой внешней торговли.

Неудивительно, что уже к концу 1940 – началу 1941 г. стало ощущаться пагубное влияние Закона. Первым его почувствовала деревня – изъятие излишков по ценам ниже рыночных и государственная под-

[11] Milli Koruma Kanunu № 3780 // T.C. Resmi Gazete. 1940. 28 Ocak.
[12] *Oğuz Onaran.* Milli Koruma Kanununun… S. 493–500.
[13] *от тур.* birlik – «единство»

держка более зажиточной прослойки крестьян быстро привели к росту неравенства. Подобное развитие событий привело к быстрому появлению и развитию чёрного рынка, а также резкому непропорциональному обогащению и так более зажиточной части деревни.

Примерно аналогичная ситуация складывалась и в сфере внешней торговли – мелкие частные торговцы были вынуждены продавать свой бизнес владельцам «бирликов», а цены на товары стали расти из-за монополии крупных предприятий во внешней торговле. В каком-то смысле началось противостояние между государством и частным сектором – негосударственные предприятия стремились снизить влияние Закона на свою деятельность, что, несомненно, лишь укрепляло развитие чёрного рынка. Параллельно с этим становились видны и минусы однопартийной авторитарной системы – наиболее близкие к бюрократическому аппарату Народно-республиканской партии (НРП) чиновники и главы «бирликов» проводили нелегальные (за пределами выдаваемых правительством лицензий) сделки, за счёт чего неконтролируемо обогащались.

Однако в начале 1941 г. экономическая ситуация в Турции лишь начинала ухудшаться. Падение Югославии, Греции и высадка немецких войск на остров Крит побудили правительство к увеличению военных расходов. Объём закупаемого вооружения увеличился параллельно с численностью армии – к началу 1942 г. её размер составлял 1,1 млн человек[14], что практически в четыре раза больше, чем её размер в 1939 г. Естественно, подобный рост оборонных расходов требовал увеличения финансовых ресурсов, вопрос с доступом к которым стоял достаточно остро.

С целью его решения в ноябре 1942 г. правительство Мехмета Шюкрю Сараджоглу вводит новый налог – *varlık vergisi*, или же налог на имущество. Хотя его целью и объявлялась борьба с инфляцией (которая к 1942 г. достигла астрономической цифры в 339,6 пунктов

[14] *Selim Deringil.* Turkish Foreign Policy During the Second World War: An 'Active' Neutrality. Cambridge, 2004. 232 p.

по индексу оптовых цен (ИОЦ[15]))[16], его реальной целью было привлечение новых средств в бюджет государства за счёт обогатившейся части населения. И несмотря на то, что «на бумаге» налог выглядел как эффективная мера борьбы с неравенством, его применение обернулось катастрофой – во-первых, ставка была не фиксированной, а определялась специальными комиссиями[17]; но даже это не выглядело так ужасно, как описанный главой налоговой службы Стамбула Фаиком Ёкте в его мемуарах метод взимания данного налога.

Согласно его записям, все налогоплательщики помечались тремя буквами в зависимости от их религиозной принадлежности: M (müslüman[18]), G (gayrımüslim[19]) и D (dönme[20]), где наибольшими привилегиями обладала литера «M». Немусульманам (например, иудеям или католикам) запрещалось платить налог «в рассрочку», что приводило к стремительному обнищанию общин немусульманских конфессий (поскольку они продавали своё имущество мусульманам с целью выплаты налога). Например, как пишет Н.Г. Киреев, за уклонение от налога было арестовано не менее 2 тыс. человек[21] – и среди них не было ни одного мусульманина, для которых, кстати, ставка налога на имущество была несравненно ниже[22].

Таким образом, данный налог не оправдал надежды, которые возлагало на него правительство. Инфляция не замедлилась (в 1943 г. она составила 590 пунктов, а в 1944 г. – 458,9 пунктов ИОЦ)[23], а перераспределение капитала не удалось – близкие к правящей верхушке главы «бирликов» промышленники и зажиточные крестьяне отреаги-

---

[15] Индекс оптовых цен (ИОЦ, WPI) – индекс, который измеряет и отслеживает изменения цен на товары на этапах, предшествующих розничному уровню, показывая изменение средней цены на потребительские товары.

[16] *Arslan Başer Kafaoğlu.* Varlık Vergisi Gerçeği. İstanbul, 2002. 115 s.

[17] Varlık Vergisi Kanunu № 4305 // T.C. Resmi Gazete. 1942. 12 Kasım.

[18] *тур.* мусульманин

[19] *тур.* немусульманин

[20] *от тур.* dönmek – «разворачиваться, поворачиваться» – человек, обращённый в мусульманство из другой религии

[21] *Киреев Н.Г.* История Турции в XX веке… С. 255.

[22] Там же. С. 256.

[23] *Arslan Başer Kafaoğlu.* Varlık Vergisi Gerçeği… S. 28.

ровали на введение налога увеличением числа операций на чёрном рынке[24].

Логично заключить, что закон «О национальной защите» вместе с его составляющими (в частности, налог на имущество) оказали крайне деструктивное влияние на развитие Турецкой Республики в экономической и социально-политической сферах. Последствия применения Закона в рамках турецкой экономической системы можно считать сугубо отрицательными – вмешательство государства в экономику, которое длилось с 1940 по 1946 г. (прекращение действия Закона), привело к увеличению масштабов государственного планирования и, соответственно, росту финансовых издержек, которые покрывались за счёт ускорения эмиссии. Попытка сдержать вызванную излишней эмиссией инфляцию посредством применения нового налога на имущество также провалилась – основная группа населения, на которую был направлен данный налог, минимизировала его воздействие за счёт проведения теневых экономических сделок, что укрепляло как сложившееся неравенство в доходах, так и тенденцию к проведению сделок на чёрном рынке. Да и сам Закон не справился со своей первостепенной задачей – переориентированная на выпуск военных товаров и испытывающая дефицит рабочей силы из-за жёсткой призывной политики экономика не могла обеспечить выпуск товаров народного потребления в необходимом количестве, что приводило к росту цен и сопутствующему дефициту товаров, который усугублялся прямым вмешательством государства и астрономическими значениями инфляции.

При этом сильнее всего пострадала деревня, в которой стремительно рос уровень нищеты, что побуждало менее зажиточных крестьян оставлять обработку земли и отправляться в город на заработки. Это не только стало причиной деградации огромных площадей плодородной земли, но и привело к появлению феномена «геджеконду»[25] в крупных турецких городах, где уровень безработицы, нищеты и преступности был очень велик. Аналогично можно заключить, что малое

[24] *Oğuz Onaran.* Milli Koruma Kanununun… S. 493–500.

[25] *от тур.* gece – «ночь» и kondu – «возведённый, построенный»; данным именем называют турецкие трущобы, которые начали появляться вокруг крупных городов в середине 1940-х годов.

и среднее предпринимательство в прочих сферах торговой и производственной деятельности также оказалось на грани полного разорения.

Сдвиги же в политической сфере стали куда более значительными. Закон «О национальной защите» (точнее, его влияние на экономику) стал отправной точкой для реформирования политической системы Турецкой Республики. Разочарование в экономической политике НРП со стороны народа, на глазах которого приближенные к правящим политическим кругам крупные землевладельцы, торговцы и предприниматели непомерно быстро богатели, а уровень коррупции, бюрократии, безработицы и нищеты лишь возрастал, не просто привело к недовольству со стороны обычных граждан, а к расколу правящей (и единственной легитимной в турецкой политике) Народно-республиканской партии.

Разногласия по вопросам проводимой политики (особенно в сфере земельной политики) и расхождения в точках зрения на будущее Турции привели к появлению так называемого «движения четырёх подписей». Его основной стали четыре депутата ВНСТ – бывший премьер-министр Джеляль Баяр (1937–1939 гг.), Рефик Коралтан, депутат от ила[26] Карс Фуат Копрюлю и пока что никому не известный депутат от ила Айдын Аднан Мендерес. Они достаточно жёстко критиковали проводимый НРП внутренний курс, за что сентябре 1945 г. Мендерес и Копрюлю были исключены из партии; Баяр отказался от парламентского места в ноябре этого же года.

«Движение четырёх подписей» привело к окончательному оформлению раздела НРП к концу 1945 г. – из неё вышли ещё несколько депутатов и при поддержке Баяра и Мендереса образовали собственную Демократическую партию (ДП), главой которой был избран последний. И хотя ДП проиграла выборы 1946 г., она одержала ошеломляющую победу над НРП на следующих выборах 1950 г., по результатам которых все члены «движения четырёх подписей» получили руководящие должности в составе нового правительства, возглавляемого Мендересом.

[26] *от тур.* il – «провинция» – крупнейшая территориальная единица в административно-территориальном делении Турции.

Таким образом, принятие закона «О национальной защите» привело к мощнейшим сдвигам во внутренней структуре турецкого государства; при этом, несмотря на исключительно экономическую направленность закона, его последствия распространились и на политическую структуру Турции. Глубокое недовольство проводимой НРП политикой регуляции экономики в рамках Закона привело к осознанию необходимости политических реформ как в рядах обычных граждан, так и в высших правящих кругах – и уже после окончания Второй мировой войны эти стремления раскололи правящую партию, приведя к формированию новой партии, тем самым создав двухпартийную систему, которая положила конец однопартийному периоду в истории Турции. Изменение политической системы Турции было тепло встречено Западом на фоне набирающей обороты Холодной войны, что, возможно, послужило одной из основных причин для принятия турецкого государства в состав НАТО в 1952 г.

Е.С. Зиновьев

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва)

Развитие концепции послевоенного мира в документах Антигитлеровской коалиции

Статья посвящена проблемам развития концепции послевоенного мира, которые нашли свое отражение в документах, подготовленных странами Антигитлеровской коалиции на различных этапах Второй мировой войны. Анализируются важнейшие документы, в том числе Атлантическая хартия, Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, материалы Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций, в контексте социально-политических, экономических, территориальных аспектов послевоенного устройства мира, а также вопросов обеспечения международной безопасности. Характеризуются подходы стран Антигитлеровской коалиции к построению концепции послевоенного мира, сходные позиции и разногласия. Рассматривается процесс формирования Организации Объединенных Наций как гаранта мира и безопасности, развития международного сотрудничества.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Антигитлеровская коалиция, концепция послевоенного мира, Атлантическая хартия, конференции "Большой тройки", Организация Объединенных Наций.

Вторая мировая война – один из самых серьезных глобальных кризисов XX в., который привел к огромным человеческим жертвам и изменил всю систему международных отношений. Для его преодоления была сформирована Антигитлеровская коалиция, главными участниками которой стали СССР, Великобритания и США. За время деятельности коалиции были приняты многие межсоюзнические документы, в разработке которых активное участие принимала и советская сторона. Особое место в этой деятельности занимает согласование программы послевоенного устройства мира, обеспечение международной безопасности, недопущение повторения подобных событий.

Анализ документов того времени может показать объективную картину развития событий Второй мировой войны и несостоятельность, предвзятость предпринимаемых в настоящее время рядом западных стран попыток переписать историю. Так, в западных средствах массовой информации достаточно часто озвучиваются мнения, принижающие вклад Советского Союза в разгром фашизма, а также критика решений Ялтинской конференции, главным образом касающаяся послевоенного устройства Европы. В современной Польше все чаще звучат мнения о том, что Варшава должна получить компенсацию за ущерб во Второй мировой войне от Москвы и от Берлина, но репарационные претензии Польши были удовлетворены Советским Союзом из своей доли репараций с Германии, как было установлено на Потсдамской конференции. В 2009 г. Европарламент принял решение об объявлении 23 августа Днем памяти жертв сталинизма и нацизма, что уравнивает с точки зрения «западных демократий» нацистскую Германию и СССР в развязывании Второй мировой войны. Они связывают это с заключением пакта Молотова – Риббентропа[1]. Такие мнения со стороны западных стран звучат все чаще, что актуализирует изучение документов периода Второй мировой войны для понимания данных событий и вопросов послевоенного обустройства мира.

В процессе исследования были изучены документы из Российского государственного архива социально-политической истории, из архива внешней политики Российской Федерации, которые связаны с формированием и деятельностью Антигитлеровской коалиции в разные периоды Второй мировой войны. Также были изучены материалы и документы по внешней политике Советского Союза в период Второй мировой войны, документы конференций стран Антигитлеровской коалиции, в том числе Атлантическая хартия (1941 г.), Московская декларация (1943 г.), материалы Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций. Многие документы анализировались по сборнику «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Эта работа включает не только

[1] *Кикнадзе В.Г., Изонов В.В.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность: 1 ч. / под ред. В.Б. Зотова, И.И. Басика. М., 2010. С. 5–7.

документы, подписанные странами-участницами конференций, но и стенограммы переговоров с советской стороны. Наличие этих стенограмм дает возможность более полно понять позиции сторон, поскольку в стенограммах союзников многое было упущено и отредактировано.

В ходе исследования также анализировались монографии отечественных и зарубежных авторов. В работе В.Л. Исраэляна «Антигитлеровская коалиция. 1941–1945. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны»[2] рассматривается процесс становления Антигитлеровской коалиции, различные аспекты сотрудничества между СССР, США и Великобританией в разные периоды Второй мировой войны, особенности военной стратегии стран-участниц коалиции. Работа «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»[3], в частности, восьмой том, помогает понять особенности внешней политики и дипломатии Советского Союза в ходе войны, взаимодействие с союзниками по Антигитлеровской коалиции, что нашло отражение в подписанных документах.

Из иностранных работ по данной проблематике нами было привлечено исследование Г. Фейса «Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились»[4]. Автор анализирует большой объем документов, представленных, прежде всего, со стороны США и Великобритании. По этой причине исследование в большей степени отражает видение проблем Антигитлеровской коалиции странами Запада; кроме того, особое внимание в работе уделено личностям И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. В работе «Allies at War: The Soviet, American, and British Experience, 1939–1945» (под редакцией Д. Рейнольдса, У.Ф. Кимбалла, А.О. Чубарьяна)[5] исследуются стратегия, экономика и внешняя политика стран Антигитлеров-

---

[2] *Исраэлян В.Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны). М., 1964. 608 с.

[3] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2014. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. 864 с.

[4] *Feis H.* Churchill. Roosevelt. Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957. 692 p.

[5] Allies at War: The Soviet, American, and British Experience, 1939–1945. London; New York, 1995. 544 p.

ской коалиции в период Второй мировой войны, вопросы межсоюзнической дипломатии.

Уже на начальных этапах Второй мировой войны страны-союзники по Антигитлеровской коалиции в совместных документах приняли ряд важнейших положений, которые касались устройства мира в послевоенные годы и вопросов обеспечения международной безопасности.

В Атлантической хартии, к которой Советский Союз присоединился 24 сентября 1941 г., были закреплены важнейшие правила в сфере международных отношений. США и Великобритания декларировали, что они не имеют никаких территориальных претензий и не поддержат территориальные изменения, которые осуществляются без свободного согласия народов тех стран, которые эти изменения могут затронуть. Значительная часть документа посвящена принципам, планируемым к реализации после войны: право всех людей жить в мире и безопасности, развитие экономического сотрудничества стран, доступ всех стран, и победителей, и проигравших, на мировые рынки. Государства-агрессоры должны были быть разоружены, и впоследствии мир должен был предпринимать шаги к общему разоружению.

Советское правительство, выразив согласие с основополагающими принципами Атлантической хартии, отмечало, что ряд принципов нуждается в корректировке. Так, принцип восстановления суверенитета наций не совсем вписывался в концепцию Сталина, так как мог привести к непризнанию присоединения стран Прибалтики к СССР[6].

На Московской конференции 19–30 октября 1943 г. была подписана Декларация четырех государств (СССР, Великобритания, США, Китай) по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г. Уже на данном этапе войны страны-союзники считали необходимым создание Международной организации для поддержания мира и безопасности, при этом отмечая важность дальнейших консультаций по проблеме регулирования вооружений в послевоенный период[7]. На конференции также были приняты Декларации об Италии и об

[6] *Feis H.* Churchill. Roosevelt. Stalin… P. 554

[7] Великая Отечественная война 1941–1945 годов… С. 268–269

Австрии, Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства.

В Декларации об Италии были обозначены те меры, которые будут приняты после избавления страны от фашистского режима, в том числе установление свобод, введение демократических институтов, предание фашистских преступников суду[8]. В Декларации об Австрии отмечается, что США, Великобритания и СССР не признают присоединение (аншлюс) Австрии в 1938 г., и после окончания войны Австрия должна вновь стать независимым государством[9].

Большой вклад в формирование концепции послевоенного мироустройства внесли конференции, проходившие на высшем уровне: Тегеранская, Ялтинская (Крымская), Потсдамская (Берлинская). На Тегеранской конференции 28 ноября – 1 декабря 1943 г. были принята Декларация о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех Держав (Декларация трех Держав), которая показывает приверженность стран Антигитлеровской коалиции принципу продолжения сотрудничества и в послевоенное время. В Декларации отмечается недопустимость тирании и захватнической политики со стороны любого государства. Декларация об Иране гарантирует полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирану[10].

К 1944 г. исход войны становился всё более очевидным. Страны Антигитлеровской коалиции понимали важность восстановления экономики и максимально быстрого решения социально-экономических проблем, обусловленных войной. Данные вопросы обсуждались на конференции, проходившей в Бреттон-Вудсе (США) 1–22 июля 1944 г. Были подписаны важнейшие соглашения в сфере экономики: соглашение о принципах формирования валютных обменных курсов,

[8] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 года – 31 декабря 1943 года / ред.- сост. С. Майоров. Т. I. М., 1944. С. 361–362

[9] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов / гл. ред. А.А. Громыко. В 6 т. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 354

[10] Тегеран – Ялта – Потсдам: сб. док-тов / сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., 1970. С. 98–100.

о создании Международного Валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР).

Инициатива в данном вопросе исходила от США, которые всячески стремились укрепить господствующее положение доллара в мировой валютной системе, что им и удалось сделать. По Бреттон-Вудским соглашениям доллар становился единым платёжным средством и резервной валютой, что создавало преимущества для США. Несмотря на это, СССР Бреттон-Вудские соглашения подписал, но в декабре 1945 года Сталин отказался от ратификации документов данной конференции. СССР также не присоединился к работе МВФ и МБРР.

Актуальным для стран-союзников оставался вопрос о создании международной организации по сохранению мира и безопасности, который уже обсуждался на Московской конференции 1943 г. По данной проблеме была созвана новая конференция, проходившая в Думбартон-Оксе (США) в августе – сентябре 1944 г.

Главная задача, стоявшая перед участниками конференции, – определение ключевых принципов деятельности международной организации, которая будет выступать гарантом мира и безопасности. Хотя по данному вопросу велись предварительные переговоры, у стран возникло много споров в ходе самой конференции. Несмотря на все трудности, в Думбартон-Оксе были подписаны «Предложения относительно создания Всеобщей международной организации безопасности», ставшие основой создания устава Организации Объединённых наций[11]. Были определены ключевые органы ООН: Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, Международный суд и Секретариат. Во многом на конференции в Думбартон-Оксе участники опирались на опыт деятельности Лиги Наций, старались учесть ее ошибки. Так, стороны сошлись во мнении, что обязанность предоставления вооруженных сил Совету Безопасности ООН в предусмотренных случаях сделают систему более надежной[12]. В Лиге Наций подобной системы не было.

[11] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, 1 января – 31 декабря 1944 года / ред.-сост. С. Майоров. Т. 2. М., 1946. С. 243–259.

[12] Великая Отечественная война 1941–1945 годов… С. 564.

А.А. Громыко поднял вопрос о членстве в создававшейся организации всех советских республик, что вызвало неоднозначную реакцию со стороны США и Великобритании, и по предложению США рассмотрение данного вопроса было решено отложить.

Важной встречей союзников по Антигитлеровской коалиции стала Четвёртая Московская конференция, проходившая 9–19 октября 1944 г. На конференции присутствовали представители Польского комитета национального освобождения и правительства Польши в эмиграции, что было продиктовано повесткой дня. Между странами-союзниками существовали разногласия относительно формирования польского правительства и послевоенного устройства Польши[13]. Помимо существовавшего Правительства Польши в эмиграции, находившегося в Лондоне, в январе 1944 г. в Варшаве была создана подпольная Крайова Рада Народова, а в июле – Польский комитет национального освобождения (ПКНО), находившийся в Люблине с августа 1944 г.

Советский Союз отстаивал позицию, что в Правительстве Польши у ПКНО должно было быть большинство, с чем категорически был не согласен Миколайчик, являвшийся главой правительства Польши в изгнании. У. Черчилль отстаивал позицию, что между «лондонскими» и «люблинскими» представителями должно быть равенство. По итогам переговоров И.В. Сталина и У. Черчилля английская сторона пошла на уступки и в ходе встречи с ПКНО поддержала советские предложения по назначению С. Миколайчика премьером при сохранении большинства за «люблинцами»[14]. Однако Миколайчик не согласился с этим.

Благодаря ее публикации в составе мемуаров У. Черчилля мы можем познакомиться с его запиской, сделанной в Кремле 9 октября 1944 г.[15] В записке отмечено разделение сфер влияния между СССР и

---

[13] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М., 1957. С. 156.

[14] Великая Отечественная война 1941–1945 годов… С. 412 –413

[15] Записка У. Черчилля, написанная в Кремле 9 октября 1944 года, с разделением сфер влияния на Балканах // Национальный архив, Великобритания. Проект Сталин,

союзниками на Балканах. В зону влияния СССР попала Румыния и Болгария, в зону союзников – Греция, влияние в Югославии и Венгрии было решено разделить пополам.

На Ялтинской конференции, проходившей в Крыму 4–11 февраля 1945 г., где встретились лидеры СССР, США и Великобритании, продолжились обсуждения по формированию концепции мироустройства после войны. По итогам конференции стороны приняли коммюнике[16], был подписан протокол о переговорах по вопросу о репарациях[17], соглашение о Японии и Китае и соглашения по делам военнопленных и гражданских лиц[18]. Согласно протоколу конференции страны договорились о том, что репарации будут взиматься со стороны Германии в трёх формах, а именно единовременные изъятия из национального богатства Германии, ежегодные товарные поставки в течение 10 лет после окончания войны и репарационное использование немецкой рабочей силы.

На Ялтинской конференции продолжилось обсуждение вопроса о членстве в ООН всех республик СССР. СССР пошел на уступки союзникам и заявил о включении в ООН 2–3 наиболее пострадавших от врага республик – Белорусскую, Украинскую и Литовскую ССР. Несмотря на позицию Ф. Рузвельта, который стремился к равному количеству голосов со стороны СССР и США, все-таки удалось прийти к компромиссу о включении в ООН Белоруссии и Украины. Позицию СССР поддержал У. Черчилль, стремившийся включить в ООН государства Британского содружества.

Черчилль, Рузвельт: совместная борьба с нацизмом. URL: https://alliance.rusarchives.ru/ru/zapiska-u-cherchillya-napisannaya-v-kremle-9-oktyabrya-1944-g-s-razdeleniem-sfer-vliyaniya-na (дата обращения: 12.11.2022)

[16] Коммюнике о Конференции руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму 11 февраля 1945 г. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 3б. Оп. 1. П. 19. Д. 232. Л. 1–11.

[17] Протокол переговоров глав трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях 11 февраля 1945 г. АВПРФ. Ф. 3б. Оп. 1. П. 19. Д. 234. Л. 1, 2.

[18] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / гл. ред. А.А. Громыко. В 6 т. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 273–274.

На Ялтинской конференции обсуждалась проблема формирования границы Польши. СССР настаивал на компенсации немецкими территориями на Западе, США рассматривали вариант компенсации на южном участке линии Керзона. В итоге США пошли на уступки советской стороне, и в Декларации Крымской конференции по Польше была зафиксирована восточная граница по линии Керзона «с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши», а Польше обещаны «приращения территории на Севере и на Западе»[19].

После проведения Ялтинской конференции активизировалась работа по совершенствованию принципов Организации Объединённых Наций. По инициативе правительств СССР, США, Великобритании и Китая было решено созвать конференцию, которая могла бы выработать взаимовыгодные решения для всех стран – участников ООН и выработать Устав организации. Эта конференция проходила 25 апреля – 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско, США. На конференции был выработан Устав ООН, в котором был прописан принцип единогласия всех постоянных членов Совета Безопасности. Именно этот принцип отстаивала советская сторона. На конференции также был учреждён Международный суд ООН, статус которого определен в Уставе ООН.

В формировании концепции послевоенного устройства мира большую роль сыграла Потсдамская (Берлинская) конференция, проходившая 17 июля – 2 августа 1945 г. Главы правительств СССР, США и Великобритании не всегда сходились во мнениях, но были готовы идти на компромисс и не были заинтересованы в срыве конференции. По итогам конференции стороны согласовали и подписали Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г.[20]

Первый пункт Протокола посвящен созданию Совета Министров иностранных дел – специальному органу для проведения необходимой

[19] Советский Союз на международных конференциях… Т. 4. С. 280

[20] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / гл. ред. А.А. Громыко. В 6 т. Т. 6. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 427–447.

подготовительной работы по мирному урегулированию. В него входили министры иностранных дел Великобритании, СССР, Китая, Франции и США. Совет должен был составить мирные договоры для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии для представления их Объединенным Нациям. Второй пункт Протокола был посвящен решениям союзников по возвращению Германии к мирной жизни, решению гуманитарных вопросов, предотвращению развития военного потенциала Германии. Для этих целей был создан Союзный Контрольный Совет.

На конференции значительное внимание было уделено решению территориальных вопросов. Так, город Кёнигсберг и ближайшие территории передавались Советскому Союзу. Велось активное обсуждение польского вопроса. Принятыми решениями Потсдамская конференция обозначила исторический рубеж между войной и миром.

Проанализированные в ходе исследования документы дают возможность понять этапы формирования Антигитлеровской коалиции, сложность этого процесса, подходы разных стран к построению концепции послевоенного обустройства мира. Можно отметить, что в начале Второй мировой войны страны Антигитлеровской коалиции были более ориентированы на диалог, поскольку на тот момент главной целью для всех был разгром врага, объединение усилий в совместной борьбе. С военными победами главной задачей стран-союзников стала разработка концепции послевоенного мира. На тот момент все страны выступали за закрепление и применение принципов, которые не допустят подобную войну в будущем. Но по другим направлениям послевоенного устройства мира, в том числе и процедурным моментам, были разногласия. Руководство всех стран Антигитлеровской коалиции понимало, что мировая система после войны будет кардинально иной, и старалось максимально учесть национальные интересы. Одним из важнейших итогов взаимодействия стран-союзников стало создание Организации Объединенных Наций в целях поддержания и укрепления мира и безопасности, развития международного сотрудничества.

И.С. Хлудов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва)

Интернационализация Алжирской войны (1954–1962 годы)

В статье рассматривается проблема интернационализации Алжирской войны 1954–1962 гг. На протяжении всего конфликта фактор интернационализации, т.е. прямого или опосредованного включения в конфликт других государств, был решающим при принятии политических решений как со стороны алжирских повстанческих группировок (ФНО), так и со стороны французских колониальных сил. Позиции отдельных держав (США, СССР, Тунис, Марокко) и международного сообщества в целом предопределили исход конфликта. В конечном итоге многоуровневые проявления интернационализации стали ключевой причиной сокрушительного поражения Пятой республики в войне, равно как и распада ее колониальной империи. В ходе написания работы использовались различные источники: речь сенатора Дж.Ф. Кеннеди от 1957 г., внешнеполитические документы алжирской стороны, интервью участников войны.

Ключевые слова: Алжирская война; деколонизация; Франция; Четвертая республика; холодная война.

Дискуссионный характер Алжирской войны, которая дорого обошлась Франции в военно-политическом аспекте, до сих пор вызывает неоднозначную реакцию в Пятой республике, что связано в первую очередь с неоднозначным статусом этого конфликта. Несмотря на предоставление Алжиру статута с ограниченной автономией в 1947 г.[1], права берберов и арабов фактически не соблюдались, а власть и богатства были сосредоточены в руках тонкой прослойки населения – французских переселенцев «пье-нуаров»[2]. Основная же проблема этой войны заключается в следующем: на про-

[1] *Гончарова Т.Н.* История французского колониализма: актуальные проблемы изучения. Ч. I: История колониальных империй Франции. СПб., 2013. С. 72.

[2] Дословно «черноногие», поскольку переселенцы носили черную обувь.

тяжении столетия Франция рассматривала Алжир как неотъемлемую часть своей территории, на которой жило по разным подсчетам около миллиона французов. В этой связи «беспорядки» воспринимались как сепаратизм и угроза целостности страны, поэтому в сознании большинства французов этот конфликт являлся внутренним делом, а его интернационализация – грубым вмешательством во внутреннюю политику Франции.

Актуальность статьи заключается в том, что фактору интернационализации в контексте Алжирской войны уделяется второстепенное внимание, особенно в российской научной школе. Более того, в марте 2022 г. отмечалась годовщина по случаю подписания Эвианских соглашений, положивших конец кровопролитной войне, и к этой дате появились новые источники и исследования, проливающие свет на события давних лет. Комплексные работы настоящей проблематики учитывают, как правило, не все аспекты интернационализации, поэтому данная статья призвана частично заполнить этот пробел. Наконец, ряд документов, связанных с внешнеполитической деятельностью Фронта национального освобождения (ФНО) и Временного правительства Алжирской Республики (ВПАР), а также свидетельства очевидцев тех событий позволяют по-новому взглянуть на войну. Исходя из вышеизложенного, мы выдвигаем следующее предположение: интернационализация конфликта оказала если не существенное, то, по крайней мере, решающее влияние на исход противостояния по сравнению с внутренним расколом Франции.

Большинство исследований, в которых фигурирует Алжирская война, связаны непосредственно с историей Францией в более широком контексте. В.П. Смирнов[3] изучает эту войну сквозь призму развития внутренней политики Франции, Е.О. Обичкина[4] – внешней, Т.Н. Гончарова[5] – в рамках колониальной истории страны, М.Ц. Арзаканян – через биографию Ш. де Голля[6]. Французская сторона (Г. Пер-

[3] *Смирнов В.П.* Франция в XX веке. М., 2001. 352 с.

[4] *Обичкина Е.О.* Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012. 382 с.

[5] *Гончарова Т.Н.* История французского колониализма…

[6] *Арзаканян М.Ц.* Де Голль. М., 2007. 268 с.

вилле[7], П. Монтаньон[8], Д. Лормье[9]) традиционно делает акцент на обзорном изучении. Г. Первилле работает в традициях колониальных исследований. П. Монтаньон прибегает к историко-генетическому методу, т.е. приблизительно половина его работы посвящена причинам возникновения конфликта. Д. Лормье рассматривает Алжирскую войну в качестве совокупности судеб людей, сыгравших в ней немаловажную роль. В англоязычных работах (Г.Д. Клева[10], Л. Амири[11], И.М. Уолл[12]) внимание смещается в сторону узконаправленных тем: анализ речи Кеннеди, проблемы терроризма как инструмента войны, американо-французские отношений в рамках алжирской кампании, соответственно.

В статье используется системный подход применительно к международным отношениям, в основе которого лежит предположение, что Алжирская война развернулась в условиях биполярного мира времен холодной войны, подчиняясь, следовательно, логике противостояния двух центров силы. С точки зрения теоретического обоснования наиболее подходящей парадигмой является реализм. Во-первых, он хорошо объясняет историю войн, в том числе малых. Во-вторых, благодаря ему удается проследить последствия и причины интернационализации алжирского вопроса. Так, поражение гегемонистской державы связано с территориальным перенапряжением, упадком империи и возрастающим соперничеством со стороны других держав (США, СССР)[13].

В дополнение к реализму целесообразно прибегнуть к мотивационной теории, согласно которой у противников есть необходимый боевой дух, воля, желание бороться за осуществление своих целей. В нашем случае у алжирских повстанцев главной мотивацией было

[7] *Pervillé G.* La guerre d'Algérie. Paris, 2012. 128 p.

[8] *Montagnon P.* La guerre d'Algérie: Genèse et engrenage d'une tragédie. Paris, 2012. 705 p.

[9] *Lomier D.* Histoires secrètes de la guerre d'Algérie. Paris, 2022. 208 p.

[10] *Cleva G.D.* John F. Kennedy's 1957 Algeria Speech: The Politics of Anticolonialism in the Cold War Era. Lanham, 2022. 273 p.

[11] *Amiri L.* Western Europe, the Second Front in the War of Algerian Independence // The Oxford Handbook of the History of Terrorism. Oxford, 2021. P. 575–591.

[12] *Wall I.M.* France, the United States, and the Algerian War. Berkeley, 2001. 350 p.

[13] *Merom G.* How Democracies Lose Small Wars. Cambridge, 2003. P. 5–7, 13.

обретение независимости посредством вооруженных действий и интернационализации вопроса, у Франции – сохранение колониальной империи и единства нации[14].

Само понятие интернационализации было введено в оборот непосредственно ФНО, который стремился сделать свою борьбу достоянием международной общественности. Как следствие, это явление включает в себя как попытку добиться признания ВПАР, так и ряд мер, направленных на привлечение внимания СМИ и иностранных граждан. Алжирская война, как представляется, проходит через три этапа интернационализации: 1) с начала войны (ноябрь 1954 г.) до пика Суэцкого кризиса (ноябрь 1956 г.); 2) с 1957 г. (активная поддержка независимых Туниса и Марокко) до конца 1958 г. (постепенная ориентация ВПАР на соц. лагерь); 3) от 1959 г. до 1962 г. (апогей интернационализации вопроса).

Фактор холодной войны проходит красной нитью сквозь французско-алжирское противостояние. Французская сторона вплоть до 1956 г. в своей риторике подчеркивала, что в событиях в Алжире замешаны социалистические страны, поскольку под видом национальной (революционной войны) СССР и его союзники стремятся расширить свою сферу влияния. Французские колонисты даже ссылались на Ленина, который якобы говорил, что революцию в Париже можно сделать через Алжир[15]. Однако на деле французы вплоть до 1956 г. рассматривали ФНО как фашистское движение, а политика египетского лидера Нассера, наоборот, имела, по их мнению, социалистическую направленность. Более того, после Корейской войны 1950–1953 гг. США более охотно предоставляли военную помощь Франции. Вместе с тем международная ситуация в этот период была относительно спокойной, поскольку две супердержавы переживали потепление отношений, что было связано со сменой руководства в СССР.

В этой связи и Америка, и СССР крайне осторожно отреагировали на алжирские волнения в первые годы войны. Стоит отметить, что Соединенным Штатам изначально был присущ дух антиколони-

[14] *Merom G.* How Democracies Lose Small Wars… P. 11.

[15] *Pervillé G.* La révolution algérienne et la guerre «guerre froide» (1954–1962) // Etudes internationales, 1985. T. 16 (1). P. 56.

ального движения[16]. Кроме того, директор разведки А.У. Даллес подозревал главу правительства П. Мендес-Франса в стремлении вывести часть войск из Европы, на которые рассчитывали США в своей борьбе с СССР, для подкрепления в Алжире. В мае 1956 г. Даллес уже официально заявил об этом на заседании СНБ[17], критикуя, в частности, Францию за отсутствие солидарности. Однако это нисколько не мешало США поставлять Четвертой республике вертолеты на первом этапе интернационализации конфликта.

СССР, в свою очередь, с недоверием относился к ФНО, т.к. его лидеры не разделяли идей коммунизма, а алжирская компартия была отстранена от принятия решений. Сказывалась инертность прошлой политики, рупором которой был В.М. Молотов. Недоверие к национальным движениям без участия коммунистических сил было вызвано тем, что они воспринимались как американская экспансия. Наконец, СССР не хотел лишний раз раздражать Францию по такому чувствительному для нее вопросу, поскольку рассчитывал на ее поддержку в германской проблеме, связанной со статусом Берлина: впоследствии французский генерал Катру напрямую увязывал невмешательство СССР в войну со своей благожелательной позицией в Европе[18].

Из этого следует, что основные силы для интернационализации алжирского вопроса были брошены на страны Азии и Африки. Мухаммед Язид, представитель ФНО в ООН, в своей стратегии на этом поприще решил не делать ставку на арабские государства, поскольку те поддерживали повстанцев по умолчанию. Он выдвинул три задачи для ФНО: 1) сделать алжирскую проблему делом международного значения; 2) увязать эту проблему с независимостью Туниса и Марокко; 3) активно продвигать вопрос в Генассамблее ООН. Помимо этого подчеркивалась важность сотрудничества с Бирмой, Цейлоном, Индией, Индонезией и Пакистаном для интернационализации войны. Так, уже в меморандуме от 18 апреля 1955 г. на Бандунгской конференции североафриканская делегация выдвинула приложение касательно Алжира. В июле же 1956 г. ФНО направил схожий мемо-

[16] *Montagnon P.* La guerre d'Algérie… P. 166.

[17] *Wall I.M.* France, the United States… P. 16, 22.

[18] *Обичкина Е.О.* Советское руководство и война в Алжире 1954–1962 гг. по материалам архива МИД РФ // Новая и Новейшая история. 2001. Вып. 1. С. 22, 27.

рандум Индии, Египту и Югославии, которые входили в движение неприсоединения[19].

Кульминацией первого этапа стал Суэцкий кризис, в ходе которого Франция, Великобритания и Израиль напали на Египет. В контексте алжирской войны этот кризис важен для Франции, т.к. США и СССР открыто осудили военную кампанию. Египет долгое время поддерживал Алжир: египетские инструкторы тренировали алжирских повстанцев[20], а радио «Голос арабов» стало рупором пропаганды за независимость северной Африки[21]. Наконец, в результате Суэцкого кризиса Франции пришлось перебросить часть своих лучших войск в Египет в тот момент, когда ФНО уже нес большие потери[22]. Ограниченность геополитического влияния страны и отдаление США и Франции вывели интернационализацию войны на новый уровень.

Неожиданная для французов реакция со стороны США усугубила накопившиеся претензии Четвертой республики к своему старшему партнеру, которые были обусловлены деятельностью американских ТНК («Кока-кола», «Стэндард Ойл») и миссионерских организаций. Исполнительная власть США разочаровалась в Четвертой республике, которая, по их мнению, была неспособна противостоять бюрократии[23]. К тому же поддержка колониальных держав входила в противоречие с внутриполитическими процессами в самой Америке, связанными с движением за права чернокожего населения[24]. Наиболее ярким выражением этой позиции можно по праву считать речь сенатора Дж.Ф. Кеннеди, произнесенную им 2 июля 1957 г. В ней будущий президент резко осудил умиротворение европейского колониализма, который не отвечает моральным устремлениям и национальным интересам Франции[25]. Помимо этого прозвучала идея недопустимости оправдания войны борьбой с коммунизмом. Так США начали

[19] Les archives de la révolution algérienne // Rassambléés par M. Harbi. Paris, 1981. P. 172–174.
[20] *Branche R.* En guerres(s) pour l'Algérie. Paris, 2022. P. 68.
[21] *Abada M.* Guerre de libération: Histoire de la révolution algérienne. Paris, 2014. P. 119.
[22] *Montagnon P.* La guerre d'Algérie… P. 327.
[23] *Wall I.M.* France, the United States… P. 24, 101.
[24] *Cleva G.D.* John F. Kennedy's 1957 Algeria Speech… P. 5.
[25] Речь сенатора США Дж.Ф. Кеннеди «Империализм – враг свободы» // URL: https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/united-states-senate-imperialism-19570702 (дата обращения: 02.06.2022).

постепенно отходить от позиции беспрекословного нейтралитета, придав тем самым импульс интернационализации.

Активизируется и деятельность Туниса с Марокко, получивших независимость в прошлый период. Еще в 1955 г. Армия освобождения Марокко создавала определенные трудности для французской армии, а переговоры с этими двумя странами вызывали серьезную озабоченность у французских националистов[26]. После перехвата Францией в октябре 1956 г. самолета, на котором находились лидеры ФНО, в том числе А. бен Белла, Марокко и Тунис расценили этот шаг как пиратство и интенсифицировали поставки вооружений[27].

Помимо этого, в Тунисе укрывались многие члены ФНО, поэтому в феврале 1958 г. французские войска осуществили бомбардировку деревни Сакхиет-сиди-Юсеф, в которой находились как боевики, так и беженцы[28], что спровоцировало международный скандал. Параллельно с бомбардировкой Туниса вооруженные силы Франции встали на сторону Испании в испано-марокканском конфликте, получившем название «война в Ифни» (1957–1958)[29].

После этих событий общественное мнение, сочувствовавшее алжирцам и ранее, полностью встало на их сторону, а США под давлением своего населения предложили свои «добрые услуги» для урегулирования конфликта[30]. В этот период мировые СМИ активно освещают события в Алжире, особенно после того, как применение пыток французской армией стало достоянием общественности. В прессе развернулась настоящая битва за сердца и умы граждан западных стран[31]. Тем не менее, как свидетельствует письмо алжирского деятеля Мухаммеда Саадуна, сочувствие общественного мнения, например, в Великобритании (профсоюзы) не всегда коррелировало с официальной позицией стран[32].

---

[26] *Pervillé G.* La guerre d'Algérie… P. 45, 47.

[27] *Vircondelet A.* Albert Camus et la guerre d'Algérie: Histoire d'un malentendu. Monaco, 2022. P. 170.

[28] *Обичкина Е.О.* Внешняя политика Франции… С. 81.

[29] *Коновалов И.П.* Африканские войны современности. Москва, 2012. С. 13.

[30] *Vircondelet A.* Albert Camus… P. 225.

[31] *Harrison M.* Government and Press in France During the Algerian War // The American Political Science Review, 1964. Vol. 58 (2). P. 273.

[32] *Moussa N.S.* Algérie. Une autre histoire de l'indépendance. Paris, 2019. P. 6.

СССР в этот период старался вести осторожную политику в вопросе Алжирской войны. Так, весной 1957 г. посредством своих профсоюзов Советский Союз стал оказывать помощь Алжиру, размеры которой оставались скромными. С февраля 1958 г., на фоне международного порицания Франции, Красный крест и Красный полумесяц СССР в знак солидарности с народом Алжира оказывали гуманитарную помощь[33], но об официальном признании речи идти не могло, так как советское руководство опасалось ответных мер со стороны Франции в отношении германского вопроса.

Таким образом, в ходе второго этапа интернационализации конфликта оказались втянуты как сверхдержавы, так и новообразовавшиеся государства. Подобное развитие событий было на руку ФНО, а затем и ВПАР, созданному в сентябре 1958 г. В это время политический кризис во Франции достиг своего предела, в результате чего режим Четвертой республики пал, а Алжир смог развернуть свою деятельность на международной арене с большей силой. Однако несмотря на участие, хоть и опосредованное, США и СССР, алжирские повстанцы столкнулись с рядом вызовов, которые периодически тормозили процесс интернационализации.

Отношения с Тунисом и Марокко оставляли желать лучшего: правительства обеих стран по отдельности друг от друга вели переговоры с Францией по вопросу эвакуации французских гарнизонов[34]. В марте 1960 г. ВПАР выражало недовольство в связи со строительством нефтепровода из алжирской деревни Эджеле в Скиру (Тунис) компанией «Трапс». Остро стоял вопрос о французских военных базах в этих странах, например, в Бизерте[35]. В итоге ВПАР пришлось сосредоточить свои дипломатические усилия на других странах (Гана, Индия), которые должны были стать проводниками интернационализации.

С Соединенными Штатами у Франции имели место разногласия на международной арене. Американская сторона не стремилась сотрудничать с Пятой республикой в ядерной сфере, хотя для

[33] *Обичкина Е.О.* Советское руководство и война в Алжире… С. 22, 25.
[34] *Pervillé G.* La guerre d'Algérie… P. 71.
[35] Les archives de la révolution algérienne… P. 386.

последней этот вопрос имел первостепенное значение, учитывая политику «величия» де Голля[36]. С другой стороны, Дж.Ф. Кеннеди, придя к власти в 1961 г., обещал оказать президенту Франции полную поддержку в связи с очередным путчем ультраколонистов в Алжире. Поэтому Пятая республика могла в лучшем случае рассчитывать на нейтралитет.

Советский Союз, напротив, консолидировал свои усилия, что объясняется «поворотом на Восток» ВПАР, которые не смогли добиться признания со стороны западных держав. Следовательно, этим тактическим маневром Алжир стремился вызвать реакцию Запада[37], пользуясь противостоянием двух сторон в холодной войне. Опасаясь критики, исходящей от Югославии и КНР, в том, что СССР потворствует империалистам, в сентябре 1961 г. министр иностранных дел Громыко выступил в Генассамблее ООН, где резко осудил действия Франции, тем более что к тому моменту большинство стран Африки и Азии получили независимость.

В самой же ООН, в которой представители ФНО и впоследствии ВПАР могли практически беспрепятственно лоббировать свои интересы, Алжир в итоге добился не меньших успехов. С 1959 г. перспектива рассмотрения алжирского вопроса в Генассамблее становится все более реальной с учетом притока новых стран в международную организацию[38]. Так, блок стран из Азии и Африки являлся для Алжира твердой поддержкой для реализации их права на самоопределение. Хотя решения Генассамблеи носят рекомендательный характер, они имеют огромное морально-политическое значение, поэтому полностью их игнорировать у Франции не получилось бы без потери репутации.

Своеобразным способом добиться интернационализации вопроса предстает поддержка западноевропейских активистов и интеллектуалов. Например, через Швейцарию отмывались деньги для последующей передачи повстанцам, а в Бельгии алжирское влияние было особенно сильно. Как итог, террор ультраправых организаций обрушился и на эти страны (организация «Красная рука»): резонансными делами

---

[36] *Смирнов В.П.* Франция в XX веке… С. 254.
[37] Les archives de la révolution algérienne… P. 382.
[38] *Abada M.* Guerre de libération… P. 208.

стали убийства студентов и активистов, особенно алжирского происхождения[39], что еще больше усилило позиции Алжира в странах Запада.

Наконец, ключевым фактором в интернационализации вопроса стал фактор прихода к власти Ш. де Голля, который считается отцом-основателем Пятой республики. Усиление президентской власти позволило ему продвигать свои решения подчас в единоличном порядке. Первый президент Республики практически сразу понял, что оставить Алжир в составе Франции будет крайне затруднительно и нецелесообразно. Собственно, в его речи словосочетание «французский Алжир» звучало всего один раз, в июне 1958 г.[40] Впоследствии де Голль рассматривал французскую колониальную империю как реликт прошлого, по которому приятно ностальгировать, но который совершенно бесполезен.

В качестве заключения стоить отметить, что интернационализация Алжирской войны, рассматривающаяся сквозь призму неореализма и мотивационных теорий, действительно оказала куда более сильное влияние, нежели внутриполитические факторы. Хотя вооруженные силы повстанцев проигрывали на военном театре действий, их усилия по привлечению к проблеме международного сообщества привели к потере способности Франции сдерживать конфликт в рамках внутриполитической борьбы. Если США и СССР изначально не были заинтересованы во вмешательстве в алжирский вопрос, то впоследствии первые, союзники Франции по НАТО, ограничивались условной поддержкой, а СССР вместе с остальными социалистическими странами к третьему этапу стал активно развивать тему алжирской независимости. Роль арабских государств аналогичным образом представляла собой значимый фактор в интернационализации войны, поскольку они были особенно заинтересованы в ослаблении позиций колониальных держав. Так, сочетание глобального противостояния в холодной войне наряду с процессами деколонизации привели к полному провалу Франции в алжирском досье, что вылилось в итоге в его абсолютную интернационализацию.

---

[39] *Amiri L.* Western Europe, the Second Front in the War of Algerian Independence… P. 585.
[40] *Арзаканян М.Ц.* Де Голль… С. 155.

К.К. Пилипилиади

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва)

Влияние стран-членов НАТО и негосударственных акторов на политику расширения Альянса в постбиполярный период

Статья посвящена вопросам формирования евроатлантического пространства безопасности согласно Вашингтонскому договору от 4 апреля 1949 г., заложившему основу создания системы коллективной безопасности в евроатлантическом регионе в рамках Организации Североатлантического договора – НАТО. Всесторонний анализ докладов исследовательских центров, монографий и иной научной литературы показал, что курс на расширение евроатлантического пространства безопасности в постбиполярный период закладывался как странами-членами НАТО, так и негосударственными акторами из числа «мозговых центров». Автором проведено исследование влияния традиционных и нетрадиционных акторов на выработку политики Альянса. Сделан вывод о вкладе «мозговых центров» в процессы расширения НАТО на восток путем включения постсоветского пространства в сферу влияния евроатлантических структур.

Ключевые слова: коллективная безопасность, региональная безопасность, евроатлантический регион, НАТО, СССР, постбиполярный период.

Становление системы европейской безопасности и вопросы ее последующего обеспечения выступали справедливым запросом стран континента после окончания Второй мировой войны. Европа была потрясена событиями разрушительного характера, где принципы и нормы международного права были бессильны перед лицом угрозы, исходившей из сердца континента. В свою очередь, победа СССР и союзников над гитлеровской Германией послужила фундаментом для построения нового миропорядка, оформленного в виде Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Для данной

системы было характерным, прежде всего, построение послевоенной архитектуры безопасности и сотрудничества государств в качественно новой геополитической реальности.

Однако основы нового миропорядка фактически заложили фундамент для построения двухполюсной структуры мира, в которой ведущая роль отводилась таким сверхдержавам, как СССР и США. В свою очередь, послевоенный период оказался неспособным привести страны-победительницы к единому взгляду в вопросах построения безопасности в Европе. Напротив, он стал лейтмотивом на пути столкновения двух политико-идеологически противоположных блоков. Формирование «блокового мышления» времен холодной войны стало камнем преткновения в отношениях между СССР и США, тем самым разделив мир на просоциалистический и прозападный, с соответствующим для каждой из сторон военно-политической организацией (блоком государств), основанной на принципах коллективной безопасности.

В рамках настоящей статьи автор рассматривает подходы к обеспечению коллективной безопасности в евроатлантическом регионе, а также роль традиционных и нетрадиционных акторов международных отношений в расширении евроатлантического пространства безопасности на восток. Цель данного исследования заключается в анализе политики расширения НАТО в постбиполярный период и влияния негосударственных акторов на выработку внешнеполитического курса Организации Североатлантического договора.

Безопасность выступает основой существования и развития государства в системе международных отношений, а также является камнем преткновения в межгосударственных взаимоотношениях на протяжении многих веков. Впервые вопросами обеспечения безопасности задался древнегреческий историк Фукидид в своей фундаментальной работе «История Пелопонесской войны». Исследователи международных отношений, а также историки традиционно называют Фукидида одним из первых основоположников реализма, а именно структурного направления данной теории международных отношений[1].

[1] *Алексеева Т.А.* «Перечитывая классиков: Фукидид и политический реализм» // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 3 (20). С. 7–20.

Последователи структурного реализма трактуют «дилемму безопасности» Фукидида как парадоксальную ситуацию в контексте межгосударственных отношений, где меры, принимаемые правительством одного государства по обеспечению собственной национальной безопасности, могут рассматриваться как угроза существованию сопредельному или иному государству. Сама же концепция «ловушки Фукидида» формулирует мысль и о справедливых ответных мерах по обеспечению безопасности в случае угрозы со стороны государств, чья политика направлена на укрепление своего военного потенциала и обеспечение безопасности страны[2].

Период после окончания Второй мировой войны заложил основы Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, что способствовало укреплению межгосударственных отношений среди стран западной Европы в рамках Брюссельского пакта 1948 г., заключенного между пятью европейскими странами – Бельгией, Великобританией, Люксембургом, Нидерландами и Францией.

Данные геополитические изменения на территории Европы послужили драйвером для консолидации стран атлантического региона, среди которых уже велись тайные консультации между США, Канадой и Великобританией о создании оборонительного союза, сплоченного общностью государств по цивилизационному признаку. Европа рассматривалась как плацдарм для справедливого, с точки зрения США, расширения геополитического присутствия с целью недопущения распространения социалистического влияния СССР на европейские страны.

Таким образом, 4 апреля 1949 г. был подписан Североатлантический договор, заложивший основу системы коллективной безопасности в евроатлантическом регионе в рамках созданной Организации Североатлантического договора. НАТО выступает в договоре в роли военно-политического блока или, как считают в руководстве Альянса, «консультационной площадкой по вопросам сдерживания и безопасности в Европе». Данная формулировка нашла свое подтверждение в выступлении первого Генерального секретаря Организации Лайонела

[2] *Фукидид*. История / пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, С.А. Жебелева; под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999. С. 152–155.

Исмея об истинных целях создания Альянса – «*держать СССР вне Европы, обеспечивать в ней американское присутствие и сдерживать Германию*».

Положения Вашингтонского договора 1949 г. выступают основополагающими в системе евроатлантической безопасности и, соответственно, ставят роль о коллективной обороне и безопасности в центр функций Североатлантического Альянса. Согласно положениям статьи 5 стороны соглашаются, что вооруженное нападение на одного или нескольких из членов Организации в Европе или Северной Америке должно рассматриваться как нападение на всех и, следовательно, соглашаются, что если такое вооруженное нападение произойдет, каждый из них в осуществление права на индивидуальную или коллективную самооборону, признанного статьей 51 Устава ООН, окажет помощь подвергшимся нападению путем немедленного принятия индивидуально и совместно с другими странами-участницами мер, которые она сочтет необходимыми[3].

Несмотря на положения данной статьи Североатлантического Альянса, а также фундаментальные акты и концепции внешней политики, принцип коллективной ответственности ставится под сомнение рядом исторических и фактических обстоятельств. Связано это, прежде всего, с тем, что сама НАТО переживала кризисы доверия фундаментальным ценностям, стоящим в основе евроатлантического единства и нерушимости перед лицом угрозы. Так, в истории Альянса происходили события, которые пошатнули идею не только коллективной безопасности, но и коллективной обороны. Прежде всего это связано с выходом Франции из военной структуры НАТО в 1966 г., во время правления Ш. де Голля, и курса французского лидера на антиамериканскую риторику. С другой стороны, конфликт между Грецией и Турцией, связанный с вторжением на Кипр в 1974 г. Турции, и последующий вывод Греции из военной структуры Альянса поставили под сомнение концепцию коллективной безопасности в евроатлантическом пространстве.

Рассматривая процесс выработки, принятия решений и утверждения политики Организации Североатлантического договора, стоит

[3] *Don Cook.* Forging the Alliance. NATO in 1945–1950. New York, 1989. P. 114–115.

подчеркнуть, что традиционную роль в проводимой политике Альянса играют стратегические концепции НАТО, принимаемые на встречах в верхах посредством консенсуса среди стран-членов Организации[4]. Необходимо отметить тот факт, что стратегические концепции Альянса условно подразделяются на секретные и несекретные, где секретные, как правило, сопровождаются секретными военными документами и разведывательными данными, формирующими прогноз на кратко- и среднесрочную перспективу.

Принятая Организацией стратегическая концепция позволяет на долгосрочной основе следовать целям, определенным в рамках данного документа. В этой связи положения принятой стратегической концепции также содержат актуальные и потенциальные вызовы и угрозы безопасности НАТО, тогда как положения самой концепции содержат элементы подхода, необходимые для адаптации Альянса в условиях политического и военного изменения ситуации на международной арене.

Говоря о роли участников в разработке политики Альянса в рамках принятия стратегической концепции, справедливо провести разграничение на государственные и негосударственные акторы[5]. Так, одной из ключевых задач внешней политики США при администрации Б. Клинтона была именно экспансия Альянса в сторону Восточной Европы путем включения в евроатлантические структуры стран постсоветского пространства[6]. Для достижения поставленной цели администрация Клинтона привлекла к изучению возможных процессов потенциального расширения НАТО на Восток ряд «мозговых центров», занимающихся изучением внутри- и внешнеполитических процессов СССР.

---

[4] Les missions de l’Alliance: le concept stratégique [Электронный ресурс] // Représentation Permanente de la France auprès de l’OTAN. URL: https://otan.delegfrance.org/Le-concept-strategique (дата обращения: 06.06.2022).

[5] *Братерский А.В.* «Роль мозговых центров в выработке политики по расширению НАТО» // США & Канада: экономика – политика – культура. 2019. № 5. С. 39–54.

[6] *Asmus R.D.* Having an Impact: Think Tanks and NATO Enlargement Debate U.S. Foreign Policy Agenda [Электронный ресурс] // German Marshall Fund. 2002. URL: https://www.gmfus.org/galleries/ct_news_article_attachments/Asmus (дата обращения: 07.06.2022);

По мнению Т.А. Шаклеиной, США рассматривали НАТО и континентальную Европу в лице ЕС как наиболее подходящие фундаменты для проецирования своих внешнеполитических устремлений в вопросах преобразования миропорядка через призму демократических ценностей западного образца и в соответствии с глобальными планами Америки[7].

Необходимо особо подчеркнуть, что расширение НАТО в контексте принятой стратегической концепции Альянса от 1991 г. и секретного военного дополнения к ней ВК № 400 подготовили почву для вступления бывших стран-членов Организации Варшавского договора в Североатлантический альянс. Так, с принятием новой стратегической концепции в 1999 г. и секретного военного дополнения к ней ВК № 400/2 Альянс переживает четвертую волну расширения за счет интеграции в евроатлантические структуры Венгрии, Польши и Чехии, что во многом происходит благодаря внешней политике администрации Б. Клинтона, а также всеобъемлющей поддержке со стороны ключевых мозговых центров США, среди которых были Институт Брукингса, Совет по внешним сношениям и «РЭНД Корпорейшен»[8].

Примечательно, что процесс разработки новой стратегической концепции НАТО проходил параллельно с резкой критикой расширения Альянса и пересмотра его политики со стороны ряда «мозговых центров». В американском обществе, а также истеблишменте страны идея вовлечения бывших стран-членов ОВД трактовалась как гегемонистская политика США на постсоветском пространстве, тогда как сам Альянс рассматривался не иначе как ведомый США вассал для реализации своих внешнеполитических задач[9].

---

[7] *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М., 2002. С. 231–233.

[8] *Richard N.H.* Enlarging NATO: A Questionable Idea Whose Time Has Come [Электронный ресурс] // Brookings. 1997. URL: https://www.brookings.edu/research/enlarging-nato-a-questionable-idea-whose-time-has-come/ (дата обращения: 07.06.2022).

[9] *Hillen J.* Sunk in Helsinki. NATO After the Summit: Executive Memorandum [Электронный ресурс] // Heritage Foundation. 1997. № 474. URL: https://www.heritage.org/global-politics/report/sunk-helsinki-nato-after-the-summit (дата обращения: 07.06.2022).

Сразу несколько обстоятельств позволяют сказать о справедливости тезиса, высказанного экспертом консервативного Фонда «Наследие» Д. Хиллена. Во-первых, политика Североатлантического Альянса во многом диктовалась интересами США и Великобритании относительно бывшей Югославии и подогревания боснийского конфликта, включая вопрос относительно будущей независимости Косово[10]. Данные геополитические сдвиги происходили в самом сердце Европы, где США совместно с союзниками по коалиции в НАТО наносили удары по суверенному государству без надлежащего мандата со стороны Совета Безопасности ООН. Во-вторых, движение на Восток стало закономерностью, с точки зрения США вызванной необходимостью заполнить вакуум, связанный с распадом СССР и Организации Варшавского договора.

Рассматривая же процесс принятия решений на проведение политики Альянсом, мы видим, что данными полномочиями наделен такой орган Организации, как Совет НАТО или Североатлантический Совет. Именно поэтому, и отчасти благодаря консультативному характеру функций данного органа, в рамках которых страны-участницы договариваются о проведении консолидированной политики на основе консенсуса, руководство Альянса позиционирует Организацию как «консультационный форум»[11].

При этом в рамках постоянно функционирующего Североатлантического Совета был создан ряд комитетов по различным направлениям деятельности с целью выработки предложений по дальнейшему планированию работы Организации, а также соответствия принимаемой политики стратегии Альянса. Следует понимать, что функции Североатлантического Совета носят политический характер при непосредственной координации действий совместно с Комитетом военного планирования (КВП), представленным на уровне министров обороны

[10] Hearings of the Committee on Foreign Relations, One Hundred Firth Congress, Second Session [Электронный ресурс] // United States Senate. 1998. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-105shrg51257/html/CHRG-105shrg51257.htm (дата обращения: 08.06.2022).

[11] *Григорян А.В.* Процесс принятия решений в НАТО и дипломатия малых стран // Мировая политика. М., 2017. № 3. С. 1–11.

стран-членов Организации, а также постоянно действующим Военным комитетом на уровне начальников генеральных штабов[12].

При изучении роли стран-членов Организации Североатлантического договора следует обратить внимание на статистические данные в контексте ежегодных взносов в бюджет Альянса, чтобы понять, насколько политический голос той или иной страны весом в части выработки и принятия решений в контексте проводимой НАТО политики.

Так, США на протяжении всего существования Альянса оставались доминирующей страной, которая вносит существенный вклад в поддержание функционирования деятельности Организации. Примечательно, что страна вносила и продолжает вносить существенный вклад в формирование бюджета НАТО согласно положенным 2 % от ВВП. Исходя из опубликованных Организацией Североатлантического договора данных, более половины стран-членов в настоящее время и вовсе не вносят вклада в бюджет НАТО в размере установленных 2 %, чего нельзя сказать о взносах за период с 1990 по 1997 г.

В контексте сравнительного анализа ежегодных вкладов стран-членов НАТО за период с 1990 по 1997 гг. взносы в бюджет существенно сократились практических у всех союзников по Альянсу, включая значительный спад у США. Следует отметить страны, взносы которых значительно возросли за указанный период, что косвенно связано с геополитическими изменениями на карте мира и напрямую отразилось как на политической риторике данных стран, так и на практических действиях, предпринятых ими.

Показательное увеличение расходов на оборону и взносы в бюджет Организации отмечены у таких союзников по блоку, как Греция и Турция. Рассматривая приведенные за 1990-е годы данные, мы отмечаем значительный рост их у Греции как одной из стран-членов НАТО на юго-восточном фланге Альянса. Во-первых, увеличение затрат страны на членство в Организации, несмотря на экономическую нестабильность, было обусловлено затруднительными отношениями в

[12] North Atlantic Treaty Organisation. [Электронный ресурс] // EUR-Lex Access to European Union Law. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/nato-north-atlantic-treaty-organisation.html (дата обращения: 10.05.2022).

контексте противоречий со своим партнером по НАТО – Турцией – относительно споров вокруг Восточного Средиземноморья, а также кризисом Имиа в 1996 г. Таким образом, активная политика Греции подразумевала развитие военной инфраструктуры, увеличение военного бюджета страны, а также дополнительную закупку наступательного вооружения и модификацию уже имеющегося.

Таблица

Таблица расходов стран-членов НАТО в 1990–1997 гг.

	Доля военных расходов в ВВП (%)		Изменения в расходах на оборону (%)
	1990	1997	1990–1997 (%)
Бельгия	2,4	1,6	-25,5
Дания	2,1	1,7	-4,0
Франция	3,6	3,0	-8,6
Германия	2,8	1,6	-30,0
Греция	4,7	4,6	+13,8
Италия	2,1	1,9	-5,6
Люксембург	1,1	0,8	+1,9
Нидерланды	2,6	1,9	-14,0
Норвегия	2,9	2,2	-3,5
Португалия	2,8	2,6	+7,6
Испания	1,8	1,4	-14,6
Турция	3,5	4,3	+22,6
Великобритания	4,0	2,8	-27,0
Итого европейские страны-члены НАТО	2,8	2,2	-16,2
Канада	2,0	1,3	-17,8

Окончание таблицы

США	5,5	3,6	-26,6
Итого страны-члены НАТО	3,8	2,8	-22,8

**Составлена по: Keith H.* State Budget in a Changing Economic and Security Environment [Электронный ресурс] // Centre for Defense Economics. University of York. 1997. P. 130–131. URL: https://www.researchgate.net/publication/255597557_STATE_BUDGET_IN_A_CHANGING_ECONOMIC_AND_SECURITY_ENVIRONMENT

Несмотря на подобную динамику милитаризации своего соседа, Турция осуществляла достаточно взвешенный и сдержанный подход при последовательном увеличении взносов в НАТО на более чем четверть в сравнении с показателями за 1990 г., тогда как турецкая армия остается второй по численности и мощи в рамках Североатлантического Альянса. Однако сложность во взаимоотношениях между партнерами по блоку НАТО в историческом контексте находила свое отражение на общей политике Альянса.

Анализируя изменения в размере взносов со стороны стран-членов НАТО в бюджет Североатлантического Альянса, следует особо подчеркнуть политический подтекст, характерный для ряда европейских стран, и проявление русофобских настроений в части демонизации образа России, а также интерпретации ее внешней политики как ревизионистской и агрессивной. В определенной степени можно сказать, как заявляют, например, в Польше, что угрозы её национальной безопасности в полной мере соответствуют угрозам национальной безопасности США, на основании чего польский истеблишмент вне зависимости от своей конфигурации поддерживает односторонние действия США, направленные на дальнейшую милитаризацию территории Европы за счет укрепления стратегии НАТО. Данный тезис подтверждается тесными двусторонними отношениями по линии США-Польша, в рамках которых последняя активно принимала участие в операции по вторжению в Ирак и осуществляла последующий контроль над «серыми зонами» страны, заключила целый ряд военно-

технических соглашений на поставку и модернизацию вооружений, тем самым являясь преданным союзником США[13].

В рамках проведения политики НАТО руководство США вне зависимости от администрации Белого Дома выполняло функции медиатора в вопросах разногласий между союзниками по НАТО. Во-первых, это связано с доминирующей ролью страны в вопросах обеспечения евроатлантической безопасности и продвижением интересов страны в Европе. Во-вторых, противостояние по линии НАТО-Россия выступает в исторической ретроспективе краеугольным камнем политики Альянса. Сдерживание России и замыкание «кольца обороны» вокруг ее границ происходило в период постбиполярной неопределенности, о чем свидетельствует стремительное расширение блока на восток. Подобная динамика развития отношений между странами-членами НАТО и активная милитаризация территории Альянса со стороны США свидетельствовали о курсе страны на доминирование как на европейском континенте, так и во всем мире. Однако подобные действия фактически привели к тому, что акторы международных отношений в лице союзников по блоку НАТО оказались в «ловушке безопасности» Фукидида, экстраполируя формулировки времен холодной войны относительно потенциальной угрозы со стороны России как правопреемницы СССР.

[13] *Zięba R.* The 20th Anniversary of Poland's Accession to NATO. Transatlantic Relations. Open Door: NATO and Euro-Atlantic Security After the Cold War. 2019. № 9. P. 197–212.

А.В. Котик

Независимый исследователь (Магнитогорск)

Фактор многосторонности (многовекторности) во внешней политике Республики Казахстан в 2014–2022 годах

В настоящей статье предлагается проанализировать феномен многосторонности (в англоязычных исследованиях – многовекторности) во внешней политике Республики Казахстан в 2014–2022 гг. На основе анализа официальных источников и материалов периодической печати (печатные и электронные издания) с использованием компаративистского метода и метода case-study показано, что феномен многовекторности стал одним из основополагающих принципов в казахстанской внешней политике, включая и российско-казахстанские отношения. Продемонстрировано, что подобная внешняя политика приводит к проблеме принятия однозначного решения в условиях трансформации системы МО и замедляет интеграционные процессы на евразийском пространстве. Сделан вывод о том, что сохранение многовекторной внешней политики Казахстана может привести к ослаблению влияния страны на международной арене.

Ключевые слова: многосторонность, Республика Казахстан, Евразийское экономическое сотрудничество (ЕАЭС), российско-казахстанские отношения, многовекторность, казахстанско-европейские отношения.

Внешняя политика Республики Казахстан во втором десятилетии XXI в. выделялась на фоне других стран постсоветского пространства. При первом президенте страны в 1991–2022 гг. Н. Назарбаеве Казахстан сочетал стремление к активному участию в евразийской интеграции и к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми крупными международными акторами современного мира – Россией, Китаем, США, Европейским Союзом (ЕС) и Турцией. Одновременное участие страны в организации Евразийского экономического сотрудничества (ЕАЭС), в котором основную роль играет Россия, и Тюркском Союзе под эги-

дой Турции, а также активное сотрудничество с США и ЕС вызывает большие вопросы о характере внешней политики Казахстана в последние годы. В свете нового этапа Украинского кризиса и резкого ухудшения отношений между Россией и странами Западного мира подобная внешняя политика, которую исследователи называют многосторонней или многовекторной, является большим вызовом. В настоящей статье предлагается проанализировать феномен многосторонности/многовекторности внешней политики Республики Казахстан (РК) в 2014–2022 гг. и его влияние на российско-казахстанские отношения на современном этапе. Основными методами, задействованными в исследовании, являются case-study и компаративистский метод. Нижняя граница исследования обусловлена первой фазой Украинского кризиса и последовавшей в Украине гражданской войны, оказавшей серьёзное влияние на постсоветское пространство, в то время как верхняя граница – началом специальной военной операции России в Украине и её потенциальным воздействием на многовекторную внешнюю политику РК.

Феномен многосторонности во внешней политике Казахстана вызывает большой интерес со стороны российских и зарубежных исследователей. Нейтральная позиция Казахстана во время политического кризиса 2013–2014 гг. в Украине и нежелание политических элит страны интенсифицировать процессы политической интеграции в ЕАЭС позволяют говорить об особой позиции Казахстана на постсоветском пространстве. В этой связи анализ влияния многосторонности на внешнеполитическую деятельность Казахстана является важным как с научно-теоретической, так и с практической точек зрения. Среди отечественных и русскоязычных авторов можно выделить

К.П. Курылева[1], М.М. Шумилова[2], К.Е. Мещерякова[3], М.Н. Тажиеву[4], М.Н. Шапкина и Е.С. Васнецову[5] и др. Что касается зарубежных исследователей, то можно назвать имена Л. Анчески[6], Р. Хэнкса[7], Д. Роуза и М. Ларюэль[8], Р. Айзекса[9], С.Ф. Старра[10] и др. Отдельные компоненты (взаимодействие с международными организациями, межгосударственное взаимодействие) многовекторной внешней поли-

[1] *Курылев К.П., Дегтярев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.

[2] *Шумилов М.М.* Турецкий фактор в отношениях России и Казахстана в контексте евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 43–63.

[3] *Мещеряков К.Е.* Российско-казахстанские отношения в годы «Украинского кризиса» // Клио. 2016. № 5 (113). С. 118–134. *Мещеряков К.Е.* Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014. 709 с.

[4] *Тажиева М.Н.* Роль Российской Федерации и США в многовекторной внешней политике Республики Казахстан: сравнительный анализ // Вестник Казахстанско-Американского Свободного университета. 2020. Вып. 4. С. 134–140.

[5] *Шапкин М.Н., Васнецова Е.С.* Республика Казахстан в центральноазиатской стратегии Российской Федерации // Мировая политика. 2017. № 1. С. 1–12.

[6] *Anceschi L.* Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime Neo-Eurasianism in the Nazarbayev's Era. London; New York, 2020. 209 p.

[7] *Hanks R.R.* «Multi-vector politics» and Kazakhstan's emerging role as a geo-strategic player in Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, September 2009. Vol. 11. № 3. P. 257–267.

[8] *Laruelle M., Rose, D.* Love with nuances: Kazakhstani Views on Russia [Electronic resource] // PONARS Eurasia Memo. 2020. № 658. P. 1–7. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepm658_Laruelle-Royce_June2020.pdf (access date: 09.06.2022)

[9] *Isaacs R.* Russia-Kazakhstan relations and Tokayev-Nazarbayev Tandem [Electronic resource] // Russian Analytical Digest. 2020. № 248. P. 2–4, 12. URL: http://eprints.lincoln.ac.uk/id/eprint/40191/7/Russia%E2%80%93Kazakhstan%20Relations%20and%20the%20Tokayev%E2%80%93Nazarbayev%20Tandem%20%281%29.pdf (access date: 09.06.2022)

[10] *Starr S. F., Engvall E., Cornell S. E.* Kazakhstan 2041: The Next Twenty-Five Years [Electronic resource] // Silk Road Paper. 2016. 67 p. URL: https://isdp.eu/content/uploads/2016/11/Kazakhstan-2041-1.pdf (access date: 10.06.2022)

тики Казахстана представлены в исследованиях З.Е. Дж. Чайян,[11] А. Номверовченко[12], Э. Лэмон и Б. Джардин,[13] Н. Ниязбекова[14] и др.

Термин «многосторонность» (многовекторность) часто используется для описания внешнеполитических действий государств, особенно стран постсоветского пространства. Политическое руководство РК в «Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы» прямо не дает определение многовекторности, однако в третьей главе («Основные принципы внешней политики») термин отмечается как один из шести основных принципов внешней политики страны: «многовекторность, прагматизм и проактивность, означающие развитие дружественных, равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми государствами, межгосударственными объединениями и международными организациями, представляющими практический интерес для Казахстана»[15].

Близкая к фонду Назарбаева эксперт А. Жуссупова отмечает, что благодаря феномену «многовекторности» одна страна критически не ограничивает стратегическую маневренность внешней политики РК[16]. В то же время американский исследователь Р. Хэнкс ещё в 2009 г.

---

[11] *Çayan Z. E. C.* Kazakhstan's Regional Integration Policy: the Impact of the Post-Soviet Regional Organizations [Electronic resource]. Master's Thesis. Ankara, 2019. 84 p. URL: https://open.metu.edu.tr/bitstream/handle/11511/45038/index.pdf (access date: 07.06.2022)

[12] *Nomverovchenko A., Kim Jaechun., Kang W.* Foreign Policy Orientation of Independent Central Asian States: Looking Through the Prism of Ideas and Identities // The Korean Journal of International Studies. 2018. Vol. 16. № 3. P. 389–410.

[13] *Lemon E., Jardine B.* Central Asia's Multi-vector Defense Diplomacy [Electronic resource] // Kennan Cable. 2021. № 68. P. 1–12. URL: https://diplomacy21-adelphi.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_210601_cable%2068_v1r3.pdf (access date: 11.06.2022)

[14] *Niyazbekov N.* The Cost of Pragmatism of Kazakhstan's Foreign Policy [Electronic resource] // Crossroads Policy Brief. 2020. № 2. P. 1–7. URL: https://hollingscenter.org/wp-content/uploads/2020/09/CCA-PB2-EN.pdf (access date: 13.06.2022)

[15] *О концепции* внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 27.05.2022).

[16] *Zhussupova A.* Peace though engagement: the multi-vector direction of Kazakhstan's foreign policy [Electronic resource] // The Astana Times. 9 March 2021. URL: https://astanatimes.com/2021/03/peace-through-engagement-the-multi-vector-direction-of-kazakhstans-foreign-policy/ (access date: 27.05.2022).

определял казахстанскую многовекторность как реалистическую модель во внешнеполитических действиях и выделял в ней два основных компонента:

1. государственная безопасность;
2. экономическое развитие[17].

Оба вышесказанных компонента активно выделяются в рамках многовекторной внешней политики РК. В случае с безопасностью это сопровождается проведением регулярных военных учений с Россией (по линии ОДКБ), с Китаем (по линии ШОС) и с США и Великобританией по стандартам НАТО (до 2021 г.). Экономический вектор заключается в привлечении иностранных инвестиций в Казахстан, особенно в нефтегазовый и энергетический сектора. К этим двум можно добавить и политико-дипломатический компонент в виде активности страны в международных организациях. Итальянско-британский политолог Л. Анкесчи подчеркивает, что «многовекторность» внешней политики Казахстана при позднем периоде правления Н. Назарбаева получила название «неоевразийской» или «Евразии без евразийства»: после углубления интеграции страны в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), где основную роль стала играть Россия, «евразийская стратегия» тогдашнего президента Казахстана заключалась в прагматической составляющей ЕАЭС, без укрепления политической составляющей объединения[18]. Подобный нарратив сохраняется и по сей день: 5 июня 2021 г. МИД Казахстана выпустил официальный комментарий, в котором выступил против «излишней политизации» объединения и в котором подчеркнул его сугубо экономический характер[19]. Подобный факт может свидетельствовать о желании Казахстана сохранять определенную дистанцию по линии евразийской интеграции.

---

[17] *Hanks R. R.* «Multi-vector politics» and Kazakhstan's emerging role as a geo-strategic player in Central Asia… P. 260.

[18] *Anceschi L.* Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime Neo-Eurasianism in the Nazarbayev's Era… P. 133.

[19] Комментарий Министерства иностранных дел Республики Казахстан от 5 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД Казахстана. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/212687?lang=ru (дата обращения: 08.06.2022)

После 2014 г. «многовекторность» внешней политики Казахстана проявлялась в разных формах: от политико-дипломатического взаимодействия с ведущими внешнеполитическими акторами (Россия, США, Китай, ЕС, Турция) до участия в совместных военных учениях как под эгидой Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и/или Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), так и в двухсторонних военных учениях (РК-Россия; РК-США). Несмотря на то, что Казахстан состоит в ЕАЭС и СНГ (совместно с Россией) и ШОС – вместе с Россией и Китаем, страна стремится сохранять дружественные отношения и с западным миром, и с Турцией. Например, Казахстан является одним из активных участников Организации исламского сотрудничества, где основную роль играет Турция, и участвовал до 2021 г. в совместных с США военных учениях «Степной орёл» по стандартам НАТО[20]. Кроме того, в 2015 г. (уже после образования ЕАЭС) Казахстан и ЕС подписали соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между собой[21]. В рамках многовекторной внешней политики возможно членство в организациях, которое совместимо в стабильных условиях развития системы международных отношений (МО) (ЕАЭС под эгидой России и Организация исламского сотрудничества – Турции). Одновременно оно может сочетаться со статусом медиатора (посредника), к которому постоянно обращается внешнеполитическое руководство РК в своей многовекторной внешней политике.

В качестве примера такого посредничества можно привести предложение Н.А. Назарбаева в декабре 2014 г. властям России и Украины, когда тогдашний президент страны предложил РК в качестве потенциального медиатора (посредника) в условиях ухудшения рос-

---

[20] *Хроленко А.* «Степной орёл»: чем Казахстану выгодно участие в учениях США [Электронный ресурс] // Sputnik Узбекистан. 31 января 2021. URL: https://uz.sputniknews.ru/20210131/Stepnoy-orel-zachem-Kazakhstan-planiruet-uchastvovat-v-ucheniyakh-alyansa-SShA-15906521.html (дата обращения: 27.05.2022).

[21] Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его странами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны (Астана, 21 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс] // Онлайн-база документов «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37496546&pos=2;-106#pos=2;-106 (дата обращения 28.05.2022).

сийско-украинских отношений и Гражданской войны в Украине[22]. И хотя данное предложение не получило развития, Казахстан сумел сохранить взаимовыгодные отношения с новым политическим руководством Украины и не ухудшить с Россией. С другой стороны, высокий уровень экономического сотрудничества между Казахстаном и Украиной начал восстанавливаться лишь к 2018 г., когда экспорт казахстанских товаров в Украину вырос до 562,4 млн. долларов США[23]. Можно добавить, что в 2017–2018 гг. экспорт казахстанского газа в Украину превысил 95 тыс. тонн[24]. Кризис в российско-украинских отношениях после 2014–2015 гг. не привел к резкому ухудшению отношению между странами, хотя, по словам посла Казахстана в Украине Д. Калетаева, торговый оборот между странами упал за последние годы[25]. А после начала специальной военной операции (СВО) России в феврале 2022 г. Министерство иностранных дел РК заявило о нейтралитете страны в Украинском кризисе и о готовности к дипломатическому урегулированию ситуации[26]. Возможное посредничество Казахстана между Россией и Украиной зависит от дальнейшего хода СВО Вооруженных сил России на территории Украины. Но, как показывает не самый удачный опыт 2014–2015 гг., правительству страны не удастся стать полноценным посредником в новом витке Украинского кризиса.

---

[22] *Панфилова В.* Назарбаев может стать посредником между Западом и Востоком [Электронный ресурс] // Независимая газета. 12 марта 2014. URL: https://www.ng.ru/cis/2014-03-12/6_nazarbaev.html (дата обращения: 27.05.2022).

[23] Россия открыла для Казахстана окно в Украину [Электронный ресурс] // Capital.kz. 23 Июля 2018. URL: https://www.eurasian-bridge.kz/ru/news/597-rossija_otkryla_dla_kazahstana_okno_v_ukrainu/ (дата обращения: 15.06.2022)

[24] Export of Kazakhstan's liquefied gas to Ukraine up [Electronic resource] // Trend News Agency. 19 June 2018. URL: https://en.trend.az/casia/kazakhstan/2918677.html (access date: 28.05.2022).

[25] Посол Казахстана в Украине Дархан Калетаев: «Политика Казахстана не «проросийская», а «проказахстанская» [Электронный ресурс] // Телеканал «НАШ». 31 мая 2021. URL: https://nash.live/rus/news/politics/intervju-posla-kazakhstana-v-ukraine-darkhana-kaletaeva.html (дата обращения: 14.06.2022).

[26] Казахстан подтвердил готовность стать посредником между Россией и Украиной [Электронный ресурс] // Интерфакс. 12 марта 2022 г. URL: https://www.interfax.ru/world/827760 (дата обращения: 10.06.2022).

Ещё одним направлением, которое является важным для многовекторной внешней политики Казахстана и которое влияет на российско-казахстанские отношения, являются казахстанско-европейские отношения. Одной из ведущих сфер сотрудничества между Казахстаном и ЕС является энергетическая сфера, в первую очередь – экспорт казахстанской нефти в страны-члены объединения.

Основополагающим документом взаимоотношений РК – ЕС является «Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его странами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны», заключенное в Астане 21 декабря 2015 г. Согласно ему (статья 4 «Политический диалог»):

«Стороны развивают и укрепляют эффективный политический диалог во всех сферах, представляющих взаимный интерес, в целях содействия международному миру, стабильности и безопасности, в том числе на Евразийском континенте, на основе международного права, эффективного сотрудничества в рамках многосторонних институтов и общих ценностей. Стороны сотрудничают с целью укрепления роли ООН и ОБСЕ и повышения эффективности соответствующих международных и региональных организаций»[27].

К политическому фактору добавляется фактор энергетической безопасности. Хотя РК не является основным поставщиком нефти и газа в страны-члены ЕС, правительство страны развивает активное сотрудничество с европейскими инвесторами, особенно по линии возобновляемых источников энергии[28]. Статья 147.2.F Соглашения о расширенном партнерстве РК и ЕС подчеркивает, что сети «передачи электроэнергии являлись транспарентными и недискриминационными в отношении поставщиков другой Стороны или в отношении электричества из возобновляемых ресурсов» и что «стороны обеспечивают, чтобы соответствующие меры, связанные с сетями и рынком, при-

[27] Соглашение о расширенном партнерстве…

[28] *Котик А. В.* Место Казахстана в европейской системе энергетической безопасности [Электронный ресурс] // Международный молодежный конкурс эссе «Система европейской безопасности: новые реалии в меняющемся мире». 12 мая 2022. URL: https://ihc-vog.ru/publications/work-gr-com/iye-contest-2022/essay-contest-kotik-2022/ (дата обращения: 10.06.2022)

нимались для минимизации сокращения (ограничения) объема электричества, производимого из ВИЭ»[29]. В индикативной программе помощи Казахстану на 2021–2027 гг. со стороны ЕС подчеркивается, что некоторая часть из выделяемой Казахстану финансовой помощи в размере 16 млн. евро будет направлена на производство возобновляемых источников[30]. Нужно подчеркнуть, что стагнация развития ЕАЭС в совокупности с европейскими инвестициями в энергетический сектор РК может усилить позиции Казахстана как одного из альтернативных поставщиков нефтегазовой продукции в ЕС. В свете СВО России в Украине и практически полного запрета на поставки российской нефтегазовой продукции в ЕС такой сценарий является относительно реалистичным.

В заключение отметим, что Казахстан является не уникальным, но характерным примером многовекторной/многосторонней внешней политики на постсоветском пространстве. Руководство страны ещё с 1990-х годов выступало с предложениями о евразийской интеграции, начиная с речи первого президента РК Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1994 г., но одновременно развивая социально-экономическое сотрудничество с США и ЕС, а также с Китаем. На данный момент Казахстан продолжает своё активное участие в ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и проекте «Нового Шелкового Пути». После январских событий 2022 г. и ввода войск ОДКБ в страну существует вероятность того, что многовекторная внешняя политика Казахстана подвергнется определенной трансформации и усилению российского и китайского факторов. Во время процесса трансформации системы МО «многовекторной» стране придется сделать однозначный выбор или перестать быть значимым игроком в мировой политике. Вполне возможно, что руководству Казахстана во главе с президентом К-Ж.К. Токаевым предстоит в среднесрочной либо долгосрочной перспективе сделать однозначный выбор.

[29] Соглашение о расширенном партнерстве…

[30] Republic of Kazakhstan. Multi-annual Indicative Programme 2021–2027 [Electronic resource] // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/mip-2021-c2021-9095-kazakhstan-annex_en.pdf (access date: 13.06.2022)

Проблемы социально-экономического развития

Ю.А. Зноско

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск)

Исследовательский потенциал и практическая значимость изучения динамики церковно-административного деления Западной Сибири конца XIX – начала XX века

Статья предлагает краткий обзор вопросов, относящихся к церковно-территориальному устройству Западной Сибири конца XIX – начала XX в.: определены современные методологические тенденции по использованию материалов местных органов церковного управления и организации учета населения. Дана характеристика и критика актуальных онлайн-ресурсов, использующих материалы церковно-приходской системы Западной Сибири имперского периода. В результате исследования была выявлена потребность в картографическом моделировании границ первичных церковно-административных единиц и динамики их изменений. Автор приходит к выводу о необходимости создания геоинформационной системы «Динамика церковно-административного деления Томской Епархии конца XIX – начала XX вв.», функционирование которой предоставит возможность решения выдвинутых исследовательских задач.

Ключевые слова: церковно-административное деление, Томская епархия, Русская православная церковь, картографическое моделирование, приход, благочиние, ГИС.

Актуальность изучения территориальной организации Русской Православной Церкви (РПЦ) на территории Западной Сибири имперского периода вызвана значительным исследовательским потенциалом и широким кругом проблем, системное решение которых невозможно без её рассмотрения. История изменения государственных границ, территориально-административного деления, организации и действий светской власти в Сибири в имперский период, вопросы организации управления территориями Западной Сибири, особенности церковно-административного деления, историческая демография Сибири,

экономические и социальные проблемы – это лишь краткий обзор тем, напрямую или косвенно зависимых от вопросов церковной организации[1]. Однако, церковно-административное деление Западной Сибири имперского периода до сих пор остается слабо изученным. В данной статье мы предпринимаем попытку определить исследовательский потенциал изучения вопросов церковно-территориального деления Западной Сибири конца XIX – начала XX в., охарактеризовать практическую значимость исследования.

Первые попытки собрать историко-географические сведения о территориальном устройстве Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв. предпринял И.М. Покровский[2]. Он впервые свел имею-

[1] См.: Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник / сост.: И.Ф. Астраханцева, А.А. Дудоладов, М.И. Тимошенко. Новосибирск, 1966. 220 с.; *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 237 с.; *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1995. 240 с.; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов и др. М., 1997. 415 с.; *Дамешек Л.М.* Административные преобразования в Сибири в первой четверти XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков: межвуз. сб. ст. Иркутск, 1998. Вып. I. С. 55–66; *Дамешек Л.М.* Российские окраины в имперской административной системе: принципы управления // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2009. № 1. С. 32–46.; Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 47–154.; *Палин А.В.* Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. С. 63–80; *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 53–76; *Шишкин В.И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей. Новосибирск, 2010. С. 3–36; Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: сб. мат-лов VII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011. 279 с.; *Коновалов И.А.* Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2012. № 4 (33). С. 15–19; *Гергилев Д.Н.* Административно-территориальное устройство Сибири в 1708–1917 гг.: монография. Красноярск, 2018. 223 с. и др.

[2] *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. I: (XVI–XVII вв.). Казань, 1897. 599 с.; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. II (XVIII в.). Казань, 1913. 966 с.

щиеся на тот момент опубликованные статистико-географические и краткие исторические сведения о епархиях РПЦ. Основу труда составили епархиальные справочные издания. Подобные сведения сводились и в отчетах обер-прокурора Святейшего Синода, но они не были доступны для широкого читателя, к тому же, вследствие обширности материала и различных бюрократических процедур, данные отчёты выходили с запозданием в 2–3 года от отчетного периода, утрачивая в определенной степени актуальность.

В советский период, в рамках изучения социальных и экономических аспектов колонизации Сибири, положение духовенства и развитие религиозной инфраструктуры рассматривались как источник для характеристики имущественных и неимущественных отношений населения и института церкви. Конфессиональная территориально-организационная структура не была объектом исследования[3].

В последние три десятилетия региональные приходские системы активно изучались с применением различных подходов. В сферу внимания исследователей попадает правовое положение прихода, его организация, культурная, просветительская, миссионерская и другие аспекты деятельности[4]. Выбор и интерпретации материалов церковно-приходской

[3] *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946. 228 с.; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век). М., 1956. 432 с.; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965. 267 с.; История Сибири с древнейших времен до наших дней / под ред. А.П. Окладникова. Т. 2–3. Л., 1968; *Шорохов Л.П.* Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв.: вотчинное землевладение и политико-идеологические функции: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1971. 464 с.; *Шорохов Л.П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках: (Развитие феод. отношений и их особенности). Красноярск, 1983. 164 с.; *Храпова Н.Ю.* Место и роль Алтайской духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828–1905): дис. … канд. ист, наук. Томск, 1989. 224 с.; Религия и церковь в Сибири. Вып. 1–7. Тюмень, 1990–1996; *Миненко Н.А.* Культура русских крестьян Зауралья. Новосибирск, 1991. 222 с.

[4] *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. 228 с.; *Устьянцева О.Н.* Томская епархия в конце XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 259 с.; *Адаменко А.М.* Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVIII – начале XX века. Кемерово, 2004. 190 с.; *Владимиров В.Н., Силина И.Г., Чибисов М.Е.* Приходы Барнаульского духовного правления в 1829–1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). Барнаул, 2006. 137 с.; *Лысенко Н.А.* Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодиче-

системы зависели от задач, которые ставили перед собой авторы. Объяснить такой интерес можно тесными социокультурными связями приходских церковнослужителей с населением, а также с учетно-контрольными функциями, которые возлагались на приход в отношении прихожан. Этому способствовало и открытие доступа исследователей к широкому пласту церковно-административной документации (метрические книги, клировые ведомости, отчеты, переписки и т.д.).

На стыках таких научных дисциплин, как история, география религий и историческая география выделяют такое направление, как территориально-организационные структуры конфессий. В рамках данной проблематики проводится анализ и реконструкция влияния гео-топографических факторов на структуру религиозных и конфессиональных систем. Подобные исследования проводились по таким регионам, как: Северный Кавказ[5], Оренбуржье[6], Северо-Запад европейской России[7], Восточная Сибирь[8].

ских изданиях Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2014. 222 с.; Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: в 2 тт. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2014. 214 с.; Т. 2: XX в. / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2015. 194 с.; *Дворецкая А.П. Терскова А.А., Хаит Н.Л.* Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг.: монография. Красноярск, 2018. 295 с.

[5] *Андреянова С.И.* Структура и особенности формирования конфессионального пространства Северного Кавказа: автореф. дис. … канд. геогр. наук. Ставрополь, 2015. 23 с.

[6] *Филимонова И.Ю.* Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: автореф. дис. … канд. геогр. наук. Оренбург, 2006. 18 с.

[7] *Кулаков И.С., Манаков А.Г.* Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М., 1994. 316 с.; *Балабейкина О.А.* Санкт-Петербургская епархия: историческая география православия: автореф. дис. … канд. геогр. наук. СПб., 2005. 19 с.; *Манаков А.Г., Дементьев В.С.* Динамика конфессионального состава населения Псковского региона во второй половине XIX в. // Религиоведение. 2018. № 1. С. 92–102.; *Дементьев В.С.* Территориальное устройство Русской православной церкви Псковского региона в XVIII–XXI вв. // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 74–88; *Ропакова Е.Н.* Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия. СПб., 2016. 349 с.; *Пулькин М.В.* Сельские приходы Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1995. 19 с.

[8] *Дулов А.В., Санников А.П.* Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков: в 2 ч. Иркутск, 2005. Ч. 1. 294 с.; Ч. 2. 324 с.; *Сафронов Ф.Г.* Православное

Возникновение и развитие геоинформационных систем и их применение в науке привело к появлению нового направления на стыке истории, географии и информатики – исторической геоинформатики[9]. Обращение исторических демографов к таким цифровым технологиям, как электронные системы управления базами данных и геоинформационные системы, создает условия для математического и пространственного анализа данных массовых источников (ревизские сказки и описи, губернаторские отчеты, метрические книги, клировые ведомости, исповедальные листы и т.д.). Такой подход создает, по мнению В.Н. Владимирова, «новую историческую демографию», позволившую перейти на микроуровень исследования демографических процессов[10]. В данном контексте самой значимой для определения изменений, происходивших в поле церковно-административного деления Томской епархии, является работа М.Е. Чибисова[11].

На сегодняшний день проекты по картографированию церковной инфраструктуры реализуются в Новосибирской и Томской областях. К таким проектам относятся ГИС «Родиновед»[12] (рис. 1) и ГИС-приложения «Архивная служба НСО. Изучение родословной»[13] (рис. 2), а также сайт «Старинные храмы Томской земли»[14] (рис. 3.). Прочие субъекты РФ, входившие ранее в состав Томской епархии (Кемеров-

христианство в Якутии в XVII – начале XX в. Якутск, 1997. 96 с.; *Юрганова И.И.* Церкви Якутии: Краткая история. 2-е изд. Якутск, 2010. 400 с.; *Голованова М.А.* История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска (конец XVII – начало XX вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 24 с.

[9] *Владимиров В.Н.* Историческая информатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях: монография. Барнаул, 2005. 192 с.

[10] *Владимиров В.Н.* Применение геоинформационных систем в исторических исследованиях (на примере юга Западной Сибири): дис. … д-ра ист. наук. М. 2006. С. 10.

[11] *Чибисов М.Е.* Клировые ведомости как источник по истории приходов Барнаульского духовного правления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1804–1864 гг.): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 243 с.

[12] Проект «Родиновед» [Электронный ресурс]. URL: http://rodinoved.ru/ (дата обращения: 04.05.2022)

[13] ГИС-приложение «Архивная служба НСО. Изучение родословной» [Электронный ресурс]. URL: https://maps.nso.ru/CoGIS/Архив%20Новосибирской%20области (дата обращения: 04.05.2022)

[14] Сайт «Старинные храмы томской земли» [Электронный ресурс]. URL: https://старинныехрамы.рф/map/ (дата обращения: 04.05.2022)

ская область, Алтайский край и Республика Алтай) подобными проектами, к сожалению, пока не располагают.

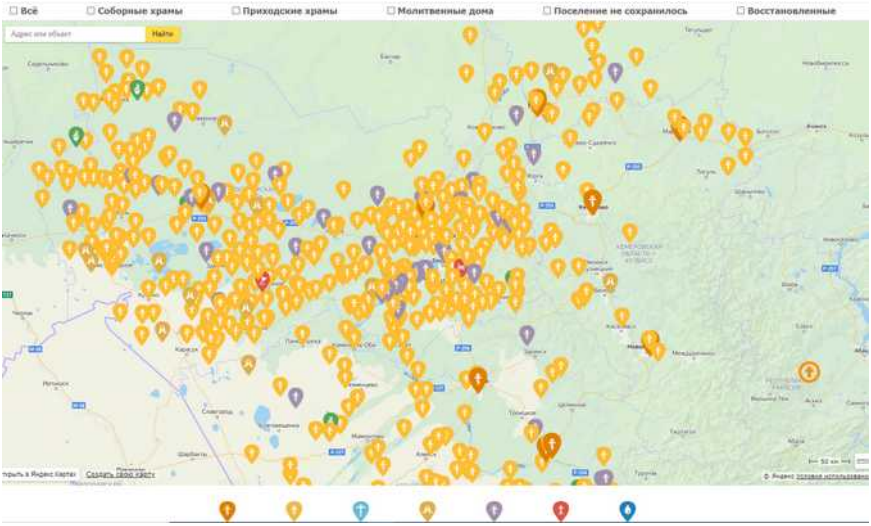

Рис. 1.

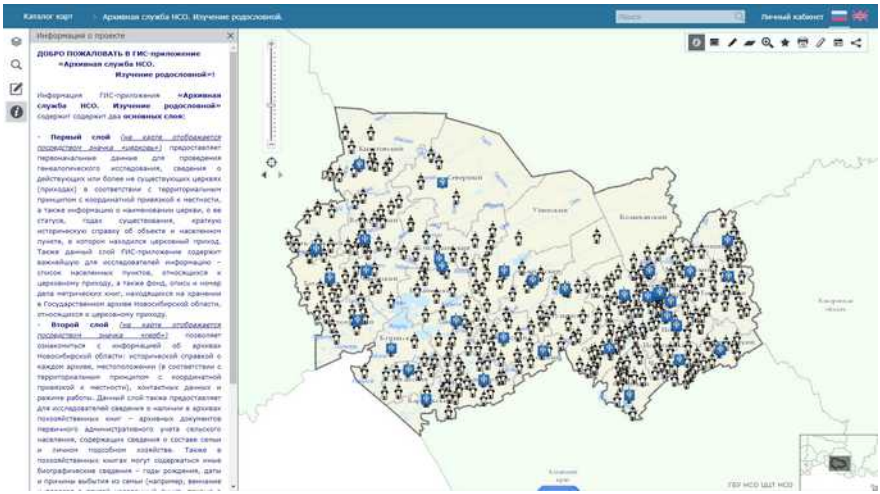

Рис. 2

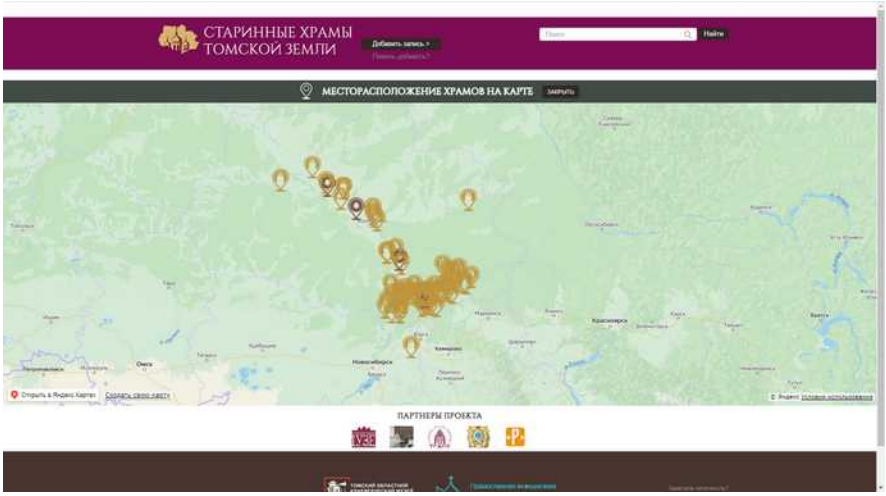

Рис. 3.

Данные ГИС позволяют отметить координаты церквей, собрать сведения о её истории, клире, добавить фотоматериалы, планы и т.д. Новосибирские проекты включают в себя ссылки на дела, хранящихся в фондах Государственного архива Новосибирской области, метрических книг. Помимо этого, данные ГИС предполагают возможность добавления объектов и уточнения и сведений о них пользователем. Однако существующие электронные ресурсы обладают рядом недостатков, не позволяющих в полной мере реализовать их исследовательский потенциал. Во-первых, отсутствие «ленты времени», или «timeline», предоставляющей возможность визуализировать изменения церковной сети с течением времени; во-вторых, отсутствие картографического отображения границ приходов не позволяет определить населенные пункты/районы, приписанные к той или иной церкви. Конечно, это связано, в первую очередь, с первой обозначенной проблемой – отсутствием «timeline», т.к. границы приходов и приписные населенные пункты – единица динамичная, и отобразить подобное на статичной ГИС невозможно. Способ, которым пользуются авторы данных ГИС – отражение доступных им списков приписанных населенных пунктов в описании церкви. Подобный список,

как правило, отражает положение на один конкретный исторический момент, обусловленный выбором источника данных. Мы понимаем, что основными целями, которые ставили перед собой авторы данных проектов, не предполагалось обязательное определение границ приходов и благочиний. Целью ГИС «Изучение родословной…» ставилась, в первую очередь, систематизация и картографирование метрических книг. «Родиновед» и «Старинные храмы…» нацелены на изучение и сбор сведений о церквах и духовенстве. По своей сути они представляют открытые справочники, выполненные в виде ГИС. Нельзя не отметить и ограниченность данных ГИС современными административными границами субъекта РФ, в котором создавался проект.

Основанием для открытия прихода служили несколько факторов: инициатива прихожан, количество душ обоего пола, проживающих в ближайших населенных пунктах, возможность содержания, наличие или обязательство строительства дома для причта и положенной для него земли, расстояние церкви до входящих в приход населенных пунктов, удаленность от других церквей, а также особенности логистического сообщения приписных поселений с приходской церковью. Уменьшение плотности и количества населения, отсутствие причта, невозможность или нежелание содержания причта и церкви со стороны населения, а также разрушение церквей могли стать основанием к закрытию прихода[15].

На сегодня существует сложность с определением границ приходов, благочиний и даже епархий. Связано это с практически полным отсутствием исторического картографирования церковно-административных единиц, постоянным изменением состава и количества приходов. Помимо этого существует некая условность в определениях самих границ приходов. Связана она с тем, что они закрепляли за определенным приходом не территорию, а населенные пункты с проживающим там населением. Скорость изменений этих границ в Сибири в XVII – середине XIX в. была небольшой, в связи с небольшим темпом демографических и миграционных процессов. Однако существенный рост количества и плотности населения региона в

[15] *Устьянцева О.Н.* Томская епархия… С. 33.

конце XIX – начале XX в. приводил к необходимости открытия новых приходов.

Процесс активной трансформации территориально-приходской системы представляет определенный исследовательский интерес. Поскольку все православное население было приписано к приходам с обязательством фиксирования всех фактов изменения гражданского состояния, то, следовательно, документальные следы граждан откладывались в тех приходах, к которым граждане были приписаны. Из этого вытекает потребность выявления приписки населенного пункта к приходу. И если в условиях стабильных границ прихода/приходов для исследователя определение приписки не вызывает больших затруднений, то при достижении определенного ежегодного роста числа и плотности приходов мы неизбежно сталкиваемся с ситуацией «переприписки». Такое положение возникало при переходе одного населенного пункта из ведения одного прихода в ведение другого и требовало адаптации духовенства, населения и гражданских властей к новым обстоятельствам. С точки зрения демографических и генеалогических исследований решение подобных проблем, по нашему мнению, существенно облегчит научные и документальные изыскания.

Используя опыт и методы упомянутых ранее географии религий, исторической геоинформатики и исторической демографии, мы предлагаем создание ГИС «Динамика церковно-административного деления Томской Епархии конца XIX – начала XX вв.». Отличительными и уникальными чертами системы стали бы определение границ приходов и благочиний епархии, населенных пунктов, которые они включали, и их погодный срез. Хронологический охват обусловлен активизацией переселенческих процессов – увеличением плотности и количества населения, видоизменением поселенческой сети региона, – связанных со строительством Сибирской железной дороги и переселенческой реформой. Географические рамки – территория Томской епархии. С помощью такого моделирования можно выделить несколько проблем, которые мы сможем решить с помощью детальной картины изменения церковно-административного деления на уровне приходов и благочиний:

1) Административная (административно-территориальная). Ее разрешение позволит определить различия в гражданском территориально-административном и церковно-административным делениях. С учётом того факта, что православная церковь выполняла ряд государственных функций, то данные различия приводили к «раздвоению власти», когда волостной и приходской центры находятся в различных населенных пунктах, границы их не сообщаются между собой. Так за разными «государственными услугами», такими как выписки из метрических книг и справки для определения родства и получения наследства, порой приходилось преодолевать не один десяток вёрст. Стоит отметить, что детальное сравнение двух разных административных систем практически не производилось.

2) Демографически-учетная. Учет населения, его сословное, семейное, конфессиональное состояние, рождение (крещение), венчание и смерть (отпевание) и другие сведения отражались в метрических книгах. Изменение границ приходов, а с ним и смена населенными пунктами привязки к приходу, создает определенные проблемы при поиске и анализе сведений метрических книг. Определение динамики таких изменений позволит более эффективно соотносить территорию в определенный период с конкретной церковью, а следовательно, и с метрической книгой. Перспективы и проблемы использования метрических книг для создания геоинформационных систем показал В.Н. Владимиров[16]. Помимо этого, в обязанность приходского духовенства входило ежегодное составление клировых ведомостей, с указанием сведений о количестве, составе населения, а также его характеристика с религиозной и политической стороны.

3) Демографически-аналитическая. Поскольку приход – это системная единица, то открытие новых или закрытие старых косвенно свидетельствует об изменениях демографической ситуации на местах. На основе анализа данных процессов в динамике можно определить географические рамки демографических изменений, социальный состав и экономическое состояние населения региона.

[16] *Владимиров В.Н.* Применение геоинформационных систем для изучения метрических книг // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 177–197.

4) Экономически-аналитическая. Благосостояние населения косвенно возможно проследить по стабильности и уровню поступавших в церковь средств. Это может выражаться в возможности или невозможности содержания причта, строительства или ремонта церквей, качестве выделяемых земель и их использования, стоимости треб, уровню кружечных и прочих сборов. Разумеется, здесь нельзя не учитывать влияние на эти процессы отношения причта и прихожан, их религиозность и экономическую культуру, но в совокупности с другими сведениями указанные данные предоставляют возможность системного обобщения.

5) Генеалогическая. Определение факта нахождения искомого населенного пункта (или его части) в интересуемый исторический момент в границах конкретного прихода существенно упрощает поисковую генеалогическую деятельность. В условиях активных изменений приходо-благочинных границ возможность определения подобных фактов является неоценимой.

Достижения «новой исторической демографии», исторической географии, геоинформационных систем и внедрение их в историческую науку значительно расширили возможности анализа, систематизации и визуализации различных типов данных, имеющихся в церковной документации. Используя данный опыт, обобщив его и применив его в решении таких непростых задач, мы надеемся принести пользу местным исследователям и дать толчок к подобным изысканиям в других регионах.

А.А. Калашников

Барнаульский государственный педагогический колледж (Барнаул)

«Правильного и точного годового отчета немыслимо дать…»: годовые отчеты лесничеств как источник оценки доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1918 годах

На основе делопроизводственной документации фондов Государственного архива Алтайского края автор статьи предпринимает попытку проанализировать годовую отчетную документацию административно-хозяйственных единиц Алтайского округа в годы революции, выявить обстоятельства и особенности ее подготовки, выделить преимущества и недостатки представляемых отчетных сведений. Автор приходит к выводу, что годовые отчеты лесничеств содержат ценные сведения о доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в годы революции и Гражданской войны. Сложные условия создания отчетных сведений стали причинами не только их крайне продолжительной подготовки, но и напрямую влияли на их качество, что приводило к их неоднократному пересоставлению, уточнениям и конкретизации. По мнению автора, использование годовых отчетов вкупе с другими финансовыми документами позволяет сформировать целостное представление о функционировании алтайского административно-хозяйственного комплекса в революционные годы.

Ключевые слова: Алтайский округ, революция, Гражданская война, земельно-лесное хозяйство, отчеты.

Ключевой показатель здорового функционирования любой экономической системы – ее рентабельность. Говорить о рентабельности казенного земельно-лесного хозяйства в условиях революции не приходится: стремительная девальвация рубля и массовые аграрные беспорядки сводили на нет все попытки стабилизации экономической деятельности. Тем не менее, привлечение сведений о доходности является необходимым шагом для оценки работы хозяйственного

комплекса, его устойчивости к внеплановым издержкам и стремительно меняющимся условиям. Случай Алтайского округа уникален. В дореволюционный период Алтайский округ представлял собой громадный административно-хозяйственный комплекс, находившийся в собственности правящего монарха. Основой экономической деятельности округа являлось земельно-лесное хозяйство, доходы от которого составляли значительную часть бюджета Министерства императорского двора. Изменение формы собственности земель Алтайского округа, произошедшее в результате Февральской революции, слабо повлияло на административную модель округа, отличавшуюся от общегосударственной и остававшуюся практически неизменной в течение 1917 г. Однако постепенное углубление революционной ситуации, ухудшение экономического положения в стране и ряд противоречивых административных преобразований не могли не сказаться на доходности хозяйства округа, реальный распад которого начался только к концу 1918 г.

Историки, изучавшие различные аспекты земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в годы революции (Г.П. Жидков, Н.Ф. Иванцова, М.О. Тяпкин, С.Е. Поляков, В.М. Рынков), избегали темы доходов Алтайского округа в 1917–1918 гг., к тому же, беря во внимание изменение формы собственности земель округа и выделение Алтайской губернии, не рассматривали округ в качестве целостного комплекса. Основными источниками, позволяющими судить о доходности земельно-лесного хозяйства в изучаемый период, являются годовые отчеты лесничеств и арендных районов, представляемые администрации Алтайского округа по окончанию отчетного года. В фондах Государственного архива Алтайского края сохранились десятки первичных годовых отчетов, а также их сводные данные. Привлечение любых отчетных документов к исследованию невозможно без обобщающей внутренней и внешней критики, в связи с чем мы предпринимаем попытку проанализировать годовую отчетную документацию административно-хозяйственных единиц Алтайского округа в годы революции, выявить обстоятельства и особенности ее подготовки, выделить преимущества и недостатки представляемых отчетных сведений. Данная публикация является продолжением серии

статей, посвященных анализу доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в революционный период. Ранее нами были рассмотрены другие источники оценки доходов, сопоставлены фигурирующие в них сведения, определены некоторые факторы спроса на земельно-лесные ресурсы[1].

Годовые отчеты – это особая разновидность донесений, посылаемых нижестоящими учреждениями вышестоящему. Отчеты обобщали сведения других документов, что позволяло принимать управленческие решения, способствовавшие повышению рентабельности производства. Отчетность по земельному хозяйству Алтайского округа в 1917 г. состояла из двух обязательных к заполнению ведомостей: землепользование и денежные поступления по дачам (в целях «облегчения и ускорения составления отчета» еще одну ведомость – «Характеристика аренды по лесничеству» – заполнять было не нужно)[2]. Распределение доходов по дачам являлось новшеством, появившимся в 1917 г. Перед составителями отчета была поставлена задача сортировки всех денежных поступлений между земельными, лесными и земельно-лесными дачами, находившимися в пределах подотчетных административно-хозяйственных единиц. Это требовало внимательной, аккуратной и своевременной фиксации арендных документов, ошибки и утеря которых приводили к несовпадению итоговых значений доходности.

Еще одной специфической чертой арендных отчетов за 1917 г. являлась необходимость предоставления лесничими дополнительных сведений, к которым относилась информация о самовольных захватах,

---

[1] *Калашников А.А.* Источники оценки доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2021 г., Омск, Россия). Омск, 2021. С. 98–107; *Калашников А.А.* «Полное крушение»? Оценка доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1918 гг. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / науч. ред. М. К. Чуркин. Омск, 2021. Вып. 17. С. 67–74; *Калашников А.А.* «Наплыв… настолько велик, что с ним приходится серьезно считаться»: беженцы и переселенцы как фактор спроса на земельно-лесные ресурсы Алтайского округа в 1917–1919 годах // Актуальные вопросы истории Сибири. XIII науч. чт. памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. Барнаул, 2021. С. 85–89.

[2] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4181. Л. 530.

о сдаче земли по указаниям волостных и уездных земельных комитетов, а также общие замечания лесничих о характере требований земкомов, их вмешательстве в работу лесничества. Несмотря на то, что содействие земкомов характеризовалось администрацией лесничеств как «очень слабое, нерешительное, а потому и безрезультатное»[3], или скорее как затруднявшее работу лесничеств, данные годовых отчетов свидетельствуют, что земкомы были реально вовлечены в земельно-арендное хозяйство округа: ряд арендных статей сдавался местному населению при их прямом посредничестве, однако, как отмечали лесничие, размеры оплаты устанавливались по соглашению с местным населением (либо понижались, либо оставались в пределах прошлогодних значений). В отдельных случаях доля земли, сдаваемой в аренду лесничеством при посредничестве земкомов, достигала половины от всей сданной в аренду лесничеством с течение отчетного года.

Отчетность по лесному хозяйству делилась на финансовую и материальную. Если первая отражала доходность административно-хозяйственной единицы, то вторая – расход лесоматериалов в течение отчетного года[4]. Тем не менее, данные о доходах по материальным и финансовым отчетам обычно не сходились, чему был целый ряд причин: суммы за покупку лесоматериалов включались в материальный отчет сразу после освидетельствования заготовок, в то время как в финансовый включались суммы и невзысканные, и отсроченные до следующего года; при продаже леса в счет сметы следующего года по материальному отчету доходы проводились годом отпуска, а по финансовому – годом сметного назначения. В случае взятия покупателем лесорубочного билета с оплатой последующей рубки, даже если лес затем вырублен не был – доход все равно шел в финансовый отчет, но при этом не находил отражения в материальном и т.д.[5] Таким образом, наличие нескольких разнородных форм отчетов позволяли сформировать целостное представление о реальном положении

[3] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3935. Л. 21.

[4] Высочайше утвержденные правила по лесной части Алтайского округа ведомства Кабинета его императорского величества. 26 июня 1911 г. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета его императорского величества. Т. 1. Барнаул, 1913. С. 464–465.

[5] ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

земельно-лесного хозяйства в лесничестве. Однако постоянное движение кадрового состава лесничеств, неоднократные смены заведующих, свойственные революционному периоду, существенно усложняли процесс подготовки отчетной документации. Ревизоры, направляемые администрацией округа в лесничества, часто констатировали «невероятную запущенность» дел как по лесной, так и по арендной частям, отмечая безграмотное ведение документации[6].

Общая хозяйственная разруха, аграрные беспорядки и открытые выступления против администрации, масштабные боевые действия на территории округа привели к тому, что многие служащие отказывались от работы в конкретных административно-хозяйственных единицах округа. Сохранившаяся делопроизводственная документация свидетельствует, что некоторые чины Управления не желали своевременно выезжать в командировки, продолжая пребывать в Барнауле «довольно долгое время», требовали назначений лишь в определенные лесничества. Приказ начальника Алтайского управления земледелия и государственный имуществ (далее – АлтУЗиГИ) от 23 августа 1918 г. запрещал переход чинам Управления на службу в другие ведомства «до тех пор, пока данные им по службе в Алтайском управлении задания не будут выполнены ими полностью»[7]. Согласно многочисленным рапортам лесничих и лесных ревизоров, для восстановления функционирования отдельных административно-хозяйственных единиц служащим округа необходимо было буквально начинать с нуля все работы по учету и приведению в известность имущества, составлению планов лесонасаждений и арендных статей, поверке расчетов и пр. При этом недостаток «свободных сил» вкупе с вынужденной экономией средств признавало и само Управление округом[8]. Еще в мае 1917 г. исполнявший обязанности начальника округа Л.Л. Маслов в своем циркуляре отметил недопустимость сдачи в аренду земель округа объездчиками[9], но, несмотря на это, данная практика нашла широкое применение в годы революции. С начала Первой мировой войны кадровый состав низового персонала лесничеств оставлял

[6] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704. Л. 179.
[7] Там же. Д. 555. Л. 30.
[8] ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 10. Л. 43.
[9] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4471. Л. 207 об.

желать лучшего: некоторые объездчики были малограмотны, могли преследовать свои, местнические интересы, так как набирались из местного населения. Безусловно, это накладывало существенный отпечаток не только на функционирование алтайского хозяйственно-территориального комплекса, но и на качество создаваемых в лесничествах отчетных документов, первичную основу которых составляли, среди прочего, билеты, квитанции и договоры на небольшие суммы, заполнявшиеся и выдаваемые объездчиками.

Несмотря на то, что циркуляр начальника Алтайского округа № 58 от 18 ноября 1917 г. предписывал выслать отчеты по земельно-арендному хозяйству не позднее 1 февраля 1918 г.[10], к концу 1917 г. подготовка отчетной документации большинства лесничеств была отложена, и к определенному циркуляром сроку была подготовлена их крайне незначительная часть. Из выявленных нами 25 арендных отчетов за 1917 г. лишь пять были высланы Управлению в январе[11], остальные высылались в течение всего 1918 г. С приходом советской власти в декабре 1917 г. началась реорганизация управления Алтайским округом. Затянувшийся процесс вхождения структур бывшего Кабинета в новую административную модель привел к новым структурно-функциональным хозяйственным издержкам. В условиях, когда, по выражению лесничих, «долгосрочные арендные статьи без соблюдения формальностей переходили из рук в руки, как какой-либо товар на рынке»[12], помышлять о составлении годовых отчетов было невозможно. Зачастую на местах просто отсутствовали квалифицированные кадры, способные приступить к подготовке отчетной документации. Так, в июне 1918 г. члены Локтевской земельно-лесной управы в рапорте Отделу по управлению имуществами республики Алтайского губсовдепа отмечали, что отчет по арендному хозяйству за 1917 г. не будет представлен до того момента, пока в лесничество не будет назначен лесничий или его помощник, члены земельно-лесной управы составить таковой просто не могли[13]. Новониколаевский лесничий в донесении АлтУЗиГИ от 15 августа 1918 г.

[10] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4181. Л. 530.
[11] Там же. Д. 3935. Л. 148, 180, 194, 205, 255.
[12] Там же. Д. 4704. Л. 179.
[13] Там же. 3935. Л. 263.

(уже после свержения советской власти) также сообщал, что представить годовой отчет в ближайшее время было невозможно[14].

Реальная подготовка годовой отчетной документации была начата после установления на Алтае власти Временного Сибирского правительства. Согласно циркуляру начальника АлтУЗиГИ № 60 от 3 октября 1918 г., в целях ревизии отчета за 1917 г. (по всей видимости, к этому времени большинство годовых отчетов за 1917 г. уже были получены Управлением) лесничим и заведующим арендными районами округа надлежало выслать книги и лесоотпускные билеты, задействованные в 1917 г., Алтайскому отделению контроля. Тем не менее, указанная высылка шла очень медленно[15]. Бобровский лесничий выслал арендный отчет в АлтУЗиГИ только 19 октября 1918 г.[16] В Нижне-Петровском лесничестве из-за отсутствия письмоводителя отчет за 1917 г. не был подготовлен в ноябре 1918 г. В Локтевском лесничестве к составлению «ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОГО» (так в документе. – *А. К.*) отчета за 1917 г. администрация приступила лишь к концу ноября 1918 г., при этом, по словам лесничего, предоставить Управлению «правильного и точного годового отчета» было «немыслимо»[17]. Только в ноябре 1918 г. касмалинский лесничий приступил к составлению арендного отчета за 1917 г.[18] Причинами этого лесничий называл неподготовленность отчетных документов предыдущим заведующим лесничеством, беспорядочное состояние документации как по арендному, так и по лесному хозяйству. В связи с этим лесничий запрашивал документы для составления отчета у АлтУЗиГИ.

Не лучше обстояло дело и с материальными отчетами по лесному хозяйству. В сентябре 1918 г. касмалинский лесничий доносил АлтУЗиГИ о том, что в течение 1917 – первой половины 1918 г. отпущенный и вырубленный лесной материал не заносился «в журнал по расходе леса», кроме того, в лесничестве не хватало 581 приказа (составляющие бланков лесоотпускных билетов)[19]. Без данных указанного

[14] ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 17а. Л. 64.
[15] Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 3.
[16] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3935. Л. 270.
[17] Там же. Д. 4704. Л. 178 об.
[18] Там же. Д. 3935. Л. 334.
[19] Там же. Д. 4797. Л. 29 об.

журнала составить материальный отчет за 1917 г. было просто невозможно, чего лесничий и не сделал даже во второй половине 1919 г., чем вызывал упреки со стороны АлтУЗиГИ. Спустя четыре месяца после высылки первого циркуляра, 4 февраля 1919 г., начальник АлтУЗиГИ был вынужден вновь указать на необходимость немедленной высылки материалов, так как значительное число учреждений их так и не предоставило[20]. Непредоставление данных документов было обусловлено необходимостью их использования на местах – подготовка отчетов отдельных административно-хозяйственных единиц за 1917, а затем и 1918 гг. осуществлялась в начале 1919 г.

Сложность выявления годовых отчетов связана с процессом административно-территориального размежевания Алтайского округа в 1917–1919 гг., содействовавшего рассредоточению отчетной документации в различных архивах, в связи с чем, как было отмечено выше, на сегодняшний день нами выявлены годовые арендные отчеты за 1917 г. только по 25 административно-хозяйственным единицам. Тем не менее, в нашем распоряжении имеются сведения о доходах земельно-арендного хозяйства Алтайского округа в 1917–1918 гг., составленные на основе вышеуказанных отчетов в первой половине 1919 г. и объединенные в общие сводные таблицы[21]. Сопоставление сведений о доходности из имеющихся годовых отчетов и значений, вошедших в сводные таблицы, подтверждает их взаимообусловленность (данные о доходности из годовых отчетов не совпали со сведениями сводной таблицы лишь в пяти случаях). Впрочем, взятые за основу отчеты, как это видно из их содержания, донесений их составителей, а также замечаний Управления, далеко не безупречны. В годовых отчетах нередко отсутствовали данные о положении отдельных земельных дач (включая сведения об их частичном или полном захвате, самовольных пользованиях в их пределах), а их площади, фигурирующие в ведомостях, могли отличаться от плановой документации на десятки десятин. Кроме того, лесничие избегали анализа движений земельного фонда, в отчетах отсутствовало четкое разделение на категории дач в лесничествах. Выявление управлением округа указанных недочетов привело к

[20] ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 16. Л. 6.
[21] Там же. Д. 29. Л. 21 об. – 25, 20 об., 27–31, 44 об. – 48.

тому, что некоторые из отчетов или их отдельные части затем составлялись лесничими заново с устранением обнаруженных ошибок[22]. Необходимо отметить, что к доходности отдельных административно-хозяйственных единиц следует относиться критично, особенно при попытках сопоставить ее с данными предшествующего периода. У некоторых лесничеств, в первую очередь, находившихся в восточной, горной, части округа, к началу революции до сих пор не было установлено точных границ. Например, в случае Улалинского и Онгудайского лесничеств в 1916 и 1917 гг. значительно отличаются данные о количестве земельных, земельно-лесных и лесных дач, некоторые из которых поочередно включались то в состав первого, то второго лесничеств[23]. Впрочем, на общую доходность хозяйства округа такие движения не влияли.

В годовые арендные отчеты включались и сведения о недоимках, однако в их сумму на начало следующего отчетного года включались и недоимки за предшествующие года – оценить же их соотношение на основе имеющихся сведений крайне проблематично. Работать с указываемыми лесничими сведениям следует крайне осторожно. Нижне-Обский лесничий заметил, что установить количество недоимщиков и сумму недоимки на начало 1918 г. не представлялось возможным в силу текучки кадров и, как следствие, недостатков («неправильностей») ведения отчетной документации[24]. В Риддерском лесничестве, по оценке лесничего, «почти все недоимки к 1-му января 1918 г. образовались исключительно лишь в силу Февральского переворота» и «исключительно благодаря отсутствию в стране власти»[25]. Масса утерянной документации, отсутствие своевременного учета и контроля за земельно-лесным пользованием населения, позднее время составления отчетов отдельных административно-хозяйственных единиц играли против администрации округа. Реально определить масштабы самовольного земельно-лесного пользования при имевшемся штате служащих и непрекращающихся аграрных беспорядках было на тот момент просто невозможно.

[22] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3935. Л. 1–1 об., 277.
[23] ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 2. Л. 132.
[24] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3935. Л. 40.
[25] Там же. Л. 107–108.

Сведения по отчетам за 1917 г. продолжали конкретизироваться и дополняться в течение первой половины 1919 г. Отличия в цифрах первичных годовых отчетов и итоговой сводной ведомости, по-видимому, связаны с тем, что в последний документ были внесены уже уточненные данные, полученные из вновь составленных (пересоставленных) отчетов в течение 1918 – начала 1919 гг.

Годовые отчеты были не единственным источником о доходах административно-хозяйственных единиц Алтайского округа. В бухгалтерии Управления округом откладывались приходно-расходные документы, отражавшие движение денежных средств в подведомственных учреждениях. Существенным достоинством сведений о доходности, составленных на основе документов бухгалтерии округа, является то, что по ряду административно-хозяйственных единиц аналогичные данные из других источников просто отсутствуют (по всей видимости, из-за непредоставления годовых финансовых отчетов Управлению), в то время как годовая сумма доходности просчитывалась бухгалтерией на основе ежемесячных отчетов лесничеств (финансовые отчеты лесничеств должны были высылаться Управлению не позднее 5 числа следующего за отчетным месяца)[26]. Впрочем, указанные расчеты также не были безупречны, и безоговорочное доверие им было бы ошибочным. Прежде всего это связано с тем, что ряд арендных платежей, поступавших уже в следующий за отчетным год, могли быть зачислены в счет предыдущего, в результате чего «бухгалтерский» годовой доход обычно был больше, чем в отчетах лесничих, но при этом отражал фактические денежные поступления в кассу округа. Проблема несоответствия годовых отчетов лесничих и финансовых отчетов бухгалтерии Управления поднималась еще в 1913 г. Л.Л. Масловым, тогда заступавшим на место начальника Алтайского округа[27]. В итоге общая доходность земельно-арендного

[26] Цирк. распоряж. Нач. Алт. окр. о своевременном представлении месячных финансовых отчетов. – 4 июня 1913 г. № 49; Цирк. распоряж. Нач. Алт. окр. о предельном сроке представления в Управление округа денежных отчетов. – 10 сентября 1913 г. №66 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета его императорского величества. Т. 2. Барнаул, 1913. С. 1110–1111.

[27] Цирк. Нач. Алт. окр. об учете арендных доходов и о классификации земель округа. – 4 мая 1913 г. № 41. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета его императорского величества. Т. 2. Барнаул, 1913. С. 872–873.

хозяйства Алтайского округа в 1917–1918 гг., просчитанная на основе годовых отчетов лесничеств, высылаемых 3-му делопроизводству (арендному) и ежемесячных отчетов, отправляемых бухгалтерии, отличается на сотни тысяч рублей.

Таким образом, годовые отчеты лесничеств содержат ценные сведения о доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в годы революции и Гражданской войны. Сложные условия подготовки отчетной документации были обусловлены: 1. нехваткой квалифицированных кадров; 2. постоянными сменами заведующих административно-хозяйственных единиц; 3. низким качеством значительной части первичных хозяйственных документов, ошибки из которых кочевали в канцелярские книги; 4. непрекращающимися аграрными беспорядками; 5. безвозвратными потерями значительной части отчетных документов; 6. процессом административно-хозяйственного размежевания земель округа. Все это стало причинами не только крайне продолжительной подготовки отчетных документов, но и напрямую влияло на их качество, что приводило к их неоднократному пересоставлению, уточнениям и конкретизации. Помимо данных о доходах, годовые отчеты содержат сведения о взаимодействии административно-хозяйственных единиц с другими органами власти, а вкупе с другими финансовыми документами позволяют сформировать целостное представление о функционировании алтайского административно-хозяйственного комплекса в революционные годы.

С.В. Костерин

Академия Минпросвещения России (Москва)

Система эмигрантских организаций помощи голодающим в начале 1920-х годов

Целью статьи является заполнение имеющихся лакун в истории эмигрантских объединений для помощи советским голодающим в начале 1920-х годов. Автором были выявлены факторы, способствовавшие возникновению обществ помощи обездоленным, произведен анализ состава учредителей и руководителей ассоциаций. Автор приходит к выводу, что первые лица и участники обществ помощи голодающим придерживались различных политических взглядов. Однако их высокий уровень образования, общественный и деловой опыт сыграли существенную роль в институциализации данных организаций. Особое значение в деятельности объединений имела разветвлённая система эмигрантских объединений в крупных мировых центрах и наличие там диаспор.

Ключевые слова: эмиграция, общественная организация, голод, эпидемия, гуманизм.

В настоящее время продовольственная проблема, и так остро стоявшая в мировой повестке, ещё более обострилась. В майском номере журнала «The Economist» отмечается, что почти 250 млн человек находятся на грани голода[1]. Такое положение дел детерминирует необходимость участия общественности в решении продовольственного кризиса. В этой связи будет полезно вспомнить опыт российской эмиграции в этом направлении.

Проявление подлинного гуманизма и человеческой солидарности, несмотря на политическую ситуацию, мы наблюдаем и в XX в., и в настоящее время. Население Советской России и Советской Украины получило гуманитарную поддержку в начале 1920-х гг., когда в результате недальновидной продовольственной политики советской

[1] The food catastrophe // The economist. 2022. May 21–27.

власти, засухи[2], неурожая, тяжёлых последствий Первой мировой и Гражданской войн, а также отсталости сельского хозяйства начался невиданный ранее голод. Его особенностью стало то, что он поразил не только губернии, официально признанные неурожайными, но почти всю РСФСР. Страшное бедствие охватило Поволжье, Южный Урал, Западную Сибирь, районы Украины[3], Казахстана[4] и Узбекистана (Ферганская область).

Советская историография, являвшаяся частью государственной пропаганды, редко затрагивала вопрос эмигрантской помощи людям, погибавшим от истощения и эпидемий. Тема голода не была удобной, героической, поэтому к ней проявляли мало интереса в СССР. Компартия диктовала советским историкам выбор тем, целей и выводов для исследований. В данном случае цель состояла в сужении хронологических рамок голода, количества погибших и недоедавших, умалении роли иностранной помощи, сведении причин голода к засухе и очернении эмиграции при подчёркивании роли коммунистов и рабочих в содействии бедствующим. Только такие произведения могли признаваться «научными» и иметь успех.

Первые упоминания об организациях помощи голодающим появляются в первой половине 1920-х годов. Публицист, активный участник Бунда А.Д. Киржниц отмечал стремление эмиграции в районе КВЖД сорвать помощь гибнущим людям. Он акцентировал ведущую

---

[2] Не все историки согласны с тем, что голод стал следствием засухи. В.А. Поляков отвергает эту причину и на первое место ставит низкую производительность труда и низкую мотивацию крестьян, обусловленную экономической политикой большевиков, а также продовольственные реквизиции советской власти. См.: *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: монография. Волгоград, 2007. С. 671–682.

[3] Во многом голод в Украине был вызван вывозом зерна. С октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. из Украины всего вывезено 79,016 тыс. пудов, в том числе в РСФСР 27,716 тыс., или 35 %. В другие советские республики вывезено только 880 тыс., или 1,1 %. По помголу распределено 1,119 тыс. пудов, или 1,4 %. (*Рекитар И.А.* Продовольствие на Украине в 1921/1922 г. // Народное хозяйство Украины в 1921/1922 году. Харьков, 1923. Отд. VII. С. 10).

[4] Есть мнение о том, что одной из причин голода в этой местности стало переселение беженцев из голодающих районов Поволжья. (*Шмидт В.* «В городе Уральске ужасная картина…». Почему в послереволюционной России случился катастрофический голод // Родина. 2017. № 3. С. 110–113).

роль рабочих в создании и деятельности Харбинского общественного комитета помощи голодающим. Он утверждал, что эмиграция решила «ни одной копейки не посылать в Совроссию, а все собранные средства распределять между нуждающимися эмигрантами»[5], поэтому, когда вскоре это стало известно населению, деятельность организаций, созданных эмигрантами, прекратилась. По мнению А.Д. Киржница, Центральный железнодорожный комитет помощи голодающим в Советской России первоначально тоже не планировал помогать, но под давлением общественности вынужден был изменить позицию[6].

Г.Ф. Барихновский писал, что образование Всероссийского общественного комитета помощи голодающим (ВКПГ) вызвало «бурные восторги белоэмиграции и оживлённую работу по объединению политических групп»[7]. Он отмечает, что во Франции Объединённый комитет русских организаций помощи голодающим в России был создан кадетами и монархистами для связи с ВКПГ, но «соперничавший с ним блок милюковцев и эсеров»[8] образовал РОК во Франции.

В конце XX – начале XXI в. в России активизировалось изучение истории эмиграции, что обусловило попытки исследовать роль Российского Зарубежья в борьбе с голодом. Одной из крупнейших современных российских исследовательниц данной темы является А.В. Урядова[9]. Изложив историю возникновения большинства организаций, сведения об их структуре, отношении беженцев к помощи и основные итоги их деятельности, она вывела на авансцену инициативу

---

[5] *Киржниц А.Д.* У порога Китая. М., 1924. С. 61.

[6] Там же. С. 58–61.

[7] *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978. С. 101–102.

[8] *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах… С. 102.

[9] *Урядова А.В.* Голод 1920-х гг. в России и Русское Зарубежье. СПб., 2010. 168 с.; *Урядова А.В.* Голод 1921 года в России и русские эмигранты во Франции // Россия и Франция, XVIII–XX в. М., 1995. Вып. 6. С. 197–207; *Урядова А.В.* Помощь дальневосточной эмиграции голодающим в России в 1921–1923 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2008. № 5 (141). С. 107–111; *Урядова А.В.* Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах // Славяноведение. 2009. № 1. С. 3–13; *Урядова А.В.* Русская эмиграция и голод в России начала 1920-х годов // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 3. М., 2018. С. 244–263.

созвать съезд комитетов, а также отношение благотворителей к ВКПГ. В монографии автор обращается к трудам Е.Б. Кудряковой[10] и В.Д. Козлитина[11], которые впервые исследовали организации в Великобритании и Сербии. В.Д. Козлитин отмечает, что эмиграция относилась к большевикам как к чужеродному для России элементу, который силой захватил власть в стране и навязал волю её народам, и это отношение проявилось в кампании по предоставлению помощи голодающим. С.С. Ипполитов, В.М. Недбаевский и Ю.И. Руденцова упомянули одну из двух действовавших во Франции организаций помощи голодным советским гражданам[12]. Они подчеркнули особую роль землячеств при ней и отметили, что её создание продемонстрировало прочность связи беженцев с покинутой родиной и сильные центростремительные тенденции в эмигрантской диаспоре.

Г.В. Мелихов внёс наибольший вклад в изучение организаций помощи голодающим, созданных эмигрантами в Китае. В контексте освещения роли инженера Б.В. Остроумова в развитии КВЖД затрагивается участие его в создании и руководстве Харбинским общественным комитетом помощи голодающим в России и Центральным железнодорожным комитетом помощи голодающим в Советской России[13]. В труде «Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.)» автор также касается темы поддержки нуждающихся. В частности, к уже названым обществам добавлены сведения об Американо-русском (Международном) комитете помощи голодающим[14].

---

[10] *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М., 1995. С. 23–36.

[11] *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Харьков, 1996. С. 247–248.

[12] *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999. С. 185–186.

[13] *Мелихов Г.В.* Деятельность Б.В. Остроумова на КВЖД (1921 – февраль 1922) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В двух книгах. Книга первая. / под общ. ред. акад. Е.П. Челышева и проф. Д.М. Шаховского. М., 1994. С. 153–160.

[14] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 175–192.

Е.Б. Калоева[15] привела выдержки из опубликованного в 1922 г. «Годового отчёта Российского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России». И.П. Савицкий[16] кратко поведал о фактах, описанных В.Д. Козлитиным. В.П. Сергеев сообщил информацию об организациях в Эстонии[17].

Исследовательница из Великобритании К. Ле Фоль цель создания Белорусского общественного комитета в Германии помощи голодающим в Белоруссии (Белорусского комитета) видит как часть пиар-компании по конструированию имиджа правительства БНР, сочувствующего и симпатизирующего иудеям. Данная акция была направлена на привлечение поддержки еврейской общественности в борьбе за обретение Беларусью независимости. Этим она объясняет значительное количество евреев в этой организации и в дипмиссии БНР в Берлине. Комитет должен был бороться, по её мнению, помимо голода в Беларуси ещё и с еврейскими погромами[18]. Историю этой же организации затронул Д.А. Мигун[19].

Таким образом, общественные институты помощи голодающим изучались в трудах отечественных и зарубежных учёных, но в некоторой степени поверхностно, а в советский период к тому же тенденциозно. Ещё не ставилась задача выявить причины создания учреждений поддержки голодающих, проанализировать состав обществ, осветить эмигрантские комитеты помощи евреям и украинцам. Целью статьи является заполнение данных лакун.

---

[15] *Калоева Е.Б.* Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России // Россия и современный мир. 2010. № 1. С. 207–216.

[16] *Савицкий И.П.* Прага и зарубежная Россия = Praha a rusko mimo rusko: (очерки по истории рус. эмиграции, 1918–1938 гг.). Прага, 2002. С. 79–80.

[17] *Сергеев В.П.* Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской республике в 1920–1940 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12). С. 92–109.

[18] *Ле Фоль К.* Белорусский паспорт Бялика: Белорусская народная республика и евреи в 1921 году // Judaic-Slavic Journal. 2021. № 2 (6). С. 67–100.

[19] *Мигун Д.А.* Миссия Белорусской народной республики на территории Германии в межвоенный период // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. Пинск, 2019. Вып. 4. С. 139.

Для написания статьи нами привлечены отдельные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации[20] и Государственного исторического архива немцев Поволжья[21]. Так как архивные источники не всех исследуемых учреждений и не в полном объёме выявлены исследователями в отечественных и зарубежных документохранилищах, то, скорее всего, они не дошли до нас или не существовали. Их недостаток восполнили эмигрантские периодические издания: «Руль» (Берлин), «Новое время» (Белград), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), а также опубликованные источники, сосредоточенные в тематических сборниках документов.

Деятельность зарубежных благотворительных обществ развивалась в накалённой атмосфере. Отправке международной помощи предшествовали непростые переговоры с советским правительством, которые затруднялись отсутствием за границей консолидированного мнения о возможности поддержки советских граждан. Эмигранты и иностранцы сомневались в перспективе доставки продовольствия, медикаментов и другого имущества до нуждающихся, так как опасались, что всё достанется ВЧК или РККА[22]. Осложнения вызывались также отказом РСФСР выплачивать долги и впустить анкетную комиссию во главе с бывшим послом Франции в Российской республике Ж. Нулансом[23].

Часть беженцев допускала, что голод подтолкнёт население к свержению большевиков, а помощь, наоборот, укрепит их власть.

---

[20] Ф. Р-5977 – Лондонский общественный комитет помощи голодающим в России, Ф. Р-6057 – Бюро русского кооперативного объединения для помощи голодающим в России, Ф. Р-6229 – Общественный комитет в Германии помощи голодающим в Белоруссии. Изучены документы других фондов ГАРФ, относящихся к исследуемой теме, но тут они не указаны, так как на них нет ссылок в тексте статьи.

[21] ОАФ Р-170 – Продовольственный комитет АССР НП и его подведомственная сеть, г. Покровск АССР НП.

[22] Сотрудник московского отделения АРА Л. Хэтчинсон в письме директору АРА и министру торговли США Г. Гуверу пишет: «Существующее сейчас в России правительство представляет собой смесь фантазеров, головорезов, убийц, воров и подонков. Они настолько отвратительны, что каждый приличный человек не желает иметь с ними никаких дел». (*Цихелашвили Н.Ш., Энгерман Д.Ч.* Американская помощь России в 1921–1923 годах: конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник, 1995. 1996. С. 210).

[23] Внешние долги имперского и Временного правительств составляли примерно 16 млрд. золотых рублей.

Данное предположение могло иметь основание. Например, губернские чрезвычайные комиссии Урала докладывали о росте враждебного отношения населения к советской власти и коммунистам из-за дефицита продовольствия[24]. В основном эмиграция не колебалась в необходимости немедленного спасения погибающих людей, но хотела гарантий, в частности, независимости действий международных организаций в районах голода, личной неприкосновенности их участников, возможности привлечения к содействию таким учреждениям местного населения и строгого сохранения гуманитарного характера поддержки. Данные гарантии получили отражение в договоре РСФСР с Американской организацией помощи (АРА) от 20 августа 1921 г., в соглашениях с другими международными институтами, а также с Главноуполномоченным по оказанию помощи России Ф. Нансеном от 27 августа[25]. В этот же день большевики распустили Помгол.

Причины, побудившие мир спасать советских граждан, разнообразны. Помимо гуманитарных к ним относится угроза распространения эпидемий, прежде всего тифа и холеры. Массовое перемещение спасающихся от истощения, а также польских репатриантов к границам Польши и стран Балтии способствовали заражению населения Европы. Первоначально появились сообщения о вспышках инфекционных заболеваний в местах дефицита продовольствия, затем, осенью 1921 г., в Европе. В октябре 1921 г. берлинские газеты сообщали о трёх случая холеры в Кёнигсберге[26].

В Европе пик эпидемиологической угрозы пришёлся на конец 1921 – начало 1922 г. В Варшаве в декабре выявлено 122 случая сып-

[24] Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы в 2 т. Екатеринбург, 2000. Т. I. 1900–1928. С. 332, 337, 352, 355–363, 377–387 и др.

[25] Есть мнение о не бескорыстии США и Г. Гувера. Н.Ш. Цихелашвили и Д.Ч. Энгерман пишут, что американцы начали помогать, чтобы стимулировать свою экономику, которая находилась в преддепрессии. Избавление от излишков продуктов, в частности кукурузы, способствовало бы росту. США также получили выгоду от продажи РСФСР зерна за золото, при посредничестве АРА. Кроме того, помощь голодающим рассматривалась как удачная пиар-акция Г. Гувера и Республиканской партии. (*Цихелашвили Н.Ш., Энгерман Д.Ч.* Американская помощь России в 1921–1923 годах… С. 193–194, 196).

[26] Хроника // Руль. 1921. 8 окт.

няка и 86 случаев возвратного тифа[27]. Особенно свирепствовали болезни на востоке Польши. В Новогрудском воеводстве разными видами тифа заразились сотни сельских семей. Имелись деревни с 29 и даже с 54 случаями сыпного тифа[28]. В январе 1922 г. Польша на шесть недель закрыла границу с Советской Россией и Советской Украиной. Было разрешено пропускать лишь поляков-репатриантов и дипломатов, которых подвергали строгому карантину[29]. Газеты сообщали о трёх случаях сыпного тифа в Эстонии[30].

С целью склонить правительства помогать быстрее и интенсивнее иностранцы и эмигранты высказывали в печати свою обеспокоенность последствиями советского голода. Газета «L'Ére Nouvelle» заявляла, что «Франция заинтересована, чтобы Россия не сделалась очагом заразы для всей Европы»[31] и требовала немедленной поддержки нуждающихся. На встрече берлинского Русского общественного комитета помощи голодающим в России (РОК в Берлине) с представителями немецкой печати доктор С. Франкфурт заметил: «нельзя забывать того, что, если Россия будет оставлена в состоянии предсмертной агонии, она явится угрозой для всего мира»[32].

Помимо опасности распространения инфекций важным стимулом выступало стремление европейского капитала установить коммерческие связи с советскими странами. Новая экономическая политика, развёртывавшаяся в РСФСР, вызвала у представителей западных элит мысль о начале внутренней эволюции большевизма, его ухода от некоторых коммунистических догм. Возможное участие в хозяйственной жизни России требовало сбора информации о состоянии экономики, выявления советского торгового потенциала, платежеспособности населения и т.д., поэтому визиты в Советскую Россию и Советскую Украину представителей благотворительных организаций приобретали особое значение.

---

[27] Сыпной тиф в Варшаве // Руль. 1922. 4 янв.
[28] Эпидемии в Польше // Руль. 1922. 4 янв.
[29] Закрытие польских границ // Руль. 1922. 14 янв.
[30] Сыпной тиф в Ревеле // Руль. 1922. 11 янв.
[31] Призыв исполнительной комиссии совещания членов У.С. // Руль. 1921. 23 июля.
[32] Собеседование членов русского комитета с представителями германской печати // Руль. 1921. 20 авг.

Одной из первых начала помогать Германия. В автономной области немцев Поволжья проживало около 450 тыс.[33] потомков немецких колонистов, приглашённых императрицей Екатериной II. Эта территория наиболее страдала от голода. Задачей гуманитарной миссии германского Красного Креста во главе с Г. Хильгером (Гильгером) и профессором-гигиенистом П. Мюленсом стала борьба с тифом. Прибытие в Петроград парохода «Тритон» с медикаментами позволило миссии начать работу. Оттуда медикаменты планировалось доставить в Казань на санитарном поезде, отданном советским правительством немецким врачам для использования в качестве штаба и средства передвижения. 29 октября 1921 г. состав, выехавший из Петрограда в Казань, прибыл в Москву. Там Германский Красный Крест оборудовал центральную лабораторию для бактериологических исследований с целью «постановки в Казани практических экспериментов в научной работе, для поддержания связи с советскими врачами и для снабжения последних научной литературой»[34].

9 июля 1922 г. германская санитарная миссия приехала в столицу Советской Украины – Харьков, где передала университетским клиникам и украинской организации медицинской помощи медикаменты. 11 июля миссия отправилась в Одессу, откуда планировалось направлять продовольствие в оскудевшие местности[35].

Наиболее значительную помощь оказали Соединенные Штаты[36]. После одобрения Сенатом законопроекта о выделении 20 млн. долл.[37] АРА начала помогать не только больным и детям, но и остальному населению. В январе 1922 г. Народный комиссариат путей сообщения

[33] Предварительные итоги Всероссийской демографическо-профессиональной переписи по Области Немцев Поволжья 28 августа 1920 года. Марксштадт, 1921. С. 10. (Государственный исторический архив немцев Поволжья. ОАФ Р-170. Оп. 1. Д. 479. Л. 12).

[34] Работа германской санитарной экспедиции в Сов. России // Руль. 1921. 25 нояб.

[35] Прибытие германской миссии помощи на Украину // Руль. 1922. 19 июля.

[36] В общей сложности американцы затратили на борьбу с голодом около 50–60 млн. долларов. (*Хейге П.Э.* Фритьоф Нансен. Одна только воля. М., 2006. С. 179).

[37] Американская помощь голодающим // Руль. 1921. 22 дек.

РСФСР начал готовиться к перевозке 40 млн пудов (655 200 т) хлеба[38], пожертвованных американцами[39].

В апреле 1922 г. берлинская правокадетская эмигрантская газета «Руль» опубликовала данные Британского фонда помощи голодающим в России о грузах, которые иностранные организации, входившие в Международный комитет помощи голодающим во главе с Ф. Нансеном, отправили в Россию[40].

Институциализация беженских организаций помощи нуждающимся происходила в основном в июле и августе 1921 г. Их образованию способствовала разветвлённая система эмигрантских структур (политических, экономических, благотворительных, профессиональных, культурных и национальных). Такие учреждения часто становились организаторами узконаправленных обществ. В Париже при участии Российского торгово-промышленного и финансового союза зародился Объединённый комитет русских организаций помощи голодающим, в Риге по предложению Национально-демократического союза русских граждан Латвии возник Русский комитет помощи голодающим[41]. По инициативе Русского общества в Латвии был также учреждён Особый комитет помощи голодающим (Особый комитет в Латвии) во главе с членом правления латвийского Красного Креста В.А. Пресняковым. РОК во Франции был создан Исполнительной комиссией совещания членов Учредительного Собрания, а Коми-

[38] На 1 февраля 1922 г. от правительства РСФСР и частных жертвователей внутри страны на общественное питание голодающих поступило примерно 1 млн. 710 тыс. пудов хлеба и крупы. (*Халатов А.* Голод и Наркомпрод // Голод, 1921–1922: сборник. Нью-Йорк, 1922. С. 74).

[39] Американский хлеб для голодающих // Руль. 1922. 20 янв.

[40] С 1 сентября 1921 по 22 марта 1922 г. отправлено (в тоннах): Фонд спасения детей – около 9 тыс., Квакеры – 4 202, Шведский Красный Крест – 2 259, Голландский Красный Крест – 1 857, Фонд по помощи голодающим в России – 1 689, Норвежский Красный Крест – 1 644, Международный фонд Нансена – 1 215, папа римский – 598, Чехословацкий и Бельгийский Красные Кресты по 505 каждый, Церковь адвентистов седьмого дня – 206, газета «The Manchester Guardian» – 85, Норвежский комитет международного союза помощи детям – 52, Женевский комитет того же союза – 34, ученики в Женеве – 31, Норвежское кооперативное общество – 22, Эпидемическая комиссия Лиги Наций – 5, Датский Красный Крест – 1. Всего свыше 23 500 (Заграничная помощь голодающим // Руль. 1922. 11 апр.).

[41] *Бордонос Н.Н.* Русская общественность в Латвии. Рига, 1922. С. 9.

тет помощи голодающим на Украине был сформирован Союзом объединённых общественных и благотворительных украинских организаций[42].

Быстрое становление организаций обусловлено и богатым опытом благотворительности в Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. развилась особая сфера, в которой люди могли реализовывать свои гражданские права через социальные институты[43]. Филантропия внушала правительству меньше всего подозрений, поэтому благотворительные общества не столь сильно контролировалась государством. Власть делегировала им свои социальные функции и законодательно регулировала их работу[44].

У значительного числа социально активных беженцев отсутствовала уверенность в жизнестойкости советской власти. Поэтому отчасти причиной создания организаций стало желание эмигрантов приобрести ореол спасителей соотечественников, чтобы после возвращения конвертировать свою репутацию в политический капитал.

Наличие в Германии крупных диаспор белорусов, евреев и украинцев способствовало формированию в Берлине национальных организаций поддержки бедствующих соотечественников.

Германия для многих социально активных беженцев стала местом убежища. Благоприятствовала экономическая обстановка: курс немецкой марки неуклонно падал, и эмигранты, конвертируя иностранную валюту, получали финансовую выгоду. Также в Берлине находились политические и национальные институты некоторых государств, образовавшихся на территории Российской республики после Октябрьского переворота 1917 г.

В 1919 г., вслед за отъездом правительства Белорусской Народной Республики (БНР), центр общественно-политической жизни белору-

[42] Комитет помощи голодающим на Украине // Руль. 1922. 18 авг.

[43] Общее число филантропических структур в Российской империи к 1899 г. составляло 14 854. наиболее крупные из них: Ведомство учреждений императрицы Марии Фёдоровны (683 подразделения), Российское общество Красного Креста (518), Императорское Человеколюбивое общество (212), Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (274). (Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. I. С. 1, 3–4).

[44] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века / отв. ред. Я.Н. Щапов. М., 2005. С. 386–387.

сов переместился сначала во временную столицу Литвы – Ковно (современный Каунас), затем, в первой половине 1920-х годов, отчасти в Берлин. «Время Берлина как столицы белорусской дипломатической деятельности настало тогда, когда литовская политическая и финансовая поддержка прекратилась»[45], и центр борьбы за белорусскую независимость переместился в Чехословакию и США. В Берлине действовали дипломатическая миссия БНР, Белорусское бюро печати, призванное информировать публику по всему миру о положении в БНР, Общество помощи белорусским писателям имени А.В. Прушинского и другие учреждения.

Наиболее активная украинская диаспора находилась также в Германии, где в начале 1920-х годов постоянно проживало около 15–20 тыс. украинцев[46]. В 1919 г. туда перебралась политическая, военная и культурная элита Украины, включая лидеров Украинской Народной Республики, Украинской державы и Западно-Украинской Народной Республики.

Голод в Украине вначале скрывался московским правительством путём завышения показателей собранного урожая, поэтому её население начало получать международную помощь только в апреле 1922 г.[47] Учреждения по спасению голодающих украинцев и евреев (в Украине проживало значительное их количество) возникли весной – осенью 1922 г.[48] Организации, мотивируя свое создание, отмечали рост продовольственного дефицита и эпидемий, которые нивелировали поддержку существующих объединений. Украинцы сетовали на неравномерное распределение помощи[49]. Передавать продовольствие и медикаменты в Украину эмигрантам позволило подписанное в декабре 1921 г. председателем СНК УССР Х.Г. Раковским соглашение

---

[45] *Ле Фоль К.* Белорусский паспорт Бялика… С. 92.

[46] *Бурім Д.В.* Українська еміграція в Німеччині міжвоєнного періоду в мемуарах сучасників: спогади Михайла Селешка в фондах Архіву ОУН в Києві // Історичний архів. Наукові студії: зб. наук. пр. / ред. кол.: Багмет М.О. та інші. Вип. 13. Миколаїв, 2014. С. 177.

[47] *Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом / пер. с англ. И. Коэн и Н. Май; под ред. М. Хейфеца. London, 1988. С. 93.

[48] Кроме Берлина организации помощи украинцам образовались также в Вене, Львове и Праге.

[49] Комитет помощи голодающим на Украине // Руль. 1922. 18 авг.

с АРА и миссией Ф. Нансена о распространении их деятельности на Советскую Украину. Иностранная помощь начала поступать лишь в мае 1922 г., когда там голодало 48 % населения[50].

В Веймарской республике проживала многочисленная еврейская диаспора с давней историей и своими учреждениями. В 1922 г. евреев эмигрантов из Восточной Европы насчитывалось 108 тыс., а в 1925 г. всего в Германии – 564 тыс. (0,9 % населения). Около половины из них жили в столице[51].

В Берлине среди российских беженцев доля иудеев была выше, чем в других крупных европейских городах. Они составляли значительную часть, а иногда большинство во многих эмигрантских организациях[52]. Поэтому не случайно именно там образовался Комитет помощи голодающему еврейскому населению России и Украины. Отдельно в названии упоминалась Советская Украина, так как в ней из-за погромов потомки Авраама находились в наиболее тяжёлом положении[53]. РОК в Берлине тоже состоял из подавляющего числа евреев из России. В Белорусский комитет входили: студент Д. Анекштейн, отвечавший за контакты с еврейской общественностью; бывший министр по делам национальных меньшинств БНР С.О. Жилтовский; литератор З. Шнеур и др. Этот комитет находился в Берлине и планировал помогать помимо белорусов также евреям, которые страдали от погромов.

В популяризации помощи обездоленным значительную роль играла эмигрантская печать. В Швейцарии местный Российский комитет помощи голодающим в России даже учредил специальную непериодическую газету «La Famine» («Голод»). Свои полосы издание отдавало вопросам гуманитарной катастрофы и мерам поддержки нуждающихся[54]. Журналисты и редакторы участвовали в создании РОК в

[50] Стенографический отчет II-й Сессии ВУЦИК VI-го созыва. 24–27 мая 1922 г. Харьков, 1922. С. 79.

[51] *Барнави Э.* Евреи и XX век: аналитический словарь / пер. с фр. Т.А. Баскаковой и др. М., 2004. С. 318–320.

[52] *Будницкий О.В.* Русско-еврейский Берлин, 1920–1941. М., 2013. С. 84.

[53] Комитет помощи голодающему еврейскому населению России и Украины // Руль. 1922. 11 мая.

[54] Новая газета // Руль. 1921. 26 нояб.

Берлине. В него входили основатели и лидеры партии кадетов – юристы И.В. Гессен, А.И. Каминка и В.Д. Набоков[55], издававшие известную среди эмигрантов газету «Руль».

Эмигрантская периодическая печать регулярно публиковала воззвания, статьи и заметки об организациях по борьбе голодом, в том числе и о РОК в Берлине. Так как архивные документы охватывают только первые месяцы его работы, благодаря заметкам в «Руле» и «Голосе России» до нас дошли сведения о деятельности этого комитета в 1922–1923 гг. Поэтому апокрифично соображение А.В. Урядовой о том, что сложность работы РОК в Берлине связана «с недостаточным вниманием эмигрантской прессы к его деятельности»[56].

Кооператоры, покинувшие Россию, выступали акторами в конструировании организаций помощи погибающим от истощения. Они инициировали образование комитетов в Великобритании, Чехословакии и Эстонии. Ещё в 1918 г. в Лондоне во главе с К.И. Морозовым был создан Объединённый комитет русских кооперативных организаций в Лондоне. Он собирал сведения о положении и деятельности русской кооперации в России и за границей. Кооператоры Х.В. Автономов, А.М. Беркенгейм[57], В.Н. Зельгейм, А.С. Орлов, Н.В. Чайковский стали одними из учредителей Комитета русских общественных деятелей в Англии по помощи голодающим в России[58].

В Нью-Йорке в Русском общественном Комитете помощи голодающим в России главенствовал кооператор, военный писатель, генерал-майор К.М. Оберучев; президиум Белорусского комитета

---

[55] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

[56] *Урядова А.В.* Голод 1920-х гг. … С. 117.

[57] В Советской России возглавлял Лондонский и Сибирский филиалы Центросоюза и входил в его правление. В декабре 1918 г. командирован в США и Великобританию для руководства переговорами о закупке товаров. После отказа сдать заграничное имущество Центросоюза обвинён в контрреволюционной деятельности и содействии белому движению. Отстранён советским правительством от работы в Центросоюзе, но не выполнил это решение. Объявил лондонский и стокгольмский филиалы независимым акционерным обществом. Решил не возвращаться в РСФСР после того, как вместе с 18 сотрудниками был заочно осуждён. (*Хазан В.И.* «Лицо не установлено»: Об Александре Моисеевиче Беркенгейме // Лехаим. 2017. № 9 (305). С. 20–24).

[58] ГАРФ. Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–5.

возглавлял бывший уполномоченный от Центрбелсоюза[59], глава Берлинской миссии БНР – А.А. Боровский[60]; в Эстонии во главе с эсером П.А. Богдановым существовало Русское кооперативное объединение помощи голодающим[61].

Среди учредителей и руководителей обществ поддержки обездоленных можно найти много масонов[62]. Редко во главе учреждений по борьбе с катастрофой становились церковные иерархи. В Латвии Русским комитетом помощи голодающим руководил архиепископом Рижский и всея Латвии Иоанн (И.А. Поммер)[63]; митрополит Киевский и Галицкий, первоиерарх Русской православной церкви заграницей Антоний (А.П. Храповицкий) стал во главе одной из организаций в Белграде – Комитета помощи голодающим в Советской России[64]; раввин берлинской еврейской общины (выходцев из России) Ш.Я. Арансон заведовал Комитетом помощи голодающему еврейскому населению России и Украины[65].

Врачи часто входили в правления организаций, но редко их возглавляли. Бывший депутат Учредительного собрания, эсер, доктор медицины Б.Ф. Соколов руководил бельгийским Российским общественным комитетом помощи голодающим в России, а хирург, про-

[59] Кооперативная организация потребительских обществ Беларуси, активно взаимодействовала с БНР.

[60] ГАРФ. Ф. Р-6229. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[61] ГАРФ. Ф. Р-6057. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–5.

[62] Один из создателей и идеологов эсеров, революционер Н.Д. Авксеньтьев председательствовал в самой крупной организации – РОК во Франции, куда входил и лидер кадетов П.Н. Милюков. Парижским Объединённым комитетом русских организаций помощи голодающим заведовал предприниматель, кадет С.Н. Третьяков. Русский общественный комитет в Константинополе помощи голодающему населению России возглавил бывший земский деятель, участник антибольшевистского движения А.С. Хрипунов. Пражским Русским общественным комитетом помощи голодающим в России управлял эсер, член редколлегии «Воли России» В.М. Вершинин. Все они входили в масонские ложи. (*Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Москва; Берлин, 2018. С. 113–114, 192, 196, 128).

[63] *Бордонос Н.Н.* Русская общественность в Латвии… С. 9.

[64] Хроника // Новое время. 1921. 30 авг.

[65] Комитет помощи голодающему еврейскому населению России и Украины // Руль. 1922. 11 мая.

фессор Г.Ф. Цейдлер – Комитетом русских организаций в Финляндии для оказания помощи голодающим в России[66].

Не у всех обществ имелись формальные лидеры. Особенностью структуры РОК в Берлине являлось отсутствие у него полноценного руководителя. Решения принимались общим собранием, заседавшим не реже раза в два месяца. Каждое новое общее собрание избирало на время заседания председателя, который не руководил деятельностью организации, а только вёл общее собрание. Текущей работой и исполнением постановлений общего собрания занималось бюро из 16 лиц, которое, в свою очередь, баллотировало президиум из пяти человек. Бюро избирало секретаря, который докладывал о его работе на общих собраниях. В качестве секретаря РОК в Берлине действовал юрист и журналист М.П. Кадишь. Поэтому утверждение А.В. Урядовой о том, что председателем РОК в Берлине избрали руководителя Земгора в Германии, уполномоченного Российского общества Красного Креста Ф.В. Шлиппе, неверно, также как и то, что членами президиума стали профессор, хирург С.М. Руднев и барон А.А. Врангель[67]. Они входили в Комитет Российского Красного Креста в Германии по борьбе с голодом и эпидемиями в России[68].

Таким образом, создатели, руководители и рядовые члены комитетов имели общественно-политической опыт. Многие избирались в Государственную Думу и Всероссийское Учредительное Собрание, находились в составе Временного правительства и других правительственных и общественных учреждений, участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах. Некоторые возглавляли до эмиграции крупные банки и предприятия. Лидеры организаций имели высшее образование, за исключением писателя, видного деятеля национального движения в Украине, ультрасоциалиста В.К. Виниченко, заведовавшего Комитетом помощи голодающим на Украине[69].

Участники объединений придерживались разнообразных политических взглядов (от монархических до революционно-демократических),

---

[66] Собрание русских организаций по вопросу о голоде // Новая русская жизнь. 1921. 24 авг.

[67] *Урядова А.В.* Голод 1920-х гг. … С. 114.

[68] Комитет Рос. Кр. Креста по борьбе с голодом // Руль. 1921. 4 авг.

[69] Комитет помощи голодающим на Украине // Руль. 1922. 18 авг.

но в основном входили в партии социалистов-революционеров и Народной свободы. В уставах комитеты декларировали себя аполитичными. Но даже социалисты (эсеры, трудовики, бундовцы и меньшевики) не могли прийти к согласию между собой. Ещё сложнее было договориться консерваторам и либеральным консерваторам (октябристам и кадетам). Невозможно было думать о консенсусе социалистов с монархистами (представленными прежде всего офицерством). Мешали убеждения, накопившиеся взаимные обиды и обвинения. Поэтому неудивительно, что почти во всех странах, за исключением, пожалуй, Австрии, Польши, Литвы, США, Турции, Финляндии и Швейцарии появилось больше одной эмигрантской организаций помощи. Удивительно другое: как антагонистические слои эмиграции вообще объединились. Имело роль сложившееся к тому времени у многих выходцев из России понимание совершенного ими непреднамеренного «преступления». Им казалось, что они могли предвидеть последствия своей разобщённости. Они винили себя за отсутствие воли и смелости объединиться ранее для отпора большевикам.

О.В. Ильиных

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Коммерческая реклама в газете «Советская Сибирь» в условиях нэпа (1921–1925 годы)*

Автором статьи анализируются коммерческие рекламные объявления в газете «Советская Сибирь» с целью выявления характерных черт функционирования нэпа в 1921–1925 гг. В работе были выделены специфические стадии развития газетной рекламы, соответствующие основным вехам в истории становления нэпа, определены основные категории рекламодателей и тематика рекламных объявлений. Установлено, что основными юридическими лицами, публиковавшими объявления в газете, были крупные государственные предприятия и частные предприниматели. Тематика рекламы соотносилась с потребностями городских жителей (потребительские товары, врачебные услуги) и особенностями нэпа (повышенный спрос на профессии, связанные с бухгалтерским учетом; объявления о сдаче в аренду ранее национализированных предприятий и заведений).

Ключевые слова: коммерческая реклама, нэп, частные предприниматели, «Советская Сибирь», Новониколаевск.

Особое место среди реформ, проводимых советским правительством, занимает нэп, который в короткие сроки позволил восстановить разрушенное многолетними войнами и революциями народное хозяйство страны и улучшить благосостояние населения. Изучение нэпа полезно для решения сегодняшних экономических проблем и их прогнозирования.

Оценка мероприятий, осуществлявшихся в период нэпа, вызывает дискуссии среди исследователей, что требует поиска и введения в научный оборот новых источников. Одним из таких источников является коммерческая реклама, опубликованная в периодической печати. Реклама может достоверно отражать ту историческую действительность, в рамках которой она существовала. Ее использование позволит

* Указанные хронологические рамки не относятся к периоду нэпа в целом. – *прим. ред.*

выявить особенности экономических процессов в условиях нэпа, его этапов, а также детальнее рассмотреть повседневную жизнь людей в этот период.

На наш взгляд, коммерческой рекламе уделено недостаточное внимание в историографии нэпа. Работы по данной тематике появились только в постсоветское время. По мнению Н.А. Грика, исследователи при изучении рекламы 1920-х годов отдают предпочтение советскому плакату[1]. В немногочисленных публикациях, посвященных газетной рекламе периода нэпа, в качестве основы исследований были выбраны материалы региональных изданий. Однако вне исследований остается «Советская Сибирь». Работ по рекламе в центральных советских газетах не выявлено. Авторы фокусируют свое внимание на сравнительном анализе дореволюционной и нэповской советской рекламы[2], изучении деятельности рекламных контор[3], исследовании рекламы в контексте ее влияния на развитие товарно-денежных отношений[4] и как источника по истории повседневности[5]. В целом в данных статьях представлены основные аспекты изучения коммерческой рекламы в условиях нэпа. Тем не менее, те возможности, которые предоставляет реклама как источник, раскрыты не полностью. Например, ни в одной из выявленных публикаций исследователями не были выделены количественная динамика рекламных объявлений, а также стадии развития и функционирования коммерческой рекламы. Эти задачи впервые реализованы в нашей работе.

---

[1] *Грик Н.А.* Рекламные объявления в томской губернской газете «Красное знамя» в 1921–1925 гг. и восстановление товарно-денежных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 66.

[2] *Зарипова Р.К.* Реклама и объявления в уфимских газетах 1910–1920-х годов как источник изучения социально-экономической реальности // Вестник Башкирского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. № 1-2. С. 74–79.

[3] *Твердюкова Е.Д.* «Двигатель… накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода НЭПа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 212–223.

[4] *Грик Н.А.* Рекламные объявления…

[5] *Яковлева Г.Н.* Реклама и объявления в газетах г. Витебска как источник по повседневной жизни 1920-х гг. // Актуальные проблемы источниковедения: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. Витебск, 2015. С. 278–282.

В настоящей статье предпринята попытка выявить характерные черты периода становления и функционирования нэпа на основе анализа коммерческих рекламных объявлений в газете «Советская Сибирь» в 1921–1925 гг. Хронологические рамки определены следующими обстоятельствами. В 1921 г. Советское государство перешло к осуществлению новой экономической политики. В 1925 г. в основном завершилось восстановление народного хозяйства СССР на базе нэпа. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявить количественную и качественную динамику коммерческих рекламных объявлений, раскрыть их тематические особенности и специфику основных категорий рекламодателей.

Объектом исследования являются социально-экономические отношения в период нэпа. Предмет исследования – коммерческая реклама, размещенная в газете «Советская Сибирь» – наиболее авторитетном и информированном периодическом издании Сибири.

Основным источником работы являются коммерческие рекламные объявления. Источниковая база исследования сформирована путем сплошного просмотра газеты «Советская Сибирь» за 1921–1925 гг. Просматривались годовые подшивки, находящиеся в оцифрованном виде в Новосибирской государственной областной научной библиотеке. При этом в годовых подшивках выявлен ряд лакун (отсутствовали номера газет за январь, февраль, декабрь 1923 г.; май, июнь, октябрь 1924 г., июнь 1925 г.).

В процессе сплошного просмотра было выявлено 11367 рекламных объявлений. Выделены две основные категории показателей: рекламодатели (государственные и кооперативные предприятия и учреждения, частные предприниматели, частные лица, общественные организации) и тематика объявлений (купля-продажа товаров, предложение/поиск услуг, поиск/предложение работы, операции с недвижимостью, предложение сдачи в аренду). На их основе были построены динамические ряды с помесячным и погодовым интервалом.

Несмотря на широкие возможности рекламы как источника, ее использование требует критического подхода. Так, основными потребителями рекламируемых в газете товаров и услуг были зажиточные жители города – номенклатура и нэпманы. Соответственно, они и

покупали дорогие товары: пианино, шубы, золотые часы и украшения. Например, в 1923 г. частные лица предлагали приобрести «котиковое манто», «доху жеребковую на кенгуровом меху», «пианино Оффенбахера» и др. Естественно, что адресатами этих объявлений являлись только состоятельные горожане. Более того, количество и динамика рекламных объявлений не всегда соотносятся с экономическими показателями. Поэтому при анализе рекламных объявлений необходимо сопоставлять полученные данные с историческим контекстом и привлекать дополнительные источники.

Первым актом новой экономической политики являлась отмена продразверстки и переход к продовольственному налогу, провозглашенные в 1921 г. В остальных сферах экономики страны продолжали применяться военно-коммунистические методы государственного регулирования. Показателем этого является отсутствие коммерческой рекламы в советских газетах, включая «Советскую Сибирь». Либерализация экономики началась лишь в конце 1921 г. Одним из ее основных направлений стал перевод государственных предприятий и учреждений на хозрасчет, благодаря чему они смогли перейти на коммерческие способы ведения дела и устанавливать цены на свою продукцию самостоятельно. На частичный хозрасчет была переведена и «Советская Сибирь». В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. «О введении платности газет»[6], «Советская Сибирь» сообщала, что с 1 января 1922 г. открывался прием рекламных объявлений[7].

3 января 1922 г. были опубликованы два рекламных объявления. Комиссионный магазин военно-кооперативного объединения принимал от всех лиц и учреждений для продажи все возможные товары. Частные «Техническая контора» и «Технически-механический магазин» Нефедова сообщали о продаже технических и хозяйственных товаров, а также приеме заказов «на всевозможные механические работы и литье»[8].

[6] СУ РСФСР. 1921. № 77. Ст. 648.
[7] Советская Сибирь. 1921. 8 дек., 28 дек., 29 дек.
[8] Советская Сибирь. 1922. 3 янв.

Всего за январь 1922 г. было опубликовано 77 объявлений, в феврале их число увеличилось в два раза и составило 148. В течение 1922 г. наблюдается рост количества объявлений с небольшими колебаниями. Уже в декабре в газету было подано 315 объявлений, что является максимальным показателем за год. Всего в 1922 г. опубликовано 1 801 объявление (см. таблицу).

Таблица

Динамика рекламных объявлений за 1922–1925 гг., шт.*

	1922 г.	**1923 г.**	**1924 г.**	**1925 г.**
Количество номеров газеты	277	210	213	272
Количество объявлений	1 801	1 485	2 145	5 936
Рекламодатели				
Гос. Кчреждения и предприятия	684	915	913	1 816
Кооп. Учреждения и предприятия	288	139	103	375
Частные предприниматели	647	279	679	2792
Частные лица	169	146	433	919
Общественные организации	13	6	17	34
Тематика объявлений				
Купля-продажа товаров	828	1 016	1 090	2 264
Предложение (поиск) услуг	653	364	661	2 621
Поиск, предложение работы	232	89	165	560
Операции с недвижимостью	73	59	220	459
Предложение сдачи в аренду	72	29	35	117

* *Составлена по:* Советская Сибирь. 1922. Январь-декабрь; 1923. Март-ноябрь; 1924. Январь-апрель, июль-сентябрь, ноябрь-декабрь; 1925. Январь-май, июль-декабрь.

В 1923 г. общее количество рекламных объявлений уменьшилось. По сравнению с концом 1922 г. фиксируется спад с незначительными колебаниями. Минимальный показатель наблюдается в октябре

(116 объявлений). Сокращение рекламной активности связано с «кризисом сбыта», начавшимся в 1923 г. Ситуация «ножниц цен» привела к затовариванию рынка промышленными товарами, которые из-за высокой стоимости не находили сбыта. Виновником кризиса были объявлены частные предприятия, что стало поводом к усилению административного и экономического нажима на частный капитал[9]. В связи с этим наблюдается резкое сокращение доли рекламы от частных предпринимателей: в 1922 г. – 36 %, в 1923 – всего 19 %.

В 1924 г. количество объявлений возросло и составило 2 145 шт. Это связано с мероприятиями государства по выходу из «кризиса сбыта». Расцвет же коммерческой рекламы приходится на 1925 г.: годовой показатель увеличился практически в три раза. Вытеснение частного капитала из экономики, проблемы с хлебозаготовками во второй половине 1924 г. привели к дефициту продовольствия и потребительских товаров. В связи с этим советское руководство избрало курс на либерализацию экономики, закрепленный в резолюции апрельского Пленума ЦК РКП(б) в 1925 г. Были сняты ограничения с частной торговли, что привело к оживлению экономики[10]. Данная ситуация отразилась на динамике рекламных объявлений. Число объявлений от частных предпринимателей увеличилось в четыре раза по сравнению с 1924 г.; их доля в 1925 г. составила рекордные 47 %.

Основными рекламодателями среди государственных предприятий и учреждений являлись крупные тресты, синдикаты и акционерные общества. Они осуществляли коммерческую деятельность в регионах через местные представительства и конторы. Такие предприятия, как Резинотрест, Российский текстильный синдикат, АО «Хлебопродукт» имели свои склады и магазины в Новониколаевске. Конторы крупных учреждений располагались в Городском торговом корпусе – центральном здании города. Ярким примером такой компании являлся трест «Жиркость». Первое объявление трестом было подано 24 мая 1925 г., а уже в октябре в Новониколаевске работал его магазин. Трест предлагал читателям парфюмерию: туалетное мыло, одеколон и духи,

[9] *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. С. 73.

[10] *Грик Н.А., Ильиных В.А.* Новая экономическая политика // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 487.

«дивный запах» которых «дезинфицирует, укрепляет, освежает»[11]. Для благозвучности название треста было сокращено до аббревиатуры «ТэЖэ» на французский манер.

Частные рекламодатели были представлены компаниями и индивидуальными предпринимателями. Они могли иметь магазин или мастерскую с наемными рабочими или лично заниматься частной практикой. Среди частных компаний доминировали промышленные предприятия и торговые заведения (например, Сибирское паевое товарищество розничной торговли «Ларек» или товарищество «Слава», специализирующееся на продаже обуви).

Кооперативные предприятия подавали рекламные объявления значительно реже. Это было связано с тем, что кооперация обслуживала в основном сельское население и предлагала населению товары, которые пользовались спросом и без рекламы. Тем не менее, потребительская рабочая кооперация в Новониколаевске постоянно расширяла сеть своих торговых заведений. Уже в 1922 г. у нее было собственное «кафэ “Кооператор”»[12]. В декабре 1925 г. было подано следующее объявление: «вновь открыт молочный магазин №21»[13].

В течение всего исследуемого периода постоянно росло число объявлений, которые подавали частные лица. Прежде всего это было связано с повышением благосостояния населения: увеличилось количество горожан, способных оплатить газетное объявление. Тем не менее, подавляющее большинство индивидуальных рекламодателей составляли нэпманы, чиновники, работники государственной и кооперативной торговли.

Наименее представительной группой рекламодателей являлись общественные организации: партийные комитеты, профсоюзы, общества по интересам. 17 мая 1922 г. было подано объявление от бюро Новониколаевского общества эсперантистов. Общество предлагало читателям модную в то время эсперантистскую литературу и учебники, а также «помощь в сношениях с заграницей»[14].

[11] Советская Сибирь. 1925. 9 окт.
[12] Там же. 1922. 14 мая.
[13] Там же. 1925. 3 дек.
[14] Там же. 1922. 17 янв.

Тематически преобладали объявления о продаже и поиске различных товаров (46 % от общего числа за весь исследуемый период). Торговля в годы нэпа охватила всех участников рынка, в том числе и людей, не связанных с предпринимательством. Специализированные компании предлагали товары собственного производства, а государственные и кооперативные магазины сообщали о наличии продовольствия. Были и сезонные предложения. 13 декабря 1925 г. товарищество на вере «Оборот» рекламировало «детские игрушки и к Рождеству елочные украшения»[15]. Несмотря на организацию антирождественских демонстраций в городах в начале 1920-х годов, многие граждане не отказывались от традиций.

Следующая по числу объявлений тематическая категория – поиск и предложение услуг. В 1925 г. доля этих объявлений была максимальной (44 %). Услуги предлагали в том числе «увеселительные заведения», кафе и рестораны. В 1922 г. была распространена реклама заведений для искушенной публики: «роскошно декорированный» сад-театр «Альгамбра» с оркестром и буфетом, «интимный сад “Эрмитаж”». В последующие годы многие из них разорялись, а на страницах газеты их сменяли точки питания, доступные для более широких слоев горожан. Например, кафе-столовые «Заря» и «Свет», а также кавказская шашлычная, предлагавшая посетителям обеды «дешевле, чем остальные», и «артистический шашлык от известного дяди Ильи»[16].

Преимущественно путем подачи рекламных объявлений формировали клиентуру частнопрактикующие врачи. В «Советской Сибири» первые врачебные объявления появились во второй половине 1922 г. В 1923 и 1924 гг. их количество сократилось, а в 1925 г. значительно увеличилось. В газете появился отдельный врачебный указатель. 18 сентября 1925 г. из 35 опубликованных объявлений 17 было подано врачами. В основном это были венерологи и стоматологи. Также в газете активно предлагались услуги портных и репетиторов (в том числе иностранных языков).

В условиях нэпа и отмены обязательной трудовой повинности возникла проблема безработицы. Для ее решения государство в начале

[15] Советская Сибирь. 1925. 13 дек.
[16] Там же. 1924. 17 фев.

1920-х годов ослабило политику в сфере труда и допустило возможность населения обходить биржи при найме на работу[17]. Еще одним посредником между работодателями и потенциальными работниками стали рекламные объявления. В «Советской Сибири» на объявления о поиске и предложении работы действовала 50 %-я скидка. Это был вклад газеты в борьбу с безработицей. Доля рекламных объявлений этой категории за весь исследуемый период составила 9 %.

Специфика нэпа определила наиболее дефицитные специальности – связанные с коммерцией и бухгалтерским учетом. В октябре 1923 г. автомастерская Западносибирского военного округа искала бухгалтера и счетовода, знающих «двойную итальянскую бухгалтерию»[18]. Также активно искали прислугу нэпманы и руководящие работники кооперативной и государственной торговли. 8 февраля 1922 г. заведующий комиссионного магазина Губернского союза потребкооперации заявил о поиске «бонны к детям со знанием иностранных языков и музыки»[19].

Удельный вес рекламы об операциях с недвижимостью составил 7 %. Особенностью рассматриваемого периода стало относительно большое число объявлений о поиске предприятиями помещений под склады и конторы. Из-за острой жилищной проблемы в городе работодателям приходилось организовывать общежития для работников. Так, редакция газеты «Сибирский гудок» искала «в аренду дом на 8–9 комнат для общежития»[20]. С куплей-продажей недвижимости связано появление риэлторских услуг. 9 февраля 1922 г. житель Новониколаевска Волошин поместил объявление о том, что он «дает справки о продаже и покупке домов»[21].

Самой малочисленной тематической категорией являлись объявления о сдаче в аренду (2 %). С началом нэпа часть ранее национализированных предприятий сдавалась в аренду на конкурсной основе.

---

[17] *Потапова Н.А.* Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 136. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

[18] Советская Сибирь. 1923. 27 окт.

[19] Там же. 1922. 8 фев.

[20] Там же. 1924. 31 июля.

[21] Там же. 1922. 9 фев.

Объявления о торгах размещались в «Советской Сибири». 10 сентября 1922 г. Губернский совнархоз сообщал о сдаче в аренду сразу нескольких новониколаевских предприятий: двух обозных мастерских, трех табачных фабрик, двух мыловаренных заводов и кондитерской фабрики[22].

Характерной чертой рекламы является ее визуальное оформление. В основном рекламодатели использовали разнообразные шрифты, виньетки для украшения рамок модуля и изображения. Последние чаще всего использовались государственными предприятиями, имевшими достаточно средств для оплаты данной типографской услуги. Государственные предприятия также могли позволить себе публикацию рекламного объявления, занимавшего целую полосу, как, например, АО «Ачминдор»[23].

Еще одной особенностью рекламных объявлений является использование слоганов и выражений для привлечения внимания потребителей. Наиболее распространенный слоган в «Советской Сибири» – «Цены вне конкуренции». Рекламодатели старались подчеркнуть качество своих товаров, указывая на их «столичность» или «заграничность» («новая партия заграничных духов…», «кондитерские московских фабрик») или их преимущества («самая нежная пудра», «всегда свежие, всегда сильные омские дрожжи»).

Анализ динамики рекламных объявлений в газете «Советская Сибирь» позволил выявить ряд специфических периодов функционирования коммерческой рекламы, совпадающих с этапами становления и развития нэпа. В 1921 г. коммерческие рекламные объявления в газете отсутствовали в связи с фактическим продолжением военно-коммунистических методов регулирования народного хозяйства. Либерализация экономики привела к появлению и быстрому развитию коммерческой рекламы в 1922 г. «Кризис сбыта» и наступление государства на частный капитал обусловили сокращение масштабов рекламной деятельности в 1923 г. В 1924 г. по мере выхода из кризиса начинается рост числа рекламных объявлений. На 1925 г. приходится расцвет коммерческой рекламы, связанный с либерализацией экономики.

[22] Советская Сибирь. 1922. 10 сент.

[23] Там же. 17 июля; визуальное оформление такого рода сохранялось и в 1930-х годах, зачастую контрастируя с остальным содержанием газеты – *прим. ред.*

С.В. Шарапов

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Заготовки зерновой и животноводческой продукции в колхозах Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматриваются формы, методы и количественные показатели заготовок основных продовольственных продуктов в колхозах Новосибирской области во время Великой Отечественной войны. Показано влияние заготовительной политики на состояние сельскохозяйственного производства. Усиление пресса натурального налогообложения, начавшееся еще накануне немецкого вторжения, привело сельское хозяйство Новосибирской области в кризисное состояние уже в 1940 г. Трудности военного времени и нарастание давления со стороны государства только усугубляли кризис, выражавшийся в сокращении производства, низкой продуктивности сельскохозяйственных работ и резком снижении внутриколхозного потребления.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, колхозы, крестьянство, заготовки, зерновое производство, животноводство.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020. Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020.

Проблема влияния заготовительной политики советского государства на экономику колхозов во время Великой Отечественной войны изучается достаточно давно. Еще советские историки указывали на значительное увеличение доли изымаемой у колхозов продукции, оправданное возросшими в условиях военного времени потребностями[1]. После распада СССР расширение пространства свободного научного высказывания позволило исследователям открыто писать о

[1] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 200; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. С. 240.

широком применении мер насилия и принуждения во время заготовительных кампаний, реанимации методов «военного коммунизма»[2]. Подчеркивался отрыв заготовительной политики от экономических возможностей сельских производителей[3]. Некоторые исследователи пришли к радикальному выводу о том, что война продемонстрировала слабость колхозного строя, не способного удовлетворить потребности воюющей страны[4]. Региональный аспект заготовительной политики при этом изучен неравномерно. Если, например, заготовки в уральской деревне описаны подробно[5], то вклад Западной Сибири – относительно фрагментарно[6]. Цель данной статьи – проанализировать заготовки основных видов продовольственной продукции в колхозах одного из крупных сельскохозяйственных регионов Западной Сибири, Новосибирской области, проследить их влияние на состояние сельскохозяйственного производства региона. Исследование затрудняется тем, что границы Новосибирской области менялись на протяжении войны (в 1943 г. выделилась Кемеровская область, в 1944 г. – Томская). По возможности в статье будут приводиться данные с хронологическим указанием границ региона.

Заготовительная система пережила очередной этап реформирования накануне войны. Первое существенное изменение было введено в 1939 г. Оно касалось метода расчета планов натуроплаты за работу МТС по зерновым культурам. Их начисление для каждого колхоза напрямую зависело от урожайности. В зависимости от данного показателя колхозы относились к одному из семи разрядов, для каждого из которых отдельно назначались расценки выполняемых МТС работ (чем выше урожайность, тем выше расценки). В 1939 г. изме-

---

[2] *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда-Ярославль, 1998. С. 89.

[3] *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993. С. 261.

[4] *Кондрашин В.В.* Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7. № 2. С. 289–300.

[5] *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 104–119; *Мотревич В.П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021. С. 433–531.

[6] *Шарапов С.В.* Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5 (563). С. 155–174.

нился подход к определению урожайности. Ранее в основу был положен так называемый фактический метод – урожайность измерялась исходя из объемов намолоченного зерна с поправкой на потери. С 1939 г. произошел переход к биологическому методу, когда оценка урожайности осуществлялась перед уборкой, на корню. Такой способ, не учитывавший потерь зерна во время сбора урожая, обмолота и транспортировки, приводил к тому, что биологическая урожайность оказывалась завышенной и слабо соотносилась с фактическим количеством зерна в амбарах[7]. Вполне очевидной видится цель данного нововведения: таким образом удалось достигнуть повышения планов натуроплаты.

В следующем 1940 г. реформированию подверглась система обязательных поставок колхозами как зерновой, так и животноводческой продукции. Как и в случае с натуроплатой, была изменена методика начисления планов. Был внедрен так называемый погектарный принцип, когда объемы обязательных поставок основных продуктов земледелия и животноводства (зерна, мяса, молока, шерсти и др.) зависели не от производственных показателей (посевных площадей или поголовья стада), а от размеров закрепленных за колхозами угодий (пашни, планируемых к освоению земель, огородов, а в случае животноводства, дополнительно, пастбищ и лугов)[8]. Для многоземельных регионов, в частности, Новосибирской области, это означало установление заведомо невыполнимых, оторванных от экономической реальности планов, которые фактически устраняли пределы изъятия продукции из деревни.

Таким образом, уже накануне войны заготовительная политика получила мощный крен в сторону усиления командно-административных методов давления на сельхозпроизводителей. Директивный режим управления сельскохозяйственным производством порождал множество негативных эффектов, снижавших продуктивность сельскохозяйственного производства. Устанавливаемые государством пла-

---

[7] *Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. С. 425.

[8] *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 130.

ны слабо координировались друг с другом и тем меньше учитывали наличие достаточных для их выполнения ресурсов.

Прежде всего, при введении погектарного принципа обязательных поставок были неправильно учтены размеры облагаемого земельного фонда, закрепленного за колхозами Новосибирской области. Расчет основывался на данных земельного баланса 1938 г., который содержал множество приписок. Уточненный баланс 1943 г. показал, что колхозы подвергались значительному переобложению. Так, из 3 280 тыс. га пашни, которые облагались обязательными поставками зерна, 1 226 тыс. га представляли собой необрабатываемые целинные и залежные земли. К концу Великой Отечественной войны из-под обложения было выведено всего лишь 496 тыс. га, то есть на 730 тыс. га неправильно учтенных земель по-прежнему начислялись хлебозаготовительные планы[9]. Следует при этом учитывать, что далеко не вся площадь пашни использовалась под посев. К примеру, в 1944 г. в колхозах Новосибирской области посевы зерновых культур составили 1100 тыс. га, что составляло всего лишь 33,6 % к площади пашни. В результате нормы сдачи зерна с гектара в годы войны резко возросли. В 1939 г. с одного гектара посева колхозы должны были сдать 131 кг зерна, а в 1944 – 185 кг[10].

С учетом того, что валовые сборы зерновых в условиях военного времени сокращались, хлебозаготовительные планы становились тем более невыполнимыми (таблица 1). На снижение производства зерна влиял не только комплекс факторов, связанных с сокращением трудовых и тягловых ресурсов, но и сами чрезмерные изъятия продукции. Следует понимать, что сверхнормированные хлебозаготовки не только сокращали потребление самих колхозников (натуральная оплата трудодня снизилась с 786 гр. зерна в 1940 г. до 420 гр. В 1944 г.[11]), но и ставили под угрозу обеспеченность семенным материалом на следующую посевную кампанию и фуражом для прокорма скота. Очевидно, что в условиях войны, когда само существование государства было поставлено под угрозу, забота даже о простом воспроизводстве в

[9] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 9. Д. 213. Л. 20–21.
[10] Там же. Л. 21.
[11] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 124.

аграрном секторе экономики отходила на второй план. Однако отметим, что резкое увеличение хлебозаготовительных планов пришлось на предвоенный 1940 г., что, совпав с сильной засухой, вызвало кризисную ситуацию в сельском хозяйстве Новосибирской области в преддверии немецкого вторжения (острая нехватка продовольствия, семян, фуража)[12]. В результате в 1941 г., несмотря на начавшуюся войну и возросшую потребность в зерне, государство вынуждено было оказывать продовольственную и семенную помощь Новосибирской области. Регион вошел в военный период уже в ослабленном состоянии, что стало прямым следствием несбалансированной заготовительной политики накануне войны.

Таблица 1

Хлебозаготовки в колхозах Новосибирской области
в годы Великой Отечественной войны*

Годы	1941/1942	1942/1943	1943/1944	1944/1945
Заготовлено, тыс. т	719,228	344,619	248,943	225,161
Процент выполнения плана	86,9	52,6	45,3	51,7
Валовые сборы в колхозах, тыс.т.	1 683,040	714,440	482,360	431,990

**Составлена по: РГАЭ.* Ф. 8040. Оп. 3. Д. 749. Л. 20; Д. 865. Л. 91; Д. 749. Л. 28; Д. 865а. Л. 1, 7; Д. 977. Л. 181, 183, 185, 187, 193, 211; Д. 979. Л. 9, 29, 33–45; Д. 1116. Л. 7–9; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 421-427.

Примечания: 1) Данные представлены в изменявшихся на протяжении войны границах Новосибирской области (с 1942/1943 гг. без выделившейся Кемеровской области, с 1944/1945 гг. без Томской области); 2) В таблице приведены совокупные данные о выполнении планов по обязательным поставкам колхозов, натуроплате за работы МТС, возврату ссуд колхозами, поставкам в фонд Красной армии и гарнцевому сбору.

[12] *Шарапов С.В.* Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 1. С. 81–88.

Резкий всплеск давления на деревню Новосибирской области пришелся на 1942 г. По сравнению с предыдущим годом хлебозаготовительный план для колхозов Новосибирской области (включая выделившуюся в 1943 г. Кемеровскую область) вырос на 176 тыс. т. или 17,5 %[13]. Обеспечить рост производства зерна для выполнения плана государство намеревалось командно-административными методами, значительно увеличив посевные задания для колхозов. В 1942 г. посевные площади под зерновые культуры в Новосибирской области должны были увеличиться на 200 тыс. га[14]. Результат, однако, оказался разочаровывающим. Несмотря на видимое расширение посевов, урожайность и валовые сборы оказались катастрофически низкими (фактическая урожайность составила 4,1 ц/га по сравнению с 7,0 ц/га в 1941 г.[15], а валовые сборы снизились на 29,4 % (в границах области на 1942 г.)[16]). Основная проблема заключалась в том, что директивный режим управления мало соотносился с континуальностью сельскохозяйственного производственного цикла, взаимозависимостью отдельных видов работ. Увеличение сева без соблюдения элементарных агротехнических правил и достаточного количества трудовых и тягловых ресурсов для ухода за посевами и своевременной уборки вряд ли позитивно влияло на продуктивность земледелия. В связи с сокращением валовых сборов возникли затруднения с выполнением хлебозаготовительного плана – к 15 ноября 1942 г. процент выполнения составил 38 %[17]. Центральная власть, что нашло отражение в выступлении секретаря и заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреева на совещании областного и районного руководящего состава Новосибирской области в декабре 1942 г., видела причины низких темпов хлебозаготовок в «саботажнических» действиях со стороны сельхозпроизводителей, якобы укрывавших зерно от сдачи

[13] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 977. Л. 183–193.
[14] Советская Сибирь (Новосибирск). 1942. 10 янв.
[15] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. 176 об.
[16] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 421–423.
[17] *Шарапов С.В.* Производство и заготовки зерна в Новосибирской области в 1942 году // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 61.

государству, и на этом фоне слабости местных властей, не способных сломить их сопротивление[18].

Перенапряжение людей и техники, чрезмерные изъятия продукции в 1942 г. подорвали производственный потенциал сельского хозяйства Новосибирской области. Следующий 1943 г. показал не только снижение валовых сборов зерновых (на что помимо прочего повлияла летняя засуха), но и сокращение хлебосдачи (см. таблицу 1). Хлебозаготовительная кампания сопровождалась активными репрессиями против «саботажников» сдачи зерна государству. С июля по ноябрь 1943 г. за хищения зерна в Новосибирской области было осуждено 1486 чел.[19] Только на заключительном этапе войны, в 1944 г., хлебозаготовительный пресс в отношении деревни Новосибирской области несколько ослаб. Снижению нагрузки на регион способствовало как возобновление сельскохозяйственного производства на освобожденных от оккупации территориях, так и усиление продовольственной помощи по ленд-лизу.

В годы войны структура хлебозаготовительных планов существенно менялась. В мирное время большая часть зерна сдавалась по двум основным видам заготовок: обязательным поставкам колхозов и натуроплате за работы МТС. В связи с сокращением объемов выполняемых МТС работ в условиях войны планы натуроплаты снижались. Так, если в общем объеме хлебозаготовительного плана 1941 г. натуроплата составляла 49,7 %, то в 1943 г. доля снизилась до 29,5 %. Снижение планов натуроплаты государство компенсировало созданием в 1942 г. нового вида хлебозаготовок – поставок в хлебный фонд Красной армии. Ежегодная сдача зерна в данный фонд была обязательна и регулировалась планами, начисляемыми по погектарному принципу. В 1943 г. доля поставок в хлебный фонд Красной армии в структуре хлебозаготовительного плана для колхозов области достигла максимального показателя и составила 19,1 %. Дополнительно в 1943 г. был временно восстановлен отмененный в 1940 г. гарнцевый сбор, предполагавший поступление продукции не от производителей

[18] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 144.

[19] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 339–340.

напрямую, а от мельничных предприятий, которые сдавали заготовительным организациям хлеб, полученный от производителей в уплату за помол и переработку зерна. Кроме того, колхозы и колхозники могли добровольно сдавать зерно в учрежденный в 1941 г. Фонд обороны. Несмотря на то, что поставки в Фонд обороны не носили обязательный характер, нельзя исключать административного давления, которое могли оказывать представители власти для увеличения отчетных показателей.

Не меньший урон введение погектарного принципа принесло и животноводческой отрасли. С 1940 г. в колхозах Новосибирской области продуктами животноводства облагалось 7030 тыс. га (пашня, луга и пастбища). Уточненный земельный баланс 1943 г. показал наличие хозяйственно не используемой, но облагаемой земли в размере 418,1 тыс. га земли[20]. Частичное ее списание пришлось только на 1945 г.

Основная проблема погектарного принципа заключалась в том, что количество облагаемой земли никак не коррелировало с поголовьем колхозного стада. Поэтому принятая система обязательных поставок приводила к поистине абсурдным ситуациям. Так, например, в 1943 г. колхоз «Ленинградский рабочий» Чановского района Новосибирской области, имевший на один колхозный двор 87 га облагаемой земельной площади, должен был сдать в счет мясопоставок почти в два раза больше скота, чем у него имелось в хозяйстве. В то же время для колхоза «Путь к социализму» того же района, при 41 га облагаемой земли на один колхозный двор, процент изъятия скота по плану составлял только 23,8 %. Колхоз «На страже» Чулымского района имел такое же поголовье, что и колхоз «Путь к социализму», но облагаемой земли в нем приходилось на один колхозный двор 82 га и процент скота, который надлежало сдать государству, составлял уже 52,4 %[21].

Динамика заготовок животноводческой продукции показывает, что количество сданного мяса в порядке обязательных поставок из года в год увеличивалось, а процент выполнения планов уменьшался (таблица 2). Для сравнения, в 1939 г. для выполнения плана колхозы

[20] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 213. Л. 21.
[21] Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 150.

должны были сдать 30 кг мяса с одной головы КРС, а в 1943 г. данный показатель вырос уже до 83,7 кг. Фактически же в 1939 г. было сдано 31,3 кг с одной головы, а в 1943 г. – 50 кг. Если к этому прибавить переданный государству скот в счет других поставок и за семена, то колхозы сдали с одной головы крупного рогатого скота в 1943 г 72,6 кг мяса[22]. Разумеется, по многим колхозам, особенно многоземельным, выполнение обязательных поставок по мясу шло за счет сокращения основного стада. Сокращение поголовья колхозного стада началось в 1940 г. и продолжалось на протяжении всего военного периода. Поголовье крупного рогатого скота сократилось с 512,9 в 1941 г. до 271,4 тыс. голов в 1945 г., поголовье свиней за тот же период – с 90,0 до 28,9 тыс. голов, овец и коз – с 748,0 до 409,1 тыс. голов, лошадей – с 246,0 до 85,2 тыс. голов[23]. Снижение поголовья общественного стада связано не только с завышенным планами мясопоставок. На отрицательную динамику влияло сокращение фуражных фондов колхозов (если в 1938 г. при распределении зерна на заготовку кормов было выделено 316,2 тыс. т, то в 1942 г. только 35,1 тыс. т.[24]), отсутствие подготовленных помещений для зимовки животных, сдача скота в счет других поставок и за семена.

Столь же невыполнимыми были планы и по другим видам животноводческой продукции. Некоторые колхозы, получавшие самые минимальные нормы поставок молока, не в состоянии были выполнить планы. Так, например, Кожевниковский район в 1944 г. должен был сдать 8 литров молока с каждого с га облагаемой земли, или 960 литров с каждой имевшейся коровы. В то же время фактический удой в колхозах Кожевниковского района составлял 800–900 литров на корову[25].

В силу невыполнимости заготовительных планов колхозы накапливали недоимки. По зерну они возросли с 83,997 в 1938 г. до 336,049 тыс. т в 1942 г., мясу – 0,310 до 3,855 тыс. т.[26] В 1943 г. ввиду больших недоимок ЦК ВКП(б) и СНК СССР позволили области заменить сдачу

[22] ГАНО. Оп. 7. Д. 314. Л. 148.
[23] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 120–122.
[24] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 142.
[25] Там же. Л. 150–151.
[26] Там же. Д. 389. Л. 118.

4 млн. пудов (65,520 тыс. т) хлеба деньгами. Колхозы обязаны были выплатить 33 млн. рублей. Однако за 1943 г. было внесено только 2,7 млн, а за 1944 г. – 454 тыс.[27]

Таблица 2

Заготовки животноводческой продукции по обязательным поставкам колхозов в Новосибирской области*

Годы	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Мясо, т	12 892	15 451	20 294	17 503	19 867	22 747	18 771
Процент выполнения плана	102,3	104,9	95,4	82,6	85,8	83,1	78,8
Молоко, тыс. л	110 155	115 026	112 461	92 851	96 209	64 134	56 463
Процент выполнения плана	96,4	96,3	93,0	63,2	43,7	68,3	58,5
Шерсть, ц	–	–	6 222	6 327	6 921	6 062	6 348
Процент выполнения плана	–	–	90,5	74,3	67,4	54,2	56,3

* *Составлена по:* ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 36–38.

Примечание: В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1944 г.

С началом войны рост изъятий сельскохозяйственной продукции у колхозов был вполне оправдан экстремальным характером возникших для государственности угроз. Однако стоит иметь в виду, что мобилизационный нажим на деревню резко усилился еще до начала немецкого вторжения. Кризис в сельском хозяйстве Новосибирской области 1940 г. стал прямым следствием дисбалансов аграрной политики государства предвоенных лет. В результате мобилизационный нажим военного времени осуществлялся на уже истощенную и ослабленную отрасль. Это только усиливало отрицательные эффекты командно-административного режима управления, оказываемые на продуктив-

[27] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 310. Л. 124.

ность сельского хозяйства. Главной жертвой сверхнормированных изъятий военных лет стало внутриколхозное потребление. Стремительно сокращалась не только выдача зерна на трудодни, но и заполняемость семенных и фуражных фондов. Все это оказывало комплексное влияние на состояние производства как в земледелии, так и в животноводстве, углубляя сельскохозяйственный кризис.

Сведения об авторах

Балаганова Дарья Юрьевна, главный библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск)
e-mail: darya_drozhzhina@lib.tsu.ru

Белоруссова Татьяна Евгеньевна, младший научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени департамента «Исторический факультет» Института всеобщей истории РАН; аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Москва; Екатеринбург)
e-mail: belorussovaaa@gmail.com

Беспалова Ксения Андреевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии УГИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: v199162@mail.ru

Герасимов Дмитрий Сергеевич, студент факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)
e-mail: dsgerasimov_1@edu.hse.ru

Давыдов Сергей Александрович, магистрант факультета Международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
e-mail: davydov.s.a@my.mgimo.ru

Дробышева Мария Михайловна, младший научный сотрудник, старший преподаватель Исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва)
e-mail: m.m.bubnova@gmail.com

Ефимов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: aaefimov5@gmail.com

Жамалутдинов Айнур Ринатович, студент Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва)
e-mail: ainyrzhamalutdinov@mail.ru

Зиновьев Егор Сергеевич, студент Факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москваа)
e-mail: zingor1304@gmail.com

Зноско Юрий Анатольевич, аспирант Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск)
e-mail: znosko1868@gmail.com

Ильиных Ольга Владимировна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск)
e-mail: o.ilinykh@g.nsu.ru

Калашников Андрей Алексеевич, магистр истории, преподаватель Барнаульского государственного педагогического колледжа (Барнаул)
e-mail: astralnykeks@gmail.com

Канева Дарина Николаевна, студент Института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)
e-mail: KanevaDN@yandex.ru

Концевой Илья Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории региональной истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)
e-mail: ilkontsevoy@gmail.com

Копанев Александр Николаевич, исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
e-mail: aleksandrkopanev30@yandex.ru

Копанева Дина Дмитриевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
e-mail: kvarn@rambler.ru

Костерин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, методист Академии реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения Российской Федерации (Москва)
e-mail: kosterin-sergey2014@yandex.ru

Котик Антон Вадимович, магистр истории, независимый исследователь (Магнитогорск)
e-mail: anton96nov@gmail.com

Крученов Филипп Михайлович, магистрант Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва)
e-mail: kruch15dfa@gmail.com

Кушхов Борис Хабижевич, лаборант-исследователь, магистрант Института востоковедения Российской академии наук (Москва)
e-mail: boris.kushkhov@yandex.ru

Ланкова Ксения Сергеевна, магистрант Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
e-mail: kseniya.lankova@gmail.com

Манин Даниил Олегович, лаборант-исследователь, аспирант Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: daniil-manin@mail.ru

Мордзилович Анна Андреевна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
e-mail: annamordzilovich@gmail.com

Никулин Даниил Олегович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)
e-mail: nikdanya@mail.ru

Петрова Татьяна Михайловна, стажер-исследователь Института российской истории РАН, аспирант Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)
e-mail: tmpetrova@hse.ru

Пилипилиади Константин Константинович, магистрант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
e-mail: constantin.pilipiliadi@gmail.com

Письмак Дарья Андреевна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск)
e-mail: d.pismak@g.nsu.ru

Саввинов Павел Олегович, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Сибирского отделения РАН (Якутск)
e-mail: pavel_savvinov@mail.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
e-mail: yraggan@mail.ru

Там Хок Чиу, PhD in History, преподаватель, аспирант Института истории и культуры Шаньдунского университета (Цзинань)
e-mail: kuxyz1111@qq.com

Филимонов Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru

Хлудов Иван Сергеевич, магистрант Факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
e-mail: ivan.khludov@mail.ru

Холматов Темурмалик Комилджонович, стажер-исследователь, аспирант Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)
e-mail: timur.kholmatoff@yandex.ru

Цветкова Алена Сергеевна, студент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
e-mail: alenushkatsvetkova@yandex.ru

Чекункова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: e_chekunkova@mail.ru

Шабанова Дарья Сергеевна, студент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
e-mail: dss_da_sha@mail.ru

Шарапов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)
e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Шестопалова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: ShestopalovaAS@omsu.ru

Яковлев Александр Николаевич, аспирант Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
e-mail: aleksandr_yakovlev_97@mail.ru

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Сборник научных трудов

Вёрстка: *В.В. Введенский*

Подписано в печать 05.12.2022 г.
Формат: 60x84/16. Гарнитура Liberation Serif
Уч.-изд. л. 20,06. Усл. печ. л. 22,9
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2